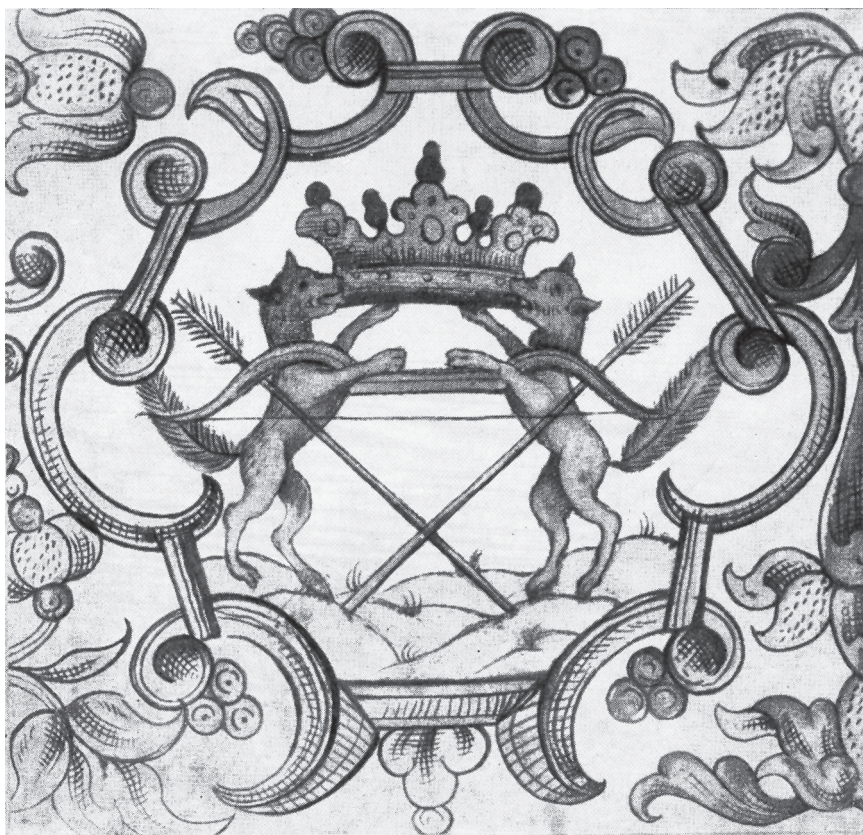

Г.А. ЛЕОНТЬЕВА

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ
XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

Герб Сибири. Из жалованной грамоты 1690 г.

Галина Александровна Леонтьева работает профессором на кафедре истории России Московского педагогического государственного университета с 1972 года. Является автором монографий: «Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров»; «Владимир Атласов – первопроходец Земли Камчатки»; публикатором источников: Г.К. Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича», «Русский старообрядческий лечебник», первого вузовского учебника «Вспомогательные исторические дисциплины», учебного пособия «Палеография, археография, хронология, геральдика», практикума «История России XVII в.», многих научных статей, учебных пособий и программ.

Леонтьева Г.А. впервые установила дату присоединения Камчатки к России (23 июля 1697 г.), в связи с чем Камчатка отметила свой 300-летний Юбилей присоединения к России (23 июля 1997 года). Леонтьева Г.А. является преподавателем отечественной истории, историком широкого профиля, специалистом по проблемам политического, социально-экономического развития России XVII – XVIII веков, а также вспомогательным историческим дисциплинам. Читает общие и специальные лекционные курсы, имеет аспирантуру.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Московский педагогический государственный университет

Г.А. Леонтьева

**СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ
XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.
(по материалам Иркутского и Нерчинского уездов)**

**Москва
2012**

ББК 63.3(253)

УДК 94(571.5)<16/17>

Л 47

Печатается по решению Ученого Совета исторического факультета
Московского педагогического государственного университета

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор Г. В. Талина

Доктор исторических наук, профессор Р.М. Введенский

Рекомендовано к печати кафедрой истории России Московского
педагогического государственного университета

Л 47 Г.А. Леонтьева. Служилые люди в Восточной Сибири во второй
половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского
и Нерчинского уездов). М.: , 2012. 321 с.

В монографии исследуется многочисленная категория восточно-сибирского населения – служилые люди «старых служб». В комплексе рассматриваются военные обязанности и организация, обеспечение, источники комплектования, хозяйственные занятия служилых людей. Дается оценка их вклада в социально-экономическое и политическое развитие региона. В разделе «Post Scriptum» впервые делается попытка на общесибирском материале показать традиции служилых людей «старых служб», перешедшие к казачеству, их сочетание с элементами новизны, вводимыми в казачью среду в XVIII—XIX вв., анализ которых помогает определить социальный статус казачества. Монография основана на широком круге источников, большая часть которых извлечена из архивов и вводится в научный оборот впервые. Раздел «Post Scriptum» опирается на выводы монографии и современную сибиреведческую литературу, носящую обобщающий характер.

Книга предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей Сибири и России.

ISBN 978-5-9903431-1-5

© Леонтьева Г.А., 2012

© Московский педагогический государственный университет, 2012

© СУНЦ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012

УДК 94(571.5)<16/17>

*Светлой памяти моих родителей
Александра Владимировича,
Нины Ивановны и брата
Николая Александровича
Митиных
посвящается*

Введение

Одним из важнейших событий российской истории конца XVI-XVII вв. было включение в состав России Сибири. В предельно короткий срок, прошедший после похода Ермака, русские люди прочно закрепились в Западной Сибири и продвинулись в Восточную часть Сибирского региона.

В присоединении и освоении Сибири приняли участие все слои русского общества. Объектом изучения предлагаемой работы является одна из многочисленных категорий сибирского русского населения – военно-служилые люди. Их исследование остается актуальным, поскольку оно связано с дискуссионными моментами, важными для решения кардинальных проблем сибирской историографии: оценки сущности характера присоединения Сибири, роли государства и различных категорий населения в этом процессе, их вклада в политическое, административное, военное, экономическое, культурное развитие региона.

В центре внимания автора вопросы формирования служилых людей Иркутского и Нерчинского уездов, их военной организации и обеспечения, служебных обязанностей, хозяйственных занятий, социальной сущности, а также причин изменения в первой четверти XVIII в. правительственной политики в отношении подавляющего большинства служилых людей «старых служб».

Локальность избранной темы объясняется отсутствием специальной работы, посвященной служилым людям в восточно-сибирском регионе. Выбор именно Иркутского и Нерчинского уездов предопределен рядом причин: пограничным расположением уездов, и в связи с этим, значительным контингентом в них служилых людей; неоднородностью уездов по степени их заселения крестьянским и посадским населением, а отсюда и хозяйственной деятельностью служилых людей в разной экономической обстановке; отдаленностью уездов, их ролью как пограничных центров русско-китайской торговли,

что повышает значимость наблюдений об участии местных служилых людей в зарубежных связях и сибирской торговле.

Хронологически работа ограничивается рамками второй половины XVII – первой четверти XVIII вв., т.е. охватывает период с момента начала строительства острогов в Иркутском и Нерчинском уездах и появления в них гарнизонов до проведения первой подушной переписи населения, важной в подведении итогов служилой колонизации и сословной политики государства в отношении служилых людей «старых служб».

Начиная с Г.Ф. Миллера – основоположника дворянского (официального) направления сибирской историографии, исследователи трактовали историю присоединения Сибири как ее завоевание «российским оружием»¹. В этом процессе главное внимание уделялось инициативе государства, выразителями воли которого считались «покорители Сибири» – служилые люди. В связи с этим, характеристика служилых людей не выходила за рамки описания их военно-административных обязанностей, поисков и «покорения» ими «новых земель», сбора ясака с нерусского населения.

Тезис о «завоевании» Сибири и о служилых людях как «завоевателях» этой земли, выдвинутый Г.Ф. Миллером, интерпретируемый И.Э. Фишером, надолго закрепился в исторической литературе, проявляясь в той или иной мере в работах разных исследователей².

Но если Г.Ф. Миллер подчас приукрашивал деятельность правительственных отрядов, как выразителей государственного начала в далекой Сибири, то ряд исследователей, в частности, сибирские областники, стали высказывать иную точку зрения. Так, в 1889 г. П.М. Головачев писал, что «корень» казаков составляла казачья вольница, «всякий сброд», «гулящие люди, ...отрекшиеся от принципов, ...полюбившие убийство, разбой, грабеж»³. Однако, в начале XX в. тот же П.М. Головачев в отношении служилых людей «сменил гнев на милость», поскольку, как он справедливо отметил, служилая колонизация к тому времени «была намечена лишь в общих чертах, преимущественно с внешней фактической стороны, в явлениях более крупных, между тем как мелкия, хотя и более типичныя, пока оставались в тени». К числу «более типичных» П.М. Головачев, в первую очередь, относил деятельность служилых людей как землепроходцев и основателей острогов⁴.

С конца 80-х гг. XIX – в начале XX вв. круг научных источников расширился, что позволило более детально изучить русское население Сибири. Однако, в отношении служилых людей работы страдали

многими недостатками: традиционным подходом, отсталостью, утверждением либо совпадения интересов правительства и служилого населения в деле колонизации Сибири, либо, наоборот, противоречий «справедливых правительственных указов в отношении к инородцам» и «несправедливых» действий служилых людей и воеводской администрации, стремящихся «обмануть государство»⁵.

Поколебать устоявшуюся оценку характера присоединения Сибири как ее завоевания и одностороннюю трактовку служилых людей как «завоевателей» могло только более углубленное и объективное изучение правительственных мероприятий в Сибирском регионе, отношений русского и нерусского населения, а, главное, всестороннее рассмотрение того вклада, который был внесен всеми категориями населения, в том числе и служилыми людьми, в хозяйственное освоение Сибири, в развитие ее производительных сил, в изменения политического, социального и культурного характера.

Выполнение этих задач было связано с исследованиями, проводимыми в советский и постсоветский периоды. Начальный этап советской историографии Сибири связывается, в первую очередь, с именем С.В. Бахрушина. Основным объектом сибиреведческих исследований С.В. Бахрушина в 1920–40-х гг. было торгово-промысловое население Сибири XVII в., всестороннее изучение деятельности которого привело ученого к выводу о несостоятельности дореволюционного тезиса об исключительно военно-правительственном характере присоединения Сибири. И хотя в своих сибиреведческих сочинениях С.В. Бахрушин отдавал дань высказанному тезису и преувеличивал торгово-промысловый характер колонизации, в его последних работах, в первую очередь, в «Очерках по истории Красноярского уезда»⁶ уже четко проявилось стремление к комплексному подходу в изучении развития производительных сил края. Именно эта работа С.В. Бахрушина содержит наиболее интересный материал об участии служилых людей в аграрном и ремесленном освоении названного региона, их роли как защитников ясачного населения, что нашло подтверждение в более поздних работах других исследователей.

В 1940-1950-х гг., благодаря работам В.И. Шункова, в историографии Сибири господствующее место заняла аграрная тематика, центральная роль в которой отводилась в рамках всей Сибири развитию хлебопашества, формам эксплуатации крестьян и их хозяйству⁷.

Изучив крестьянскую колонизацию и отдав ей пальму первенства, В.И. Шунков, тем не менее, не мог пройти мимо земледельческих

занятий служилых людей, подчеркнув их заметную, а для некоторых уездов (Томского, Нерчинского) преобладающую роль в сельскохозяйственной колонизации. В связи с этим, ученый выдвинул задачу «правильного понимания того, что собою представлял рядовой служилый человек по прибору и его отличий от служилой верхушки»⁸. В 1965 г. в частной беседе с автором данной работы выдающийся ученый подчеркнул, что «изучение хозяйственной деятельности служилых людей поможет расширить наше представление о социальном составе хлебопашцев и их вкладе, вместе с крестьянами, в аграрное освоение Сибири»⁹.

Наряду с исследованиями В.И. Шункова, носящими общесибирский характер, аграрная тематика разрабатывалась в трудах, посвященных изучению отдельных сибирских регионов. Первенствующее место в них отводилось рассмотрению крестьянской колонизации. В работах В.Н. Шерстобоева, З.Я. Бояршиновой, Ф.Г. Сафронова, В.А. Александрова и др.¹⁰ поднимались вопросы о землевладении и землепользовании, о соотношении земель пашенных крестьян с землями других категорий населения, о территориальном и социальном происхождении землепашцев. Благодаря изучению социально-экономического развития отдельных регионов, в поле зрения исследователей попала и деятельность служилых людей, связанных с хлебопашеством, следствием чего стали выводы о первенствующей роли служилых людей в аграрном освоении ряда уездов.

В работах С.В. Бахрушина, В.И. Шункова, З.Я. Бояршиновой, О.И. Кашик, позже В.А. Александрова, А.Н. Копылова, А.А. Кондрашенкова, Г.А. Леонтьевой, Н.И. Никитина, Н.Ф. Емельянова и др.¹¹ было обращено внимание на факты расселения из городов-крепостей служилых людей и их родственников, связавших свою судьбу с хлебопашеством, основания ими сел и деревень. Пашни служилых людей рассматривались как один из источников производства товарного хлеба и возможного снижения хлебных рыночных цен¹². Изучая экономическое развитие Енисейского края в XVII - начале XVIII вв., В.А. Александров подчеркивал, что «к 1648 г. в Красноярске у местных служилых людей и у крестьян даже появился товарный хлеб, который они готовы были возить на енисейский рынок»¹³. А.Н. Копылов, говоря о «купле хлеба» в 40-х гг. XVII в. в Енисейском уезде «не только у крестьян, но и у служилых людей», сделал вывод о том, что связь хозяйств служилых людей (деревенских жителей) с рынком была «более регулярной, чем у крестьян»¹⁴. По данным О.Н. Вилкова, во второй половине XVII в. служилые люди были на третьем месте после

крестьян и посадских людей в составе «ввозителей слободского хлеба на тобольский рынок»¹⁵.

В 1940-1950-х гг. появились работы Л.С. Берга, Д.М. Магидовича, В.Ю. Визе, А.В. Ефимова, В.Н. Скалона, М.И. Белова, посвященные изучению экспедиций служилых людей – землепроходцев и их открытий в Восточной Сибири и Арктике. В работах вышеперечисленных авторов был дан большой фактический материал, опровергавший ранее устоявшийся взгляд на присоединение Сибири как только на завоевательный процесс, сопровождаемый беспредельной жестокостью и произволом казачьих отрядов. Некоторые авторы подчеркивали позитивную роль государства, далеко не безразличного к действиям своих подданных¹⁶.

В 1970-90-х гг. тематика изучения отдельных личностей выдающихся землепроходцев из числа служилых людей была продолжена работами того же М.И. Белова, а затем Г.А. Леонтьевой, Н.И. Никитиным, Е.В. Вершининым и др. В центре внимания авторов был трудовой подвиг таких землепроходцев как С.Дежнев, М.Стадухин, Е.Хабаров, В.Атласов, В.Поярков, П.Бекетов, оставивших о себе след в истории как о первопроходцах и открывателях новых земель, как о строителях острогов и зимовий, организаторах промыслов, хлебопашества, собравших первые сведения географического, геологического, этнографического, этнического, политического характера о вновь присоединенных ими землях, их населении и порубежных соседях¹⁷.

Привлечение большого числа источников, раскрывающих начальный этап освоения новых территорий, позволило советским историкам внести существенные коррективы в характеристику деятельности правительственных отрядов и их взаимоотношения с нерусским населением, выяснить наличие фактов мирного продвижения правительственных войск и мирного освоения целых регионов Сибири. Этот момент в совокупности с фактом аграрного освоения Сибири силами не только крестьян, но и служилых людей, дал основание уже в 1950-х гг. определить сущность включения Сибири в состав России не как ее завоевание, а как присоединение. Этот термин нашел признание и вошел в учебную и научную литературу¹⁸.

Разработка сибирской городской тематики в целом отставала от темпов и глубины изучения сельскохозяйственного освоения Сибири. Вышедшие в конце 40-х и в 50-х гг. работы, посвященные либо комплексу городов¹⁹, либо отдельным городам²⁰, носили преимущественно экономико-географический, историко-очерковый или краеведческий характер, не содержали детального изучения торгово-

ремесленного развития города в XVII – первой четверти XVIII вв. и поэтому не давали сколько-нибудь подробной характеристики деятельности служилых людей. Некоторая описательность, правда, не помешала Р. М. Кабо, автору «Городов Западной Сибири», заметить, что служилые люди «были не только основателями и строителями сибирских городов», но и составили в XVII в. «основное ядро экономической городской жизни»²¹. Годом позже в рецензии Н.В. Устюгова на книгу Р.М. Кабо было отмечено, что сибирские служилые люди занимались ремеслом и торговлей «в более крупных размерах, чем собственно посадское население»²².

Довольно интересные сведения об участии служилых людей в городской хозяйственной жизни в указанный период нашли отражение в работе Е.И. Заозерской, посвященной изучению проблемы генезиса капитализма. Автор пришла к выводу о том, что на ранней стадии развития ремесла часто совмещались с другими занятиями, что подтверждалось цифровым материалом, свидетельствующим о явном преимуществе в первой четверти XVIII в. служилых - ремесленников над посадскими людьми в городах: Томске, Тюмени, Таре, Тобольске. Лишь в Енисейске и Верхотурье, согласно данным, использованным Е.И. Заозерской, ремесленников из посадских было больше, чем ремесленников – служилых людей²³. Эти выводы, отразившие специфику социально-экономического развития сибирских городов, нашли подтверждение в последующих исследованиях²⁴. Вместе с тем, вызывает возражение утверждение Е.И. Заозерской о том, что казаки-ремесленники являлись выходцами из крестьянской среды. Состояние историографии 60-х – 70-х гг. XX в. позволило утверждать, что значительная часть сибирских ремесленников, в том числе и ремесленников — служилых людей, первоначально комплектовалась главным образом за счет торгово-ремесленных людей – выходцев из посадов европейской части России²⁵.

Среди работ, относящихся к этому периоду, следует отметить статью В.И. Сергеева, в которой впервые высказывалась мысль о необходимости дифференцированного подхода к характеристике сибирских городов, рассмотрению их эволюции из военно-административных в торговые и торгово-промышленные центры, о причастности служилых людей к этому процессу²⁶.

Исследования А.Н. Копылова, О.Н. Вилкова, В.А. Александрова, П.Н. Павлова, А.А. Преображенского, М.М. Громыко и др. отличались комплексным подходом к изучению истории отдельных регионов Сибири XVII-XVIII вв. и содержали некоторую информацию о торгово-ремесленных занятиях служилых людей.

Так, А.Н. Копылов, отмечая наличие у служилых людей тех же ремесленных специальностей, что и у посадских, сделал вывод о переходе ремесленных специальностей «в отдельных семьях енисейских служилых людей... по наследству» и о практике записи служилых-ремесленников в посад. Подчеркивая, что для деятельности служилых людей Енисейска более характерной была торговля (в последней они опережали местных жителей), чем ремесло, автор отводил ведущую роль посадским людям в превращении Енисейска в XVII в. в «крупный центр ремесла и мелкого товарного производства»²⁷, чем существенно дополнил выводы Е.И.Заозерской.

Книга О.Н. Вилкова стала первым монографическим исследованием тобольского и вообще западно-сибирского ремесла и торговли²⁸. В работе содержался убедительный материал, свидетельствующий о сходстве производительной деятельности служилых и посадских людей, выразившимся в идентичности специализации, эволюции промышленного производства, в тесных рыночных связях, наследственности профессий, имущественной и социальной дифференциации и т.д. К сожалению, большой фактический материал о служилых людях не всегда выделен автором в общей оценке того хозяйственного вклада, который был внесен в развитие городской промышленности нетягловыми категориями населения. Но включение материалов о служилых людях в общий раздел, характеризующий промышленное производство Tobольска, и вывод автора о превращении этого города в конце XVII – начале XVIII вв. в крупный ремесленный центр, сделанный с учетом сведений и о промышленной деятельности служилых людей, свидетельствовал о признании этой деятельности как составной части производственного процесса, меняющего лицо города-крепости.

Значительно уточнялись в монографии О.Н. Вилкова и данные об участии служилых людей в торговле основными группами товаров («русскими», сибирскими, китайскими), обращавшимися во второй половине XVII в. на тобольском рынке и в Сибири. В качестве торговцев «русскими» товарами на тобольском рынке служилые люди превосходили все русское местное население. В транзите «русских» товаров через Tobольск они опережали сибирских посадских, промышленных людей и крестьян по числу явок и по стоимости товаров²⁹. Среди тобольских торговцев китайскими товарами «... по интенсивности торговых операций... и по стоимости китайских товаров» первое место занимали также «служилые люди всех категорий»³⁰. Заметным было участие служилых людей и в торговле пушниной. По числу явок пушнины в Tobольске им принадлежало

третье место³¹. Поскольку Тобольск в XVII в. был одним из наиболее развитых в экономическом отношении сибирских городов, занимавших среди них важное место в системе формирующихся общероссийских связей, наблюдения О.Н. Вилкова имели принципиально важное значение для понимания специфики сибирских городов (конечно, с учетом их индивидуальных особенностей) и той роли, которую играли служилые люди в их формировании как торговых центров, включавшихся в орбиту широких рыночных связей.

В.А. Александров рассмотрел пушной промысел как одно из основных занятий русского населения Сибири в XVII – начале XVIII вв., определил численность различных категорий промышленников и доли их участия в пушных промыслах Енисейского края. Согласно цифровым данным, приведенным В.А. Александровым, служилые люди занимали третье место после торговых людей и промышленников в пушных операциях на рынках Енисейска и Туруханска³². Такое же соотношение показано и в работе П.Н. Павлова, исследовавшего участие служилых людей (наряду с другими категориями населения) в промысле и перекупке пушнины в Мангазейском и Енисейском уездах³³.

В 70-80-х гг. вышли работы, специально посвященные сибирским служилым людям. Автором предлагаемой монографии в 1972 г. были рассмотрены служилые люди восточно-сибирских уездов³⁴.

Военно-служилым людям западно-сибирских уездов были посвящены многочисленные работы Н.И. Никитина³⁵. Анализ хозяйственных занятий служилых людей западно-сибирских городов XVII в. привел автора к выводу, что, занимаясь торговлей, ремеслом и промыслами, представители служилого населения, как правило, играли видную роль в экономической жизни сибирских городов, составив во второй половине XVII в. «половину от общего числа торговцев, ремесленников и промышленных людей в Тобольске и Верхотурье, занимая там наиболее сильные позиции в торговле». Оценивая в целом вклад служилых людей в хозяйственное освоение Тобольского разряда, Н.И. Никитин отметил, что «наиболее заметным» он был в экономическом развитии городов³⁶. В статье «Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII веке» Н.И. Никитиным был дан историографический обзор изучения служилых людей в плане их участия в хозяйственном освоении Сибири и постановки вопроса о движущих силах и характере колонизации региона. Им сделан вывод о том, что «служилая колонизация Сибири в XVII в. носила в принципе тот же характер, что и крестьянская и промысловая».³⁷

В 1974 г., а затем в 1980 г. Н.И. Никитин предложил «выработать критерии оценки роли различных категорий населения в колонизации Сибири» и на основании этих критериев сделал вывод о том, что служилый человек «был самой заметной фигурой в Сибири в XVII в.».³⁸ Этот вывод вызвал критику Н.А. Миненко, считавшую, что поскольку служилые люди в прошлом были выходцами из черносошных крестьян, то процесс освоения ими Сибири «пусть не полностью – надо считать одной из форм крестьянской колонизации Сибири».³⁹

Думается, что при всем признании для определенного времени и территории громадной значимости крестьянской колонизации, подобное утверждение для раннего периода освоения Сибири выглядит натянутым, искусственно отождествляющим крестьян и служилых людей, между прочим, отличающихся друг от друга своими обязанностями, социальным и юридическим статусом.

С 1974 г. по 1990-е гг. было предпринято издание тематических сборников, посвященных истории сибирских городов дооктябрьского периода⁴⁰. В вышедших книгах этой серии рассматривалось социально-экономическое развитие ряда сибирских городов и участие в нем отдельных категорий населения, в том числе и служилых людей.

Торгово-промышленному развитию Томска и его служилому населению в XVII в. посвящены статьи А.А. Люцидарской⁴¹. Рассматривая вслед за З.Я. Бояршиной и Е.И. Заозерской Томск XVII – начала XVIII вв. как торгово-промышленный центр, А.А. Люцидарская связывала процесс его экономического развития в XVII в., в первую очередь, с хозяйственной деятельностью служилых людей, отметив при этом, что «посадское население не принимало заметного участия в развитии промышленно-торговой сферы экономики города»⁴². Наблюдения А.А. Люцидарской подтвердили сделанные ранее выводы⁴³ о том, что ремесло и мелкое товарное производство служилых людей находились в непосредственной связи с промышленной ориентацией городов, их сырьевой базой и местным спросом и что мелкое товарное производство было наиболее распространено в области изготовления пищевых продуктов, обработки животного сырья, скорняжничества, производства одежды, обуви.

Статьи В.Н. Курилова о Тюмени XVII в. перекликались с работами М.М. Громыко о социально-экономическом развитии этого города в XVIII в. Но, в противоположность М.М. Громыко, В.Н. Курилов относил время становления Тюмени как торгово-промышленного центра не к XVIII, а к XVII в., основываясь на признании ведущей роли в экономическом развитии города не посадских, а служилых людей⁴⁴. Эту мысль В.Н. Курилов проводил и в

другой своей работе⁴⁵, отметив, что торгово-ремесленное лицо Тюмени определялось не столько посадскими, сколько служилыми людьми, составившими во второй половине XVII в. крепкую торгово-промышленную группу города, вобравшую в себя «наиболее активную и обладающую определенным достатком» часть посадского населения. Наблюдая нарастание несоответствия между сословиями и социально-экономическими группами и «трансформацию» служилого населения в торгово-промышленное, В.Н. Курилов пришел к выводу, что «слабость посада еще не означала непосредственной неразвитости города».

Н.А. Миненко, исследовавшая Березов и Сургут в XVIII – первой четверти XIX вв., пришла к выводу о том, что «...важным занятием жителей Березова и Сургута была торговля» и что в начальные годы XVIII в. «...в Березове и Сургуте не было местного купечества; в его роли выступали служилые люди и крайне малочисленные посадские»⁴⁶.

Начиная со второй половины 70-х – в начале 80-х гг. XX в. вышел в свет ряд работ, посвященных изучению как отдельных регионов, так и разнообразных аспектов социально-экономического и культурного развития сибирских городов и городского населения.

В плане избранной нами темы остановимся на анализе лишь некоторых из них. Монография Н.Г. Аполловой посвящена изучению социально-экономических процессов конца XVI – первой половины XIX вв., протекавших на территории Западной Сибири и в смежных с ней национальных районах. Рассматривая хозяйственную деятельность посадского и служилого населения в конце XVI-XVII вв. в рамках единой городской экономики, Н.Г. Аполлова отмечала, что между этими категориями населения не было строгого разделения, несмотря на существование сословных различий между ними. В XVIII в. потомки служилых людей – «разночинцы», связанные с промышленными и торговыми занятиями, рассматривались автором как один из источников пополнения посадов западно-сибирских городов⁴⁷.

Монография Ф.Г. Сафронова посвящена исследованию освоения русскими крайнего северо-востока Азии в XVII – середине XIX вв. Уделив внимание развитию городов этого региона, в частности Якутска, и характеристике отдельных категорий населения, автор охарактеризовал Якутск XVII – начала XVIII в. как преимущественно служило-чиновнический город на том основании, что его посадское население росло медленно, что «ремесло в городе не получало широкого развития. Первое время умельцы были главным образом среди служилых людей», которые в XVII в. «выполняли ремесленные работы для жителей Якутского острога»⁴⁸.

Исследованию Среднего Приобья XVI – первой половины XIX вв. посвящена работа Н.Ф. Емельянова. Автор оценивал служилых людей как основную силу в хозяйственном освоении региона в XVII в., как «главных земледельцев, ремесленников, торговцев»⁴⁹.

В монографии Г.Ф. Быкони, посвященной истории заселения русскими Приенисейского края в XVIII в., рассматривалась проблема динамики городского населения. Заслуживают внимания выводы автора об изменении сословно-социальной структуры и численного роста городского податного населения, резко наметившихся с первой четверти XVIII в. и выразившихся в уменьшении неподатной части городского населения не только за счет сокращения военно-служилой категории, но и систематического включения ее известной части (разночинцев, оставшихся за штатом) в состав посадских, цеховых, купцов⁵⁰.

В 1982 г. вопрос о роли служилых людей в хозяйственном, особенно земледельческом освоении Сибири, был отмечен в обобщающем труде, посвященном крестьянской колонизации этого региона⁵¹.

В 1984 г. Г.А. Леонтьевой был сделан обобщающий историографический обзор вклада служилых людей в экономическое становление и развитие сибирского города в XVII – первой четверти XVIII вв. Отмечено разнообразие взглядов дореволюционных и советских исследователей на степень значимости служилых людей в развитии сибирских городов как центров ремесла и торговли⁵².

В 80-х – 90-х гг. Г.А. Леонтьевой был написан ряд статей, в которых выявлено участие служилых людей (наряду с другими категориями сибирского населения) в развитии сибирского бюджета, в социально-демографических процессах, происходящих в сибирской деревне⁵³.

Из работ Н.И. Никитина, вышедших в 80-х – 90-х гг. XX в.⁵⁴ следует, в первую очередь, назвать его монографию «Служилые люди в Западной Сибири XVII века»⁵⁵. В центре внимания автора – проблема положения и места приборных служилых людей в системе классово-сословного строя феодальной России. На основе материала, главным образом Тобольского разряда, Н.И. Никитин сделал вывод о приборных служилых людях как о «промежуточной социальной группе», не представляющей собой «единого целого ни в экономическом, ни в социальном отношении» и, в свою очередь, состоящей «из целого ряда переходных слоев и групп». «Диапазон побочных занятий ратных людей не отличался стабильностью; он был слишком широк, чтобы сблизить приборных служилых людей с какой-то определенной

категорией населения феодальной России»⁵⁶. Доказательство своих выводов автор построил на основе тщательного анализа происхождения служилых людей, их обязанностей, чиновного деления, дифференцированного государственного обеспечения, побочных экономических занятий в сфере сельского хозяйства, ремесла, промыслов, торговли, работы по найму и т.д.

В последующих работах Н.И. Никитин углубил и расширил свои выводы о соотношении правительственного и вольно-народного начал в освоении Сибири, справедливо отметив различную роль государственной и народной инициатив на разных временных и территориальных этапах присоединения и освоения Сибири.

К сожалению, хронологическое ограничение работ Н.И. Никитина концом XVII в. лишает читателя возможности увидеть, как абсолютистская власть в первой четверти XVIII в. смогла использовать в своих фискальных интересах хозяйственные навыки, внеслужебные занятия и «промежуточное» положение служилых людей «старых служб».

В монографии О.Н. Вилкова, вышедшей в 1990 г.⁵⁷, обобщен материал о частной торговле хлебом в Сибири, о промыслово-промышленной деятельности крестьян, показана классификация путей сообщения в Сибири и в сопредельные с ней земли, превращение уездных рынков в областные, консолидация последних в общесибирский рынок и его включение в систему всероссийского рынка; дается характеристика типологии генезиса сибирских городов и форм промышленного производства (от домашней промышленности до мануфактуры), рассматривается процесс начала складывания рынка рабочей силы и генезиса капитализма в сферах производства и рыночных отношений.

Строя свои выводы о генезисе капитализма на основе новых данных социально-экономического содержания, автор, однако, фактический материал о Восточной Сибири, по сравнению с Западной Сибирью, использовал и изложил более фрагментарно и неполно, что не смогло не привести к умалению причастности служилых людей к вышеперечисленным процессам в исследуемом нами регионе⁵⁸.

Большой интерес представляют работы, связанные с изучением воеводского управления Сибирью.

Еще в 1960 г. А.Н. Копылов в общих чертах коснулся вопросов управления сибирскими гарнизонами в XVI-XVII вв.⁵⁹ Позже Н.Н. Покровский и В.А. Александров проанализировали положение сельской и посадской общин у сибирских крестьян и посадских людей, а также соответствующей войсковой организации служилых людей. Последняя

играла в Сибири весьма заметную роль и не только в стратегии и тактике военных действий или в дележе добычи, но и в политических актах смещения («отказа») неугодных воевод и их замены другими воеводами⁶⁰.

Работа М.О. Акишина интересна материалом о привлечении в первой четверти XVIII в. в состав сибирского управленческого аппарата представителей местной служилой верхушки, т.е. фактического использования в XVIII в. практики XVII в.⁶¹

Исследование Е.В. Вершинина является наиболее емким и обобщающим на настоящее время в плане изучения воеводского управления в Сибири XVII в. В монографии детально рассмотрены вопросы о составе сибирской администрации, принципах ее назначения на управленческие должности в Москве и в Сибири, государственном обеспечении, правах и обязанностях сибирской администрации, взаимоотношениях лиц воеводского аппарата и управления. На фоне анализа этого материала автор сделал интересные выводы о возможности замещения воеводских и более мелких административных должностей (например, приказных) местной сибирской аристократией и, в первую очередь, сибирскими детьми боярскими. Исследование завершается таблицами, содержащими информацию о поуездном перечне воевод сибирских городов, подтверждающую выводы автора⁶².

Интересные данные об участии служилых людей в поисках и открытии месторождений полезных ископаемых, в том числе серебряной руды в Даурии, содержатся в монографии Е.А. Курлаева и И.Л. Маньковой⁶³.

* * *

Перечисленные выше работы, за исключением немногих, имея либо обобщающий, либо локальный характер, прямо не относятся к избранному нами для исследования региону и могут быть использованы для сравнения и сопоставления фактов и отдельных явлений.

Из относящихся к нашей теме и исследуемому региону дореволюционных работ следует назвать статью Г.В. Вернадского, в которой подчеркивается тезис о совпадении интересов правительства и народных масс в деле колонизации Сибири, исходя из сопоставления промысловой деятельности служилых и промышленных людей Восточной Сибири⁶⁴.

Некоторый интерес представляют работы, посвященные непосредственно истории военных подвигов Забайкальского и Амурского казачества. Часть из них появилась из-под пера представителей казачьей интеллигенции, стремившихся к сохранению

памяти о «прародителях» казачьих войск. Написание других – было связано с празднованием определенных памятных дат, а также интересом к краеведению. Общим для большинства этих работ было использование в качестве первоисточников трудов Г.Ф. Миллера, В.К. Андриевича, П.М. Головачева, слабое привлечение нового документального материала, популярность изложения (исключение представляет работа Н.С. Щукина⁶⁵). Наконец, как и в исходных для них трудах, в этих работах отсутствовал материал о социально-экономическом положении служилых людей, а основное внимание в них уделялось вопросам службы и ратным подвигам⁶⁶.

Из работ советского периода, территориально и отчасти тематически соприкасающихся с избранной нами темой, следует назвать исследования О.И. Кашик, посвященные вопросам социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов XVII-XVIII вв.⁶⁷ Справедливо признавая, что «в земледельческом освоении Нерчинского уезда служилые люди сыграли весьма значительную роль»⁶⁸, О.И. Кашик, вместе с тем, отвела весьма скромное место характеристике других хозяйственных занятий этой категории, обратив главное внимание изучению неслужилого населения.

Общая характеристика сельскохозяйственного освоения служилыми людьми регионов Восточной Сибири дана В.И. Шунковым в очерках «К истории забайкальского и приамурского земледелия» и «Земледелие в бассейне реки Енисей»⁶⁹.

В работе В.А. Александрова представлен материал, смыкающийся с избранной нами темой в плане характеристики служилых людей как мужественных и стойких защитников Дальневосточных рубежей, оказавших, наряду с другими слоями русского и нерусского населения, серьезное влияние на успешный ход дипломатических переговоров и заключение договоров с Китаем и монгольскими феодалами⁷⁰.

В исследовании О.И. Сергеева в рамках большого хронологического промежутка (XVII-XIX вв.) рассматривается казачество Дальнего Востока. Работа ценна материалом, подчеркивающим роль казачества в обороне Дальневосточных рубежей нашей Родины⁷¹. В этом плане на раннем хронологическом этапе она перекликается с работой В.А. Александрова.

Проблематика частной торговли через Нерчинск и Селенгинск нашла отражение в трудах С.В. Бахрушина, П.Т. Яковлевой, В.А. Александрова и др.⁷² Определяя роль отдельных категорий населения в зарубежной торговле, В.А. Александров пришел к выводу, что в период частной инициативы, т.е. до конца XVII в., «развитие внешней торговли с Китаем было результатом активной деятельности

почти исключительно русского купечества»⁷³, усилиями которого в 70-90-х гг. XVII в. были созданы экономические предпосылки государственной торговли с Китаем⁷⁴. Принимая в целом положение В.А. Александрова о доминирующей роли купеческого капитала в частной русско-китайской торговле⁷⁵, нельзя, на наш взгляд, согласиться с несколько односторонним выводом автора, отрицающим самостоятельную торговую деятельность служилых людей на внешнем рынке⁷⁶.

В ряде трудов, относящихся к истории Иркутского и Нерчинского уездов в XVII в., затрагиваются общие вопросы социально-экономического развития⁷⁷, истории населения⁷⁸, городов⁷⁹, классовой борьбы⁸⁰, документации⁸¹.

Положительным моментом последних десятилетий XX – начала XXI вв. стало появление работ, хронологически расширяющих изучение военного контингента, и в первую очередь, казачества, как в рамках всей Сибири, так и ее отдельных регионов.⁸²

К работам общесибирского плана относится трехтомник «История казачества Азиатской России», вышедший в Екатеринбурге в 1995 г. Его появление связано с возрождением казачества, а отсюда и с интересом к его прошлому.

Первый том этой фундаментальной коллективной монографии охватывает время с XVI по первую половину XIX вв. Его авторами являются Н.И. Никитин, А.Р. Ивонин, А.С. Зуев, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. Том посвящен истории казачества Урала, Сибири и Дальнего Востока. Он содержит материал об образовании казачества, его военной организации, взаимоотношении казачества и государства, роли казаков в военно-политическом и хозяйственно-экономическом развитии Сибири. К сожалению, материал по истории казачества за XVII – первую четверть XVIII вв. очень краток. В рамках этого периода особенно недостаточно освещены вопросы хозяйственной деятельности казаков Восточной Сибири, что, несомненно, связано с отсутствием специальных монографических работ о служилых людях этого региона.

Большой вклад в изучение сибирского казачества внес Ю.Г. Недбай. Одна из его крупнейших обобщающих работ «История Сибирского казачьего войска (1725-1861 гг.)» (Омск, 2004 г.) посвящена истории западно-сибирского линейного казачества. В ней исследованы причины его образования, источники, численность, обязанности, обеспечение, вооружение, обучение. В работе большое внимание уделено военной обстановке на южной границе Западной Сибири и пограничной службе казачества, образованию войсковой территории, хозяйственным занятиям казаков, их социальному положению, роли

иррегулярного войска в боевых действиях и экономическом освоении края. Монография Ю.Г. Недбая отличается критическим отношением к используемым источникам и литературе, объективной трактовкой причин конфронтации на границе, а также оригинальностью, новизной и обоснованностью выводов.

Монография А.С. Зуева «Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII—первой половине XIX вв.» (Новосибирск, 1994) в хронологическом и тематическом плане является продолжением предлагаемой нами монографии, правда, только в рамках казачества Забайкалья, доводя его историю до середины XIX в. В работе подробно рассмотрены принципы зачисления в службу, образование пограничного казачьего «войска», служебные обязанности и обеспечение городских и пограничных казаков, сочетание занятий, свойственных иррегулярным и регулярным воинским подразделениям, социальный статус казачества.

Немаловажный интерес представляют работы А.Р. Ивонина. К сожалению, мы смогли ознакомиться только с его авторефератом.⁸³ Но многие материалы кандидатской диссертации автора вошли в текст первого тома «Истории казачества Азиатской России», в написании которого А.Р. Ивонин принял непосредственное участие, что компенсировало недостаток информации (по понятным причинам) автореферата и оказало существенную помощь в нашей работе.

В работах Л.В. Самбуевой⁸⁴ и Е.А. Высотиной⁸⁵ содержится материал об эвенкийском и бурятском казачестве и расширении контингента казачества за счет местного аборигенного населения. Вопросам культуры казачества посвящено исследование А.И. Коваленко.⁸⁶

В сибиреведческой литературе долгое время оставался белым пятном вопрос о сибирском дворянстве. В капитальном исследовании Г.Ф. Быкони⁸⁷ впервые дан обобщенный материал о формировании численности, составе, сословно-социальном положении классных чиновников и офицеров, истоков их формирования, условий получения потомственного дворянства, организации, размещении, функции регулярных воинских подразделений на территории Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв.

В последнее время появился интерес к изучению генеалогии казачества. В этом плане следует отметить работу писательницы, члена Союза журналистов З.М. Зеленской, посвященную 300-летней истории (14 «коленам») рода забайкальских казаков Размахниных.⁸⁸ Наиболее раннее упоминание об одном из них – Федоре Размахнине автор относит к 1680 г. Его служба в нерчинском гарнизоне подтверждается и

нашей работой, в которой казак Федор Размахнин упоминается как активный участник русско-китайской торговли (гл. VI. настоящей работы). Эту книгу – пока первую ласточку по генеалогии представителей забайкальского казачества, можно рассматривать «как знаковое явление нашего времени, восстанавливающее народную память и национальное самосознание» и вселяющее веру в то, что генеалогическая тематика в будущем найдет своих авторов и читателей.

Таким образом, о сибирских служилых людях написано немало работ. В них разбираются различные вопросы социально-политического, экономического, культурного характера. Думается, что исследование, специально посвященное служилым людям Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. будет существенным дополнением к историографии городского казачества и поможет более подробно осветить его вклад в развитие производительных сил региона и складывание тех предпосылок и характеристик, которые будут иметь место в истории сибирского казачества в более позднее время. (См. раздел «Post Scriptum» настоящей работы).

*
* *

Документальной основой исследования послужили материалы фондов Российского государственного архива Древних актов: Сибирского приказа (Ф.214), Иркутской (Ф.1121) и Нерчинской (Ф.1142) приказных изб, «Портфелей» Г.Ф. Миллера, Главного Магистрата, Китайских дел (К.Д.). Дополнительно к ним были привлечены документы Архива Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН – фонды Нерчинской и Иркутской воеводских изб.

Использованы также документы из публикаций: «Актов исторических», «Дополнений к актам историческим», «Русской исторической библиотеки», Полного собрания законов Российской империи и из документальных сборников: «Иркутск. Материалы для истории города XVII-XVIII столетий» (М., 1883); «Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий (Нерчинск, Селенгинск, Якутск)» (М., 1886); «Первое столетие Иркутска. Сборник материалов для истории города» (СПб., 1902). Привлечены документы, связанные с деятельностью русских дипломатов, сочинения русских и иностранных авторов и т.д.

Материалы исследования очень разнообразны по своему характеру, содержанию и значению.

Одним из главных источников явились окладные или именные книги и выписи из окладных книг, которые составлялись дополнительно к сметным и пометным спискам и содержали именной перечень служилых людей на предмет выдачи им денежного, хлебного и соляного жалования.

Окладные и именные денежные книги Нерчинского уезда, использованные в работе, относятся к 1683/84, 1688/89, 1692/93, 1699-1700, 1715 гг.⁸⁹ Окладные книги хлебного жалования – 1683/84, 1685/86, 1693/94 гг.⁹⁰, окладные книги, содержащие информацию о денежном и хлебном жаловании – к 1706, 1707, 1711, 1712, 1714 гг.⁹¹ Меньше сохранилось окладных книг по Иркутскому уезду. За 1681/82, 1682/83 гг. сохранились две общие окладные книги денежного, хлебного и соляного жалования иркутского, селенгинского и баргузинского гарнизонов⁹². Значительно больше окладных книг имеется по иркутскому гарнизону: денежных – за 1695/96, 1698/99, 1701, 1704, 1714, 1717 гг.⁹³, хлебных и соляных – за 1690/91, 1695/96, 1701, 1704, 1708 гг.⁹⁴, денежных, хлебных и соляных – за 1698/99 гг.⁹⁵ За 1692/93 гг. сохранились окладные книги хлебного жалования гарнизонов острогов⁹⁶, присудных Иркутску.

Окладные книги содержат списки гарнизонов и поэтому являются важнейшим источником для характеристики их комплектования: поверсток, убыли, движения личного состава, перевода из чина в чин, наконец, индивидуальных окладных ставок. Особенно важны окладные книги хлебного жалования, в которых фиксировались имена служилых людей, снятых с хлебного довольствия и получивших земельные участки. Окладные книги позволяют также выяснить образование старожильского служилого населения путем сравнения именных составов гарнизонов с более ранними списками, относящимися к периоду, предшествовавшему составлению окладных книг. Недостатком окладных книг является то, что они фиксировали оклады, но умалчивали об их реальном получении.

Немалое значение для работы имел анализ общих документов местного делопроизводства: денежных и хлебных (для Иркутского уезда) и соляных сметных и пометных списков, приходо-расходных книг, перечневых росписей, счетных списков и т.д.

По Нерчинскому уезду использованы сметные денежные списки за 13/X 1684-1687/88, 1692/93, 1700, 1706, 1711, 1714 гг.⁹⁷, (пометные - за 1689/90, 1694/95, 1701, 1707)⁹⁸, сметные списки хлебных нерчинских запасов за 13/V 1684-1685/86, 1688/89, 1692/93, 1693/94, 1714 гг.⁹⁹

(пометные – за 1686/87, 1694/95, 1715, и др.)¹⁰⁰, счетные списки денежных запасов за I/IV 1681-30/IV 1684, денежных и хлебных запасов за 9/V 1684-30/IV 1690 гг., «ведомость» за 1701 г.¹⁰¹

По Иркутскому уезду и Иркутску использованы сметные списки и приходе-расходные книги за 1680/81-1682/83, 1692/93, 1694/95, 1698/99, 1701, 1704, 1705, 1707, 1711, 1712, 1714, и 1717 гг.¹⁰² (пометные - за 1683/84, 1696/97, 1700, 1702, 1706 гг),¹⁰³ денежные счетные списки за 1682 г. и за период с 17/X 1698-1701 гг.¹⁰⁴ Проанализированы сметные списки хлебным запасам и соли и приходе-расходные иркутские книги за 1681/82, 1691/92, 1692/93, 1695/96, 1698/99, 1701, 1704, 1705, 1710, 1712 гг.¹⁰⁵ (пометные – за 1696/97, 1700, 1702 гг.).¹⁰⁶

Для характеристики раннего периода организации гарнизонов Иркутского уезда (1650-е – 1680-е гг.) привлекались сметные и пометные списки Енисейска, в которых содержались сведения о посылке и снабжении «годовальщиков», а также «выписи» из неокладных расходных книг Селенгинска за 1675-1684 гг. и приходе-расходных книг Удинска за 1704-1718 гг.¹⁰⁷

Обобщающий материал о численности служилых людей и их обеспечении содержит «Ведомость сибирских городов», составленная в Сибирском приказе в 1701 г. на основании документации, присланной из Сибири, в том числе из Нерчинского и Иркутского уездов в 1699 г.¹⁰⁸

Использование вышеперечисленных источников объяснялось рядом причин: во-первых, в расходной части этих документов в разделе так называемых «окладных расходов» фиксировались сведения о государственном обеспечении служилых людей денежным, хлебным, соляным жалованием. Во-вторых, при характеристике хозяйственных занятий служилых людей мы столкнулись с большой трудностью, связанной с отсутствием компактных экономико-статистических материалов: переписных¹⁰⁹ дозорных¹¹⁰ и писцовых книг. Сметные и пометные списки, приходе-расходные книги, конечно, никак не заменяя переписных, писцовых и дозорных книг (поскольку это документы совершенно разного характера), в какой-то мере давали нужную информацию о городских и сельских занятиях служилых людей: сведения о службе с пашни и экономии казенного хлеба, о сборе «выдельного» хлеба, о налогах с промыслов, о сборе таможенных пошлин. Нередко под рубрикой «неокладные расходы» встречались упоминания о покупке у служилых людей изделий «их промысла», о найме служилых людей для выполнения казенных работ и т.д. Кроме того, вышеперечисленные документы местной хозяйственной отчетности отражали сдвиги, происходившие в экономическом развитии уездов.

Единственная из сохранившихся иркутская дозорная книга за 1686 год, содержащая информацию о вкладе служилых людей в денежную, хлебную и соляную части уездного бюджета, хотя и содержит интересный материал о сельскохозяйственных занятиях служилых людей, размерах обрабатываемой ими пашни, о характере землепользования и т.д., к сожалению, относится к раннему периоду колонизации уезда и ограничивается описанием лишь 17 хозяйств тех служилых, которые успели перейти в пашенные оклады.¹¹¹

Очень ценным источником, содержащим информацию о торгово-ремесленных занятиях местного населения, в том числе и служилых людей, являются документы таможенного делопроизводства: таможенные книги Иркутска за 1694, 1698,¹¹² 1702, 1711 гг., «выписи» из таможенных иркутских книг за период с 20/VI 1694 по 12/X 1697 гг.;¹¹³ таможенные книги Нерчинска за 1697, 1699/1700, 1701, 1706, 1714, 1715 гг.; «перечневые выписи» из таможенных нерчинских книг с 21/III 1697 по 1/I 1698 гг.¹¹⁴

Перечисленные книги отражали десятинный таможенный сбор с продавцов «русских», сибирских и зарубежных товаров, попадавших на местные рынки. К ним примыкали так называемые «отпускные» таможенные книги, в которых фиксировались продавцы и их товары, провозимые либо в другие сибирские районы (иркутская книга 1702 г.),¹¹⁵ либо за рубеж (нерчинские книги 1700, 1703 гг.), а также «росписи русских и сибирских товаров», вывозимых участниками караванов 1692 и 1701 гг.¹¹⁶

Помимо перечисленных таможенных книг, привоз китайских товаров фиксировался в «росписях» 1690, 1692, 1694 г.¹¹⁷ и других документах. Интересным источником для характеристики участников караванов являлись «книги сбора поголовных порублевых пошлин» за 1700, 1703, 1714, 1715 гг., в которых фиксировались, за исключением конвоя, все торговые люди и их товар.¹¹⁸

Особенность таможенных книг Нерчинского острога за 1699, 1700, 1701, 1706, 1714, 1715 гг. состояла в том, что в них часто отсутствовала оценка большинства товарных партий, привезенных из-за рубежа, поскольку десятая пошлина с них взималась не деньгами, а товарами. Поэтому при характеристике торговых оборотов служилых людей нам пришлось произвести оценку вывозимых ими товарных партий, исходя из стоимости аналогичных товаров из этих же караванов, с которых пошлина вносилась деньгами. Следует при этом учитывать, что таможенная оценка товаров была условной и не соответствовала их рыночной стоимости.¹¹⁹

Сведения, содержащиеся в таможенных книгах о ввозимых в уезды «русских» товарах и товарах местного производства, поступавших на иркутский и нерчинский рынки, свидетельствовали о товарности некоторых видов местного ремесла и промыслов или об известном дефиците тех или иных товаров местного производства.

Правда, розничная продажа изделий местного ремесла не всегда регистрировалась в таможенных книгах. Частично такие сведения восполняются информацией расходных книг кружечных дворов Иркутска и Нерчинска, сохранившихся за 1685/86, 1699/1700, 1701, 1703, 1706, 1714, 1715 гг.,¹²⁰ и фиксирующих не только казенные расходы, связанные с приобретением необходимых предметов на оплату казенных заказов, но также имена и социальное положение продавцов и исполнителей работ.

В качестве итоговых материалов о служилых людях нами использованы «ревизские сказки» первой ревизии. К сожалению, по Иркутскому уезду они не сохранились. По Нерчинскому уезду они составлялись в 1719-1721 гг. и известны под названием «Сказок душам мужского полу Нерчинскому уезду 1719 г.» и «Переписной книги 1721 года».¹²¹ «Сказки» брались у служилых людей по отчеству, а в «Переписную книгу» вносились конные, пешие казаки и их родственники.

Известный интерес для определения судеб служилых людей в первой четверти XVIII в. имеют «Переписные книги убылых после I ревизии» Иркутска, Нерчинска и Селенгинска.¹²² С этой же целью нами использованы материалы, составленные в 1735 г. иркутской и нерчинской канцеляриями по запросам академика Г.Ф. Миллера.¹²³

Перечисленные выше источники не исчерпывают документального материала, привлеченного автором данной работы. Следует также указать грамоты, отписки, наказы, наказные памяти, купчие крепости, поручные записи, материалы судебных дел, сысков, изветов, разборных списков, расспросных речей и т.д., которыми так богаты фонды Сибирского приказа и местных приказных изб.

Значительное число документов вводится нами в научный оборот впервые. К ним можно отнести: перечисленные выше расходные книги таможенных и кружечных дворов, таможенные книги Нерчинска, большинство сметных и пометных списков, окладных книг денежного и хлебного жалования, относящихся к первой четверти XVIII в., разнообразные материалы из фондов приказных изб, «Портфелей» Г.Ф. Миллера и др.

В ходе работы была произведена сверка текстов публикаций с подлинниками, хранящимися в архивах. Некоторые из публикаций

вызывают серьезные замечания. Например, в публикации дозорной книги 1686 г.¹²⁴ встречаются пропуски (из служилых людей пропущен В.Фролов).¹²⁵ Книга опубликована не полностью, опущен материал о хозяйстве пашенных крестьян, занимающий 121 архивный лист.¹²⁶

«Сказки душам мужского полу», взятые в 1719 г. у нерчинских служилых людей по отчеству, в публикации имеют пропуски.¹²⁷ пропущены 4 «сказки».¹²⁸ Из нерчинской переписной книги 1721 г.¹²⁹ опубликован только заголовок.¹³⁰

Из денежной окладной книги 1683 г. и книги денежного, хлебного и соляного жалования 1693 г. служилых Иркутского, Селенгинского, Баргузинского и прочих острогов¹³¹ в публикации даются сведения только по селенгинскому гарнизону, а остальные опущены.¹³² В публикации сметы хлебных и соляных доходов и расходов Иркутского, Селенгинского и Баргузинского острогов за 1682 г. даются только те сведения, которые касаются Иркутска.¹³³ По такому же принципу опубликованы материалы «перечневой выписи» окладных и неокладных расходов за 1699-1700 гг. Иркутского уезда, из которой исключена информация о снабжении присудных Иркутску острогов - Селенгинского, Баргузинского, Удинского, Кабанского и др.¹³⁴

Окладная книга хлебного и соляного жалования Иркутска за 1704 г.¹³⁵ опубликована с сокращением: опущены имена служилых людей.¹³⁶ Сокращен при публикации и иркутский сметный список окладных и неокладных доходов за этот же год¹³⁷ и т.д.

Вследствие вышеизложенного, автору в большинстве случаев пришлось пользоваться подлинными документами, даже при наличии их публикаций.

ГЛАВА I

Формирование служилого населения Нерчинского и Иркутского уездов во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв.

Политика русского правительства, проводимая в отношении юго-восточных сибирских земель в XVII в., диктовалась желанием получения ценной пушнины, стремлением приобретения богатых месторождений полезных ископаемых и, наконец, необходимостью найти достаточно обширные массивы плодородных земель, способных обеспечить хлебом уже присоединенные области Сибири.

В довольно короткий срок русская администрация закрепляется в основных районах Предбайкалья, Забайкалья и Приамурья. В 1630 г. был основан Илимский, в 1631 г. – Усть-Кутский и Братский, в 1641 г. – Верхоленинский, в 1648 г. – Баргузинский, в 1654 г. – Балаганский, в 1657 г. – Иргенский, в 1658 г. – Нерчинский,¹ Телембинский, в 1661 г. – Иркутский,² в 1666 г. – Селенгинский, Удинский³ и другие остроги.

На вновь присоединенных сибирских землях вводилось административное устройство, распространенное в Центральной России и уже освоенных сибирских областях.

Первоначально районы, расположенные в Предбайкалье и Забайкалье, считались подведомственными Енисейску, а районы, лежащие еще дальше к востоку (Приамурье) – Якутску. С учреждением в 1656 г. Нерчинского воеводства и назначением туда воеводой Афанасия Филипповича Пашкова,⁴ территория Восточного Забайкалья, район Шилки и земли, расположенные по Амуру, выделились в Нерчинский уезд, административным центром которого стал Нерчинский острог. К нему приписывались построенные в разное время Иргенский, Еравненский, Итанцинский, Аргунский, Телембинский остроги, Читинская слобода и Амурские остроги: Албазин (построен в 1665 г.), Селимджинский, Долонский, Зийский. Последние в начале 80-х гг. XVII в. выделились в Албазинский уезд с центром в Албазине.

Несколько иначе обстояло дело с районами Предбайкалья и Западного Забайкалья, которые не сразу получили административную самостоятельность. Вплоть до 80-х гг. XVII в. они считались частью Енисейского уезда. В 1672 г., судя по данным писцовых книг, из населенных пунктов будущего Иркутского уезда в административном подчинении Енисейска находились Иркутский, Балаганский и Селенгинский остроги с подведомственными им ясачными волостями. В рамках же Енисейского уезда в особую группу выделялись так называемые «Байкальские остроги» – Баргузинский, Ангарский (Верхне-

Ангарский), а также Кучидское и Баунтовское зимовья, выросшие позже в остроги.⁵

Лишь в 1681 г. в целях оперативности управления из ведения Енисейского ведомства были выделены Иркутск, Селенгинск, Баргузин с прилегающими к ним населенными пунктами, образовавшими новый Иркутский уезд, первым воеводой которого был назначен стольник Иван Евстафьевич Власов.⁶

Значение Иркутска, как одного из административных и экономических центров Восточной Сибири, уже в 1686 г. было подчеркнуто его официальным переименованием из острога в «город».⁷ В 80-х гг. Иркутский уезд раздвинул свои границы за счет присоединения ряда волостей, ставших его хлебной базой. В 1686 г. от Илимского уезда к Иркутскому отошли Верхоленский и Идинский острожки с прилегающими к ним волостями, в 1699 г. Манзурская, а немногим позже – Бирюльская волости.* В 1701 г. в составе Иркутского уезда упоминался Бельский острожек с прилегающими к нему селами и деревнями.⁸ В 1705 г. окончательно отошел к Иркутскому уезду Балаганский острог, изъятый из ведения енисейских воевод.⁹

Согласно иркутским сметным спискам и приехо-расходным книгам за 1714 и 1717 гг., в ведении Иркутска числились Селенгинский и Удинский города, Баргузинский, Ангарский, Баунтовский, Верхоленский, Кучидский, Идинский, Тункинский, Кабанский, Ильинский, Бельский, Балаганский остроги и Култуцкое зимовье.¹⁰

Оба уезда занимали огромную территорию. В Иркутский уезд вошли Предбайкалье и западная часть Забайкальской территории с бассейнами рек: Верхней Ангары, Баргузина, Селенги, Уды, Хилка, верховьев Витима. На территории уезда располагалось одно из величайших и богатейших озер мира – Байкал. На западе Иркутский уезд граничил с Енисейским, на востоке – с Нерчинским, на севере и северо-востоке – с Илимским и Якутским воеводствами. Южные границы проходили по линии естественных рубежей – горным хребтам Восточных Саян.

Нерчинский уезд, расположенный к востоку от Иркутского, включал области Восточного Забайкалья и Приамурья с реками Амуром, Аргунью, Шилкой. На севере – в верховьях Нерчи уезд граничил с Якутским воеводством. Природная граница – река Амур отделяла русские земли от Китая. После заключения в 1689 г. русско-китайского договора юго-восточная граница с Китаем наметилась по

* Обе волости, видимо, вскоре были исключены из состава Иркутского воеводства, поскольку хлебный приход из этих волостей не был отражен иркутскими сметными и пометными списками 1700, 1701 и последующих годов.

рекам Аргуни и Горбице. Район между рекой Удьё, побережьем Охотского моря, Нижним Приамурьем и Приморьем до середины XIX в. остался не разграниченным. Природные условия этих уездов, обусловленные их большой территориальной протяженностью, были разнообразными.

Для Предбайкалья и Забайкалья в целом характерен континентальный климат: суровая и продолжительная зима, поздние весенние и ранние осенние заморозки, жаркое лето. Климат Восточного Забайкалья отличается малым количеством осадков зимой, неравномерным их распределением по сезонам. Более мягкие климатические условия характерны для Приамурья.

Забайкалье и Предбайкалье – районы гор, плоскогорий, покрытых хвойными и лиственными лесами, богатыми промысловым пушным зверем: соболем, белкой. В изобилии водились здесь маралы (изюбры), лоси, сибирские косули, кабаны, медведи, волки, рассомахи, рыси и др.

Обилие озер и рек обеспечивало первопришельцев рыбой и облегчало возможности их передвижения.

Преимущественно подзолистые почвы в Предбайкалье и в Восточном Забайкалье чередовались с участками черноземных, а в Западном Забайкалье – каштановых почв. Исключительным плодородием отличались районы, прилегающие к Амуру, где по свидетельству очевидцев, были почвы «...степные, пахотные, добрые, хлебоборбные... чернотью земли в человеческий пояс».¹¹ Благоприятные климатические условия, плодородные почвы, наличие относительно свободных от лесов речных побережий способствовали развитию земледелия, прежде всего, в районе рек Ангары, Иркуты, Селенги, Амура, несколько позже – Шилки, Аргуни, Уды.

Обилие богатых пастбищ в долинах рек, межгорных котловинах, на плоскогорьях Предбайкалья и Забайкалья, а также в лесостепях и степях юго-восточного Забайкалья стимулировало развитие скотоводства, коневодства и овцеводства.

На территории обоих уездов русские встретились со сложным в этническом отношении населением. В Предбайкалье и Забайкалье жили буряты, в бассейнах рек Шилки, Аргуни и по Амуру – тунгусы (эвенки), на Амуре до устья Зеи – дауры, ниже их – дючеры, нанайцы, ульчи, в устье Амура и на морском побережье – гиляки.

Основой хозяйства бурят было пастбищное скотоводство. Скотоводством и оленеводством занимались тунгусы. Население, проживающее по крупным рекам, занималось рыболовством. Существенную роль в жизни аборигенов играла охота. Земледелие, известное до прихода русских только дауро-дючерскому населению,

проживавшему по Амуру, «...значительно отставало от русского и по степени своего распространения, и по уровню своей техники».¹²

В целом же по степени развития производительных сил и уровню общественного строя местное население будущих Иркутского и Нерчинского уездов «к моменту присоединения к России неизмеримо отставало от русского населения».¹³

Колонизация русскими Забайкалья и Приамурья встретила противодействие со стороны Маньчжурского Китая и некоторых монгольских феодалов, претендовавших и на эти земли и на населявших их аборигенов. Угроза юго-восточным рубежам, требования серьезных оборонительных мер предопределили необходимость содержания в этом районе значительного контингента служилых людей.

История организации военных сил Иркутского и Нерчинского уездов началась с момента постройки там острогов. Вплоть до начала 80-х гг. она была несколько отличной для обоих уездов, в связи с их неодинаковым административным положением. Если образование служилого населения Нерчинского уезда в 50-х – 80-х гг. XVII в. отражало картину планомерной организации военных сил уезда как такового, то история комплектования военных сил будущего Иркутского уезда началась с создания второстепенных для Енисейского уезда гарнизонов. С середины 80-х гг. XVII в. в образовании военных сил обоих уездов наблюдалось много общего (численный рост гарнизонов, источники заполнения штатов и проч.).

Вследствие указанных причин, история образования ратных сил уездов вплоть до середины 80-х гг. XVII в. будет рассматриваться нами отдельно.

1. Формирование военно-служилого населения Нерчинского уезда до середины 80-х гг. XVII в.

Используя богатый опыт колонизации Западной и частично Восточной Сибири, *правительство прибегало к различным путям создания военных сил в Нерчинском уезде.* Особенно большое значение на первом этапе имела практика административных посылок служилых людей из районов, которые считались уже обжитыми и испытывали меньшие потребности в ратных силах. Такими районами во второй половине XVII века были уезды Западной Сибири, из которых по мере необходимости в Восточную Сибирь посылались партии служилых людей с периодической их заменой. Такие командировки в сибирской практике назывались «посылками на годовые службы», а сами служилые «годовальщиками».

Естественно, что для Нерчинского уезда, удаленного от городов Западной Сибири на тысячи километров, «годовая служба» исчислялась не одним - двумя, а несколькими годами. Это официально подтверждалось правительственными грамотами: «...быть на службе в Даурии...по два года по переменам без проезде, а по самой нуже для дальнего разорения и подъемов по три и по четыре года, а переменять их, служилых людей, из Даурской земли тех же городов служилыми людьми, из которых городов посланы будут».¹⁴

Термин «годовальщики», таким образом, для данной ситуации носил весьма условных характер и для более точного обозначения служилых, посылаемых на временную службу из других уездов, правильнее употреблять выражение «посланные по выбору», тем более, что в основе таких посылок лежал «выбор» в соответствии с очередностью да и сами служилые называли себя так. Термином «годовальщик» удобнее именовать тех служилых, которые рассылались на годовые службы в рамках своего уезда.

Самый ранний набор служилых людей «посланных по выбору» из западно-сибирских городов в Нерчинск, был произведен в связи с решением о создании нового Нерчинского уезда и назначением туда воеводой в 1656 г. Афанасия Пашкова. Одиннадцати сибирским воеводам было предписано выбрать для «...новой Даурской земли» служилых людей из числа городских стрельцов и казаков – всего 300 человек «с добрым ружьем, нарочитых людей, не старых, не малых».¹⁵ Раскладка этого числа на сибирские города была произведена в соответствии с их величиной и значимостью. Тобольск должен был выделить 60 человек, Томск – 50, Тюмень и Березов – по 40, Тара – 30, Верхотурье – 20, Пелым и Красноярск – по 15, Туринск, Сургут, Кузнецк – по 10 человек.¹⁶

Для громадной территории, занимаемой Нерчинским уездом, гарнизон в 300 служилых людей был явно недостаточным, и А. Пашков в дополнение к этому числу «призвал в Енисейском остроге на тое...дальнюю службу охочих вольных людей» - 120 человек, а в Братском остроге – 40 человек «вольных гулящих людей» и поверстал их в казачью службу. В общей сложности с А. Пашковым шло 460 человек.¹⁷

Добравшись до Даурии и убедившись, что и с «такими силами трудно...иноверными землями...обовладать», воевода стал просить Сибирский приказ о дополнительной посылке людей, которых предполагал разместить в острогах: Иргенском, Нерчинском и Телембинском.¹⁸

В столице, в свою очередь, рассчитывали пополнить отряд А. Пашкова так называемыми «амурскими казаками», пришедшими на Амур еще в конце 1640-х – начале 1650-х гг. и служившими сначала в отряде Е. Хабарова, а затем О. Степанова.¹⁹

По пути в Даурию к Пашкову действительно присоединилось несколько казаков, служивших ранее с Е. Хабаровым.²⁰ Что касается 180 казаков, оставшихся к 1658 г. от разбитого маньчжурами отряда О. Степанова, то из них только 17 человек во главе с А. Парфеновым в 1661 г. присоединились к отряду Пашкова. Пробыв у него несколько дней, захватив казенное оружие и припасы, они бежали из отряда, намереваясь добраться до Якутска. На Тугирском волоке беглецы были встречены отрядом, направлявшимся в Нерчинск, и возвращены обратно. Но и на этот раз пребывание А. Парфенова в Нерчинске было недолгим. Подговорив партию казаков, он бежал на Амур.²¹

Численность отряда, прибывшего с А. Пашковым, оставалась без изменения недолго. Уже в 1662 г. сменивший А. Пашкова тобольский сын боярский И. Толбузин застал «на великой реке Шилке, и на Иргене-озере, и на Теленге в трех острогах служилых людей и новоприборных... 75 человек»,²² т.е. шестую часть прежнего отряда.

В начале 60-х гг. XVII в. комплектование нерчинского гарнизона производилось в основном за счет служилых, «посланных по выбору». В 1662 г. с И. Толбузиным в Нерчинск пришло 25 енисейских, якутских и илимских служилых людей, впрочем, вскоре бежавших с нерчинской службы.²³

В 1663 г., в связи с поступлением из Нерчинска тревожных донесений Толбузина о нападении монгольских тайшей на принявших русское подданство тунгусов и на русские остроги, Сибирский приказ распорядился о наборе в Тобольске 60, в Енисейске 20 служилых людей «из пеших стрельцов и казаков» и об их незамедлительной отправке «в прибавку и на перемену в Даурию». В дальнейшем эту партию предполагалось заменить новой партией служилых «посланных по выбору» из тех же городов.²⁴

Как верно отметил Н.И. Никитин, комплектование восточно-сибирских за счет западно-сибирских гарнизонов создавало «текучесть» кадров в последних, что было крайне нежелательно. В свою очередь, пересылки партий «посланных по выбору» на далекие расстояния создавали для администрации лишние материальные трудности, а бегство – хлопоты и, как следует из предыдущего текста, проблемы не решали.

Вероятно, поэтому после 1664 г. и до середины 80-х гг. XVII в. посылки служилых людей «по выбору» из западно-сибирских городов в

Даурию фактически прекратились. Поскольку положение на границе оставалось напряженным и для отпора частых и внезапных набегов монгольских тайшей требовалась помощь, которую, по мнению Москвы, оперативно могли оказать лишь близлежащие уезды, Сибирский приказ в 1670 г. отдал распоряжение енисейскому, илимскому и якутскому воеводам оказывать «по вестовым тревожным отпискам» незамедлительную помощь нерчинскому гарнизону.²⁵ Но это распоряжение оказалось трудно выполнимым. Якутские воеводы отказывались посылать своих служилых в Нерчинск, ссылаясь на собственное «малолюдство». Илимск лишь изредка оказывал помощь Нерчинску, но недостаточную. В 1674 г., например, вместо требуемых 50 человек, из Илимска отправили на «даурскую службу» лишь 20 казаков и казачьих наемников, предусмотрительно предупредив при этом нерчинского воеводу об их «отпуске» по истечении двух лет.²⁶ Что же касается енисейского воеводы, то он с трудом обеспечивал более или менее регулярные посылки военных отрядов в остроги своего уезда, разбросанные на громадной территории.

Поэтому на протяжении 70-х гг. Енисейск мог оказать Нерчинскому уезду лишь самую незначительную помощь. Енисейские сметные и пометные денежные, хлебные и соляные списки 70-х гг., учитывающие все расходы на содержание енисейских служилых людей, хотя и отмечали их ежегодные посылки в «Дауры», но небольшими партиями: в 1671 г. – 9 человек, в 1672 г. – 7, в 1673 г. – 13, в 1674 г. – 3, в 1675 г. – 6, в 1677 г. – 5, в 1678 г. – 12, в 1679 г. – 3. При этом только две партии служилых людей в 1673 и 1678 гг. были посланы на временную службу, тогда как остальные посылались «до Нерчинска» для сопровождения денежной казны, хлеба, вина, и ссыльных.²⁷

Но несмотря на отсутствие во второй половине 60-х гг. и на протяжении всех 70-х гг. посылок сколько-нибудь заметных партий служилых людей в Нерчинск из других уездов, возвращение с даурской службы «посланных по выбору» обратно в Тобольск, Томск, Пелым, Тару, Березов, Енисейск, Илимск в промежутке между 1664-1670 гг. все-таки имело место.²⁸ Отпуск из Нерчинска служилых людей в трудные для него годы мог осуществляться лишь при условии пополнения нерчинского гарнизона за счет местных людских ресурсов.

Основным резервом, используемым нерчинскими воеводами, были вольные переселенцы. В большинстве своем они являлись выходцами из крестьянских и посадских семей. Спасаясь от усиливающегося феодального гнета, многие из них оставляли родные места, уходили в другие районы в поисках работы и выгодных занятий. Приходя на новые земли и скрывая свое истинное происхождение, эти люди

называли себя «гулящими вольными» или промышленными людьми, подчеркивая тем самым как бы свою непричастность к тяглым категориям населения. Поскольку комплектование за счет «посланных по выбору» страдало большими недостатками: было дорогим, занимало много времени, создавало текучесть гарнизонов, правительство, действуя в некотором противоречии с установленным принципом «из чина в чин не переводить», предоставляло сибирским властям право зачислять в службу нетяглых – гулящих и промышленных людей.

Первое официальное сообщение о поверстке в Нерчинске в службу лиц из числа гулящих людей и промышленников связано с деятельностью воеводы И.Толбузина (1662-1667 гг.), которым было зачислено в службу 12 человек, пришедших «ис сибирских городов».²⁹ В 1670-е гг. число гулящих и промышленных людей, поверстанных в нерчинский гарнизон, возросло. Дошедшие до нас «поручные записи» за 1670, 1671, 1673-1676, 1679 гг. содержали сведения о 60 поверстанных.³⁰ С 1683 по 1689 гг., согласно окладным книгам денежного и хлебного жалования, в нерчинский гарнизон было зачислено 37 гулящих и промышленных людей.³¹

Как и в Западной Сибири, постоянное, хотя и незначительное, пополнение нерчинского гарнизона происходило за счет нерусского населения. В первую очередь, в службу зачислялась «туземная» знать, на которую можно было положиться и которая была влиятельной среди своих соплеменников. В Нерчинске одними из первых добровольно приняли православие и были зачислены в службу тунгусский князец Гантимуров с сыном, перешедшие в русское подданство еще в 50-е гг. XVII в. При крещении Гантимуров старший был наречен Петром, а его сын – Павлом. В 1683 г. Петр и Павел Гантимуровы ездили в Москву. По пути уже престарелый Петр Гантимуров умер. Павел же был ласково встречен в столице, допущен к царской руке, пожалован в московские дворяне, одарен ценным оружием и платьем. По возвращении в Нерчинск ему были выстроены за счет казны достойные его нового чина и положения хоромы.³²

Крещение и принятие на службу рядовых ясачных людей происходило гораздо проще и скромнее. В наказе воеводе И. Власову (1680 г.) размер вознаграждения, установленного за крещение местным жителям Нерчинского и Иркутского уездов, определялся 3 рублями и отрезом сукна.³³ Рядовые казаки, поверстанные в службу из тунгусов (эвенков), появились в Нерчинске уже при А.Пашкове. Это были крещенные в православие братья Максим и Яков Ларионовы.³⁴ В последующее время в окладных книгах жалования нередко встречались лица с русским именем и прозвищем «новокрещен». Прозвище, обычно,

упоминалось в делопроизводстве в течение двух-трех лет, а затем исчезало и такой «новокрещен» в официальных документах не выделялся из числа других служилых.

Некоторое, хотя и незначительное, пополнение нерчинскому гарнизону давала ссылка. В числе основных причин, объясняющих слабое использование ссыльных на пограничной службе, было сомнение администрации в их благонадежности, так как среди лиц, ссылаемых в Сибирь, были не только уголовные элементы, но и лица, в вину которым ставились «смутные слова» и «бунты». Учитывая это обстоятельство, Сибирский приказ в 1689 г. отверг предложение об отправке на нерчинскую службу и нерчинские серебряные рудники 242 «московских стрельцов и разных чинов ссыльных людей», прямо заявив о том, что «вместе ссыльных всех селить опасно».³⁵

Вследствие отрицательного отношения правительства к поверстке в службу ссыльных, в пограничном нерчинском гарнизоне их насчитывались единицы. За 60-е гг. до нас дошло лишь одно известие о зачислении в службу новгородского ссыльного монетных дел мастера Кузьмы Новгородца.³⁶ Последний, вероятно, был сослан за причастность к чеканке фальшивых медных денег. За 70-е гг. исчерпывающий материал о масштабе ссылки в Нерчинский уезд давала «выпись всех енисейских неокладных расходов» с 1672 по 1682 г., в числе которых были перечислены расходы на содержание ссыльных, проходивших через Енисейск и далее – на Восток. Так как суммы денег и продовольствия, выдаваемые ссыльным на дорогу, определялись длиной пути от Енисейска до места ссылки, то в «выписи» содержались указания пунктов назначения ссыльных и даже их будущее занятие. Согласно «выписи», за 11 лет через Енисейск в Нерчинск прошло в общей сложности 100 человек, среди которых были стрельцы, казацкие дети, крестьяне, посадские люди и др. Все они предназначались «в пашню».³⁷

Тем не менее, местные власти нарушали предписание центра. Поименная сверка ссыльных 70-х гг. с перечнем служилых нерчинского гарнизона 80-х гг. XVII в. показала, что на протяжении 70-х гг. в нерчинскую службу все-таки попало несколько ссыльных, причем только из лиц служилого звания: стрельцов и казаков.³⁸ Что же касается ссыльных крестьян, то случай зачисления «за великие посулы» троих из них в службу в 1675 г. стал известен в Сибирском приказе и его распоряжением отменен.³⁹ Так как в 70-е гг. Нерчинский острог считался «бесхлебным», то в это время ссыльных переводили в пашенные крестьяне на Амур под стены Албазина.⁴⁰

За 80-е гг. из окладных нерчинских книг и других документов этого времени также известно лишь несколько случаев поверстки ссыльных в служилые по Нерчинску. Из них обращают на себя внимание ссыльные московские пушкарки А. Наседкин и К. Данилов,⁴¹ которых оставили в службе по причине нехватки на границе пушкарей.

В дальнейшем царский указ 1699 г., в категорической форме запретивший зачисление ссыльных в служилые гарнизоны восточно-сибирских городов, исключил возможность использования этого источника.⁴² Указ был вызван активным участием ссыльных в классовых выступлениях, имевших место в 90-х гг. XVII в. в Восточной Сибири.

Со временем источник комплектования нерчинского гарнизона расширился за счет поверстки родственников местных служилых людей: детей, братьев, племянников. Наиболее раннее упоминание о зачислении их в службу относится к 1675 г., когда четыре казачьих племянника заменили свих престарелых родственников, служивших в нерчинском гарнизоне с 1658 года.⁴³ В 1680-е гг. приток казачьих родственников в состав местного гарнизона становится более заметным, хотя еще и численно уступает принимавшимся в службу вольным переселенцам. Так, с 1683 по 1689 гг. нерчинский гарнизон был пополнен 14 казачьими детьми, братьями и племянниками и 37 промышленными и гулящими людьми.⁴⁴

В целом динамика численности нерчинского гарнизона за ряд лет выглядела следующим образом: в 1658 г. – в Нерчинск прибыло с А. Пашковым 460 человек, в 1662 г. гарнизон насчитывал 100 человек,⁴⁵ в 1664 г. – 46, в 1669 г. – 124, в 1670 г. – 129, в 1674 г. – 170, в 1675 г. – 178,⁴⁶ в 1677 г. – 191 человек.⁴⁷

Как видно из приведенных цифр, по сравнению с 50-ми годами XVII в., численность служилых людей в начале и середине 60-х гг. резко сократилась и, хотя к концу 70-х гг. выросла, прежнего числа так и не достигла.

Из документов, которые могли бы объяснить причины сокращения контингента нерчинского гарнизона в начале 1660-х гг., можно назвать лишь одну отписку А. Пашкова, отправленную в Сибирский приказ в первый год его пребывания в Даурии. Уже тогда из 360 человек, «посланных по выбору» из западно-сибирских городов, было «умерших и побитых» – 58, бежавших со службы – 6, больных – 53.⁴⁸ Перечисленные А. Пашковым причины убыли в его гарнизоне, несомненно, могли иметь место и в последующее время. Так, в 1662 г. И. Толбузин писал о побеге служилых людей – А. Парфенова «с товарищи», среди которых были якутские, илимские, енисейские,

нерчинские и иргенские служилые люди. После этого случая в «нерчинских острогах» осталось всего 46 человек. Аналогичные примеры сокращения численности тобольского гарнизона до 40-х гг. XVII в. приведены и Н.И. Никитиным.⁴⁹ Определенное влияние на численность нерчинского служилого казачества оказывали близость Амура и Албазина, отстроенного в 1665 г. вольными переселенцами. В числе албазинских казаков нерчинская администрация не раз обнаруживала беглых нерчинских служилых людей.⁵⁰

Возможность проследить погодную динамику численного состава нерчинского гарнизона за 80-е годы, а также причины его убыли и источники пополнения дают нерчинские окладные книги (таблица 1).

Таблица 1⁵¹

Годы	Число служилых в гарнизоне	Выбывшие				Поверстка в службу			
		Отставлены	Умерли, убиты	Бежали	всего выбывших	Лица служилого происхождения	Лица неслужилого происхождения	Происхождение неизвестно	Всего приверстано
1683/84	164	1	3	2	6	Поверстки не было			
1684/85	184	1	4	1	6	8	1	7	16
1685/86	193	3	7	1	11	1	1	18	20
1686/87	195	2	3	-	5	2	3	2	7
1687/88	195	4	3	-	7	2	1	4	7
1688/89	180	-	16	-	16	1	-	-	1
Всего:		11	36	4	51	14	6	31	51

Как видно из таблицы 1, на протяжении 80-х гг. XVII в. убыль гарнизона происходила за счет убитых, умерших, отставленных и бежавших.

Из людей, поверстанных в 80-е гг. в состав нерчинского гарнизона, только 14 человек назвали себя родственниками служилых людей. 6 человек причисляли себя к гулящим и промышленным людям и 31 человек вовсе не сообщили о своем происхождении. Поскольку обычно претендент на служебную вакансию всегда стремился подчеркнуть свое служилое происхождение, указывая даже отдаленный

вид родства, умолчание о своем происхождении во время поверстки могло свидетельствовать о непричастности к служилому сословию. Таким образом, и в 80-х гг., несмотря на наличие зачисления в состав гарнизонов родственников служилых людей, большее число поверсток падало на лиц неслужилого происхождения.

Вместе с тем, приведенные за 80-е гг. данные о величине убыли и зачислении в гарнизон, составившие в том и другом случае цифру 51, говорят о том, что на протяжении значительного периода (с 1683 по 1689 гг.) две трети личного состава нерчинского гарнизона оставались без изменений. Подобное положение могло свидетельствовать о складывании постоянного (старожильческого) контингента служилых людей в гарнизоне, которое возможно уловить лишь путем тщательного сравнения именных списков за ряд лет.

Состояние источников позволяет взять исходным моментом 1670 г., когда составлялись «рописи» служилых, прибывших в Нерчинск с А. Пашковым.⁵² Следующими вехами, дающими возможность поименного сравнения служилых, стали «рописные списки» 1670 г.⁵³ и материалы окладных книг 1683/84 – 1688/89 гг.⁵⁴

В составе «рописи» нерчинских казаков 1670 г. особо выделено 28 человек.⁵⁵ Время включения их в состав гарнизона определяется челобитной, написанной этими же казаками в 1672 г. Они сообщали, что в Даурию пришли вместе с А. Пашковым 14 лет назад, т.е. в 1658 г., получили жалование за первые три года службы, а остальные 11 лет служили без жалования. Казаки просили прислать им деньги за «заслуженные годы», ничего не говоря ни о смене, ни об отпуске из Даурии.⁵⁶ Сличение 28 имен с «рописями» служилых, посланных с Пашковым в Даурию из Западной Сибири, дало 15 совпадений.⁵⁷ Остальные 13 человек, скорее всего, были из числа гулящих и промышленных людей, набранных Пашковым в Енисейске и Братске.

Посылка 1664 г. служилых людей «по выбору» также не осталась бесследной для формирования постоянного военно-служилого населения Нерчинска. В 1670 г. из этой партии, насчитывающей 80 человек, в Нерчинске несли службу 75 человек.⁵⁸ К 1684 г. из этих 75 человек в нерчинском гарнизоне осталось 18 человек.⁵⁹

К сожалению, документов, дающих полный перечень всех лиц, приверстанных на службу на протяжении 70-х гг., не сохранилось. Несколько отрывочных «поручных записей», которыми мы располагаем, содержат сведения лишь о 85 новоприверстанных.⁶⁰ Поименная сверка этой группы со списком служилых людей 1684 г. свидетельствует о том, что к этому году из 85 службу продолжали нести только 27 человек. Из них 14 человек до зачисления их в

нерчинский гарнизон были промышленниками, 7 человек – енисейскими казаками, 5 человек происходили из семей нерчинских и енисейских казаков, 1 человек был ссыльным.⁶¹ Интересно отметить, что 7 енисейских казаков, оставшихся на постоянной службе в Нерчинске, пришли туда в 1671 и в 1675 гг. в числе лиц, провожавших хлебные запасы.⁶² Факт перехода енисейских казаков на постоянную службу в нерчинский гарнизон на протяжении 70-х гг. неоднократно подчеркивался енисейскими воеводами в качестве одной из причин, объясняющих убыль служилых из подведомственных им гарнизонов.⁶³

Социальная принадлежность и численное соотношение поверстанных в 70-е гг. и оставшихся в составе нерчинского гарнизона в 1684 г. являются показательными не только для характеристики источников комплектования гарнизона, но и образования его постоянных кадров.

Таким образом, в большинстве заметных партий служилых людей «посланных по выбору» на временную даурскую службу, а иногда и просто с каким-нибудь поручением, находились охотники, которые оставались в нерчинском гарнизоне навсегда. Приведенный нами материал подтверждает объяснение Н.И. Никитиным одной из важнейших причин убыли и служилых людей из тобольского гарнизона, справедливо связывая ее с посылками тобольских служилых людей в помощь «дальним сибирским уездам» и невозвращением оттуда служилых в «свой» гарнизон, что поощрялось правительством.⁶⁴

Что касается гулящих и промышленных людей, то их зачисление в гарнизон разрешалось только при условии постоянного несения службы в месте поверстки, что официально исключало их уход из уезда. Добровольный принцип зачисления в службу из числа осевших в Нерчинске «посланных по выбору» и из вольных переселенцев был результативным. Как видно из таблицы 1, за пять лет, совпавших с пиком самой тяжелой на восточных рубежах военной напряженностью, из нерчинского гарнизона бежало только 4 человека.

Известное пополнение гарнизона давали родственники местных служилых людей, хотя вплоть до 90-х гг. их число было незначительным.

Несмотря на отдаленность уезда, крайнюю сложность и трудность комплектования воинских сил, медленность оседания и складывания постоянного служилого контингента, главный гарнизон Нерчинского уезда уже в середине 80-х гг. XVII в., т.е. через 30 лет после основания Нерчинска, на две трети состоял из прочно обосновавшихся в уезде людей.

Что касается уездных острожков (Телембинского, Еравненского, Иргенского, Читинского, Аргунского), то образование там постоянных гарнизонов было более замедленным, чем в Нерчинске, и первые местные жители из служилых людей стали там появляться только в первой половине 80-х гг. Например, в 1684 г. под Телембинским острогом имелась заимка нерчинского сына боярского Б. Никитина, «где он жил». Через 10 лет мы встречаем его в том же остроге в качестве отставного сына боярского. В числе первых старожилов Аргунского острога можно назвать его строителей – пятидесятника В. Милованова, десятника И. Волгу и трех рядовых казаков. Однако, несмотря на начавшийся процесс «оседания» служилых в уездных острожках, последние до конца 80-х гг. не имели целиком укомплектованных постоянных гарнизонов и нуждались в присылке из уездного центра годовальщиков. Их число в указанный период почти ежегодно составляло около 70 человек.⁶⁵

Единственным исключением из подведомственных Нерчинску острогов, в котором, как и в Нерчинске, постоянные кадры служилых людей появились с момента его постройки, был Албазин.

Албазин занимал несколько особое положение. Его основали вольные переселенцы, которые, страшась наказания, пришли на Амур в 1665 г. после расправы с илимским воеводой Обуховым. Это были беглые илимские и якутские пашенные крестьяне, верхоленские служилые, а также гулящие и промышленные люди, давшие начало албазинскому гарнизону.

В отличие от нерчинского гарнизона, албазинский до 1685 г. не знал «посланных по выбору», поскольку с самого начала комплектовался за счет вольных переселенцев. Недостатка в последних не было: находясь на рубеже, вдали от воеводского надзора, Албазин был прибежищем беглых и недовольных людей, которые надеялись найти на окраине спасение от воеводского произвола и феодального гнета.

Близость Приамурья была особенно ощутимой для уездов Восточной Сибири. Как отмечал В.А. Александров, отлив енисейского населения в Даурию наблюдался в 50-х – 80-х гг. XVII в. Причем «...более серьезные последствия для Енисейского уезда имело движение, начавшееся в 60-х гг.»,⁶⁶ т.е. со времени восстановления на Амуре Албазина. Рост населения Приамурья в 60-х – 80-х гг. осуществлялся за счет вольных переселенцев из Илимского и Нерчинского уездов. В их числе воеводы не раз отмечали бывших пашенных крестьян, посадских, служилых, промышленных и даже крепостных людей. Сами же албазинские казаки до поверстки их в

службу именовали себя «вольными охочими амурскими казаками», «государевыми холопами», пришедшими на Амур, «из сибирских городов своею охотою, гулящим и промышленным числом».⁶⁷

Удаленность крепости от Нерчинска как уездного центра, социальное прошлое и бунтарский дух ее жителей определили, в известной мере, оппозиционное настроение албазинцев воеводской власти и их сопротивление условиям административного управления и феодальной эксплуатации, распространенными на Сибирь. Это проявилось в борьбе за сохранение выборности органов местного самоуправления, в противодействии распространению на албазинское население «государевой десятинной пашни»⁶⁸ и, наконец, некоторой самостоятельности в укомплектовании и увеличении штатов албазинского гарнизона.

Впервые официально численность албазинского гарнизона, равная 101 единице, была установлена Сибирским приказом в 1672 г. В состав гарнизона были зачислены первые строители Албазина во главе с сыном боярским Никифором Черниговским,⁶⁹ назначенным его приказчиком. Дальнейший рост штатов должен был осуществляться по усмотрению нерчинского воеводы и согласованию с Сибирским приказом. Однако, уже в 1674 г. без ведома нерчинской администрации в албазинский гарнизон было поверстано 8 человек. В 1681 г. нерчинский воевода, негодуя на «самовольство» албазинцев, обвинял последних в незаконном зачислении в службу «сверх окладного числа» еще 99 человек и даже грозил не выплачивать им жалование.⁷⁰

Пополнение гарнизона вплоть до середины 80-х гг. продолжалось преимущественно за счет вольных переселенцев. В 1682 г. из числа гулящих и промышленных людей в гарнизон попало 8⁷¹, а в 1686 г. – 60 человек.⁷² Известную часть вновь зачисленных в гарнизон в 70-х гг. составили ссыльные, силами которых сибирская администрация надеялась завести казенную пашню на Амуре для снабжения Нерчинского уезда хлебом. Противясь распространению десятинной пашни, албазинские и «вольные» казаки в 1675 г. настояли на их поверстке в военную службу.⁷³ Видимо, нередким явлением в Албазине было зачисление в службу и беглых пашенных крестьян, следствием чего стала посылка албазинскому приказчику воеводой Воейковым наказной памяти о запрещении выдавать крестьянских дочерей за казаков,⁷⁴ поскольку родство со служилым человеком давало известное право и крестьянину на зачисление в службу.

В 1680 г. численность албазинского гарнизона возросла до 222 человек.⁷⁵ Гарнизон обслуживал острожки Верхозейский,

Селемджинский, Долонский, поставленные в 1677-1681 гг. албазинскими казаками и промышленными людьми на реке Зее и ее притоках Селемдже и Долонце. Только в Верхозейском острожке, ежегодно меняясь, находилось по 20-30, а в Селемджинском – по 30 албазинских казаков-годовальщиков, собиравших ясак с окрестного населения.⁷⁶ С 1682 до лета 1683 г. на Зею. Селемджу и Бурею было отправлено 67 казаков – ясачных сборщиков. В Албазине в это время оставалось немногим более 100 казаков.⁷⁷

2. Формирование военно-служилого населения Иркутского уезда до середины 80-х гг. XVII в.

Как уже говорилось, до 80-х гг. XVII в. города и остроги будущего Иркутского уезда входили в состав Енисейского и частично Илимского воеводств, и комплектование их гарнизонов в этот период осуществлялось за счет годовальщиков – енисейских и илимских служилых людей.

Еще в 1664 г. для енисейского гарнизона наиболее значительной считалась так называемая «Байкаловская годовая служба», охватывающая сначала Баргузинский, а затем Ангарский остроги с подведомственными им зимовьями и «ясачными землями». С постройкой в 1654 г. Балаганского («нового Братского») острога енисейские казаки стали высылаться на «годовую балаганскую службу», а с 60-х гг. – на иркутскую и селенгинскую. Что касается илимского гарнизона, то он обслуживал Верхоленский и Идинский острожки, которые отошли от него к Иркутскому уезду в 90-е гг. XVII в.

Численность отрядов служилых людей, высылаемых из Енисейска на годовые службы, была разной и зависела от площади ясачных районов и их пушных возможностей. В 1656 г. енисейский воевода И. Акинфов докладывал в Сибирский приказ о своем намерении отправить «по первой полой воде» служилых людей: «на Байкал в Баргузинской, в Ангарской остроги 73 человека, в новой Братцкой (Балаганский – Г.Л.) острог – 50 человек».⁷⁸ Оговорка воеводы, что посылки этих партий осуществлялись «против прошлого», могла свидетельствовать об аналогичной практике таких посылок и в предшествующие годы.

Таблица 2, составленная на основе сведений енисейских сметных и пометных списков, фиксирующих денежные и хлебные расходы на содержание годовальщиков, показывает, что посылки последних осуществлялись в остроги будущего Иркутского уезда почти регулярно. Практика периодической смены годовальщиков имела ряд отмеченных выше недостатков, лишь подчеркивающих необходимость обеспечения

острожных гарнизонов постоянным служилым контингентом. Поэтому администрация острогов, также как и уездных центров, привлекала на постоянную службу гулящих и промышленных людей, а также местное нерусское население.

Таблица 2⁷⁹

Численность служилых людей, отправленных из Енисейска на годовые службы.

Год посылки	Байкаловская	Иркутская	Балаганская	Селенгинская	Всего
1656	73	-	50	-	123
1666	-	-	-	19	19
1668	85	24	-	8	117
1669	10	-	28	-	38
1670	78	33	6	10	127
1671	4	6	17	-	27
1672	73	25	1	4	103
1673	-	8	22	12	42
1674	70	27	3	1	101
1675	1	10	-	7	18
1677	-	-	26	-	26
1678	50	14	-	14	78
1679	1	-	14	-	15
1680	1	23	-	-	24
1682	47*	-	-	-	47
Всего:	493	170	167	75	905

* Здесь учтены также служилые, отправленные в Тункинский и Балаганский остроги.

В 70-е гг. из трех острогов, первоначально приписанных к Енисейскому уезду (Иркутского, Селенгинского, Баргузинского), наименьшее количество годовальщиков приходилось на селенгинский гарнизон, что косвенно могло свидетельствовать о преимущественном пополнении этого гарнизона за счет вольных переселенцев. Предположение подтверждается и прямыми сведениями: в 1666 г. в числе 85 строителей Селенгинского острога только 19 человек были годовальщиками из Енисейска. Остальные 66 – назвали себя гулящими и промышленными людьми, пришедшими в Селенгинск из Братского, Балаганского и Иркутского острогов. В награду за строительство острога все они распоряжением Москвы были зачислены в селенгинский гарнизон.⁸⁰

Поверстка в службу вольных переселенцев широко практиковалась и в последующее время. В 1681-1683 гг. из 12 новоприборных только 1 был казачьим сыном, а 1 «новокрещеном». Остальные 10 человек до поверстки были гулящими людьми.⁸¹ В эти же годы в селенгинскую службу были зачислены беглые енисейские

посадские люди и пашенные крестьяне, назвавшие себя в Селенгинске гулящими людьми.⁸²

Расположенный в «украинном месте» Селенгинск во второй половине XVII в. подвергался особенно частым набегам монгольских феодалов, что вызывало необходимость увеличения численности его гарнизона. С 1667 по 1670 гг. она выросла с 85 до 116 человек,⁸³ в 1682 г. была доведена до 135,⁸⁴ а в 1685 г. – до 157 человек.⁸⁵

Наиболее ранний из дошедших до нас именных списков селенгинских казаков относится к 1670 г.⁸⁶ В списке перечислено 116 человек, из которых 33 были енисейскими годовальщиками, а 73 – гулящими и промышленными людьми, поверстанными в службу в 1667, 1668, 1669 гг.⁸⁷ Сопоставление этого списка с фамилиями, перечисленными в окладной селенгинской книге 1681 г., дало 70 совпадений. Таким образом, в 1681 г. в составе гарнизона были лица, служившие в нем с конца 60-х гг. К этому можно добавить, что в 1670 г. селенгинский гарнизон почти на 60 % был представлен служилыми, в прошлом строителями этого острога (70 человек из 116).

Что касается Иркутского и Баргузинского острогов, то на протяжении ряда лет посылавшиеся туда из Енисейска партии казаков-годовальщиков были больше, чем партии казаков, отправлявшихся в Селенгинск. Поэтому, особенно в начальные годы, в образовании иркутского и баргузинского старожильского казачества роль годовальщиков была более заметной, чем в Селенгинске.

Некоторые сведения на этот счет дает переписная книга Енисейска за 1669 г., в которой перечислены енисейские служилые люди, «у которых дворов нет в Енисейском», так как они «бесперерывно» служат в Братском и Иркутском острогах, а также «на Байкале-озере». Среди енисейских служилых людей, «исстари служивших в Енисейске» и не вернувшихся назад с годовой службы из Иркутска, переписная книга назвала, например, казачьего пятидесятника Анисима Михалева.⁸⁸ Задержка и невозвращение служилых людей «с иркутской и байкаловской годовых служб» неоднократно ставились енисейскими воеводами в упрек иркутской администрации.⁸⁹ Правомочность этих упреков была очевидной: в 1677 г. в иркутской расходной книге перечислялось 15 енисейских казаков, которые, в связи с их задержкой на годовой службе, получали хлебное жалование в Иркутске. К 1681 г. в иркутском гарнизоне из этой партии осталось постоянно служить 4 человека.⁹⁰ В 1679 г. енисейский воевода даже поставил вопрос об отмене хлебных окладов и о наделении пашнями тех енисейских годовальщиков, «которые в Иркутском остроге живут

беспеременно...домами».⁹¹ Наряду с годовальщиками, в иркутский гарнизон приверстывались гулящие и промышленные люди.

Поскольку Иркутск, в отличие от Нерчинска, находился дальше от границы, некоторым источником пополнения его гарнизона и гарнизонов подведомственных ему острогов была ссылка. Более заметной поверстка в службу ссыльных стала в 80-х гг. XVII в., что вызывалось, видимо, нехваткой воинских сил в момент обострения внешнеполитической и военной обстановки. В 1685 г. в иркутский гарнизон было зачислено 2,⁹² в 1689 г. в иркутскую службу попало 3 человека ссыльных: стряпчий конюх М. Лыткин, стрелец М. Кондратьев и «человек» князя Солнцева-Засекина В. Гурьев. В числе ссыльных находился опальный гетман Демьян Многогрешный, которого «с женою и детьми» сначала отправили в Селенгинск, а затем перевели в Иркутск.⁹³ В иркутском же гарнизоне служили сосланные за раскол дети боярские Иван и Петр Арсеньевы,⁹⁴ а также разжалованные за воровство и сосланные из Якутска в Баргузин в 1682 г. дети боярские Ю. Крыжановский и П. Ярышкин.⁹⁵ Последние позже были переведены в Иркутск и восстановлены в чинах.

Постоянное старожильческое ядро внутри иркутского гарнизона складывалось медленно. Иркутская дозорная книга за 1686 г. перечислила лишь 13 казаков, зачисленных в пашенные оклады по Иркутску, отметив, что 8 из них до зачисления в иркутскую службу были енисейскими годовальщиками или их детьми, 5 – гулящими и промышленными людьми. Для каждого из них служба в иркутском гарнизоне начиналась в разное время: для одного – с 1667 г., для другого – с 1669 г., двое начали служить с 1671 г., трое – с 1672 г., четверо – с 1677 г.⁹⁶ Но итог был одним: перечисленные казаки, судя по срокам их службы, стали иркутскими старожилami.

Образование постоянного служилого контингента в Баргузине протекало еще более замедленными темпами, чем в Иркутске и тем более в Селенгинске. Это объяснялось спецификой Баргузинского района, бывшего во второй половине XVII в. одним из основных пушных центров Забайкалья. Дело в том, что в Забайкалье в районе Баргузинского острога водилась порода редчайшего крупного черного соболя (его особь, кажется, не восстановлена до настоящего времени). Правительство, заинтересованное в регулярном поступлении ясака черным соболем, сохранении «лесных ясачных мест» его распространения и ограничении частной охоты, в конце 80-х гг. XVII в. в грамоте, специально посланной на имя Ф.А. Головина, отдало распоряжение «...всех служилых людей, которые в Байкаловские остроги на вечное житье переведены и которые сами поселились,

перевесть...в Иркутской острог, чтоб в Байкаловских острогах они, служилые люди, пашен не заводили и лесов под пашни не жгли и от того зверь не вывадился». Эта же грамота предписывала в будущем присылать в «Байкаловские остроги» служилых людей из Иркутска «попеременно» и «впредь в Байкаловских острогах на вечном житье...служилым и иным людям не жить и пашен не заводить».⁹⁷ В результате принятых мер, в Баргузине лишь в начале 90-х гг. XVII в. появилось постоянное служилое население (приблизительно 20 человек).

Помимо служилых, в Иркутском уезде по инициативе енисейской администрации были поселены беломестные казаки. Окладная енисейская книга хлебного жалования за 1669/70 гг. зарегистрировала 10 таких казаков, посланных из Енисейска «в новой Иркутской острог на вечное житье».⁹⁸ В 1680 г. численность иркутских беломестных казаков составила 19 человек.⁹⁹ В 1676 г. беломестные казаки появились под Тункинским острогом.¹⁰⁰ В 1680 г. к ним подселили еще 10 человек, переведенных из Иркутска.¹⁰¹ Кроме того, беломестные казаки проживали в районе Бельского острога, который в 1701 г. был передан в ведение иркутских воевод.

После оформления в 1681 г. Иркутского уезда, а Иркутска как его центра, обязанность несения годовых служб в острожках распространилась на Иркутск и Селенгинск, так как там уже были постоянные гарнизоны. С этого времени иркутские казаки «попеременно» служили в Тункинском, Ангарском, Баунтовском острожках,¹⁰² селенгинские – в Удинском острожке и на «Ильинской заимке».¹⁰³ Правда, вследствие «малолюдства» иркутского и селенгинского гарнизонов, в Иркутский уезд на протяжении 80-х гг. продолжали высылаться служилые люди из Енисейска. В 1682 г. Енисейск отправил на временную службу в Ангарский, Баргузинский, Баунтовский и Тункинский острожки 47, а в 1684 г. в те же острожки и Кучидское зимовье – 60 казаков.¹⁰⁴

К середине 80-х гг. XVII в. в Иркутском уезде насчитывалось 240 казаков. По гарнизонам они распределялись следующим образом: в Иркутском - 46, Селенгинском - 157, Баргузинском - 37. Кроме того, в районе Иркутского и Тункинского острогов проживало около 30 беломестных казаков. Большая часть казачества уезда (за исключением баргузинского гарнизона) была представлена местными постоянными военными кадрами. Вместе гарнизоны Нерчинского и Иркутского уездов к середине 80-х гг. XVII в. насчитывали около 640 городских и 30 беломестных казаков.

3. Формирование служилого населения Нерчинского и Иркутского уездов во второй половине 80-х гг. XVII – первой четверти XVIII вв.

Значительное увеличение численности воинских сил Нерчинского и Иркутского уездов во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XVII в. было связано со сложной внешнеполитической и военной обстановкой, сложившейся на юго-восточных рубежах. Оборона Забайкалья и Приамурья и правительственные меры, принятые в этом направлении, достаточно полно освещены В.А. Александровым и рядом других исследователей. Это позволяет нам остановиться на них кратко, только в плане характеристики причин, определивших дальнейший численный рост местного служилого населения и источников его комплектования.

В первой половине 80-х гг. XVII в. Цинский Китай перешел к активной подготовке захвата Забайкалья и Приамурья: проводилась тщательная разведка местности и русских укреплений, прокладывались дороги, строились пограничные крепости, стягивались воинские силы.

К началу 1684 г. маньчжурские регулярные войска начали открытые военные действия. В районе северных притоков Амура они уничтожили русские остроги Долонский, Селемджинский, Зийский, захватили и разорили русские деревни на Амуре и летом 1685 г. осадили Албазин. Одновременно под давлением и при попустительстве маньчжурского двора участились набеги монгольских феодалов на русские опорные пункты, расположенные в южной части Забайкалья и в Предбайкалье: Селенгинск, Ильинскую слободу, Тункинский и Удинский острожки, Иркутск.

Положение русских воинских сил в Забайкалье и Приамурье было особенно тяжелым. Им приходилось вести борьбу на два фронта: против регулярного маньчжурского войска в Приамурье и отрядов монгольского Очирой Саин-хана – в Забайкалье. Людских же сил для отпора агрессорам было абсолютно недостаточно. Московское правительство было поставлено перед необходимостью проведения спешных мер административного и военного порядка, среди которых наиболее важным явилось решение о комплектовании тысячного полка для обороны Даурии.

По намеченной разверстке, 600 человек будущего полка предполагалось набрать на территории Тобольского разряда, а 400 – в районах, подведомственных Енисейску.¹⁰⁵ В счет этого числа из городов Западной Сибири (Верхотурья, Тобольска, Тюмени, Туринска) было отправлено в Даурию 100 стрельцов и казаков и 500 казачьих

детей и братьев, которые «в службу поспели», а также наемников, заменивших служилых людей и их родственников.

По социальному положению эти наемники были выходцами из разных слоев населения. Среди 23 верхотурских наемников по известным данным 14 человек были «жителями» и посадскими людьми Верхотурья, 4 – крестьянскими детьми, 1 – ямским охотником, 1 – сыном подъячего, 1 – приставом приказной избы.¹⁰⁶ В Тобольске в отряд попали гулящие люди. О наличии последних сообщил енисейскому воеводе торговый человек Иван Ушаков: «... и бывали в Енисейске не в чинах, а в гулящих людех и бывали у них (у Алексея и Ивана Ушаковых – Г.Л.) в наемных сроках в работе. И ...Иван и Алексей тех наемных людей от воровства унимали и, видя их дурно, против записей, по их винам смиряли урочными работами».¹⁰⁷

Таким образом, состав новоприборного полка включал, с одной стороны, казаков, стрельцов и их родственников, а с другой – представителей посадских и крестьянских низов, а также гулящих людей, не имевших навыков военной службы.

Быстро перебросить из Западной Сибири на Восток такой большой отряд и снабдить его по пути продовольствием в условиях Сибири XVII в. было чрезвычайно трудной задачей. Тобольская администрация не рискнула отправить одновременно весь отряд, а разделила его на две партии. Первая, состоявшая из 380 казаков тобольского и туринского наборов, во главе с «начальным человеком» сыном боярским Борисом Неприпасовым вышла 24 мая 1684 г. Немногим позже из Тобольска были отправлены 220 верхотурцев и тюменцев под началом сына боярского Федора Лосева. В Енисейске обе партии были объединены под началом енисейского сына боярского Афанасия Бейтона.

На территории Енисейского разряда набрать предполагаемых 400 служилых людей и их родственников, вследствие «малолюдства», оказалось невозможным. Поэтому набор ограничился гулящими, промышленными и «всяких чинов людьми». Летом 1684 г., не дожидаясь подкрепления из Западной Сибири, Енисейск отправил «на даурскую службу» отряд из 34 человек.¹⁰⁸ В середине июня 1684 г. в помощь даурским гарнизонам оттуда снова ушел отряд численностью в 82 человека.¹⁰⁹ Одновременно енисейский воевода отдал распоряжение иркутской администрации об отправке в Нерчинск и Албазин ссыльных, которые были присланы «в Ыркуцкой в пашню холостые и иные... которые в Ыркуцком пашни не пашут», с оговоркой, чтобы «до указу их в службу не верстать». Тогда же он потребовал от илимского воеводы посылки 100 служилых людей и их родственников в Даурию.¹¹⁰

В то время, как шел набор воинских сил и их переброска в Даурию, положение ее защитников ухудшалось. В июле 1685 г. после кровопролитных боев, использовав все возможные способы обороны, албазинский гарнизон сдал крепость. Однако, прибытие с пушками и боеприпасами «новоприборного» полка Афанасия Бейтона из Западной Сибири, а также уход маньчжурских войск с Амура позволили русским вернуться в Албазин, заново его отстроить, укрепить и приготовить к обороне. Осенью 1685 г. и в начале 1686 г. на Амуре происходили постоянные столкновения между русскими и маньчжурскими отрядами. В июле 1686 г. под Албазином вновь появились регулярные военные силы маньчжуров, которые предприняли осаду этой крепости, безуспешно длившуюся в течение 5 месяцев. Столь же безрезультатными были действия и монгольских феодалов в Забайкалье.

Неудачные попытки маньчжурской династии утвердиться в юго-восточной Сибири вынудили ее пойти на дипломатические переговоры с русской стороной. В свою очередь, и Россия стремилась к установлению добрососедских отношений с Китаем при условии сохранения за нею освоенных районов.

Для лучшей организации обороны восточно-сибирских уездов и установления мирных политических и торговых отношений в конце декабря 1685 г. из Москвы в Нерчинск было отправлено посольство во главе с боярином Федором Алексеевичем Головиным, которому фактически передавалась вся административная и военная власть в Восточной Сибири. Посла сопровождали 500 московских стрельцов, несколько офицеров (полковники Ф. Скрипицын, П. Грабов, подполковник С. Богатырев), пушкари, гранатчики, бронники и лекарь.¹¹¹

Ожидая при ведении переговоров и заключении договора военный нажим со стороны Китая, правительство объявило новый набор, согласно которому дополнительно к 500 московским стрельцам сибирским воеводам приказывалось укомплектовать за счет сибирских ресурсов отряд численностью в 1400 человек. Из этого числа планировалось набрать 650 служилых, 350 их родственников и 400 человек «изо всяких чинов гулящих и охочих людей, оприч тяглых пашенных крестьян».¹¹²

Но даже самые категорические предписания центра местным властям о всяческом содействии посольству не избавили Ф.А. Головина от трудностей, возникших при наборе в Сибири служилых людей. Ссылаясь на «малолюдство», Тобольск и Тюмень вместо требуемых 700 дали только 597 человек.¹¹³ Илимский воевода вместо 170 казаков и их родственников отправил только 120 человек, из которых «в лицах не

оказалось» 16 (из них 4 «были в бегах», 2 умерли, 10 были больными и старыми).¹¹⁴

Практически, в Верхотурье, Тобольске, Тюмени, Нарыме, Енисейске Ф.А. Головин набрал всего 478 стрельцов, казаков и драгун и 455 казачьих и стрелецких родственников. Общее же число тех и других было почти на 70 человек меньше ранее предполагаемого.¹¹⁵ В дополнение к служилым людям и их родственникам в конце 1686 г. в Иркутске было зачислено в службу 160, а в Илимске – 17 «охочих и промышленных людей». ¹¹⁶ В общей сложности «в полк» Головина было набрано на территории сибирских уездов 1100 человек.¹¹⁷ Из них более 900 человек приходилось на представителей служилого сословия и менее 200 – на гулящих и промышленных людей. Остальных 300 человек было предписано добрать позднее в Тобольске, Тюмени, Верхотурье.¹¹⁸

Всего в 1688 г. вместе с московскими стрельцами и находившимися в Забайкалье и Приамурье гарнизонами численность русских войск, которыми располагал Ф.А. Головин, по справке Сибирского приказа, составила 2434 человека.¹¹⁹

В 1689 г. между Россией и Китаем был заключен первый договор, получивший название Нерчинского. Не останавливаясь на истории подписания договора, его содержании и значении, поскольку этот вопрос является предметом специального исследования, мы присоединяемся к мнению исследователей, отметивших, что «договор знаменовал начальный этап государственного территориального размежевания между Россией и Цинской империей»¹²⁰ и что силой навязанный России договор «установил русско-китайскую границу, не соответствующую фактической границе трудовой деятельности русского населения». ¹²¹ Он содержал для России территориальные уступки, в числе которых нужно назвать потерю Албазина. В силу несправедливости договора, «вынужденная территориальная уступка со стороны России могла иметь лишь временный характер». ¹²²

После заключения Нерчинского договора обстановка на границе продолжала оставаться напряженной и требовала проведения серии мероприятий, направленных, в первую очередь, на усиление обороноспособности пограничных Иркутского и Нерчинского уездов.

В связи с этим, первостепенное внимание было уделено увеличению гарнизонов Нерчинска, Иркутска, Селенгинска и укомплектованию гарнизона Удинского острога. Последнему отводилась важная роль в защите «Даурских и Байкаловских острогов».

Расположенный на перекрестке водных путей, связывающих Иркутск, Селенгинск и Нерчинск, Удинск мог быть использован как

стратегически важный пункт, сосредоточивающий крупные воинские силы, способные по первым тревожным сигналам оказать оперативную помощь в трех направлениях: Иркутском, Селенгинском и Нерчинском. Сам же Удинск, будучи сравнительно удаленным от границы, окруженный лесными массивами, был малодоступен для вражеской конницы.¹²³

Выгодное географическое положение Удинска обратило на него внимание сибирской администрации еще в середине 80-х гг. XVII в. В 1684 г. по инициативе енисейского воеводы К. О. Щербатова обсуждался вопрос о целесообразности изменения административной подчиненности Удинска и передачи в его ведение Селенгинска. В Удинске предполагалось создать значительный гарнизон, часть которого можно было бы использовать на годовых службах «для всяких вестей и стенных караулов» в Селенгинске.¹²⁴ В Удинск же, как более безопасное место, предполагалось переселить семьи селенгинских казаков.

Однако, в 1684 г. осуществить задуманное не представилось возможным. «За малолюдством» удинский гарнизон укомплектован не был. Обстановка же на границе была такова, что перевод гражданского населения из Селенгинска в Удинск мог быть расценен монгольскими феодалами как проявление слабости и вызвал бы активизацию их действий.

В конце 80-х гг., когда в распоряжении Ф.А. Головина оказалось достаточное число служилых людей, реализовать намеченные мероприятия по укреплению воинских сил Восточной Сибири стало возможным.

Сначала удинский гарнизон планировалось укомплектовать путем пожизненной приписки к нему 740 служилых из кадровых, «посланных по выбору» людей. Такой путь комплектования гарнизона был равнозначен принудительному административному переводу и для Иркутского и Нерчинского уездов применялся впервые. Этим же способом предполагалось увеличить численность «старого» нерчинского гарнизона с 200 до 400 человек, а иркутского и селенгинского – соответственно каждого до 200 человек.

Однако, практика принудительного перевода встретила решительное противодействие «посланных по выбору» служилых людей, поскольку последние считали «даурскую службу» временной. Из гарнизонов начались побегі, в Сибирский приказ посыпались челобитные с жалобами на затянувшуюся службу, с просьбами «об отпуске в свои дома и семьи». Невозможность оставлять челобития без ответа и сохранять без изменения положение служилых «посланных по

выбору» стала для Москвы очевидной. Небезынтересными являются сведения, объясняющие отказ от приписки «на вечное житье» к удинскому гарнизону 740 служилых «посланных по выбору», поскольку из этого числа 296 человек были «людьми женатыми и домовитыми», 218 человек оставили в Западной Сибири престарелых родителей, многие были увечными и больными.¹²⁵

Учитывая все эти обстоятельства, путь административного перевода служилых людей из Западной Сибири в Удинск был признан неприемлемым и заменен уже не раз проверенным на практике и оправдавшим себя приемом комплектования гарнизонов за счет периодически высылаемых из Западной Сибири и сменявших друг друга партий служилых людей, из которых какая-то часть могла добровольно остаться на постоянное жительство, не возвращаясь на прежнее место службы. В данном случае Сибирский приказ возлагал надежды на «охотников», которые «из розных чинов пошли своею волею, иные переменялись с конными и пешими стрельцами».¹²⁶ В пользу этого мнения высказывался и Ф. А. Головин в своей докладной записке, присланной 28 января 1691 г. в Москву: «... из служилых людей, которые взяты из Тобольска, Тюмени, Томска, Нарыма, ...кто похочет, велеть им оставатца своею волею. И из них знатно, что многие оставлены будут, потому что иные из них завелись домами и поженились... и дать им на домовое строение хотя малое что из казны».¹²⁷

Высказанная аргументация встретила поддержку Сибирского приказа. Удинский гарнизон было решено укомплектовать добровольцами из служилых, «посланных по выбору» из западно-сибирских городов. В 1691 г. новым указом численность удинского гарнизона сокращалась вдвое: «... и тех выборных розных чинов служилых людей ..., которые оставлены в Удинску по именному списку расписать пополам через человека. И одной, первой половине, 376 человеком для опасности от приходу воинских людей и для обережи Байкаловских и Даурских острогов быть до указу... в Удинску, а другую половину тех служилых людей из Удинска отпустить в сибирские города, из которых они выбраны и посланы».¹²⁸

Взамен «отпущенных» в 1694 г., Тобольск, Тюмень, Томск, Березов и Пельым снова отправили в Удинск 340 служилых людей,¹²⁹ из которых до места добралось – 325 человек.¹³⁰

Казачий штат Нерчинска был увеличен с 200 до 428 человек. В начале 90-х гг. в это число вошли служилые «старого» нерчинского гарнизона, две трети которого состояли из старожильческого служилого населения. Новая часть гарнизона складывалась из нескольких групп.

Самую большую из них численностью в 94 человека составили бывшие «албазинцы», среди которых было 25 казаков, 1 пушкарь, 11 пашенных крестьян и 57 гулящих и промышленных людей, взятых в службу «за осадное албазинское сидение». В состав «нового» гарнизона вошли также казаки и казацкие родственники – 46 человек, «посланные по выбору» из городов Западной Сибири и пожелавшие остаться «навечно» на нерчинской службе. Остальные вакансии заполнялись гулящими и промышленными людьми.¹³¹ По распоряжению Ф.А. Головина, численность иркутского и селенгинского гарнизонов доводилась до 200 человек в каждом. Пополнение было произведено за счет тех же гулящих, промышленных и «посланных по выбору» служилых людей, добровольно оставшихся на «вечной службе» в юго-восточной Сибири.

За счет увеличенного штата были укомплектованы постоянным служилым населением и некоторые острожки, в которые ранее высылались годовальщики из уездных центров.

Из подведомственных Нерчинску острожков ранее других – в 1692 г. завершилось образование постоянного штата аргунского гарнизона. С указанного года жалование для его казаков выдавалось не в Нерчинске перед их отправкой на годовую службу, а высылалось непосредственно в гарнизон.¹³² К 1694 г. были укомплектованы постоянными кадрами и гарнизоны Телембинского, Еравненского, Итандинского, Читинского, Иргенского острожков. Отныне нерчинские окладные книги, сметы и пометы фиксировали имена служилых людей и суммы их окладов для каждого гарнизона отдельно.¹³³

Были образованы постоянные гарнизоны и в некоторых острожках Иркутского уезда. В 1691 г. отменили посылки годовальщиков из Селенгинска в Удинск. Положение изменилось настолько, что теперь уже удинский гарнизон, состоявший из западно-сибирских казаков, посылал годовальщиков в Селенгинск.¹³⁴ Удинский гарнизон обеспечивал казаками и Баргузинский острожек. Необходимость посылок годовальщиков из Селенгинска в Ильинскую* и Кабанскую слободы была ликвидирована в 1693 г. постройкой острогов Ильинского и Кабанского, в которых размещались постоянные казацкие гарнизоны – по 20 человек в каждом, набранные из гулящих и промышленных людей.¹³⁵

В 1691 г. к Иркутскому уезду отошел Верхоленинский острожек, гарнизон которого насчитывал 45 человек. Что касается Иркутска, то его гарнизон, как гарнизон уездного центра, и в 90-х гг. и в более

* Впервые вокруг слободы в 1688 г. был построен стоячий острог. В 1693 г. он был заново «подделан». Имел одну проезжую и две глухих башни по углам. (Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский. Летопись Сибирских городов... С.157).

позднее время обеспечивал несение годовых служб в острожках, постоянное служилое население которых еще было недостаточным: Баргузинском, Баунтовском, Кучидском, Ангарском, Тункинском, Култуцком.¹³⁶ В связи с этим, в 90-х гг. XVII в. и в начале XVIII в. в Иркутск из Западной Сибири присылались на временную службу «посланные по выбору» служилые люди и их родственники.

Таблица 3¹³⁷

Иркутский уезд			Нерчинский уезд		
	1693 г.	1725 г.		1694 г.	1725 г.
Иркутский	200	450	Нерчинский	231	384
Селенгинский	200	250	Аргунский	52	63
Удинский	370	100	Телембинский	27	24
Верхоленский	45	Отошел к Илимскому уезду	Итанцынский	15	25
Баргузинский	20	41	Читинский	10	39
Идинский	20	20	Еравненский	10	16
Ильинский	20	20	Иргенский	4	Гарнизона не было
Кабанский	20	20			
Всего	995	901	Всего	425	551

Как видно из таблицы 3, численность служилых людей (без служилых людей по отечеству) в 1693 г. составила в Иркутском уезде 995 человек. В гарнизонах Нерчинского уезда в 1694 г. казацкие штаты составили 425 человек. В обоих уездах штат составил 1420 человек.

В последующие годы изменения численности гарнизонов зависели от ряда причин. Штат иркутского гарнизона, как уездного центра, в 1697 г. вырос до 250, а указом от 21 декабря 1701 г. был увеличен до 400 человек. В 1720 г. он насчитывал 480, а штатным расписанием 1725 г. – сокращен до 450 человек.

Улучшение внешнеполитической обстановки ликвидировало надобность в содержании большого гарнизона в Удинске, и его численность указом от 1701 г. была сокращена с 370 до 200 человек, а штатным расписанием 1725 г. – до 100 человек.

В 1725 г. пограничный селенгинский гарнизон, ранее имевший 200 человек, был увеличен до 250 человек. Это объяснялось большой значимостью города в русско-китайской торговле. В Кабанском, Ильинском и Удинском острогах в 1725 г. насчитывалось соответственно по 20 конных и пеших казаков в каждом, в Баргузине – 41 пеший казак.

Известный рост штатов наблюдался и по гарнизонам Нерчинского уезда, для которых в 1725 г. в сумме была утверждена 551 вакантная единица. Их распределение по гарнизонам было следующим: в

Нерчинске – 384, Телембинске – 24, Читинске – 39, Еравненске – 16, Итанцынске – 25, Аргунске – 63. Численный рост нерчинского и аргунского гарнизонов мог объясняться эксплуатацией нерчинских серебряных рудников и необходимостью их охраны.¹³⁸ В целом в 1725 г. в гарнизонах Иркутского и Нерчинского уездов числилось 1452 человека.

Таблица 4.¹³⁹

Движение состава иркутского гарнизона в 1692 – 1708 гг.

Год	Выбывшие					Поверстанные						
	наличное число	отставлены	умерли, убиты	сбежали	Всего выбыло	Родственники служилых людей	посадские, их родственники	«новокрепцы»	гулящие и промышленные люди	ссылные	приосвоение неизвестно	всего по верстанию
1692	200	11	6	2	19	13	-	-	1	2	3	9
1696	213	3	4	-	7	5	1	1	2	-	3	11
1699	305	34	7	-	41	25	-	-	-	-	-	25
1700-1701	306	10	8	3	21	14	-	-	-	-	2	16
1704	412	7	12	1	20	38	3	-	-	-	-	41
1708	424	17	4	-	21	5	11	-	5	-	-	21
Всего		82	41	6	129	100	15	1	8	2	8	134

С 90-х гг. XVII в. более заметным стало привлечение в штат гарнизонов лиц служилого происхождения, что обуславливалось наличием уже значительного числа и дальнейшим ростом старожильческого служилого населения. На примере комплектования Иркутского гарнизона (таблица 4) видно, что из 134 человек, зачисленных в службу с 1692 по 1708 г., 100 человек (т.е. большинство) были родственниками местных служилых людей.

Из 137 человек, принятых на постоянную службу в Нерчинском уезде в промежутке между 1694 и 1714 гг., (таблица 5) больше 50% составляли выходцы из семей служилых людей по прибору.

Таблица 5.¹⁴⁰

Движение состава гарнизонов Нерчинского уезда* в 1694 – 1714

гг.

Год	наличное число	Выбывшие				Поверстанные				
		отста- влен- ны	умер- ли, убиты	сбежа- ли	Всего выбы- ло	родстве- н- ники слу- жилых людей	посад- ские, их родстве- н- ники	«нов- о- крещ- е- ны»	гулящ- ие и промы- шлен- ные люди	всего пове- р- стан- о
1694	425	5	16	1	22	7	-	4	15	26
1699	419	4	18	1	23	1	6	-	16	23
1706- 1707	434	8	17	2	27	22	8	2	3	35
1711- 1712	429- 455	19	16	-	35	45**	-	5	-	50
1714	432	1	12	-	13	3	-	-	-	3
Всего		37	79	4	120	78**	14	11	34	137

*Сведения даны сводные по нерчинскому гарнизону и по гарнизонам подведомственных ему острогов: Аргунскому, Итанцинскому, Еравненскому, Читинскому, Иргенскому.

** В эту цифру вошло 20 некрещенных родственников князей Гантимуровых, принявших русское подданство и приписанных к гарнизону Нерчинска.

Но вместе с тем, кроме родственников служилых людей, в конце XVII – начале XVIII вв. в гарнизоны продолжали поступать лица неслужилого происхождения. Объяснение этому следует искать в экономических изменениях, имевших место в юго-восточной Сибири и связанных с активизацией русско-китайской торговли.

Нерчинский договор 1689 г. открыл возможность почти ежегодной отправки в Пекин казенных торговых караванов. Участие в последних в качестве конвоя было делом очень прибыльным, поскольку товары, провозимые служилыми людьми в пределах определенной суммы, не облагались таможенными пошлинами. Поэтому любой мало-мальски состоятельный житель Иркутского, Нерчинского и близлежащих уездов стремился любым способом попасть в пограничный гарнизон. Наглядно это выглядит из сопоставления данных таблиц 5 и 6, характеризующих пополнение нерчинского и селенгинского гарнизонов.

Согласно материалам таблицы 5, в период интенсивного ведения русско-китайской торговли через Нерчинск (90-е гг. XVII – начало

XVIII вв.) приток в его гарнизон неслужилого элемента был довольно заметным. С перенесением караванной дороги в Селенгинск (после 1703 г.) зачисления в нерчинскую службу лиц неслужилого происхождения сократились. Зато в селенгинском гарнизоне поверстки посадских, промышленных и прочих людей, записанных как «гулящие», возросли (таблица 6).

Таблица 6.¹⁴¹

Источники пополнения селенгинского гарнизона в 1702-1717 гг.

Годы	Родственники служилых людей	Новокрещены	Гулящие	Прочие*	Всего
1702-1705	1	1	4	1	7
1706-1709	11	6	11	1	29
1710-1713	20	11	23	1	55
1714-1717	40	6	34	5	85
Итого:	72	24	72	8*	176
* - среди «прочих»: 1 – торговый человек, 2 – посадских, 2 – «жителя», 1 – ссыльный, 1 – селенгинский попович, 1 – неизвестен.					

Конечно, родственники служилых людей пограничных гарнизонов, оказавшиеся вне штатов из-за нехватки вакансий, протестовали против таких поверсток в службу лиц неслужилого происхождения, особенно пришедших из других («чужих») уездов и «извещали» воевод о беглецах. Соседние воеводы «чутко» реагировали на доносы и принимали соответствующие меры. В 1698 г. енисейский воевода Б.Глебов начал сыск 34 посадских людей, которые в 1697 г. бежали из Енисейска в «Даурские остроги» и «объявились» там как гулящие люди. Как выяснилось позже, 6 человек из них оказались зачисленными в службу в Иркутске, а 4 – в Нерчинске.¹⁴² В 1699 г. из иркутского гарнизона по этой же причине было удалено 32 человека. Из них 27 человек возвращались в пашенные крестьяне, 5 человек – в посад. На освободившиеся должности было принято 24 человека из казачьих родственников, 8 мест временно остались свободными.¹⁴³ В этом же году из селенгинского гарнизона были отставлены ссыльный, беглые крепостной и пашенный крестьяне, т.е. 3 человека незаконно зачисленные в службу.¹⁴⁴

Наряду с этим, с целью укрепления своего влияния среди нерусских народов, правительство увеличило практику поверсток в службу крещеных и даже некрещеных эвенков (тунгусов) и бурят. Служба ставила представителей эвенкийского и бурятского населения в привилегированное положение по сравнению со своими сородичами, поскольку она освобождала от ясака, обеспечивала «государевым жалованьем», открывала возможность для карьеры. Сначала

«новокрещены» зачислялись в десятки вместе с русскими людьми. Затем, когда поверстки нерусских людей стали носить более массовый характер, их стали выделять в особые подразделения. Одними из первых в службу по нерчинскому гарнизону попали дети тунгусского «князца» стольника Гантимурова. Вслед за ними в службу потянулись их сородичи. В 1711-1712 гг. в нерчинский гарнизон было зачислено 20 некрещеных родственников князя Гантимурова (таблица 5). В 1702-1717 гг. в селенгинском гарнизоне получили вакансии 24, а в удинском – 11 «новокрещеных» бурят.¹⁴⁵

Образование старожильского служилого населения и его численный рост создали во втором десятилетии XVIII в. в Иркутском и Нерчинском уездах объективные предпосылки для реальной возможности пополнения гарнизонов на основе сословного принципа. Данные переписи, сохранившиеся за 1721 г. по Нерчинскому уезду, дают 145 имен детей, братьев и племянников старше 17 лет, переписанных в дворах служилых людей по прибору, но не поверстанных в службу.¹⁴⁶ Фактически это был тот резерв, которого бы с избытком хватило для пополнения освободившихся гарнизонных вакансий. К сожалению, по Иркутскому уезду данные переписи не сохранились, но, несомненно, что и в этом уезде к 20-м гг. XVIII в. имелся резерв служилых родственников. Уже в 1703 г. иркутские казаки били челом в Сибирский приказ с просьбой о прекращении присылок в иркутский гарнизон людей, «посланных по выбору» из городов Западной Сибири, и о замещении впредь свободных в иркутском гарнизоне вакансий родственниками местных служилых людей.¹⁴⁷

Но несмотря на открывшуюся реальную возможность восполнять гарнизоны за счет родственников местных служилых людей, администрация сплошь и рядом нарушала сословный принцип верстания. В гарнизоне Иркутска в 1708 г. поверстали 11 человек посадских людей и их родственников. В Селенгинске приток неслужилого элемента в гарнизон был значительным еще и в 1717 г. (таблица 6).

Подобная практика приводила к сокращению свободных вакансий и вызывала справедливые жалобы служилых людей на то, что поверстка в службу лиц неслужилого происхождения открывала перед местной администрацией широкие возможности для незаконной наживы. Жалобы не были безосновательными. Иллюстрацию взяточничества, как системы при зачислении в службу, дают материалы «сысного дела», проведенного в 1717 г. в Удинске и в 1720 г. в Селенгинске лейб-гвардии капралом Пушиным. Последнему путем поименного опроса служилых людей удалось установить, что из числа лиц, принятых в

удинский и селенгинский гарнизоны в период с 1702 по 1717 гг., только несколько человек «взятков не давали», а остальные за поверстку расплачивались с начальством «годовым жалованием», китайскими товарами, скотом, лошадьми, работой.¹⁴⁸

Как мы видим, еще в начале XVIII в. правительство допускало поверстки в службу вольных переселенцев, считая незаконным привлечение в службу лишь представителей тяглых слоев населения. Но после проведения первой ревизии, охватившей подушным окладом почти все слои населения, в том числе гулящих и промышленных людей, власти стали относиться более внимательно к соблюдению сословного принципа верстания. В связи с этим, в 1720 г. Сенат специальным указом, касающимся непосредственно Сибирской губернии, не только строго запретил зачисление купцов и крестьян в состав служилых людей, но и предписал казакам, поверстанным из купечества и крестьянства, продолжать вносить «подати и платежи, которые за ними иманы прежде сего».¹⁴⁹

Указ 1720 г. наиболее действенно и результативно ограничил приток в состав служилых людей лиц неслужилого звания, путем сохранения за ними податного состояния и лишения их тех привилегий, ради которых они шли в службу.

ГЛАВА II

Чиновный состав, военная организация, вооружение. Обязанности служилых людей.

Первоначально гарнизоны Нерчинского и Иркутского уездов состояли из пехоты, преимущественно пеших казаков. Но масштабы обслуживаемой территории, дальние походы и охрана пограничных земель ставили на очередь дня необходимость организации конницы.

В Нерчинском уезде конная казачья служба была введена в начале 80-х гг., в Иркутском – в начале 90-х гг. XVII в., т.е. спустя 20-30 лет после укомплектования значительной части гарнизонов постоянными кадрами.

Позднее заведение конной службы объяснялось, на наш взгляд, не только нехваткой денежных средств (оклады пеших казаков были ниже окладов конных казаков), но главным образом, отсутствием лошадей. Какая-то часть лошадей попадала в уезды вместе с казаками, «посланными по выбору» из более обжитых западно-сибирских уездов. Нехватка лошадей могла бы покрываться за счет ясака, вносимого

нерусским населением. Но на первых порах казна требовала его уплаты ценными собольими мехами. Если в составе ясачных поступлений оказывались лошади и скот, то их использовали для «подмоги» пашенным крестьянам и для обработки «государевой десятинной пашни». Что же касается служилых людей, то скот и лошадей они могли приобретать на свои средства, поскольку первоначально скот и лошадей не разрешалось выдавать в счет жалования. Задержка и невыплата денежного жалования в первые годы существования гарнизонов были серьезным препятствием для закупки лошадей и скота на рынке.

Испромышление соболя и сокращение промысловых угодий способствовали увеличению в составе ясака поступлений скота и лошадей и разрешению их получения в счет жалования. Кроме того, в хозяйствах служилых людей, особенно старожиллов, поголовье лошадей и скота увеличивалось за счет их естественного прироста. Таким образом, местная база стала основой и гарантом возможности перевода рядовых пеших казаков в конную службу.

За исключением Удинска, в котором до 1701 г. частично несли службу пешие казаки, присылаемые «по выбору» из Западной Сибири, рядовой состав в гарнизонах Иркутска, Нерчинска, Селенгинска с 80-х – 90-х гг. XVII в. был представлен преимущественно конными казаками. Стрельцов в гарнизонах было очень мало. В гарнизонах Иркутска, Нерчинска, Селенгинска, Албазина в штате имелись пушкари. Их число, как и в гарнизонах Западной Сибири,¹ было небольшим.

Военная служба разрешалась с 17 лет. Необходимым условием зачисления в служилые люди было поручительство товарищей за лицо, прибираемое в службу: со службы не сбежать, в зернь и карты не играть, государева жалования не пропить, а служить «верой и правдой». Служба не ограничивалась возрастным цензом. Служили иногда до глубокой старости. Главной причиной отставки была болезнь и тяжелые раны – «колотые, пулевые, резаные». Редко причиной отставки была провинность: воровство, пьянство, а также бедность, не позволявшая «подняться на службу».

Военная организация служилого казачества строилась по десятинной системе: десятням, пятидесятиям, сотням. Военные силы в уездах в XVII в. находились в ведении и подчинении воевод. Руководящие должности в гарнизонах занимали десятники, пятидесятники, сотники, атаманы. Верхушка гарнизонов состояла из служилых людей по отечеству – детей боярских, уездных и реже, московских дворян.

Так как с самого начала служилое население Иркутского и Нерчинского уездов складывалось преимущественно из лиц,

«посланных по выбору» из других уездов и из гулящих и промышленных людей, прибранных в службу на месте, то первоначально принцип наследственного замещения руководящих казачьих должностей роли не играл.

На первое место люди выдвигались, благодаря своим личным качествам и продолжительности службы в гарнизоне. Не случайно, что в Нерчинском и Иркутском уездах вплоть до XVIII в. командные посты в гарнизонах занимали прежде всего «старожилы», начавшие служебную карьеру в 50-х – 60-х гг. и получившие повышение в чинах не за службу отцов, а за собственные заслуги: «за раны, осадное сидение, нужное терпение». Например, в Нерчинске из 20 первых казачьих десятников, фамилии которых приведены в окладных книгах 1684-1686 гг., больше половины пришли рядовыми казаками еще с А. Пашковым, а меньшая часть попала в нерчинскую службу в 70-е гг. XVII в. В 1694 г. при нерчинском воеводе М. Гагарине в службу десятниками было зачислено 16 «старых» нерчинских и албазинских казаков.²

Из имевшихся в 1691 г. в Иркутске 16 десятников 11 были «старыми» иркутскими казаками, начавшими службу еще в 60-х – 70-х годах.

Но постепенно у верхушки казачества появилось стремление и возможность добиваться наследственного замещения своих должностей. Сначала эти тенденции стали особенно заметно проявляться в замещении должностей десятников как самой многочисленной категории низшего командного состава. Так в 1688 г. нерчинский десятник А. Плотников, получив служебное повышение в пятидесятничий чин, бил челом о поверстке «в свое десятничье место» сына Андрея. В 1696 г. иркутские десятники И. Кондратьев и А. Уксусов были заменены на службе своими родственниками. По такому же принципу стали замещаться и места пятидесятников. В 1696 г. в должность и оклад иркутского пятидесятника Андрея Москвитина был поверстан его внук Осип, который ранее «никакой службы не нес».³ В Селенгинском гарнизоне отпрыски основателя Селенгинского острога пятидесятника Г. Ловцова на протяжении ряда лет претендовали на замещение должностей пятидесятников.

Постепенно в Нерчинском и Иркутском уездах сложилось и местное уездное дворянство – служилые люди по отечеству. Пути и способы, по которым складывался разряд служилых людей по отечеству в Сибири, до конца XVII в. отличались своеобразием. В этом регионе, в отличие от европейской части России, допускалась возможность замещения высших должностей нерегулярных войск служилыми

людьми по прибору. В европейской части страны уже в 1641 и 1652 гг. были приняты указы, запрещавшие поверстку в чины детей боярских и дворян лиц из других сословий.⁴ Указами от 1675 и 1678 гг. вновь предписывалось зачислять в чины по отечеству только сыновей детей боярских и дворян: «...холопей боярских и стрелецких и козачьих и неслужилых никаких чинов и пашенных мужиков отнюдь не называть и поместными и денежными оклады не верстать» - такова стереотипная формулировка наказов, вручаемых окладчикам при осмотре и разборе дворян и детей боярских.⁵

Однако, запретительные меры, проводимые в европейской части России как раз в период интенсивной колонизации Восточной Сибири, не были столь жесткими на этой территории и сводились, главным образом, только к пресечению переводов в чины по отечеству без специального на то разрешения центра. Такая политика отражала интересы правительства, стремившегося к упрочению своих классовых позиций в Сибири.

Родоначальниками нерчинских служилых людей по отечеству (кроме, «новокрещенов» — князей Гантимуровых) были служилые люди по прибору — конные и пешие казаки, которым личные боевые заслуги, служилый стаж, материальная обеспеченность, а часто и знание грамоты давали шансы на получение чинов по отечеству.

Первыми нерчинскими детьми боярскими стали в 1671 г. Б.Никитин и Г.Лоншаков.⁶ Оба они пришли в Нерчинск в качестве «посланных по выбору» (один — в числе березовских, другой — в числе томских пеших казаков⁷), обжились в Нерчинске, остались там служить навсегда.

Примечательной была судьба нерчинских детей боярских, поверстанных в 1673-1675 гг. Один из них, Ш. Афанасьев, пришел в Якутский уезд гулящим человеком и был зачислен якутским воеводой Д. Францбековым на «амурскую службу» в отряд Е.Хабарова.⁸ После отъезда Хабарова с Амура Ш.Афанасьев оставил Амур, на обратном пути из Даурии встретил воеводу Пашкова, направлявшегося на Шилку, и вступил в его отряд. Схожей с судьбой Ш. Афанасьева была судьба Л.Шишкина, который при поверстке в нерчинскую службу называл себя «бывшим амурским служилым человеком».⁹ За 50 лет, прошедших с момента появления первых нерчинских детей боярских (1671 г.) до проведения в Забайкалье первой ревизии в 1719-1721 гг., в чины по отечеству было переведено 33 бывших служилых людей по прибору (таблица 7). В Иркутске с 1683 по 1708 гг., т.е. за 25 лет, численность служилых людей по прибору, получивших чины по отечеству, составила около 22 человек.

Обычно казачий чин пятидесятника считался в Сибири как бы переходным звеном между служилыми людьми по прибору и служилыми по отечеству. Но для отдаленных уездов, какими являлись Иркутский и Нерчинский, это условие соблюдалось не всегда. Как показано в таблице 7, в Нерчинском уезде и в начале XVIII в. имел место перевод казачьих десятников в служилые по отечеству. Иногда обладателями почетного чина становились даже рядовые казаки.

Таблица 7¹⁰

Дата перевода в службу по отечеству	Служебное положение служилых людей по прибору к моменту их перевода в чины по отечеству в Нерчинском уезде					Чины по отечеству, полученные служилыми людьми по прибору
	рядовые казаки	десятники	пятидесятники	сотники	пушкарки	
1671-1673		4				4
1674-1684		2				2
1685-1693		4	3		1	8
1694-1700	1	2	1			4
1701-1707	2		3			5
1708-1711	2	1		1		4
1712	1	1	1			3
1713-1714	1	1		1		3
1715-1719	Поверстки в служилые по отечеству служилых по прибору не было					
Итого:	7	15	8	2	1	33

Возможность наследственного замещения должностей служилых людей по отечеству в Иркутске появилась раньше, чем в Нерчинске, поскольку среди енисейских годовальщиков, оставшихся «навечно» служить в иркутском гарнизоне, были родственники енисейских детей боярских – внуки знаменитого землепроходца Максима Перфильева – Иван, Василий, Астафий Перфильевы, которые получили чин детей боярских «за раны и кровь» деда и отца – Максима и Ивана Перфильевых. Происхождение было учтено и при переводе в иркутские дети боярские сосланного в Сибирь украинского гетмана Демьяна Многогрешного и его сыновей – Петра и Якова. В числе сосланных в Иркутск и восстановленных в прежних чинах детей боярских были Иван и Петр Арсеньевы, Ю. Крыжановский, В Поддубенский и др.

Через 20 лет, прошедших после появления первых детей боярских в Нерчинском уезде, стало возможным зачисление в чины по отечеству их подросших сыновей: в 1692 г. Ш. Афанасьев, а в 1699 г. Г. Лоншаков били челом о назначении на свои места сыновей.

В целом, как видно из таблицы 8, социальный состав лиц, получивших чины детей боярских, в Нерчинске и Иркутске был

представлен как родственниками служилых людей по отчеству, так и служилыми людьми по прибору. Процесс зачисления тех и других в чины по отчеству шел параллельно еще в первом десятилетии XVIII в.

Таблица 8¹¹

Нерчинский уезд	Годы	Родственники служилых людей по отчеству	Служилые люди по прибору	Новокрещены
	1671-1691	-	6	1
	1692-1714	29	27	-
	1715-1719	8	Зачисления не было	
Иркутский уезд	1683	3	-	-
	1690-1693, 1696, 1699	16	8	2
	1704, 1708	4	14	-
	Итого:	60	55	3

Немногим позже некоторые из местных детей боярских Иркутска и Нерчинска получили чины дворян по иркутскому и нерчинскому «спискам», т.е. стали сибирскими дворянами. Встает вопрос, приравнивались ли немногочисленные сибирские служилые люди по отчеству к служилым людям по отчеству европейской части страны, т.е. к российским дворянам? Разница имела. В первую очередь, в глазах современников ее причиной было «захудалое» происхождение сибирского дворянства, которое в подавляющем большинстве «выбилось в люди» из казачества, и поэтому личный характер привилегий не распространялся на их потомков. Согласно сложившейся практике, их дети могли претендовать только на чин сына боярского и только после этого, благодаря своим заслугам, могли получить чин сибирского дворянина, числившегося в «списке» соответствующего сибирского города.

В первом десятилетии XVIII в. принцип «по породе» детей боярских, ровно как и сибирских дворян, при получении чинов стал усиливаться (таблица 8), но, в силу специфики сибирского региона, не стал подавляющим. Позже в гарнизонах появились дворяне по «московскому списку». Первому чин московского дворянина по политическим соображениям был пожалован в Москве в 1681 г. местному тунгусскому князю Павлу Гантимурову, который позже получил чин стольника. В 1697 г. был произведен в полковники и московские дворяне, т.е. в потомственные российские дворяне через офицерский чин, стрелецкий голова Афанасий Бейтон, отличившийся при обороне Албазина. Получили дворянство по московскому списку и сыновья Афанасия Бейтона Андрей и Яков.¹² Следует отметить, что в дореволюционной литературе высказывалось мнение о том, что

поскольку казачьи звания не признавались офицерскими, казаки не попадали в «настоящие» т.е. московские дворяне.¹³ Однако, приходится признать, что отдельные исключения имели место. Например, в 1714 г. в нерчинских окладных книгах значилось 6 дворян по московскому списку.¹⁴ Повышение этих людей по службе от рядовых казаков до дворян легко прослеживается по окладным книгам и другим документам. Показательной в этом отношении была судьба Семена Молодого. Последний до момента его зачисления в пешие казаки в 1676 г. был известен в Нерчинске как промышленник. В 1688 г. мы встречаем его в числе конных казаков, позже – в десятниках, в 1692 г. – в детях боярских и, наконец, в 1711 г. – в московских дворянах.¹⁵

Сыновьям Семена Молодого уже не пришлось преодолевать трудности, выпавшие на долю их отца. Сетуя в челобитии на то, что дети его «ни в какой чин не пожалованы», Семен Гаврилович в том же 1711 г. добился одновременно со своим повышением «за свои службы и раны» для старшего сына чина московского, а для младшего – нерчинского дворянина.¹⁶

Возможность наследственного замещения чинов привела к сокращению практики переводов служилых людей по прибору в служилые люди по отчеству, а затем и к прекращению этой практики. Например, в Нерчинском гарнизоне в период с 1715 по 1719 гг. замещение чинов детей боярских лицами из казачьего звания прекратилось (таблица 8). Стремясь к сохранению замкнутости сословий, правительство, в свою очередь, провело в 1725 и 1737 гг. «разборы» сибирских дворян и детей боярских¹⁷ и сократило их штат в гарнизонах, тем самым создав препятствие возможности замещения чинов по отчеству выходцам из других сословий.

Порядок верстания на «убылые места» родственников привел к тому, что в гарнизонах порою несли службу целые семьи. Среди них в Нерчинском уезде выделялись своей многочисленностью фамилии Лоншаковых, Плотниковых, Молодых, Казанцевых, Сенотрусовых и др., члены которых были широко представлены в разных чинах, начиная от рядовых и кончая детьми боярскими и московскими дворянами. Особое положение занимал род князей Гантимуровых, старшие отпрыски которого в 1714 г. имели чин стольников, а младшие сородичи служили рядовыми пешими казаками. В Иркутском уезде среди таких больших и пестрых в чиновном отношении служилых семейств нужно отметить Перфильевых, Москвитиных – детей и внуков знаменитых, почти легендарных землепроходцев.

Из приведенного выше примера видно, что, так как многие из сибирских дворян происходили из рядовых служилых людей, их тесная

связь с детьми боярскими и с рядовыми казаками создавали известную сословную пестроту даже внутри одной семьи. Это приводило к определенному отношению к званию сибирского дворянина. На звание смотрели как на должность.

Служилая иерархия «разного чина служилых людей» большинства сибирских гарнизонов, в том числе Иркутского и Нерчинского уездов, согласно окладным книгам жалования, выглядела следующим образом: первыми в списках числились московские и городовые дворяне, затем шел перечень городских детей боярских с разделением их на I, II, III, IV «степени», после них указывались имена атаманов, сотников, пятидесятников. Имена десятников назывались непосредственно перед перечнем имен казаков соответствующего десятка. Первыми перечислялись десятки конных, а затем пеших казаков. Стрельцы и пушкари указывались в конце списков.

Число служилых людей по отчеству, ровно как и всего гарнизонного штата, регламентировалось. Перевод служилых людей по прибору в служилые по отчеству и повышение из детей боярских в дворяне должно было согласовываться с Сибирским приказом через соответствующую докладную отписку воеводы, включающую «послужной список» представленного к повышению служилого человека.

Казачьи гарнизоны были приписаны к уездным центрам и острожкам, каждый из которых был большей или меньшей по величине крепостью. Например, Нерчинский острог (в дальнейшем – Нерчинск) в 1689 г. представлял собой четырехугольный деревянный рубленый городок с 8 башнями, четыре из которых были проезжими. По углам стояло 4 глухих башни. Наверху у башен были прорублены чердаки, обнесенные перилами. На одной из башен были городские часы. В длину крепость с севера на юг вдоль реки Нерчи имела 85, а в ширину – 70 сажень. До 1699 г. в стене со стороны реки Нерчи пристроили еще девятую башню. «По тем временам это была самая мощная и красивая крепость в Приамурье».¹⁸

Что касается Иркутского острога (в дальнейшем – города Иркутска), то в 1668/1669 гг. периметр его стен достигал 200 м, высота стен составляла 7,2 м. По углам стояли 4 глухие башни. В трех стенах, выходящих в степь, были построены 3 проездные башни. Высота глухих башен достигала 11 м, проезжих – 18 м. В северо-восточной стене были построены ворота, ведущие на посад. В 1684 г. периметр отстроенных стен увеличили до 512 м. В 1693 г. город был обнесен «деревянными рубленными городнями», а на башнях устроили сторожевые площадки с

резными перилами. Глухие башни были четырехугольными, главная проезжая имела восьмиугольную форму. Ее высота достигала 20 м.¹⁹

В 1680 г. Албазинский острог представлял крепость, окруженную стенами, протяженностью до 160 саженей с 3 башнями, в том числе 1 проезжей. Острог окружал ров глубиной в 1,5, шириной в 3 сажени, за которым с двух сторон острога были устроены двухъярусные надолбы и набит в шесть рядов «чеснок».²⁰ Близкими к этим в Иркутском и Нерчинском уездах были укрепления и других острожков.

Вооружение острогов было более чем скромным. По подсчетам енисейского воеводы К.О. Щербатова и тобольского воеводы П.С. Прозоровского, в Забайкалье и Приамурье к 1685 г., т.е. ко времени наибольшей напряженности внешнеполитической обстановки, из вооружения имелось в наличии: в Иркутске – 2 пушки, 56 ручных пищалей, около 43 пудов пороха и свинца; в Селенгинске – 4 пушки, пищаль затинная, 104 ручных пищали, 42 пуда пороха и свинца; в Нерчинске и в других забайкальских острогах – 5 пушек медных, 2 пищали затинных, 225 пищалей ручных, 152 пуда пороха и свинца; в Албазине – 3 пушки, 4 пищали затинных, 100 пищалей ручных, около 70 пудов пороха и свинца.

В случае обострения обстановки принимались дополнительные меры по усилению обороны края, в том числе присылка дополнительного вооружения. Например, в мае 1685 г. из Тобольска в «Дауры» было отправлено «московской посылки» 500 пудов пороха и свинца, 10 пушек и 500 ядер.²¹

Пищали ручные, самопалы, бердыши, копыя выдавались служилым людям из казны за «крепкими поруками». Свинец и порох также полагались казенными. Оружие, получаемое служилыми людьми, нередко было в плохом состоянии, и казаки были вынуждены чинить его за свой счет. Остальное воинское снаряжение: седла, сбрую, лыжи, нарты, а также лошадь – служилые готовили сами. Что касается «ясачных лошадей», то их выкупали из казны. Исключение составляли беломестные казаки, которые при поверстке получали казенные мушкеты, порох и свинец, а также средства на обзаведенье лошадью, так как «беломестцы» не получали жалования.

Никакой форменной одежды у казаков, видимо, не было, поскольку сведения о ней не встречаются.²² Правда, частые упоминания в составе товаров, покупаемых служилыми людьми, шнурков – «снурков», красных и синих суконных «вершков» для шапок могли свидетельствовать уже о появлении каких-то отличий в казачьей одежде. В особо торжественных случаях: во время воеводских смотров, прибытия иностранных послов и т.д. служилым предписывалось быть в

«добром нарядном платье» и с ружьем.²³ Приезд нового воеводы, как правило, сопровождался смотром ратных сил. Изредка смотры организовывались по распоряжению Москвы. На них выявлялись не только физическая годность, но и военная готовность служилых: проверялось состояние оружия, военной амуниции и т.д. В поход выступали со знаменем и под барабанный бой. Барабанщики появились в штате после 1695 г. Тогда же нерчинский воевода А. Савелов просил о присылке сиповщика.²⁴ Звуковые сигналы использовались в походах и боях.

Обучение служилых людей в Восточной Сибири еще в 80-х гг. налажено не было, о чем в 1684 г. писал в Москву енисейский воевода К.О. Щербатов: «В Енисейске и острогах служилые люди ратного учения не умеют, а новоприборные ...люди из гулящих людей и из иных чинов и те за пищали принята не умеют». Он же просил Москву о присылке 700 «ученых» стрельцов или солдат с «начальными людьми», которых предполагал распределить по восточно-сибирским острогам в надежде, что от них «местные служилые люди ратное учение примут».²⁵ Просьба енисейского воеводы была отклонена. Но все же для проведения военной кампании в 80-х гг. в Даурию было отправлено несколько опытных русских и иностранных офицеров, а также пушкарей.

Несомненно, что боеспособность гарнизонов ослаблялась практикой использования служилыми людьми наемников, которых они посылали вместо себя на годовые службы. Правительство отрицательно относилось к такого рода заменам и в 1702 г. издало указ: «Во всех сибирских городах служилым людям, которым дается...денежное и хлебное и соляное жалование, на ...службы против некоторых людей ходить самим, а вместо себя не токмо купецкого чина и пахотных крестьян и служилых неверстанных детей боярских и казачьих и их племянников, малолетних и престарелых и которым прокормиться нечем, отнюдь никого не наймовать, для того, что те наемные люди за неискусством воинского дела ружьем владеть не умеют и на боях с неприятели робки и вскоре...бегают и у своей братьи смелость отнимают...и добрые молодцы, оробев, при них пропадают».²⁶

С начала XVIII в. военному обучению служилых людей стало уделяться больше внимания. Усилился также контроль над служилыми людьми во внеслужебное время.

Правда, и в предшествующее время личная жизнь служилого человека, в известной мере, регламентировалась. Недаром, в «наказах» воеводам и «наказных памятях» приказным людям постоянно рекомендовалось следить за тем, чтобы служилые люди вели

«пристойный» образ жизни: «не пили и не бражничали, в кости и зернь не играли, кругов, бунтов и одиначества не заводили».

Активизация классово-войсковой борьбы в 90-х гг. XVII – начале XVIII вв. в Восточной Сибири, в которой служилые люди по прибору сыграли главную роль, привела к дальнейшему усилению полицейского надзора над казачеством и другими категориями населения. С этой целью из среды «лучших» служилых людей стали назначаться десятские, пятидесятские, сотские, которым поручалась полицейская служба – «по вся дни всякие дела к поведению за казаками... усматривать. А буде хотя какой малой замысел злой явитца, и о том объявлять».²⁷ Десятские должны были в своем десятке «жилецких и прихожих и всяких людей ведать и пересматривать почасту, чтоб у всякого десятского люди были все в ведомости».²⁸ Если же кому из «каких-нибудь людей куды для какова промыслу доведется... ехать – велено о том сказываться десятскому», а в случае, если об отсутствии «дней на пять или шесть» десятскому не было поставлено в известность, то виновных предлагалось спрашивать и «всякое свидетельство ответу сказывать».²⁹

Раскрытие заговора среди служилых людей, промышленников и гулящих, направленного против воеводы и крупных торговых людей в 1700 г. в Нерчинском уезде, побудили правительство к еще большему усовершенствованию полицейского надзора над казачеством. Если раньше десятские, пятидесятские, сотские были ответственными в этом отношении перед воеводой, то с 1702 г. они стали также агентами ротмистров, специально присылаемых из западно-сибирских районов в качестве исполнителей полицейских функций и помощников воевод по управлению гарнизонами.³⁰

В обязанности ротмистра входило также обучение воинскому делу казаков, «чего сам ротмистр умеет», и повседневное наблюдение за ними, «...чтоб они жили смирно во всегдашних к воинскому делу учениях и в прилежании всякого своего рукоделия, а не в пьянстве и не в гульбе, от чего многие злобы происходят, и никакие шатости и измены, и смуты, и бунтов отнюдь не чинили».³¹

Приезд ротмистра, знаменующий усиление служебного контроля и муштры, встречался служилыми людьми враждебно. В Нерчинске один из казаков, выразивший общее настроение, «на воеводском дворе и на площади...при многих людех» бранил ротмистра и грозился ему неповиновением, заявляя «...мы де посыльщиков не слушаем».³²

В литературе уже отмечался факт усиления правительственного надзора над сибирскими пашенными крестьянами.³³ Изложенный выше материал свидетельствовал об ужесточении полицейских мер и в отношении служилых людей.

За провинности служилые люди жестоко наказывались. Высшей мерой была смертная казнь. В Иркутском уезде она была применена к наиболее активным участникам восстания 1696 г.³⁴ Из окладных книг 1688-89 гг. известны также два случая казни служилых людей (через повешение) в Нерчинском уезде – за измену и переход к неприятелю.³⁵ Часто служилые наказывались битьем батогами и кнутом, штрафами, конфискацией имущества, понижением по службе, переводом в пашенные крестьяне или ссылкой. В XVII в. местом ссылки иркутских и нерчинских служилых людей был Якутск, а в XVIII в. – нерчинские серебряные рудники.

Официальная военная организация служилых людей Нерчинского и Иркутского уездов, общепринятая для всей Сибири, знала также формы, характерные для традиций казачьего самоуправления, близкие к тем, которые отмечал Н.И. Никитин для гарнизонов Западной Сибири, Н.А. Миненко для Северо-Западной Сибири и В.А. Александров – для Восточной Сибири.³⁶

Суть этих традиций заключалась в действии казачьего войскового круга, вынесении им самостоятельных решений, фактах неподчинения официальной власти. Если в Западной Сибири эти живые традиции самоуправления, свойственные отрядам вольных казаков, распространялись и поддерживались, в первую очередь, соратниками Ермака,³⁷ то в Иркутском и Нерчинском уездах их проводниками были казаки, некогда служившие на Амуре в «войске» Е.П. Хабарова, в котором черты казачьего самоуправления проявились со всей очевидностью.³⁸ Еще в большей степени элементы казачьего самоуправления просматривались в действиях албазинцев, построивших «без государева указа, по своему соизволению» крепость на Амуре – Албазин, создавших «свой» гарнизон из беглых служилых, посадских, гулящих, промышленных людей и крестьян и долгое время не подчинявшихся нерчинским воеводам, в ведении которых они находились. «Вольные» действия казачьего круга проявились и в назначении первым приказчиком Албазина беглого преступника Никифора Черниговского, спровоцировавшего мятеж, в самовольной поверстке в албазинский гарнизон «разного чина людей», в отказе выдачи хлеба для Нерчинска и отправки туда же ясака.³⁹ В Иркутске казачий круг выбрал воеводой местного сына боярского Максима Перфильева вместо умершего воеводы, присланного из Москвы. В Нерчинске казачий круг отказал ротмистру Нарушевскому, присланному из Западной Сибири.⁴⁰ В Селенгинске казачий круг распорядился раздать в счет жалования «ясачную казну». Всюду войсковой круг решал вопрос о дележе ясыря – пленных, захваченных в

бою. Важную роль он играл в 90-х гг. XVII – начале XVIII вв. во время народных движений, охвативших в том числе Иркутский и Нерчинский уезды.⁴¹

*

* * *

В своем гарнизоне или во время посылок в другие районы служилые выполняли *многочисленные обязанности*, круг которых не был регламентирован и поэтому фактически не был ограничен. Основной их обязанностью являлась военная служба, которая в пограничных районах была особенно опасной и напряженной. Вследствие угрозы нападения со стороны Цинского Китая и некоторых монгольских феодалов, русские вооруженные силы Забайкалья и Приамурья в XVII в. находились в состоянии постоянной военной готовности. Казаки охраняли «денно и ночью» не только остроги, но и патрулировали подведомственную острогам территорию, производя «неоплошно и со всяким домогательством» разведку о настроении ясачного населения и зарубежных соседей.

В походы ходили «бережливо и осторожно», имея проводников и толмачей. Основой тактики была неожиданность, называемая «безвестным и тайным приходом». Действовали сообразно с обстоятельствами – «смотря по тамошнему делу». В случае нападения неприятеля, служилые обороняли территорию, и если своих сил было недостаточно, то прибегали к помощи гражданского русского и ясачного населения.

В 60-х – 70-х гг. русским отрядам почти ежегодно приходилось отражать грабительские набеги монгольских тайшей и совершать ответные походы. Приведем примеры некоторых из них.

В 1663 г. баргузинский гарнизон защищал местных тунгусов от монгольского набега.⁴² В 1668 г. казаки Балаганского, Верхоленского, Илимского острогов совместными усилиями отстаивали Прибайкальские районы от набегов монгольских тайшей.⁴³ В 1670-х гг. русские власти предпринимали шаги по обеспечению безопасности Еравненской степи. В ответ на систематические набеги «табунутов» на тунгусское население, обитавшее в районах рек Хилка, Куды, Уды, а также у Еравненского озера, в мае 1674 г. из Нерчинска был отправлен отряд из 400 человек нерчинских, албазинских казаков и промышленников, которые изгнали табунутов в монгольские пределы. В том же году гарнизоны Иркутского, Балаганского, Братского, Верхоленского острожков совместно с ангарскими бурятами отразили натиск монгольских феодалов.⁴⁴

В порубежных районах особенно напряженным было положение в 80-х гг. XVII в., когда русским военным силам приходилось действовать одновременно в Забайкалье и Приамурье.

Осенью 1681 г. казацкие гарнизоны отбивали внезапные набеги халхских ханов и тайшей в районе Забайкалья от Тункинского острожка до Нерчинска. В начале 1682 г. русские встретились с более крупными силами монгольского Очирой Саин-Хана. В этот период особенно тяжело пришлось селенгинскому гарнизону, который хотя и не смог защищать окрестных бурят и русские деревни от разорения, но сам острог отстоял.⁴⁵

Подлинным испытанием мужества русского населения явилась защита Приамурья и оборона Албазина от нападения регулярных маньчжурских войск. По подсчетам В.А. Александрова, к моменту подхода 5-тысячной «осадной армии» маньчжур в июле 1686 г. в Албазине находилось 826 защитников (албазинских казаков и крестьян, западно-сибирских казаков из отряда Бейтона и промышленников). Силы были неравными. Но ни угрозы, ни «прелестные письма» маньчжуров не могли поколебать стойкости албазинцев, девизом которых стало: «един за единого, голова в голову, а назад без указа нейдём!». Зажатый с воды и с суши неприятелем, албазинский гарнизон не только отбивал штурмы и приступы, но делал смелые вылазки. Один из дней мужественной обороны описан казачьим разездом, не успевшим «сесть» в осаду и наблюдавшим за приступом крепости из укрытия: «А был де у них, богдойских людей, в одно время приступ к Албазину большой и стрельбы из пушек из города, и в дыму де города и людей не видать было; и не можа они, неприятели, ничего сотворить, отступили прочь и стоят под городом за турами».⁴⁶

Пять месяцев осады, голода и болезней стоили жизни большинству защитников.⁴⁷ Во время вылазок и от вражеского обстрела к декабрю 1686 г. было убито более 100 человек, погибло от цынги более 500, в живых осталось 150 человек.⁴⁸

Мужественная защита Албазина сковала продвижение маньчжурских войск на Нерчинск и в значительной степени оказала влияние на ведение и исход дипломатических переговоров с Китаем в 1689 г.

Столь же серьезные последствия имели действия отряда, прибывшего с Ф.А. Головиным, и служилых людей забайкальских гарнизонов против численно превосходящих объединенных сил монголов, которым русские нанесли решительное поражение в районе Удинска.

Даже после заключения Нерчинского договора в 1689 г. на границе почти в течение десятилетия сохранялась сложная обстановка⁴⁹ и русским гарнизонам приходилось находиться в состоянии постоянной боевой готовности.

В XVIII в. на служилых людей Сибири распространилась рекрутская повинность. В 1710 г. иркутскому воеводе была прислана грамота, согласно которой ему было приказано набирать в солдаты не только «служилых и посадских и пашенных крестьян...детей и ...свойственников», но и «самих служилых и посадских людей».⁵⁰ По указу 1737 г. в Сибири оставили в штате 76 сибирских дворян и 277 детей боярских. Прочих же сдали в солдаты.⁵¹

Помимо чисто военных функций, связанных с защитой городов, уездов, русского и ясачного населения и военными походами, служилые выполняли ряд хозяйственных, административных и полицейских служб.

Одной из их важнейших обязанностей являлось отыскание «новых земель» и необложенного ясаком населения, которое они должны были приводить в подданство русского царя либо «лаской и приветом», либо известным нажимом. Выполнение этой задачи всегда шло параллельно со сбором политических, географических, геологических сведений о новых землях, с описанием хозяйственных занятий и этнических особенностей местного населения. Заслуга служилых людей в этой области неоднократно отмечалась в исторической литературе, начиная от Г.Ф. Миллера и кончая современными авторами. Отчеты служилых людей о походах являлись одним из ценнейших источников, из которых не только соотечественники, но и народы Западной Европы черпали сведения о «Восточной Тартарии».⁵²

Важнейшие обязанности служилых людей были связаны с хозяйственным освоением уже присоединенных земель. В порядке несения службы казаки могли привлекаться вместо крестьян к обработке «государевой десятинной пашни». Этот вид службы обычно приходился на начальный период колонизации отдаленных районов и вызывался необходимостью немедленного обеспечения гарнизонов местным хлебом, отсутствием или крайней слабостью крестьянского хозяйства, трудностью доставки продовольствия из уже обжитых уездов. С 1641 по 1651 гг. такая пашня, обрабатываемая казаками, существовала под Илимским острогом, в 1653 г. – под Нерчинским,⁵³ в 1658-1662 гг. – под Нерчинским и Иргенским острогами, в начале 70-х гг. – под Селенгинским острогом, в 1680-х гг. – в районе Зийского острожка.⁵⁴ Весной 1658 г. под Нерчинским острогом силами служилых людей было вспахано и засеяно «50 десятин всякого ярового хлеба», а

осенью того же года вместо планируемых 70 десятин было поднято под озимую рожь 100 десятин. Причем, из отписки А. Пашкова известно, что к обработке пашни были привлечены все служилые люди, пришедшие в Нерчинский уезд в 1658 г.⁵⁵ Наряду со служилыми, хотя и в меньшем числе, в некоторых районах (под Зийским и Селенгинским острогами) к работе на пашне привлекались и промышленники.

Порядок организации работы на «государевой десятинной пашне», обрабатываемой служилым населением был для разных районов Сибири близким: обработка пашни производилась с помощью казенных орудий труда и на «государевых конех», казенным был и посевной материал.

Яркую характеристику тяжелой барщинной работы казаков на «государевом десятинном поле» дал протопоп Аввакум, сосланный в Забайкалье и бывший свидетелем первых земледельческих шагов служилых людей в Нерчинске: «И без битья насилиу человек дышит, с весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да петь работай, никуда на промысел не ходи; и вербы, бедной, в кашу ущипнуть сбродит – и за то палкою по лбу; не ходи, мужик, умри на работе!». ⁵⁶

В обязанности служилых людей входила постройка и починка дощаников (речных судов), кочей (морских судов), а также постройка острогов. Не случайно поэтому, снаряжая из городов Западной Сибири служилых людей «в новую Даурскую землю», Сибирский приказ напутствовал воевод включать в состав отрядов, в первую очередь, тех служилых, кому было знакомо плотницкое дело и кому «судовой ход был бы за обычаем». ⁵⁷

Передовые отряды служилых людей были всегда в Сибири первыми градостроителями. В 1657 г. первый нерчинский воевода А. Пашков сообщал о постройке служилыми людьми «в угодных и крепких местах» Иргенского и Нерчинского острогов. При строительстве последнего была использована практика строительства острогов, применявшаяся еще задолго до присоединения Сибири в европейской части страны. Срубленные в зимнее время бревна подгонялись под стены и башни и соединялись в плоты, которые весной сплавлялись по реке к месту строительства острога. Там они собирались в течение нескольких дней. В 1661 г. сын боярский Я. Похабов сообщал в Москву о строительстве «против Иркуты-реки» нового Иркутского острога, в котором «башни... и государев житный амбар служилые люди рубят». ⁵⁸ В 1681 г. нерчинскому десятнику В. Милованову, 11 казакам, 9 промышленникам были вручены «долота, тесаки и топоры» для

«острожной поставки» на реке Аргуни, «а для пропитания - 60 пудов муки ржаной и 100 пудов муки ячной».⁵⁹

В качестве плотников-строителей служилые люди использовались на протяжении всего исследуемого нами периода, так как они не только сооружали новые, но и постоянно привлекались к починке и восстановлению старых острогов.⁶⁰

Роль гарнизонов в строительстве острогов засвидетельствована как нельзя лучше самими служилыми людьми в их челобитной от 1698 г., в которой они напоминали властям, что «в недавних годах...строили Удинский город рубленой одними служилыми людьми; Селенгинской после пожарного времени строили рубленой город одними селенгинскими служилыми людьми; в 202 (1694) г. строили город Иркутской рубленой иркуцкими одними служилыми людьми; Тункинской и Бельской, и Култуцкой остроги – вновь иркуцкими служилыми и всяких чинов людьми; Кабанской и Ильинской остроги строили ж кабанскими и ильинскими (служилыми – Г.Л.) людьми».⁶¹

Постройка острогов и казенных зданий внутри острожных стен, а также речных судов превратилась в сущности для служилых людей, так же как для посадских людей и крестьян, в обязательную повинность. Последнее подтверждается многочисленными примерами. В 1689 г. нерчинские служилые люди жаловались в Москву, что «по развытке» они должны были поставить «в Нерчинске две стены и башни и в городе казенные анбары и зелейные погребы и воевоцкие дворы и аманацкие избы» и вынуждены были давать нанятым вместо себя плотникам «наймы большие, выше ...мочи от дву стен – 1000 рублей, кроме анбаров и погребов и дворов и изб».⁶² В 1693 г. служилые люди нерчинского гарнизона рассматривались нерчинскими властями, наряду с посадскими людьми, как недоимщики, с которых намечалось впредь собрать 38 руб. 88 коп., занятых ими из казны «на городовую поделку и для переноски из города двора князь Павлова Гантимурова».⁶³ В 1699 г. в Иркутске при постройке таможенной избы и торговых лавок служилые люди возили лес вместе с крестьянами и посадскими «по развытнй» и «...в таможенное новое строение и в лавки». «От воски лесу и тесу иркуцкие всяких чинов служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне обложились денежным побором: служилые и посацкие люди – по три алтына и по две деньги с человека, а пашенные крестьяне – по тридцать алтын и по две деньги с десятины». В указанном году в счет этих денег со служилых людей было собрано 8 руб. 50 коп. и не добрано 26 руб. 4 коп. с тех из них, кто был в дальних служебных командировках, которые в подобной ситуации в счет не ставились; с иркутских посадских людей собрали 10 руб. 80 коп., с

«Иркутского присуду пашенных крестьян» - 32 рубля 70 коп.⁶⁴ В 1698/99 гг. «всякого чина люди» (в том числе и служилые – Г.Л.) сдали в казну «на дощанишное строительство» 45 руб. 65 коп.⁶⁵

Служилые выполняли и иные поручения хозяйственного плана. Они высылались не только для разведки, но и для доставки образцов полезных ископаемых. Известно, что именно служилые люди с помощью ясачного населения разыскали, добыли и привезли в Нерчинск образцы руды с места будущего знаменитого Нерчинского рудника.⁶⁶ В дальнейшем, как видно из их челобития 1690 г., служилые неоднократно использовались для добычи образцов руды и ее перевозки в Нерчинск: «посылают их человек 30 и болши в Аргунской острог на Тузячу-речку по серебряную руду. Добывают они руду ис камня, и от этого рудного дела оборвались и одолжали». Служилые жаловались, что эта посылка «сверх конной службы им стала не в мочь».⁶⁷

Эти жалобы были не безосновательными. Действительно, еще в 1670-х гг. сын боярский В. Милованов дважды побывал с небольшим отрядом на притоках Аргуни – реках Олтаци, Мунгучи, Тузячи в поисках серебряной руды. Тогда же привезли руду с Тузячи и Мунгучи казачий десятник Ф. Свешников «с казаки». В 1684 г. участники экспедиции из 30 служилых людей во главе с сыном боярским Г.Лоншаковым и казачьим десятником Ф. Свешниковым привезли с Тузячи и Мунгучи 60 пудов руды (960 кг.) «для опыту». В 1688 г. поиск руды и ее доставка с реки Мунгучи осуществлялась снова служилыми людьми. В 1688 г. 10 служилых людей под руководством Якова Телицына, побывав на аргунском месторождении, привезли в Нерчинск 40 пудов (около 640 кг.) руды. В 1689 г. сын боярский Василий Казанцев с 30 служилыми людьми вновь доставили из «рудных мест» 53 пуда (около 850 кг.) руды.⁶⁸

Поручался служилым людям и досмотр мест, «угожих» под пашни, «куда бы можно было селить пашенных крестьян». Среди служилых были настоящие специалисты своего дела. В 1682 г. посланный воеводой Воейковым отряд служилых людей под руководством пятидесятника В. Милованова представил подробное описание земель, пригодных под пашни по Амуру, Зее, Селемдже.⁶⁹ Годом позже после произведенного «досмотра земель вниз и вверх по Шилке» И. Милованов высказал мнение о том, что на эти земли можно поселить около 500 пашенных крестьян, не «утеснив» при этом местное ясачное население.⁷⁰ Подробное описание земель делалось и в Иркутском уезде, где земли неоднократно «досматривал» сын боярский С. Шестаков.

Важнейшей обязанностью служилых людей был сбор ясака. В данном случае несколько слов следует сказать о ясачной политике Москвы, которую на местах с помощью служилых людей проводила воеводская администрация.

Ясак собирался преимущественно собольими мехами с нерусского населения, вошедшего в состав России. Приведение инородцев в российское подданство предусматривало два способа. Первый сводился к агитации методом «ласки и привета», добровольного вхождения в состав России, второй, как нежелательная крайность – к военному нажиму «... с малым разорением».⁷¹

Не менее важным компонентом в проведении ясачной политики считалось пресечение злоупотреблений местной администрации и служилых людей в отношении инородцев, проявляемых в виде хищения, подмены ясака и документации, грабежа, охоты в ясачных волостях до сбора ясака, отторжения в пользу русских ясачных охотничьих угодий. Нужно отметить, что в случае недобора с инородцев ясака их запрещалось «ставить на правеж», т.е. «выбивать» недостачу при помощи батога. Недоимка просто переносилась на следующий и последующие годы, постепенно возрастая до громадных цифр. Налоги и задолженности с русского населения «выбивали» весьма безжалостно, активно используя вышеупомянутые батоги, т.е. политика правительства по отношению к нерусским народам Сибири в податном отношении была более лояльной, чем по отношению к русским подданным.

Возникает вопрос, почему правительство так упорно требовало от сибирской администрации присылки ясака, а последняя так понуждала служилых людей к его сбору? В исторической литературе интерес государства связывается прежде всего с экономической пользой от ясака. В самом деле, на протяжении XVII в. из Сибири в государственный бюджет поступала только пушнина в виде ясака, а также пошлинного сбора «десятинной мягкой рухляди», с добытой русскими промысловиками пушнины. Собольи меха были российской валютой.*

Экономическая сторона дела закрывала собой еще одну, не менее важную задачу объяснения – политическую, которая выпадала из поля зрения исследователей. Подробнее останавливаясь на этом вопросе, отметим, что во всех воеводских наказах красной нитью проходят одни и те же стереотипные фразы: «ясачных людей ясаком не отягчить», «собирать ясак по их мочи, чтоб от государственной высокой руки их не отгонять (не отогнать – Г.Л.)».

* С 90-х гг. XVII в. в казну стали поступать, кроме мехов, китайские товары.

Если исходить из статей главы II Соборного Уложения,⁷² то в них понятие «государь» отождествлялось с понятием «государство». В понимании человека XVII в. «государева высокая рука» олицетворяла «царя», «государя», а «царь» и «государь» – государство. Поэтому «отогнать» инородцев тяжестью ясака от «высокой государевой руки» понималось как отворотить их от российского подданства. Исходя из этого, можно утверждать, что ясак рассматривался современниками не только как средство пополнения казны. Равноценным экономическому, ясак имел громадное политическое значение. Дело в том, что до прихода русских подавляющее большинство сибирских народов находилось на более низком уровне социально-экономического и политического развития. Круг их обязанностей и подчинения часто не выходил за пределы своего рода, ближайших соседей и их старейшин («князьцов»). Поэтому инородцы слабо представляли свои обязанности как податного сословия в отношении государства.

В связи с этим, для русской администрации ясак был одним из важнейших рычагов, с помощью которого нерусские народы, принявшие российское подданство, должны были в более широком смысле приходить к пониманию государственности, к необходимости, также как и все россияне, выполнять обязанности в пользу того громадного многонационального государства, в состав которого они вошли и которое их обороняло и защищало.

В ясачных делах центральная власть требовала от местного начальства и непосредственных исполнителей – служилых людей сочетания двух основных принципов: максимального увеличения объемов собираемой с инородцев пушнины (без принуждения в виде батога) и умеренного отягощения ясачных жителей. Переплетение этих взаимно несовместимых основ определяло действия служилых людей, собиравших ясак, что дало повод некоторым исследователям сделать акцент на злоупотреблениях, насилии, вымогательствах ясачных сборщиков – служилых людей и рассматривать ясак только как средство эксплуатации нерусских людей, а служилых, как проводников и исполнителей этой эксплуатации.

Полностью отрицать это трудно. Однако, нельзя не учитывать тот факт, что сбор ясака был одним из опасных видов службы. Ясачных сборщиков и лиц, сопровождавших ясачную казну, часто убивали. За недобор ясака служилых наказывали вплоть до лишения жалования целого гарнизона: «За что его давать? Служилые не радуют казне великого государя, ясаку собрали мало» – читаем в одной из царских грамот, пришедших в Селенгинск. «Никого не порол так часто и усердно, как казаков» – подметил в свое время В.Н. Шерстобоев, имея в

виду провинности служилых людей, связанные в том числе и с ясачным сбором.

Справедливее было бы сказать, что в звеньях правительственной ясачной политики служилые были лишь «стрелочниками», на которых «вешали» вину за ясачный недобор, злоупотребления в виде пересортицы пушнины, охоты в ясачных волостях и торговли до сбора ясака, в то время как главными виновниками на местах, допускавшими казнокрадство в крупных масштабах, были воеводы и воеводская администрация.

Негативные моменты, сопровождающие сбор ясака, не могут заслонить положительную оценку одной из важнейших обязанностей служилых людей. По большому счету их действия следует рассматривать не только как средство пополнения казны и увеличения денежного бюджета, но и как средство приобщения нерусских народов к их пониманию государственности. Поэтому эту обязанность служилых людей следует оценивать как их важнейшую социальную функцию, исполнение которой имело позитивное значение, на много перевешивающее те отрицательные стороны, именно на которые обычно делают акценты при анализе исполнения служилыми людьми их обязанностей.

Служилые являлись сборщиками налогов и пошлин и с русского населения. Осуществляя таможенную службу, они выполняли роль таможенных целовальников: осматривали, взвешивали, измеряли, считали, разбирали вещи, прикладывали к поклаже печати, нередко принимали участие в оценке товаров.

Служилые избирались целовальниками при приемке и раздаче денег, хлеба, соли, при торговле «государевым» вином, пивом, квасом. Их привилегированная часть (дворяне, дети боярские) исполняли административные должности приказных в острожках, слободах, на заставах, снимаясь при этом с «государева жалования», были ответственными за охрану правительственных торговых караванов.

Значительная часть времени уходила на служебные поездки. Казаки ездили в качестве курьеров с отписками, сопровождали хлебные, соляные и прочие караваны. Особенно ответственными и длительными считались поездки в Москву «за казнами великого государя», т.е. с «ясачной, десятинной и поминочной мягкой рухлядью». Правда, согласно воеводским наказам, с «ясачной казной» в Москву высылались далеко не все, а те из служилых, кто ее собирал по ясачным стойбищам, да и то «самые лучшие», так как на них ложилась тяжкая материальная ответственность.

Доставка жалования также была делом служилых людей. Об ответственности и тяжести, которая ложилась на плечи служилых в таких поездках, могут свидетельствовать выдержки из вручаемых им «наказных памятей»: ехать днем и ночью «...наспех, не мешкав нигде не часу; а плавучи...соболиную казну на порогах обносить..., от воды и всякой злой пригоды беречь накрепко, чтоб сверху и с исподи не подмочило и воровские и неприятельские люди никакой порухи и хитрости не учинили».⁷³ Протяженность и время прохождения путевых расстояний в конце XVII в. были известны и местной администрации и Сибирскому приказу. Поэтому любая задержка («мешкота»), приводившая к увеличению срока пребывания в пути, могла быть учтена и расценивалась администрацией как необоснованное промедление. Непредвиденные расходы, связанные в этом случае с доставкой казны, ложились на плечи отправлявшим или получавшим казну гарнизонам. При этом нужно добавить, что казенные суммы, отпускаемые на расходы по доставке казны, были небольшими и поэтому не соответствовавшими действительным расходам. В связи с этим, служилым почти всегда приходилось делать доплаты за свой счет. Например, в 1685 г. казаки, доставившие из Москвы в Нерчинск денежную и товарную казну, израсходовали на покупку саней, рогож, веревок сверх положенных казенных денег еще 3 руб. Эти деньги было велено «зачесть в... жалование в оклады нерчинским служилым людям».⁷⁴ В 1694 г., доставляя из Москвы в Нерчинск денежную и товарную казну, служилый Яков Судейкин израсходовал «дорогой на подводы» сверх отпущенных ему из казны 5 руб. еще 37 руб. 15 коп. Эта сумма, по указу, была наложена на товары, предназначаемые служилым людям в жалование.⁷⁵ В 1704 г. служилые люди, доставлявшие из Москвы в иркутский гарнизон жалование, израсходовали по дороге сверх положенной суммы еще 46 руб. 80 коп., которые были вычтены из окладов служилых людей.⁷⁶

Не менее сложным было сопровождение торговых караванов и дипломатических представительств за рубеж. Оно требовало от служилых людей больших материальных затрат, опыта, сил и здоровья. Поездки за рубеж для некоторых из наиболее грамотных служилых людей были связаны с выполнением ими дипломатических поручений. В числе «сибирских дипломатов» немало имен служилых людей из нерчинского и иркутского гарнизонов: Василия и Игнатия Миловановых, Семена Молодого, Любима Уварова, Максима и Ивана Перфильевых, Юрия Лабы и др.⁷⁷ Архивы сохранили написанные этими людьми интересные статейные списки (правда, не все),

проливающие свет на внешнеполитические отношения России с Монголией, Джунгарией, Китаем.

Служилые люди исполняли полицейские функции. Они охраняли тюрьмы, следили за порядком в городе, вылавливали воров, разбойников, переписывали население на предмет налогового обложения, разыскивали беглых крестьян, посадских людей, охраняли рудники, сопровождали ссыльных и рекрут. После введения в уездах подушной подати казачьи команды выезжали на места ее сбора «для понуждения».

ГЛАВА III

Государственное обеспечение служилых людей.

1. Виды и оклады жалования.

За выполнение «государевой службы» служилые люди получали жалование, состоящее из денег, хлеба и соли. По мнению правительства, эти три компонента жалования, вместе взятые, были достаточными для обеспечения существования семьи служилого человека, а также исправного несения им службы.

Наименьшие по размеру оклады приборных служилых людей были у рядовых пеших казаков. Годовой денежный оклад такого казака на протяжении XVII – первой четверти XVIII вв. состоял из 5 руб. Хлебный оклад пешего казака был равен 5-6 четв. ржи.* Иногда, в первые годы существования гарнизонов, пешие казаки получали овес преимущественно в объеме 4 четв.** С введением конной службы овес выдавался только пешим казакам тех гарнизонов, которые несли годовые службы (например, в иркутском гарнизоне) и только семейным казакам. Пешим бессемейным казакам, даже в случае их отправки на дальние годовые службы, овес не полагался.

Сначала денежные оклады пеших десятников и пятидесятников в Иркутском и Нерчинском уездах были выше окладов пеших казаков соответственно на 25 и 50 коп., но в начале XVIII в. они были уравнены с окладами пеших казаков.

Жалование сотников и атаманов пеших казаков было устойчивым и состояло соответственно из 7 руб., 3,5 четв. ржи, 3, 5 четв. овса, 2 пудов соли и 10 руб., 7,5 четв. ржи и 1,5 четв. соли, т.е. по всем статьям

* Здесь и далее везде имеются в виду четверопудные четверти.

** Поскольку овес был из-за климатических условий мало распространен в обоих уездах, «овсяная» часть жалования выдавалась рожью и ячменем.

было ниже окладов тех же чинов тобольского гарнизона.¹ Соляные оклады пешего рядового состава колебались от 1,5 до 1,75 пуда, т.е. были ниже, чем в Тобольском разряде.

В расчете на постоянное содержание лошади годовой оклад рядовых конных казаков был выше, чем у пеших, и составлял для пограничных гарнизонов (Нерчинского и Красноярского уездов и гарнизона Селенгинска) 7 руб. 25 коп., для внутренних (иркутского гарнизона) – 7 руб. и для тех и других – 6,5 четв. ржи, 4 четв. овса и 2 пуд. соли, что близко (кроме соли) к ставкам конных казаков тобольского гарнизона за 1647/48 гг.²

Командный состав конных казаков (десятники и пятидесятники) вплоть до середины 90-х гг. получал оклады, близкие к окладам рядовых казаков. В 1694 г. нерчинским воеводой М. Гагариным была предпринята попытка увеличить денежную часть жалования десятникам до 7 руб. 50 коп., а пятидесятникам – до 7 руб.75 коп.³ Однако, уже через 4 года «воеводские надбавки», введенные без санкции Сибирского приказа, были отменены и зачтены десятникам и пятидесятникам в счет окладов последующих лет.⁴

Строгие меры Москвы встретили сопротивление нерчинской служилой верхушки, которая засыпала Сибирский приказ жалобами на незаслуженное «умаление» ставок в пограничном уезде. Под их давлением Москва пошла на уступки, утвердив «надбавки» и фактически санкционировав дальнейшую дробность особенно в пятидесятничьих нерчинских ставках. Уже в 1706 г. нерчинские десятники получали 7 руб. 25 коп. и 7 руб. 50 коп., а пятидесятники - 7 руб. 25 коп. и 7 руб. 75 коп., 8 руб., 10 руб. 25 коп., 11 руб. Хлебная часть окладов нерчинских пятидесятников колебалась в 1706 -1707 гг. от 8 четв. ржи, 8 четв. овса до 14 четв. ржи, 14 четв. овса.⁵

В последующее время Москва, стремясь ликвидировать дробность в окладах, приравняла объем хлебной и соляной части жалования пятидесятников к ставкам десятников и рядовых конных казаков. Но размер денежного жалования конных пятидесятников в Нерчинском уезде не был твердым и в первой четверти XVIII в.

Оклады конных сотников и атаманов, также как и пеших, были устойчивыми и составляли у сотников – 8 руб., 6,5 четв. ржи, 4 четв. овса, 2 пуда соли, у атаманов – на 2 руб. выше. Эти оклады были ниже окладов сотников стрелецких и атаманов пеших казаков Тобольска.⁶

Служилым людям по отечеству жалование устанавливалось индивидуально. Наименьшим окладом считался «новичный» оклад, подтвержденный в 1700 г.: «Сибирских городов детям боярским новичные оклады чинить попрежнему...указу: денег – 7 рублей, хлеба –

против денег в старую меру вдвое, а в нынешнюю московскую меру – в полы,^{*} по 2 пуда соли человеку».⁷

Семирублевые «новичные» оклады чаще всего давались лицам, переведенным в разряд служилых по отчеству из числа служилых по прибору. Несмотря на то, что они были ниже или равны окладам конных казаков, бывшие служилые люди по прибору соглашались получать их в течение довольно долгого срока, настолько заманчивым для них представлялся переход в почетное звание служилого по отчеству. Например, по окладным книгам известно, что поверстанные из конных казаков в нерчинские дети боярские П. Забродин и М. Шемелин служили с «новичным» окладом более 10 лет.⁸

В начале XVIII в. в Нерчинском и Иркутском уездах с целью упорядочения окладов детей боярских было введено их делений на 4 статьи: дети боярские I статьи получали 12-13 руб., 12 четв. ржи и овса, 3 пуд. соли; II статьи – 10 руб., 10 четв. ржи, 10 четв. овса, 3 пуд. соли; III статьи – 8 руб., 8 четв. ржи, 8 четв. овса, 2 пуд. соли; IV статьи – 7 руб., 7 четв. ржи, 7 четв. овса, 2 пуд. соли.⁹ Однако, установленная система часто нарушалась тем же Сибирским приказом, с санкции которого внутри каждой статьи оклады дублировались, увеличивались или уменьшались.

Наивысшие оклады в обоих уездах были установлены для дворян «по московскому списку» и стольников. Оклад стольников составлял от 30 руб., 30 четв. ржи, 30 четв. овса до 40 руб., 40 четв. ржи, 40 четв. овса, 5 пуд. соли. Кроме того, в оклад стольников входило 20 ведер вина. Стольниками в Нерчинском уезде были нерусские «князцы» Гантимуровы. Оклады московских дворян колебались от 12-13 руб., 12 четв. ржи, 12 четв. овса, 3 пуд. соли до 35-40 руб., 30 четв. ржи, 30 четв. овса, 5 пуд. соли.

Правда, жалование московским дворянам очень часто выплачивалось не полностью, а с «убавкой, против московских дворянских дач». Например, сыновья Афанасия Бейтона вместо положенных им 20 руб. получали по 8 руб., дворянин Семен Луговской вместо 40 руб. получал 30 руб. и т.д. Московский дворянин Андрей Бейтон, вместо положенного московского поместного оклада в 500 четв., получал 12 четв. ржи, «а овса тож».¹⁰

Вообще повышение по службе и право перехода из чина в чин, равным образом как и повышение окладов, в целом зависели не только от происхождения служилого человека, его способностей и личных

^{*} Старая мера хлеба была равна четверопудной четверти, «нынешняя московская мера», т.е. мера, распространенная в XVIII в., стала восьмипудной четвертью.

заслуг, но и от отношения с местной администрацией, злоупотребления и произвол которой были явлением традиционным.

Центральная и местная документация тех лет пестрит сообщениями о противозаконных «воеводских верстаниях», «прибавках» жалования, незаконном дроблении выморочных окладов и их раздаче в качестве «надбавок». В Нерчинском уезде был случай, когда после смерти нерчинского пятидесятника В. Милованова его сын по-прежнему был оставлен в рядовых казаках, а оклад его брата И. Милованова сначала передан другому лицу, затем разделен и роздан в качестве «надбавок» детям боярским Г. Лоншакову, Н. Сенотрусову, И. Аршинскому, С. Молодому, В. Казанцеву.¹¹ Воеводские «надбавки» отдельным служилым людям за счет ставок других служилых людей, незаслуженные поверстки были особенно распространены в период правления воевод Савеловых и Гагариных и неоднократно являлись предметом царских «розысков».¹²

Кроме годового жалования, служилым людям в случае дальних посылок выдавались деньги «на подъем». Однако, в условиях крайней нерегулярности выплаты жалования сибирским служилым людям «подъем» стал все чаще заменяться своевременно выдаваемым годовым жалованием на текущий или даже в счет следующего года. Подобная практика встречала ожесточенное сопротивление служилых людей, которые в разной форме напоминали администрации об условиях и практике оплаты при посылках на дальние службы. Например, в 1684 г. около 600 казаков, следуя из западно-сибирских городов на службу в Даурию, осадили Енисейск и под угрозой его обстрела из пушек потребовали от воеводы Щербатова выплаты денежного жалования по той причине, что перед отправкой им был выдан только «подъем», а о годовом жаловании тобольская администрация «забыла». Угроза расправы возымела действие. Воевода «вспомнил» порядок оплаты и был вынужден отпустить казакам хлебные запасы, положенные им еще в счет жалования.¹³

Кроме жалования, особо отличившиеся служилые люди могли получать подарки за «явственный бой, за взятие пленных» и т.д. В условиях Иркутского и Нерчинского уездов они выдавались большей частью «русскими», позже китайскими таможенными товарами, иногда ясачными дешевыми мехами и скотом.

Служилым, приехавшим в Москву с ясачной казной, выдавался «поденный корм», деньги «за выход» и подарок – сукно «доброе».

Сначала для получения жалования требовалась личная явка служилого. Позже, когда сложился постоянный состав гарнизонов и случаи побегов со службы стали редкостью, появилась возможность «не

являться в лицах», а получать жалование по доверенностям, или как тогда говорили, «по отписям». Впервые, например, по Нерчинскому уезду такие «отписи» встречаются в 1702 г.¹⁴

Назначение служилых людей на должность приказчиков на период такой службы приводило их к снятию с жалования, поскольку считалось, что «на приказе служилые сами себя кормят». Подобный порядок создавал своеобразное право приказным людям на произвольные поборы с населения.

В XVIII в. появился вид вспомоществования, который распространялся на служилых, вышедших в отставку. Еще в XVII в. даже немощные и больные служилые люди, ушедшие со службы, не получали никакой помощи из казны. Указ Петра I от 1712 г., запрещавший под страхом наказания нищенствовать и предписывающий местным властям принимать меры против нищих (отправлять их в монастыри, в богодельни, заставлять работать),¹⁵ повлиял и на судьбы неимущих отставных служилых людей в Сибири, для которых специально стали создаваться богодельни. В Иркутске казенная богодельня появилась в 1714 г.,¹⁶ в Селенгинске и Удинске – в 1717 г., немногим позже – в Нерчинске. «Богодельщикам» - бывшим служилым людям назначались казенное питание и мизерная «пенсия» - 1 руб. в год. К 1717 г. в Иркутске, Селенгинске и Удинске насчитывалось 62 «богодельщика», годовая «пенсия» которых в сумме составила 62 руб.¹⁷ В связи с «мизерной пенсией богодельщиков», в Восточной Сибири появилось очень гуманное, неписанное правило отдавать право заготовки березовых веников для казенных бань, как посильную работу, только «богодельщикам». В неокладных частях нерчинских и иркутских денежных смет из года в год значились казенные расходы на закупку нехитрых даров леса исключительно у этой категории людей. Причем, за «веничный откуп» казна денег не взимала.

В целом же объем жалования рядовых и младшего командного состава был недостаточным и не обеспечивал прожиточного минимума особенно многосемейных служилых людей. Наиболее тяжелым было положение служилых людей в начальный период освоения уездов, когда последние почти целиком зависели от централизованного финансирования, а местное снабжение только налаживалось. В такие годы цены на хлеб были «непомерными». Например, согласно данным, приводимым В.И. Шунковым, в Нерчинске еще в начале 80-х гг. «пуд ржаной муки покупали по рублю и по два и по три и по четыре и болши» и даже в 1698 и 1699 гг. стоимость пуда ячневой муки поднималась до 50 коп.¹⁸

Следует также отметить, что установленные оклады часто числились только на бумаге, а в действительности попадали служилым людям неполностью, несвоевременно, с большими перебоями.

Рассмотрим теперь, как практически осуществлялась выдача разных видов жалования служилым людям, и ее специфические особенности, характерные для изучаемого района.

2. Денежное снабжение служилых людей Нерчинского и Иркутского уездов.

Первоначально, когда гарнизоны почти целиком существовали за счет присылаемых средств, денежное жалование выплачивалось по мере его присылки. Когда уезды стали обходиться собственными средствами, жалование стало выдаваться дважды в год в сроки, установленные администрацией.

Схема была несложной: часть жалования (реже вся сумма) высылалась непосредственно из казны Сибирского приказа, другая – могла собираться по раскладке и присылаться из других сибирских городов, которые уже имели значительные местные доходы, прежде всего, из Верхотурья, Тобольска и Енисейска.

Средства, высылаемые в счет денежного жалования, как правило, включали не только деньги, но и различные товары, среди которых попадались «холсты казакам на рубахи, чтобы им было в чем ходить», пестряди нижегородские и теврюские, кумачи красные, сукно кармазин, сукно шиптюги «на кафтаны», вершки «на шапки», шнуры и нашивки, сафьян, а также ткани иностранного происхождения: сукна «анбурские, литовские, аглицкие» и шелка. Изредка какая-то часть жалования высылалась предметами, имеющими хозяйственное назначение, как-то: топорами, ножами, неводными сетями и т.д. Соотношение присылаемых на жалование служилым людям денег и товаров было произвольным.¹⁹

Распоряжение о первой посылке денежного жалования служилым людям Нерчинского уезда было дано 12 декабря 1663 г., т.е. только через 5 лет после образования уезда, через год после «Медного бунта», знаменовавшего денежный кризис в стране и отмену медных денег. Жалование состояло из 460 руб. серебром, холстов и неводных сетей по оценке в 740 руб.²⁰ Присланные средства восполнили лишь только 1/10 часть денежной задолженности, которая к 1663 г. выросла до 12500 руб. Уменьшение нерчинского гарнизона до 46 человек в 1666 г. облегчило казне возможность выплаты им жалования за предыдущие годы. Но после 1666 г. в его присылке снова наступил перебой. К 1670 г. денежная задолженность нерчинским служилым людям выросла до 2929 руб.²¹ К началу 1673 г. в Нерчинске вновь было получено из

Москвы 3070 руб. деньгами и на 970 руб. товарами, которыми смогли лишь частично погасить накопившуюся задолженность. В последующие 6 лет (с 1674 по 1680 гг.), несмотря на то, что нерчинские служилые люди получили деньгами и товаром 5122 руб.,²² недоплата им жалования составила сумму более чем в 1000 руб., которая выплачивалась позже – между 1681 и 1683 гг.²³

Еще в худшем положении находилось снабжение служилых людей пограничных Селенгинского, Албазинского и внутреннего Иркутского острогов, жалование в которые не высылалось не столько по вине Москвы, сколько по вине местной администрации.

Так енисейские воеводы в начале 80-х гг. XVII в. вовсе прекратили снабжение деньгами селенгинского гарнизона, обвиняя его казаков в «нерадении ясачному сбору». Обвинение было несправедливым, так как недобор «ясачной казны» объяснялся уважительными причинами – временной откочевкой части ясачных людей за рубеж и напряженностью внешнеполитической обстановки. Что касается албазинского гарнизона, то в период с 1676 по 1682 гг. жалование, присылаемое его казакам, задерживалось в Нерчинске и раздавалось нерчинским служилым людям.

Официально считалось, что присылаемые средства являлись лишь дополнением к местным доходам. В XVII в. доходы сибирских уездов были двух основных видов. К первому относились так называемые «ясачные сборы», т.е. дань, взимаемая в пользу царской казны с нерусского населения. Другие доходы, собираемые с русского населения, складывались из всякого вида пошлин, налогов, откупов и десятинных таможенных сборов, вносимых от частной торговли преимущественно мехами.

В начальные годы освоения уездов пошлинные десятинные сборы «мягкой рухлядью» на много превосходили другие статьи уездных доходов, развитие которых требовало известного промежутка времени.

Ясачные поступления и десятинные таможенные сборы Иркутского и Нерчинского уездов состояли не только из дорогостоящих собольих, но и более дешевых мехов: рысей, лисиц, выдр, росомах, белок, волков и т.д., которые брались в счет собольих шкурок. Кроме мехов, в составе ясачных поступлений Нерчинского, и в меньшей мере, Иркутского уездов известное место занимали рогатый скот, лошади и верблюды, поступавшие вместо собольих мехов от бурят и эвенков (тунгусов).

Уже в 1662 г. в Нерчинском уезде было зафиксировано «50 скотин ясашных и лошадей». В 1667 г. ясачный сбор скотом составил «52 лошади и рогатого скота больших и малых 20 скотин». В 1682 г.

ясачные поступления, собранные в Нерчинске и его присуде, составили 122 лошади и 90 голов рогатого скота. В целом, по двум уездам общий объем ясачных и десятинных поступлений выглядел следующим образом: в 1686/1687 гг. в Иркутском уезде было собрано 70 сороков 39 соболей, 526 лисиц, 83 рыси, 10 выдр, 1 бобр, 56 росомах и 1 лошадь, в Нерчинском – 63 сорока 19 соболей и пупков собольих, 91 рысь, 67 лисиц красных, 182 лошади, 130 голов рогатого скота; в 1688/89 гг. – в Иркутском 72 сороков 38 соболей, 449 лисиц, 106 рысей, 18 волков, 41 росомаха, 4 выдры и 1 бобр, в Нерчинском – 56 сороков 10 соболей и пупков собольих, 319 рысей, 182 лошади, 198 голов рогатого скота, 4 верблюда; в 1697/98 гг. в Нерчинском уезде – 95 сороков 39 соболей и пупков собольих, 35 лошадей, 409 голов рогатого скота; в 1700 г. в Иркутском уезде – 68 сороков 28 соболей, 43 лисицы, 38 рысей, 16 росомах, 2 корсака, 1 волк, 161 белка.²⁴

Ясачные поступления и десятинные таможенные сборы, взятые ценными собольими мехами, подлежали обязательной отправке в Москву, не являясь доходной частью местного бюджета. Что же касается дешевых мехов и такого вида ясачного сбора как скот и лошади, то последние в некотором количестве могли быть использованы на окладные расходы, тем более, что централизованное снабжение было недостаточным и нерегулярным.

Однако, система выплаты жалования служилым людям предметами ясачных поступлений утвердилась в обоих уездах не сразу. Это объяснялось, видимо, тем, что первоначальное установление для уездов высоких норм ясачных сборов и постепенное снижение поступлений ценной пушнины ставило местную администрацию перед необходимостью изыскания любых путей возмещения недобора ценных мехов. Поэтому нетранспортабельные и менее ценные предметы ясачных поступлений не выдавались в счет окладов, а распродавались или обменивались на дорогие собольи меха. Купленные или выменные собольи шкурки присовокуплялись к общей соболиной казне, высылаемой в Москву, компенсируя в какой-то мере недобор ценной пушнины с нерусского населения. А служилые, годами не получавшие жалование, должны были покупать из казны жизненно необходимые им предметы ясачных поступлений: скот и лошадей.

В 1666 г. нерчинский приказчик Толбузин сообщал в Сибирский приказ о выгодной распродаже «ясашных коней» служилым людям, которые заплатили в казну три сорока 14 соболей.²⁵ Подобный же факт имел место в начале 1682 г., когда нерчинский воевода Воейков наотрез отказал теленбинским казакам в их просьбе получить «на ссуду итанцинского ясашного сбора» 4 быка и корову, одновременно настрого

приказав теленбинскому приказчику в дальнейшем «менять быков на соболей» или продавать скот служилым людям на деньги.²⁶

Служилые пограничных острогов решительно боролись против такой несправедливости, требуя включения в местный бюджет нетранспортабельных и менее ценных ясачных сборов и получения их в счет своего жалования. Первыми начали такую борьбу служилые селенгинского гарнизона. В 1674, 1679-1680 гг. они самовольно разделили между собой собранную ими «ясачную казну», вызвав тем самым негодование и жалобы в Сибирский приказ енисейской администрации.*

В 1682 г. албазинские казаки под угрозой раздела «ясачной казны» заставили нерчинского воеводу Воейкова занять 500 руб. у торговых людей и возместить этой суммой хотя бы часть положенного им денежного жалования.²⁷

Впервые разрешение выплачивать жалование предметами ясачного сбора, не подлежащими отправке в Сибирский приказ, (т.е. кроме ценных собольих мехов, бобров и чернобурых лисиц) было получено в Иркутском уезде в начале 1681 г., будучи включенным в «наказ» воеводе И. Е. Власову.²⁸ В 1681 г. собранная ясачная казна («плохие» соболи и лисицы), оцененные в 200 руб. 10 коп., были розданы казакам селенгинского гарнизона. При окладе в 5 руб. каждому из селенгинских казаков досталось ясачных мехов на сумму 1 руб. 52 коп.²⁹

В 1683 г. селенгинские казаки снова получили «ясашную казну» - лошадей, рогатый скот, даже соболей, собранных ими в 1681 и 1682 гг.³⁰ В 1683 г. им же было выдано 120 рысей и 76 выдр на сумму в 314 руб. 90 коп.³¹ В 1692 г. «ясашная мягкая рухлядь и лошади», полученные селенгинскими служилыми людьми в составе окладов, оценивались в 140 руб. (общий оклад гарнизона был равен 918 руб. 75 коп.).³²

В начале 80-х годов под давлением массовых челобитий администрация Нерчинского уезда также была вынуждена пойти на небольшие уступки, чередуя отказы о выдаче жалования «ясашным скотом» с разрешением на такие дачи. По отрывочным данным в конце 1682 г. служилыми нерчинского и аргунского гарнизонов было получено в счет денежного жалования 5 лошадей и 7 голов рогатого скота.³³

Постепенное увеличение численности служилых людей на юго-восточных рубежах Сибири и обострение военной ситуации привели к улучшению системы снабжения. С санкции Сибирского приказа в середине 80-х гг. служилым людям Нерчинского уезда разрешалось

* Селенгинск тогда находился в ведении енисейского воеводы.

раздавать не только «ясашный скот» и дешевые меха, но и деньги, полученные от их распродажи. Только в 1685 г. дополнительно к товарам и деньгам, присланным в уезд из Москвы, казакам нерчинского гарнизона было роздано 22 головы рогатого скота на сумму в 74 руб. и 481 руб. 61 коп. деньгами, полученными от продажи 136 голов рогатого скота, 80 лошадей, 160 рысей и 109 лисиц «красных».³⁴ В 1688 г. воевода И. Власов приказал торговым людям оценить на гостинном дворе «ясашные рыси» и продал их торговому человеку С. Бушкову за 715 руб. 50 коп. Вырученными деньгами была погашена задолженность казны служилым людям «полков» Ф.А. Головина, И.А. Бейтона, а также нерчинского гарнизона за 1686 и 1687 гг.³⁵

Всего за период с 1684 по 1690 г. в счет жалования служилым людям было выдано «ясашного сбору» 919 голов рогатого скота, 464 лошади, 862 рыси, 389 лисиц «красных» на общую сумму в 3262 руб. 53 коп. Общая же стоимость ясака, собранного в Нерчинском уезде за указанное время, составила 60553 руб. 57 коп.³⁶

Как правило, цены на предметы ясачного сбора не превосходили величину окладов служилых людей. В 80-х – 90-х гг. рысьи меха, идущие в жалование, оценивались от 1 руб. до 2 руб. 50 коп., стоимость 1 головы крупного рогатого скота колебалась между 4-8 рублями, стоимость лошади не превышала 5 руб.³⁷ Лошади по такой цене считались средними, так как за скакуна, «годного для скорых посылок», платили в указанное время по 11-12 руб.³⁸

Но, тем не менее, несмотря на предпринимаемые меры, задолженность казны служилым людям в 80-х гг. оставалась заметной. Например, в 1684 г. при окладе в 1512 руб. государство осталось должным служилым людям нерчинского гарнизона 1325 руб. 10 коп., в 1685 г. – 619 руб. 66 коп., в 1687 – 951 руб. 35 коп., в 1688 – 982 руб. 15 коп.³⁹

В 1681 г. из 1038 руб. 31 коп., подлежащих к выдаче на текущий год, задолженность иркутскому, селенгинскому, баргузинскому гарнизонам составила 605 руб. 48 коп.,⁴⁰ в 1682 г. – 480 руб. 45 коп., а в 1683 г. – 543 руб. 23 коп.⁴¹ Правда, по сравнению с предыдущими годами, погашение задолженности в 80-е гг. проходило более оперативно, что, несомненно, являлось отражением роста местных доходов и улучшением централизованного снабжения. Основная часть задолженности выплачивалась уже на следующий год: из 1325 руб. 10 коп., недоплаченных в Нерчинске в 1684 г., в 1685 г. было погашено 1295 руб. 78 коп.,⁴² из 619 руб. 66 коп., недоданных в 1685 г., в следующем году заплатили 597 руб. 85 коп.⁴³ и т.д. Но с албазинскими казаками окончательно расплатиться администрации так и не пришлось.

Большая их часть погибла во время осады маньчжурскими войсками Албазина в середине 1680-х гг.

С 1690-х гг. предметы ясачных поступлений в составе жалования служилых людей стали встречаться реже и на меньшие суммы, чем в предыдущие годы. Их «вытеснение» произошло за счет появления нового местного источника окладных доходов и расходов – китайских таможенных товаров.⁴⁴

После заключения в 1689 г. русско-китайского договора экономические отношения с Китаем расширились. Торговый транзит через Нерчинск способствовал росту его таможенных доходов, которые поступали в казну в виде денег, китайских, сибирских и «русских» товаров. Уже в период с 1687 по 1689 гг. доход нерчинской таможни составил «деньгами и товарами» 2509 руб.,⁴⁵ в период с 1694 по 1697 гг. он достиг 26983 руб. 63 коп.,⁴⁶ а в промежутке между 1698 – 1702 гг. – 105908 руб. 36 коп.⁴⁷

С перенесением в 1703 г. караванного торгового пути из Нерчинска в Селенгинск Нерчинск потерял былое значение транзитного центра, что не замедлило сказаться на его таможенных сборах, которые резко упали: в 1708 г. они составили всего 9 руб. 75 коп.,⁴⁸ в 1711 г. таможенный доход оценивался в 1446 руб.,⁴⁹ в 1714 г. – в 584 руб. 14 коп.⁵⁰

Правда, понизившиеся таможенные сборы с импортных товаров компенсировались в Нерчинске, в известной мере, ростом иных доходов и, в первую очередь, получаемых от знаменитого в будущем нерчинского рудника, а также налогов, взимаемых с численно выросшего населения, от торговли им «русскими» и сибирскими товарами. В сумме основные статьи дохода в Нерчинске⁵¹ в 1708 г. составили 3367 руб. 11 коп.,⁵² в 1711 г. – 12963 руб. 40 коп.,⁵³ в 1714 г. – 6625 руб. 80 коп.⁵⁴ Что касается иркутских таможенных доходов, то с 1705 г. они возросли за счет сборов китайских товаров в селенгинской таможне. Если в 1694 г. доходы Иркутска и подведомственных ему острогов составили 6840 руб. 83 коп., из которых 621 руб. приходился на стоимость китайских товаров,⁵⁵ то в 1705 г. таможенные сборы Иркутского уезда только китайскими товарами оценивались в 35993 руб.⁵⁶ Высокие таможенные сборы сохранились и в последующее время.

Появление нового источника казенных доходов в условиях недостаточного централизованного снабжения не могло не отразиться на составе окладных расходов пограничных районов.

Ассортимент китайских товаров, выдаваемых в счет денежного жалования служилым людям, подчас отражал их многообразие на рынке. Здесь были ткани: камки, китайки, атласы, бархат, а также

предметы хозяйственного и военного обихода: посуда, зеркала, оружие и т.д.

Китайские товары были впервые выданы в жалование в 1683 г. казакам селенгинского гарнизона.⁵⁷ В 1690 г. по распоряжению Ф.А. Головина и нерчинские казаки получили китайские товары «нерчинского таможенного сбора» на сумму в 972 руб.⁵⁸ Пятью годами позже разрешение о выплате жалования китайскими товарами распространилось и на внутренние остроги Иркутского уезда, снабжение которых поручалось нерчинским воеводам. Однако, последние крайне недобросовестно отнеслись к порученному делу, в 1697 г. ограничившись лишь посылкой китайских товаров на сумму в 495 руб.⁵⁹ Воспользовавшись нерадивостью нерчинской администрации, иркутские власти, как и прежде, стали навязывать иркутским служилым людям залежавшиеся в казне «холсты и кумачи верхотурской присылки», чем вызвали решительный протест служилых людей. Последние отказались выступить на годовые службы, вынудив тем самым Сибирский приказ отдать распоряжение в дальнейшем раздавать в жалование китайские товары «иркутского таможенного сбора». И уже в следующем 1698 г. «камки и китайки иркутского таможенного бранья» фигурировали в составе окладных расходов Иркутска.⁶⁰

До 1695 г. оценка китайских товаров, выдаваемых в жалование, соответствовала их местной таможенной оценке и, следовательно, была ниже стоимости этих товаров «в русских городах». Выплата жалования китайскими товарами на таком условии была не выгодна казне. Поэтому Сибирский приказ в 1695 г. установил повышенные расценки на китайские товары, выдаваемые в счет жалования служилым людям Нерчинского и Иркутского уездов, приравняв их к «московским ценам»: постав камки «большой руки» стоил 8 руб. 50 коп., камки «средней руки» - 6 руб. 50 коп., косяк атласа – 5 руб., лензы, гайки – соответственно по 1 руб. 50 коп.⁶¹

Служилые люди были недовольны высокой стоимостью товаров, выдаваемых им в счет жалования. Под влиянием их челобитий, а, возможно, и волнений, охвативших восточно-сибирские уезды во второй половине 90-х гг. XVII в., правительство снизило цены на импортный товар, предназначенный в оклады: «...камки большой руки (выдавались – Г.Л.) по 7 рублей с полтиною, средней и меньшей руки – по пяти рублей с полтиною для того, что против китайской покупки приложено только по одной полтине за всякие протори и харчи, а китайки отдавать тюневые по пяти рублей, однопортищные – по сороку алтын, а иные мелочные китайские товары давать против прежних

оценок для того, что мелочных товаров в Нерчинску бывает малое число».⁶²

Вместе с китайскими, в жалование служилым людям в XVIII в. из европейской части страны продолжали присылаться отечественные товары, производство которых еще не было налажено в отдаленных районах Восточной Сибири, а также предметы европейского импорта. Правда, нередко присылаемые «русские» товары навязывались в жалование служилым людям в большем, чем нужно, количестве и по завышенным ценам, что вызывало их справедливые жалобы.

В 1700-1701 гг. служилым людям иркутского гарнизона в счет годового жалования были выданы дешевые холсты на сумму в 2600 руб., которые казна никак не могла реализовать на рынке. Иркутяне, получившие холст, жаловались, во-первых, на его высокую стоимость (по 2 алтына за аршин), не соответствующую действительному положению цен на рынке (1 алтын за аршин), а во-вторых, на то, что жалование было выдано преимущественно не деньгами, а ненужным товаром. Попытка администрации и в следующие годы снова повторить выплату окладов холстами встретила решительное противодействие служилых людей по прибору, которые наотрез отказались выступить на годовые службы и написали коллективную челобитную в Москву.⁶³

В грамоте, присланной из Сибирского приказа, иркутской администрации рекомендовалось впредь подходить к выплате жалования, «смотря по людям»: казакам давать в счет окладов больше денег и меньше товаров, «чтобы им было чем подняться на дальние службы», а представителям служилой верхушки – наоборот.⁶⁴ Однако, на местах это благое пожелание центра было искажено в пользу служилой верхушки, которая, хотя и стала получать большую часть жалования товаром, но дефицитным, ходовым (вроде китайских тканей). Служилые же люди по прибору получали, хотя и в меньшем количестве, но залежавшиеся, не пользующиеся спросом товары, вроде все тех же вышеупомянутых холстов.

В целом, в начале XVIII в. основная часть денежного жалования и в самых отдаленных уездах стала компенсироваться из местных и прочих «сибирских» доходов. В качестве примера можно привести ассортимент предметов, выданных в жалование нерчинским служилым людям в 1712 г. Наименьшую его часть составили товары «верхотурской посылки» - 33 косы и сошника, 27 серпов, 28 фунтов пороха. Остальная часть жалования возмещалась за счет местных доходов: здесь были предметы ясачного сбора – 16 волков «целых убитых» и 3 лошади; зарубежные предметы таможенного сбора – камки, китайки; предметы местного производства – вино и 23,5 пуда свинца

«нерчинской плавки». Наконец, одному из служилых были выданы в счет жалования книги: «Мессия печатная» за 1 руб. и «Певчая за гривну», конфискованные за таможенный «начет» у нерчинского таможенного головы. Все товары оценивались в 1387 руб. 27 коп. Остальная часть жалования, равная 2034 руб., выплачивалась деньгами из местных доходов.⁶⁵

Рост местных доходов, о которых говорилось выше, привел к тому, что в начале 90-х гг. XVII в. в Нерчинске и в начале XVIII в. в Иркутске кончился денежный голод. С 1691 г. нерчинские сметы после всех расходов показывали значительные остатки в казне: в 1696 г. – 9600 руб. 24 коп.,⁶⁶ в 1701 г. – 2470 руб. 33 коп.,⁶⁷ в 1708 г. – 538 руб. 53 коп. и китайских товаров сбора предыдущих лет на сумму в 669 руб. 18 коп.⁶⁸ В 1702 г. остаток в Иркутской казне впервые составил 41 руб. 60 коп.⁶⁹

Местные доходы создали возможность обходиться без присылки денег и товаров и наладить регулярную и полную выплату жалования. В начале 90-х гг. XVII в. в Нерчинском уезде были ликвидированы денежные задолженности за 80-е годы. Это явление было настолько необычным для отдаленного уезда, что о нем даже упомянули в наказе 1701 г. нерчинскому воеводе Бибикову: «...наперед сего в Нерчинску многие недодачи им, служилым людям, бывали ж; и ныне они, нерчинские служилые люди, ...жалованием не токмо на настоящий год, но и на прошлые годы сполна пожалованы».⁷⁰

Мелкие денежные недоплаты, которые все же имели место в середине 90-х гг. XVII в. и в начале XVIII в., уже не были результатом отсутствия необходимых денежных средств, а являлись, скорее, следствием воеводских злоупотреблений. Например, в 1696 г. иркутский воевода А. Савелов не доплатил селенгинским служилым людям 103 руб. 52 коп., присвоив их себе, а «...у иных...на денежные оклады имал отписи (расписки – Г.Л.) нападками».⁷¹

Иногда причина неполной оплаты окладов крылась в традиционной неорганизованности, сопутствующей сложной практике снабжения служилых людей: в 1704 г. двум удинским, а в 1705 г. одному верхоленскому казакам не прислали годового жалования только потому, что ими о нем не были своевременно поданы челобитные.⁷² В 1707 г. при окладе в 5648 руб. 15 коп. недоплата по Иркутскому уезду составила 18 руб. 70 коп., распределяясь по гарнизонам следующим образом: по верхоленскому – 5 руб., по кабанскому – 13 руб. 70 коп. и объясняясь тем, что эти служилые «за дальними службами...к жалованию не бывали».⁷³

Эти же причины лежали в основе невыплаты на текущий год небольших сумм в 90-х гг. и в Нерчинском уезде: в 1691 г. – 7 руб., в 1692 г. – 100 руб., в 1695 г. – 26 руб. 22 коп., в 1696 г. – 67 руб. 25 коп., в 1697 г. – 20 руб. 17 коп., в 1699 г. – 2 руб. 45 коп.⁷⁴

3. Снабжение служилых людей Иркутского уезда хлебом.

Первоначально, когда гарнизоны будущего Иркутского уезда (Иркутска, Селенгинска, Баргузина, Балаганска) находились в ведении Енисейска и заполнялись периодически высылаемыми енисейскими казаками-годовальщиками, хлебное жалование давалось им за счет «енисейской пахоты».⁷⁵

По мере складывания в указанных острогах постоянных по составу гарнизонов перед енисейской администрацией вставала сложная задача обеспечения не только годовальщиков-енисейцев, но и оставшихся на постоянное жительство в указанных острогах служилых людей. Обеспечить их могло только развитие крестьянского и служилого хлебопашества под Иркутском, Селенгинском, Баргузином, Балаганском.

Пробный посев хлеба под Иркутским острогом был произведен после 1661 г., когда из Енисейска выслали «для опыту соху, серпы и на семена 24 четв. ржи и десять четв. ячменя».⁷⁶

Заведение «государевой десятинной пашни» под Иркутском относилось к концу 60-х гг., т.е. совпадало по времени с начальным моментом складывания постоянного иркутского гарнизона. В 1669 г. вблизи Иркутского острога было поселено 9 пашенных крестьян, обязанных пахать 4,75 десятины в одном поле, «а в двух потому ж».⁷⁷ Вскоре к ним подселили еще 7 человек и общий объем десятинной пашни вырос до 9 десятин в одном поле.⁷⁸ Начиная с 1670 г., численность пашенных крестьян стала расти. В 1672 г. она увеличилась на 16, в 1673 г. – еще на 14 человек.⁷⁹ В 1674 г. общее число пашенных крестьян, приписанных к Иркутскому и Балаганскому острогам, составило 93 человека, а обрабатываемая ими «государева пашня» – 26,25 десятин в поле.⁸⁰ В 1676 г. «именная книга пашенных крестьян Иркутского острогу» перечисляла уже 104 человека, проживавших в деревнях Подгородной, Карлук, Талке, в Красной слободе (на р. Куде), обрабатывающих 38,25 десятин в одном поле.⁸¹

Начиная с 70-х гг. XVII в., ежегодный сбор хлеба с иркутской десятинной пашни стал превосходить окладные продовольственные расходы на содержание иркутского гарнизона. Например, в 1674 г. при окладе в 275 четв. ржи, 200 четв. овса, полагавшемся 50 служилым иркутского гарнизона, урожай с десятинных иркутских полей составил 382,25 четв. ржи, 351 четв. ячменя,⁸² в 1675 г. – 364 четв. ржи, 351 четв.

ячменя,⁸³ в 1676 г. - 537 четв. ржи, 520 четв. ячменя,⁸⁴ в 1678 г. – 503,25 четв. ржи, 460,25 четв. ячменя.⁸⁵

Что касается условий для развития земледелия на Забайкальской территории Иркутского уезда (под Селенгинским и Баргузинским острогами), то они были близкими к условиям Нерчинского уезда. Отдаленность Забайкалья и Приамурья и постоянная внешнеполитическая напряженность во второй половине XVII в. замедлили крестьянскую колонизацию и, в частности, заведение «государевой десятинной пашни» в этом районе. Эти же причины отрицательным образом сказывались на обращении к земледелию других слоев населения.

К сожалению, о начальном состоянии крестьянского хлебопашества под Селенгинском и Баргузином мы знаем очень немного, вследствие плохой сохранности документов местного делопроизводства. Дошедшие до нас отрывочные сведения дают лишь частичное представление о начальной земледельческой колонизации Забайкалья. Пашни под Селенгинском возникли уже в 1666 г., т.е. в год основания острога.⁸⁶ Сметный список хлебным запасам Енисейского уезда за 1672 г. сообщал о наличии под Селенгинском «государевой десятинной пашни», обрабатываемой «наемными работными людьми». Размер пашни, по-видимому, был небольшим, так как собранный с этой земли урожай составил всего 23 четв. ржи.⁸⁷

Проезжавший в 1675 г. по Селенге Спафарий в своих путевых заметках отметил, наряду с заимками служилых людей, крестьянские заимки в районе Селенгинского острога и Ильинской слободы.⁸⁸ В книге неокладных денежных и хлебных расходов Селенгинска за 1678 г. есть упоминание о покупке рабочего скота для «строительства десятинной пашни в пол-десятины». В этой же книге под 1680 г. сообщалось о поселении 8 пашенных крестьян.⁸⁹

Однако, «государева пашня», обслуживающая нужды селенгинского гарнизона, росла очень медленно. В 1682 г., например, пашенные крестьяне Ильинской и Кабанской слобод – основных очагов земледелия Юго-Западного Забайкалья, обрабатывали только 9,5 десятин казенной пашни.⁹⁰

Заведение пашен под Баргузином относится к началу 80-х гг. XVII в. В 1681 г. по приказу воеводы И. Власова отставным казаком и пашенным крестьянином «пониже Половинной речки за Баргузином на Заречной стороне» был произведен опытный сев, который оказался неудачным. «Опыт» следующих 1682 и 1683 гг., проведенный служилыми людьми (поскольку в 1682 г. «крестьян в Баргузин в

присылке не бывало»), дал небольшой результат. В последующее время пашни под Баргузином росли крайне медленно.

Если хлебные сборы, получаемые с десятинных иркутских полей, уже в 70-е гг. могли полностью разрешить проблему обеспечения продовольствием служилых людей иркутского гарнизона, то слабое развитие хлебопашества в Забайкалье ставило селенгинский и баргузинский гарнизоны в зависимость от снабжения хлебом извне. Обязанность их снабжения была возложена вначале на Енисейск, а с 80-х гг. XVII в. – на Иркутск.

Но к 1693 г. общая численность гарнизонов Иркутского уезда выросла до 995 человек. В 1705 г. она составила 964, а в 1710 г. – 952 человека.⁹¹ Увеличение ратных сил привело к росту окладных расходов. Если в 1682 г. для продовольственного снабжения иркутского гарнизона требовалось 242 четв. ржи и 176 четв. овса, а для забайкальских гарнизонов селенгинского и баргузинского – 975 четв. ржи и 680 четв. овса,⁹² то в 1693 г. окладные расходы гарнизонов Предбайкальской части Иркутского уезда (иркутского, верхоленского, идинского) составили 1584 четв. ржи и 1119 четв. овса⁹³, а для забайкальских гарнизонов (селенгинского, кабанского, ильинского) – 1332 четв. ржи и 785,25 четв. овса.⁹⁴

В 1705 г. в полные оклады иркутским, идинским и верхоленским служилым людям требовалось 2856,5 четв. ржи и 2730,5 четв. овса, а Забайкальским гарнизонам Селенгинского, Баргузинского, Удинского, Ильинского и Кабанского острогов – 2622,5 четв. ржи и 1812,5 четв. овса⁹⁵ и т.д.

Возросшая потребность Иркутского уезда в хлебе компенсировалась по нескольким каналам. В Иркутский уезд поступали партии хлеба, который оставался в Енисейске и Братске «за окладными и неокладными расходами и за якутской и красноярской посылками»: в 1694 г. из Енисейска и Братска было получено в Иркутске 648,75 четв. ржи и 492,25 четв. овса, 12,5 четв. толокна.⁹⁶

В 1693, 1695, 1696, 1697, 1698, 1700 гг. из Братска на «иркутские нужды» поступило 656,5 четв. ржи, 1280 четв. овса, 226 пудов толокна.⁹⁷

Хлебная база Иркутского уезда была усилена также путем передачи в ведение Иркутска ряда хлебных областей из других уездов: в 1686 г. от Илимского уезда отошли к Иркутску Верхоленская и Идинская, в 1699 г. – Манзурская, а немногим позже – Бирюльская волости.

Прекращение посылок хлеба из Енисейска в 1701 г. и из Братска в 1705 г. было компенсировано припиской к Иркутскому уезду в 1701 г.

Бельского, а в 1705 г. – Балаганского* острогов с прилегающими к ним слободами и деревнями.

Хлебные поступления из приписных к Иркутску острогов и волостей были высокими: в 1704 г. доля идинского хлеба составила 860,5 четв. ржи.⁹⁸ В 1705 г. из Идинского острога поступило в иркутские житницы 715,5 четв. ржи, из Бельского – 964 четв. ржи.⁹⁹ В 1709 г. идинские и балаганские запасы в составе хлебного иркутского прихода равнялись 605,5 четв. ржи, в 1710 г. – 537,75 четв. ржи и 3,25 ячменя,¹⁰⁰ в 1712 г. – 340,5 четв. ржи.¹⁰¹

Но основными поставщиками хлеба, идущего на окладные расходы, все же являлись деревни и слободы, приписанные к Иркутску, в числе которых источники конца XVII – начала XVIII вв. называли Кудинскую слободу с Карлуцкой деревней, Уриковскую и Оецкую слободы, Талкинскую, Хомутовскую, Верхне-Ангарские и Иркутские деревни. Десятинная пашня последних в 1694 г. составила 130,5 десятин,¹⁰² в 1704 – 179 десятин, в 1705 – 181 десятину,¹⁰³ в 1709 г. – 191 десятину.¹⁰⁴

Хлебные поступления из «иркутских» слобод и деревень вместе с хлебом, присылаемым из приписанных острогов и волостей, в 1699 г. составили 4668,25 четв. ржи, 300, 5 четв. овса,¹⁰⁵ в 1701 г. – 3394,25 четв. ржи, 600 четв. овса,¹⁰⁶ в 1705 г – 4571,75 четв. ржи и 55 четв. овса,¹⁰⁷ в 1710 г – 4324 четв. ржи.¹⁰⁸

Кроме того, хлебный баланс в уезде увеличивался, благодаря обращению к пашенной деятельности некоторых служилых людей. Последние, получая землю под пашни, снимались с хлебного жалования, что, естественно, приводило к экономии казенного хлеба. Этот факт нашел отражение в расходной части смет, которые, приводя сведения о количестве служилых и их хлебных окладов, планировали реальную выдачу хлеба меньше полного оклада. В 1682 г. при полном окладе служилых иркутского, селенгинского и баргузинского гарнизонов в 1217 четв. ржи и 856 четв. овса за счет пашенных окладов было вычтено 192,5 четв. ржи и 150 четв. овса.¹⁰⁹ В 1693 г. из окладов служилых людей Предбайкальской части Иркутского уезда было исключено по той же причине 447 четв. ржи и 345 четв. овса, а служилых забайкальских гарнизонов – 153 четв. ржи и 116 четв. овса.¹¹⁰ В 1705 г. из общего оклада служилых людей Иркутского уезда «вычет» составил 1259,5 четв. ржи и 906,5 четв. овса,¹¹¹ а в 1710 г. – 1780,5 четв. ржи и 1343,5 четв. овса.¹¹²

Концентрация основных источников хлебного прихода Иркутского уезда на Предбайкальской территории свидетельствовала о

* Последний то приписывался к Иркутскому уезду, то отписывался от него.

ее преобладании в развитии хлебопашества над Забайкальской территорией. Это, естественно, отражалось на продовольственном обеспечении служилых людей обеих областей. Так, служилые люди Предбайкальской части Иркутского уезда почти не знали хлебных недоплат.

Что же касается Забайкальской части Иркутского уезда, где сосредоточивались гарнизоны Селенгинского, Баргузинского, Удинского, Кабанского, Ильинского острогов, то положение с выплатой им продовольственных окладов было сложнее. Хотя хлеб посылался регулярно, его для покрытия окладных расходов часто оказывалось недостаточно.

В 1681 г., например, селенгинским казакам не доплатили 449,5 четв. ржи и 444,5 четв. ячменя.¹¹³ В 1682 г. посылка в Селенгинск выразилась в 416,25 четв. ржи и 416,25 четв. ячменя.¹¹⁴ Этим хлебом администрация смогла полностью расплатиться за текущий год, но долги за предыдущие годы так и не были погашены. В 1693 г. из Иркутска было вновь отправлено в Селенгинск 400 четв. ржи, в Баргузин – 237 четв. ржи, в Удинск – 1597,25 четв. муки ржаной. Но этого было мало и казакам селенгинского гарнизона не доплатили 128,25 четв. ржи и 473,25 четв. овса, казакам удинского гарнизона – 14 четв. ржи и 40 четв. овса.¹¹⁵ В 1696 г., по свидетельству служилых людей Селенгинского, Ильинского и Кабанского острогов, им было выдано только 246,25 четв. ржи «из запасов Бельской пахоты»,¹¹⁶ а служилым людям удинского гарнизона – 60 четв. ржи. Очередная задержка жалования, выразившаяся для селенгинского гарнизона в 432 четв. ржи, а для удинского в 440,5 четв. ржи и 1040 четв. толокна,¹¹⁷ вынудила селенгинских казаков прибегнуть к займам. Так, «Вознесенского монастыря у строителя з братиею они одолжили под кабальную запись 500 пудов ржаной муки». Столько же им дал «в долг, в заем» приказчик гостя И. Ушакова сын боярский Ф. Черниговский.¹¹⁸ Задолженность 1696 г., усугубленная недоплатами предыдущих лет, злоупотреблениями и произволом воевод и приказных, явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения казаков забайкальских гарнизонов Иркутского уезда, которые в 1696 г. открыто выступили против воеводской администрации.¹¹⁹

В неурожайном 1698 г., несмотря на предпринятые закупки хлеба у населения, иркутская администрация смогла приобрести «по самой нуже» для баргузинских и удинских служилых людей только 107,25 четв. муки ржаной. Столь малая посылка вовсе не обеспечивала выплаты окладов, что констатировалось в местной документации:

«...служилым людям удинским на 206 год и баргузинским впредь на 207 год...в полные оклады не достало».¹²⁰

Выход из создавшихся трудностей в снабжении забайкальских острогов и, в первую очередь, пограничного Селенгинска, удаленного от основных путей, воеводская администрация видела в дальнейшем расширении земледельческой базы на территории Забайкалья. Поэтому в 90-е гг. проводятся мероприятия, способствующие этому развитию: отстраивается и укрепляется заново южный форпост Восточного Забайкалья – Селенгинск, увеличивается численность его крестьянского населения. Для «обережи» Ильинской и Кабанской слобод строятся небольшие острожки. Селенгинские крестьяне, как особенно нуждающиеся в льготе, в 1695 г. освобождаются от некоторых повинностей, вроде поставки пеньки, привлекаются в пашенные оклады служилые люди. Хлебопашество, снабжающее селенгинский гарнизон, расширяется в сторону Кударинской степи, где, по свидетельству очевидцев, «...по отводам...поселились домишками служилые люди пахать за хлебное...жалование», посадские, которые платили пятинный хлеб и крестьяне, которые обрабатывали десятинную пашню.¹²¹

Наиболее ранний положительный результат снабжения Селенгинска за счет забайкальской пашни был получен в 1663 г. Уже тогда, обеспечив полностью собственные гарнизоны продовольствием, Ильинский острог смог отправить в Селенгинск 64,5 четв. ржи и ячменя в дополнение к 40 четв. ржи, а Кабанский – 93,5 четв. ржи и ячменя в дополнение к 40 четв. ржи, присланным в Селенгинск из Иркутска.¹²² В 1700 г. хлебный сбор ильинского, кабанского, селенгинского десятинного и пятинного хлеба полностью обеспечил окладные расходы Селенгинска.

Селенгинские служилые люди, сразу оценившие выгоды местного снабжения, обратились с просьбой о переводе их на обеспечение за счет «селенгинских, кабанских, ильинских хлебных доходов». Сибирский приказ, заинтересованный в снабжении каждого гарнизона местным хлебом и сокращении затрат на его перевозки, охотно согласился с этой просьбой. 21 декабря 1701 г. иркутский воевода получил распоряжение расширить «государеву десятинную пашню» под Селенгинском и дополнительно выслать туда хлеб из «ильинской и кабанской тамочной пахоты и манзурского привозу».¹²³ Видимо, распоряжение было сделано преждевременно, так как в некоторые годы, вследствие поставок хлеба в Селенгинск, ильинский и кабанский гарнизоны стали испытывать недостаток в продовольствии. Поэтому Иркутск продолжал снабжать хлебом и эти и другие забайкальские остроги. В 1701 г. из «иркутских доходов» ильинским служилым людям было заплачено в дополнение к

местным доходам 67,5 четв. ржи, а кабанским – 90 четв. ржи при общем годовом окладе того и другого гарнизонов в 110 четв. ржи и 80 четв. овса.¹²⁴ В 1705 г. посылка продовольствия из Иркутска в Баргузин и Удинск составила 1454,90 четв., а в Ильинск и Кабанск – 172 четв. ржи.¹²⁵ В 1710 г. баргузинские и удинские служилые люди снова получили из Иркутска 1071,5, а ильинские и кабанские – 172,65 четв. ржи.¹²⁶

Трудности, сопровождавшие доставку хлеба в Забайкалье, побуждали местную администрацию снова искать иные формы выплаты продовольствия. В начале XVIII в. местный денежный приход позволил частично заменить хлебные оклады деньгами.

Впервые в Иркутском уезде «по цене» за хлебное жалование были выданы деньги и товары в 1701 г., считавшемся неурожайным.¹²⁷ Казенная оплата пуда хлеба была на протяжении многих лет неизменной и, независимо от стоимости хлеба на рынке, равнялась 3 копейкам за пуд.

В 1705 г. иркутская казна заплатила селенгинским казакам за неприсланные из Ильинска и Кабанска 1570 четв. ржи – 47 руб. 10 коп.,¹²⁸ в 1710 г., наряду с присылкой 656 четв. ржи, удинским служилым людям заплатили за недостающие 1340 пудов ржи – 46 руб. 20 коп.,¹²⁹ в 1712 г. удинским казакам вновь прислали за 1430 пудов ржи – 42 руб. 60 коп., а баргузинским за 648 пудов ржи – 19 руб. 55 коп.¹³⁰

В целом, благодаря регулярным посылкам хлеба и частичной замене его деньгами, а также развитию местной хлебной базы, в начале XVIII в. проблема продовольственного снабжения служилых людей Иркутского уезда получала удовлетворительное разрешение.

4. Снабжение хлебом служилых людей Нерчинского уезда.

Первые попытки хлебопашества на территории Нерчинского уезда были предприняты в 1654 г. отрядом П. Бекетова, построившим в том же году Иргенский и Нерчинский остроги.¹³¹ Посев оказался удачным, хлеб вырос, но собрать его не пришлось: местные тунгусы внезапно осадили Нерчинский острог и хлеб «вытоптали». Опасаясь голодной зимовки, казаки ушли на Амур, где присоединились к отряду О. Степанова.¹³²

Продовольственное положение следующего отряда, пришедшего с А.Ф. Пашковым в 1657 г. во вновь созданный Нерчинский уезд, было чрезвычайно тяжелым: Хлебное жалование, полученное в Енисейске еще в 1656 г., служилые «съели ...до похода в Дауры», и уже по пути начался голод, который унес жизни 47 человек.

Вначале обеспечение хлебом Нерчинского уезда возлагалось на енисейских воевод. Но до 1664 г. из Енисейска не было получено ни

четверти казенного хлеба и новопришельцам приходилось рассчитывать только на собственные силы. Поэтому казаками уже в 1657 г. в районе Нерчинского острога было вспахано и засеяно «на великого государя 50 десятин всякого ярового хлеба», а позже – 100 десятин – озимого.¹³³ Тогда же пашня, поднятая казаками под озимый и яровой посев под Иргенским острогом составила 8 десятин.

«Десятинная служилая пашня» просуществовала до 1662 г. В указанном году нерчинский приказчик Толбузин, сменивший А. Пашкова, принял у последнего семенной хлеб в объеме 30 пудов ярицы и 15 пудов ячменя, а также 50 лошадей, на которых раньше велась распашка земли,¹³⁴ но пашни под Нерчинском не возобновил.

Прекращение существования десятинной пашни Толбузин объяснял неблагоприятными климатическими условиями, в результате которых «...хлеб в Нерчинском остроге и на Иргене озере не родится...Пашенных мест и хлебородных земель нет. Места подлегли степные, дрестьяные. От солнечного зноя, от жаров хлеб выгорает, а дождей с весны не бывает, а бывают дожди не во время».¹³⁵

Однако, климатические условия не являлись главной причиной, затруднившей хлебопашество в Нерчинском уезде на раннем этапе его колонизации. Нерчинская администрация в лице воеводы Пашкова, убежденная положительными результатами земледельческих опытов, не считала Нерчинский уезд бесперспективным для заведения пашни и даже просила Сибирский приказ о посылке в Нерчинск 57 пашенных крестьян, а некоторые современники весьма неодобрительно отнеслись к действиям Толбузина, обвиняя последнего в том, что он, «не радея государю, нерчинскую пашню перевел». Вероятнее всего, основная причина отказа от хлебопашества лежала в проблеме обработки земли, как «десятинной служилой пашни» и в сокращении рабочих рук, которые могли бы ее обработать.*

Хлебный голод первых лет тяжело отразился на судьбе колонистов – служилых людей. Нельзя без волнения читать строки, принадлежащие ссыльному протопопу Аввакуму, которому пришлось разделить безотрадную участь первых нерчинских обитателей: «...по степям скитающиеся и по полям, траву и коренье копали..., а зимою – сосну; а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедем. А иные и самих озяблых ели волков и лисиц, и что получают – всякую скверну..., а с прочими, скитающиеся по горам и по остроуму камению наги и боси, травую и корением перебивающиеся, кое-как мучились».¹³⁶

* Подробнее вопрос о работе служилых людей на «десятинной служилой пашне» рассмотрен в гл. II настоящей работы.

Выход из создавшихся продовольственных трудностей нерчинская администрация с середины 60-х гг. XVII в. видела в создании хлебной базы на Амуре, в районе Албазина, возобновленного в 1665 г. вольными переселенцами.

Албазинские пашни, возникнув впервые как «собинные», давали высокие урожаи и целиком обеспечивали потребности местного населения в хлебе. Поскольку Албазин с прилегающими к нему по Амуре землями считался частью территории, подведомственной Нерчинску, его администрация возлагала надежды на создание в районе Албазина «государевой десятинной пашни», способной обеспечить весь Нерчинский уезд хлебом.

В 1667 г., не дожидаясь официального признания Москвой Албазина, Толбузин отправил туда для поселения пятерых пашенных крестьян – «Родьку Васильева с товарищи», которые должны были «пахать...десятинная пашня по полудесятины ржанова да по чети ярового хлеба в поле...». О том, что десятинная пашня под Албазином заводилась в расчете на снабжение нерчинского гарнизона, говорит также «память», написанная в 1676 г. приказчиком Шульгиным, который сообщал, что в Нерчинский острог с указанных выше пашенных крестьян «десятинного хлеба ничего не объявилось». Это объяснялось тем, что пашенные крестьяне, пользуясь слабостью административного надзора, поступая по примеру прочих албазинцев («албазинской поноровкою»), «десятинных пашен не пахали, а пахали только собинные».¹³⁷

Не имея местной хлебной базы, нерчинский гарнизон вплоть до 70-х гг. находился в поистине бедственном положении.

Первая и единственная в 60-е гг. посылка хлебного жалования в Нерчинск имела место в 1664 г. Это был хлеб, купленный енисейской администрацией на сумму в 680 руб. Хлеб планировалось раздать по 2 четверти человеку (при годовом окладе пеших казаков, равном 5,5 четв. ржи и 4 четв. овса) с тем, чтобы хотя бы частично погасить задолженности за предыдущие 6 лет (с 1658 г.) и за текущий 1664 г.¹³⁸ Однако, присланный хлеб достался далеко не каждому, так как в 1669 г. некоторые из нерчинских служилых людей жаловались на невыплату им хлебного оклада за период с 1658 по 1669 гг.¹³⁹

Перебой 1664-1671 гг. в казенных поставках из Енисейска дорого обошелся нерчинским служилым людям: «...хлебные запасы на оклады служилым людям не присылаются, ...служилые люди ядят мяса по вся дни: в среду, и в пятой, и в посты...с травой и кореньем. Ранее они ...служили на своих конях. И ныне оне те свои кони без хлебных

запасов все съели, стали пеши...И без хлебного жалования служилые люди помирают голодною томною смертью».¹⁴⁰

Чтобы пресечь бездеятельность и безответственность администрации в снабжении хлебом Нерчинского уезда, грозившими «поморить Даурские остроги голодом» и нанести немалую «поруху государеву ясашному и десятинному соболиному сбору», Сибирский приказ строго приказал енисейским воеводам высылать «хлебные запасы даурским служилым людям наперед дачи енисейских служилых людей».¹⁴¹ Непосредственная ответственность за поставки хлеба из Енисейского уезда в 70-е гг. была возложена на администрацию Иркутска и Братска, которым предписывалось высылать хлеб «из брацкой и иркуцкой пахоты, а чего не достанет к брацкой и иркуцкой...пахоте..., прикупать в Брацких острогах».¹⁴²

Распоряжение возымело действие. С 1672 г. снабжению отдаленного Нерчинского уезда стало уделяться большее внимание, чем в предыдущий период. Поставки хлеба в Даурию сделались ежегодными: в 1672 г. они составили 411,5 четв., в 1673 г. – 575 четв., в 1674 г. – 425 четв., в 1675 г. – 308,7 четв., в 1676 г. – 362,5 четв., в 1677 г. – 380,25 четв., в 1678 г. – 359 четв., в 1679 г. – 310 четв. и т.д.¹⁴³

Но небольшие по объему, хотя и регулярно присылаемые партии продовольствия, не только не возмещали недоплат за предыдущие годы, но далеко не обеспечивали выплаты жалования за текущие годы. Например, при годовом окладе рядового пешего казака, равном 5,5 четв. ржи и 4 четв. овса, хлеба, присланного в 1672 г., хватило на выдачу только по 1 четв., в 1673 г. – по 1,25 четв., в 1674 г. – по 0,75 четв. на человека, и т.д.

Естественно, что при таком состоянии снабжения привозным хлебом приходилось постоянно думать о развитии местного земледелия, базу которого нерчинская администрация в 70-х гг., также как и в 60-х гг., видела в развитии земледелия на Амуре, заселение которого стало одной из ее основных задач.

Главным контингентом, из которого комплектовалось крестьянское население Амура, были вольные переселенцы, приходившие на Амур «гулящим и промышленным числом». В 1679 г. под Албазин было «призвано на государеву десятинную пашню 23 таких вольных гулящих человека». В 1681 г. албазинский казак И. Коркин сообщал о поселении еще 9 пашенных крестьян, «призванных из гулящих людей».¹⁴⁴

Хлебопашество под Албазином сосредоточивалось в деревнях: Пановой, Анрюшкиной, Игнашиной, Озерной, Погадаевой, Покровской, Усть-Аргунской, Ильинской, Шингаловой, Вяткиной, Солдатовой.

От Албазина пашни выдвинулись в районы рек Зеи и Селемджи, развернувшись под прикрытием построенных там острожков Верхнезейского, Долонского, Селемджинского.¹⁴⁵

По официальным сведениям, «государева десятинная пашня» под Албазином выросла к 1685 г. до «десятин с 50 и болши», а пашни крестьянские «собинные», казачьи и «присевки всякого чину людей» насчитывали «десятин с тысячу и болши».¹⁴⁶

Амурское хлебопашество с самого начала позволило местному населению перейти на самообеспечение. По свидетельству приказчика В.Шульгина, «албазинские казаки...(брали – Г. Л.) по себе в жалование сеянной хлеб»¹⁴⁷ одновременно в качестве «присевщиков», имея пашенные участки.

Успехи амурского хлебопашества не замедлили положительно сказаться на снабжении нерчинского гарнизона. Уже в 1679 г. Сибирский приказ рассматривал албазинский хлеб, как обязательное дополнение к тому продовольствию, которое присылалось в Нерчинск из Енисейского уезда.¹⁴⁸ Очевидно, сибирская администрация имела на это основание. В 1681 г. по приказу нерчинского воеводы Воейкова из албазинских запасов было взято 100 пудов хлеба, предназначенного в жалование казакам, занятым на строительстве Аргунского острога.¹⁴⁹ В следующем году сам воевода делал значительные закупки хлеба в Албазинском остроге.¹⁵⁰

Перспективность амурского земледелия была очевидной и при благоприятных условиях могла бы успешно разрешить проблему обеспечения не только Нерчинского, но и Якутского уезда хлебом. Но этому не суждено было осуществиться, вследствие обострения внешнеполитической обстановки на юго-восточных рубежах Российского государства, где земледельческая колонизация натолкнулась на агрессивные планы Маньчжурского Китая, претендовавшего на владение Амуром.

Военные действия, развязанные на Амуре китайской стороной в начале 80-х гг. XVII в., нанесли серьезный ущерб амурскому хлебопашеству: земледельцы подвергались физическому уничтожению, хлеб приходилось убирать, «испустя времени и из-за караулу». Вследствие военных действий, урожай 1684, 1688, 1689 гг. вообще остался не убранным.¹⁵¹

В результате нехватки семенного хлеба и невозможности сбора урожая, Албазин в последние годы его существования пришлось снабжать привозным хлебом: в 1688 г. «из нерчинской пахоты» в Албазин было отправлено 100 пуд. ржаной муки и семена, 200 пуд.

ярицы и 50 пуд. гречихи,¹⁵² в 1689 г. – 300 пуд. ярицы, 100 пуд. гречихи и 21,5 пуд. овса.¹⁵³

Военная агрессия Китая сорвала планы развития амурской базы земледелия. В этих условиях вновь встал вопрос о необходимости развития хлебопашества непосредственно под Нерчинском.

Появление крестьянских пашен под Нерчинском относится к 1682 г., когда нерчинский воевода Воейков поселил «двумя деревнями» в районе р. Шилки 17 пашенных крестьян, вменив им в обязанность обработку 11 десятин «государева поля».¹⁵⁴ Фактически, с 1682 г. до конца XVII в. число пашенных крестьян оставалось почти неизменным: в 1684 г. – 23 человека, в 1694-1699 гг. – 25 человек.¹⁵⁵ На протяжении указанного времени источники называют только три деревни, населенные крестьянами: Урулгинскую и Куенскую, а с 1685 г. – Ботовскую.¹⁵⁶ Площадь «государева десятинного поля» к 1699 г. составляла всего 11,25 десятин.

Нечего и думать, чтобы 11 с лишним казенных десятин могли удовлетворить потребности нерчинского гарнизона, выросшего в 1689-1694 гг. с 200 до 425 человек. Так, согласно сметы 1685 г., «с государевых десятин» было убрано 192,1 четв. «всякого хлеба» при полном годовом окладе служилых людей этого гарнизона, равном 1392 четв. ржи и 893 четв. овса.¹⁵⁷ В следующем году нерчинские казенные поля дали всего 30,7 четв. хлеба.¹⁵⁸ В 1694 г. с 11,75 десятин было убрано 114 четв. ржи, 120,5 четв. ярицы.¹⁵⁹ Окладные же хлебные расходы этого года составили 2242,5 четв. ржи и 720 четв. овса, а вместе с задолженностями за предыдущие годы – 9931 четв. ржи, 5224,24 четв. овса.¹⁶⁰

При таких доходах и расходах необходимость в привозе хлеба из других уездов была очевидной.

Ответственность за хлебопоставки в Нерчинский уезд в 80-е гг. целиком возлагалась на иркутскую администрацию, что подтверждалось указом от 25 апреля 1681 г., в соответствии с которым Нерчинск должен был ежегодно высылать в город-поставщик «росписи» нерчинских служилых людей с указанием их окладов.¹⁶¹

В 1680 г. хлебная посылка из Иркутска была равной 1099 четв., в 1681 г. – 749,25 четв., в 1682 г. – 1663,25 четв., в 1683 г. – 1550 четв., в 1684 г. – 1412 четв., в 1685 г. – 882,75 четв., в 1686 г. – 766 четв. и т.д.¹⁶²

Поставки в Нерчинск хлеба в 80-е гг. стали возможными благодаря известным успехам в хлебопашестве, достигнутым в более западных уездах Сибири, а также лучшей организации самих поставок: с одной стороны, широкая закупка хлеба «на Даурский обиход» организовывалась казной,¹⁶³ а с другой – хлебными подрядчиками, в

числе которых первенствующее место занимали предприниматели Ушаковы.¹⁶⁴

Тем не менее, несмотря на казалось бы значительные поставки, на протяжении 80-х и 90-х гг. в Нерчинском уезде ежегодная недоплата продовольствия оставалась заметной. Составленная нерчинской приказной администрацией «справка» о казенной задолженности нерчинским служилым людям за период с 1684 по 1693 гг. является интереснейшим официальным документом, характеризующим степень снабжения нерчинских служилых людей за десятилетие, и содержит погодные сведения о недоплате каждому из них хлебного жалования.¹⁶⁵

Вот как представлены в «справке» погодные недоплаты одному из нерчинских конных казаков П. Игнатьеву, годовой хлебный оклад которого был равен 6,5 четв. ржи, 4 четв. овса. За 1684 г. ему не доплатили 1 четв. без четверика ржи, 2,5 четв. и полчетверик овса, за 1685 г. – 3,25 четв. ржи, 2,5 четв. и четверик овса, за 1686 г. – 4 четв. ржи, 3 четв. и четверик овса, за 1687 г. – 3,5 четв. ржи, 4 четв. овса, за 1688 г. – 6,5 четв. ржи, 4 четв. овса, за 1689 г. – 6,5 четв. ржи, 4 четв. овса, за 1690 г. – 6,5 четв. ржи, 4 четв. овса, за 1691 г. – 3,5 четв. ржи, 4 четв. овса, за 1692 г. – 3,5 четв. ржи, 4 четв. овса, за 1693 г. – 3,5 четв. ржи, 4 четв. овса. Всего за 10 лет этому рядовому казаку не доплатили 41,5 четв. ржи, 36 четв. и полтора четверика овса при окладе, за 10 лет равном 65 четв. ржи, 40 четв. овса.¹⁶⁶ Взятый нами пример типичен и в отношении ежегодных недоплат другим служилым людям.

Общие суммы недоплат хлебного жалования для отдельных групп казаков Нерчинского уезда за 10 лет выражались в следующих цифрах: 47,5 четв. и четверик ржи, 36 четв. и полтора четверика овса; 45 четв. без четверика ржи, 36 четв. с четвериком овса; 44,5 четв. и четверик ржи, 36 четв. с пол-осминой и полтора четверика овса; 41,5 четв. ржи, 36 четв. и полтора четверика овса; 40 четв. и полчетверик ржи, 36 четв. и полтора четверика овса; 38 четв. с четвериком ржи, 32 четв. с четвериком овса и т.д.¹⁶⁷

Разные величины задолженностей, перечисленные за 10 лет, как нельзя лучше документально подтверждают правомерность жалоб служилых людей на администрацию, которая чинила произвол, оклады давала «не в равенство, не сполна, кому больше, кому меньше».

Общая сумма* продовольственной задолженности казны служилым людям Нерчинского уезда за 10 лет (с 1684 г. по 1693 гг.) составила 9684,5 четв. ржи, 4391,25 четв. овса.¹⁶⁸

* В общей сумме недоплат за указанные годы «справка» не учла невыплаченные хлебные оклады тем служилым людям, которые к 1694 г. по какой-либо причине выбыли из гарнизона. Следовательно, фактическая сумма недоплаченного хлеба была значительно выше.

Именно недоплата хлебного жалования явилась одной из причин волнений, имевших место в Нерчинском и Иркутском уездах в 1696 г. В 1698 г. Сибирский приказ под давлением выступлений служилых людей в Восточной Сибири отдал распоряжение об оплате хлебной задолженности нерчинскому гарнизону за 1684-1693 гг. деньгами и китайскими товарами. Но нерчинская администрация, имея в казне то и другое, в 90-е гг. расчет со служилыми людьми производила медленно, небольшими суммами, растягивая тем самым погашение задолженности предыдущих лет на многие годы.

Также как и в Иркутском, увеличение численности служилых людей в Нерчинском уезде в начале 90-х гг. почти вдвое повышало потребности в продовольствии. Поэтому в 90-е гг. XVII и в начале XVIII вв. вопрос о самообеспечении Нерчинского уезда хлебом продолжал оставаться актуальным.

Рост местных продовольственных доходов, способных полностью обеспечить уезд продовольствием, планировалось осуществить двумя путями: с одной стороны – с помощью служилых людей, которым взамен казенного жалования раздавались пашни, с другой – путем увеличения крестьянского населения уезда.

Обращение служилых людей Нерчинского уезда к земледелию началось еще с первых дней его существования. В конце 50-х – начале 60-х гг. служилые обрабатывали «государеву десятинную пашню» в районе Нерчинского и Иргенского острогов. В 60-х – 80-х гг. заимки служилых людей как нерчинского, так и албазинского гарнизонов, возникли на Амуре в районе Абазина.¹⁶⁹ С начала 80-х гг. служилые люди нерчинского гарнизона стали постепенно переходить на службу с пашни. Правда, в 80-е гг. экономия казенного хлеба за счет служилых пашен составила всего около 32 четв. ржи и 27 четв. овса.¹⁷⁰ С начала 90-х гг. число переходов на службу с пашни возросло. В 1693 г. вычет из окладов за счет пашни составил 67,25 четв. ржи и 46,75 четв. овса,¹⁷¹ в 1694 г. – 608 четв. ржи, 276,25 четв. овса.¹⁷² В XVIII в. экономия казенного хлеба за счет пашен служилых людей стала еще более ощутимой. В 1708 г. она составила 1498 четв. ржи и 710 четв. овса,¹⁷³ в 1713 г. – 1889 четв. ржи и 962 четв. овса.¹⁷⁴

Благодаря обращению служилых людей к пашенной деятельности, окладные расходы постепенно снижались. Если в 1694 г. служилым, не имевшим пашен, полагалось 2168,5 четв. ржи и 627,75 четв. овса,¹⁷⁵ то в 1708 г. объем жалования сократился до 1553 четв. ржи и 643 четв. овса,¹⁷⁶ а в 1713 г. – до 1240 четв. ржи и 485 четв. овса.¹⁷⁷

Сокращавшиеся окладные расходы компенсировались и благодаря расширению крестьянского хлебопашества. Нерчинское крестьянство

конца XVII – начала XVIII вв. в большей своей части комплектовалось за счет вольных переселенцев и ссыльных. Не останавливаясь подробно на вопросах крестьянской колонизации Нерчинского уезда, получившей освещение в работе В.И. Шункова,¹⁷⁸ мы ограничимся лишь приведением отдельных цифр, характеризующих в общих чертах положение крестьянского хлебопашества в уезде: если в 1693/94 гг. в 3-х деревнях Нерчинского уезда было 25 пашенных крестьян,¹⁷⁹ то в 1708 г., согласно нерчинских смет, в уезде насчитывалось уже 160 пашенных крестьян, проживающих вблизи острогов, а также в слободах и деревнях: Олеурской, Читинской (в XVIII в. ставшей острогом), Ундинской, Городищенской, Нижне-Читинской, Орунгинской, Куенской, Ботовской,¹⁸⁰ к которым к 1719 г. добавились еще Аленгутская и Амурская слободы.¹⁸¹ Величина обрабатываемой крестьянами «государевой пашни» выросла к 1708 г. до 67 десятин в поле. В 1713 г., наряду со 147 пашенными крестьянами, в уезде уже было 47 крестьян оброчных,¹⁸² которые вместе с посадскими людьми, имевшими пашни, вносили в казну соответственно оброчный и отсыпной хлеб.

Сборы с «государевых полей», имевшие место в первой четверти XVIII в., намного превосходившие сборы предыдущего века, постепенно ликвидировали острую необходимость присылки в Нерчинский уезд хлеба из Иркутска.

В 1708 г. с нерчинских пашенных крестьян собрали 1532 четв. ржи и ярицы. Смета считала этот сбор ниже обычного, объясняя его снижение неурожаем.¹⁸³ Но даже в неурожайный год собранного местного хлеба хватило бы на погашение 2/3 окладных расходов. В 1713 г. сбор десятинного хлеба был равен 1194 четв. ржи и ярицы, а отсыпного – 228,5 четв. Общая сумма всех поступлений местного хлеба составила 1422,5 четв. ржи и ярицы.¹⁸⁴ В этом же году в расход на оклады служилым людям требовалось 1240 четв. ржи и 485 четв. овса. Учитывая, что рожь давалась «в полы» за овес, хлебный приход 1713 г. почти целиком обеспечивал необходимый окладной расход. В 1714 г. с десятинных полей в Нерчинскую казну поступило 1529 четв. ржи и ярицы. Вместе с отсыпным хлебом хлебные поступления составили 1862 четв. ржи и ярицы.¹⁸⁵ В 1715 г. приход хлеба вырос до 1906 четв. ржи и ярицы.¹⁸⁶ Уже в 1714 г. после всех окладных и неокладных расходов в нерчинской казне был отмечен остаток местного хлеба «от прошлых лет».¹⁸⁷ В 1715 г. «после всех расходов» остаток хлеба составил 1051 четв. ржи и ярицы.¹⁸⁸

Таким образом, благодаря обращению к земледелию служилых людей и росту крестьянского хлебопашества, Нерчинский уезд во

втором десятилетии XVIII в. смог отказаться от присылаемого хлеба и обеспечить продовольствием тех служилых людей, которые не снимались с хлебного оклада. Более того, успехи нерчинского хлебопашества привели к тому, что в середине XVIII в. оно не только обеспечивало «довольствие находящихся там воинских команд», но и рассматривалось сибирской администрацией как возможная база для снабжения провиантом Восточных районов Камчатки и Охотского побережья.¹⁸⁹

5. Выплата соляного жалования служилым людям Иркутского и Нерчинского уездов.

Разрешению проблемы солеснабжения служилых людей Иркутского и Нерчинского уездов способствовали раннее обнаружение и разработка местных соляных источников.

В Иркутском уезде снабжение солью осуществлялось за счет «пятинной» соли, которую вносили в казну солевары-откупщики. До начала 80-х гг. ими были служилые люди. С 1681 г. Ангарское Усолье перешло в руки гостей Ушаковых, которые расширили соледобычу и, прикупив еще несколько соляных источников, получили в 1683-1684 гг. 2660 пуд., а в 1680-1686 гг. – 12360 пуд. соли.¹⁹⁰ Это дало возможность, несмотря на численный рост гарнизонов Иркутского уезда, вплоть до конца XVII в. обеспечивать их бесперебойное снабжение этим необходимым продуктом питания. Но в конце 90-х – начале 1700 гг. финансовые затруднения Ушаковых привели к сокращению добычи ими соли. В 1698 г. из Ангарского Усолья поступило в казну 360 пуд., в 1699 г. – 370 пуд., а в 1701-1702 гг. 352 пуд. «пятинной» соли.¹⁹¹

В счет погашения долга, равного 1987 руб. 23 коп., Ангарское Усолье А. Ушакова было конфисковано и передано «до указа великого государя» в казну. Недостаточное количество «пятинной» соли, получаемой из солеварен Ушаковых, сразу же отразилось на выплате жалования служилым людям иркутского гарнизона, для расчета с которыми в 1704 г. не хватило 1048 пудов.¹⁹² Затруднением казны не преминул воспользоваться Иркутский Вознесенский монастырь. Ему была передана на откуп половина Ангарского Усолья, в котором работали монастырские крестьяне.¹⁹³ После этого снабжение гарнизонов осуществлялось за счет соли, получаемой из монастырского Усолья и соли, разработка которой находилась в ведении казны.

Снабжение солью селенгинских служилых людей, также как и иркутских, осуществлялось в начале за счет «пятинной» соли, вносимой служилыми людьми, имевшими соляные варницы, а после 1703 г.

«пятинной» соли, поступавшей из Селенгинского Троицкого монастыря, который перехватил добычу соли в свои руки.

Гарнизоны Удинска и Баргузина снабжались солью, привозимой из Селенгинска. Подряды на ее поставку осуществлялись преимущественно служилыми людьми. В 1706 г. они привезли в Удинск 327 пуд. селенгинской соли, в 1707 г. – 200 пуд., в 1708 г. – 300 пуд., в 1709 г. – 200 пуд., в 1710 г. – 100 пуд., в 1711 г. – 50 пуд., в 1712 г. – 255,5 пуд. и т.д.¹⁹⁴

Что касается солеснабжения Нерчинского уезда в начальные годы его колонизации, то оно планировалось за счет Усть-Кутского Усолья, основанного еще в 40-х гг. Е.П. Хабаровым и находившегося в ведении Илимского воеводства,¹⁹⁵ а затем за счет Иркутского Усолья. Известно, что в 1675 г. вопрос о присылке соли из Илимского уезда поднимался нерчинским приказчиком П.Шульгиным¹⁹⁶ и что в 1672 г. Иркутск поставил в Нерчинск 29 пуд. «пятинной» соли,¹⁹⁷ полученной из варницы служилого человека А. Михалева. Начиная же с 1681 г., в Нерчинск имели место частные поставки, осуществляемые Иваном и Алексеем Ушаковыми.¹⁹⁸

Повседневные потребности населения и развивающийся рыбный промысел требовали много соли и не могли быть разрешены за счет привозимых соляных запасов, поставка которых была очень сложной и дорогой. Поэтому в Нерчинском уезде постоянно проводилась разведка местных соляных источников. Первые шаги в этом направлении, предпринятые при воеводе А.Пашкове, видимо, не имели успеха, так как и в последующее время поиск соли не прекращался. В 1661 г. нерчинский приказчик Д. Аршинский отправил на Онон-реку специальную экспедицию в составе тунгуса-проводника и трех казаков «на степи искать и проводывать соляных озер». Итог похода был удачным: вблизи притока Онона было обнаружено озеро «с доброй солью».¹⁹⁹ Отныне, как утверждали нерчинские старожилы, хотя в окладных книгах Нерчинска и записывалась ежегодная «служилым и всякого чина людям соль в даче», фактически соль в жалование из казны никогда не выдавалась по той причине, что «ее брали на соляном озере сами, сколько кто похочет».²⁰⁰

«Самобслуживание» служилых людей Нерчинского уезда продолжалось до 1723 г., пока добыча соли на озере не была отдана подрядчикам, которые стали ее поставлять в казну по 9, 10, 12 коп. за пуд.²⁰¹ После этого служилым стали выдавать в их оклады соль из казны.

ГЛАВА IV

Сельскохозяйственные занятия служилых людей

1. Правительственная политика в отношении наделения служилых людей землей.

Прежде чем перейти к характеристике сельскохозяйственных занятий служилых людей, необходимо рассмотреть вопросы, связанные с их обеспечением землей, а также порядком землевладения в Сибири.

Как показано выше, продовольственное снабжение, особенно в начале колонизации, было недостаточным, нерегулярным и не могло обеспечить прожиточного минимума служилых людей. Поэтому многие из них, наряду со службой, занимались хлебопашеством. Правительство, в свою очередь, стремясь снизить казенные расходы на содержание служилых людей, поощрительно относилось к их земледельческим занятиям, так как они создавали возможность снятия служилых людей с хлебного жалования и перевода их на службу с пашни.

Порядок службы с пашни был впервые введен в Сибири по инициативе тобольского воеводы Ю.Я. Сулешева еще в 20-х гг. XVII в.¹ (Ю.Я. Сулешев был на воеводстве в Тобольске в 1623-1625 гг.). Он обосновывался тем, что служилые люди «владели многими землями даром, а оброку никакого не платили, а денежное и хлебное жалование те служилые люди имали ежегод, а тою землею владели сверх жалования».² Следует отметить, что перевод служилых людей Сибири в пашенные оклады не был специфичен только для Сибири. Он перекликался с той политикой, которую правительство стало проводить в 20-е-30-е и последующие годы в Южных районах Российского государства.

Согласно сулешевскому «Уложению», различные категории служилых людей взамен хлебного жалования получали от 5 до 10 десятин земли в одном поле и «в дву потому ж». При неполной норме отвода служилые могли сохранять за собой часть хлебного жалования. Обработка даже небольшого участка должна была приводить к вычетам из хлебного жалования. Расчет вычетов не был одинаковым, так как устанавливался в соответствии с качеством почв. За распашку одной десятины у тобольских служилых людей из хлебного оклада изымались две чети без полутора четверика овса; у тюменских «с паханая десятины, с добрыя земли» - по четыре чети ржи, по две чети без четверика овса; у томских – по три чети с четвериком ржи, по чети без полутора четверика овса; у туринских – по две чети с осминою без

полутора четверика ржи, по чети без полуосьмины овса.³ Норма вычетов из окладов кузнецких служилых людей за обработку одной десятины составила в 1681 г. «против прежнего указу по 3 чети ржи, по 2 чети овса».⁴ Перевод в пашенные оклады должен был производиться одновременно с обращением служилых людей к хлебопашеству. Обработка сверхокладных пашен приводила к уплате выдельного хлеба – «десятого снопа».

Как отмечает Н.И. Никитин, «с тех пор в окладных книгах стали указывать не только оклад, которым был поверстан служилый, но и то количество хлеба, которое ему полагалось с учетом его пашни. Многие служилые, в связи с этим, вообще лишались хлебного жалования», а в случае превышения их пашни положенных Сулешевым норм, «...должны были еще платить «выдельный хлеб» - «десятый сноп»».⁵

«Уложение» сразу же вызвало резкое недовольство служилых, поскольку лишало их былой льготы: одновременного владения пашней и получения хлебного жалования. Особенно тяжелым сулешевский зачет оказался для тюменских и томских казаков, которые за распашку одной десятины лишались почти всего хлебного жалования. Не случайно их недовольство реформой выразилось в наиболее острой форме: во время возвращения из Сибири «законодатель» едва не был убит тюменскими казаками.⁶ В 1638 г. в Томске из-за реформы произошло открытое выступление служилых людей.⁷ В 1668 г. деятельность тобольского воеводы П. И. Годунова, учитывавшего самые незначительные по объему пашни служилых людей, также вызвала бурный протест.⁸

Однако, волнения могли задержать, но не приостановить проведение реформы тем более, что правительство, начиная с 20-х гг. XVII в., постоянно настаивало на ее повсеместном распространении в Сибири: «...быть потому, как учинили боярин князь Юрьи Яншевич с товарищи по своему рассмотрению..., и что они по своему рассмотрению учинили, тому... и впредь так быть».⁹

Анализ переводов в пашенные оклады в Иркутском и Нерчинском уездах, дополняемый наблюдениями по другим сибирским уездам, позволяет говорить, на наш взгляд, об известной эволюции, которую претерпело сулешевское «Уложение» и по временным и по территориальным данным, т.е. по мере продвижения русской колонизации с Запада на Восток Сибири.

Остановимся подробнее на этих изменениях и причинах их вызвавших. Начало перевода служилых людей Иркутского и Нерчинского уездов на службу с пашни падает на 70-е – 80-е гг. XVII в. Хронологически этот период был позже первых попыток подобного

перевода служилых людей, предпринятого на территории Тобольского разряда, на 50-60 лет. За этот срок сибирская администрация накопила достаточный опыт более гибкой и осторожной реализации реформы, позволивший ей предотвратить возможное сопротивление служилых людей переводам в пашенные оклады.

В первую очередь, изменения коснулись земельных норм и условий перевода на службу с пашни.

Первоначально окладные земельные нормы в Тобольске и Тобольском разряде соответствовали, согласно реформе Ю.Я. Сулешева, 5 десятинам в поле, а «в две потому ж» для конных и пеших казаков и 10 десятинам в поле для детей боярских. (В дальнейшем они станут более дифференцированными и увеличенными для комсостава.)¹⁰

В начале 80-х гг. эти же нормы рекомендовались и для уездов Восточной Сибири.¹¹ Однако, острый дефицит в хлебе, отдаленность уездов и необходимость содержания большого контингента воинских сил привели к тому, что в Восточной Сибири «сулешевские нормы» (5 десятин в поле) удержались только для пеших казаков. Для остальных категорий служилого населения (конных казаков, служилых людей по отчеству) они были увеличены и фактически соответствовали 1 десятине земли за одну четверть окладной ржи (без учета другого вида окладного хлеба: овса, круп, толокна и т.д.). Наличие такой нормы отмечал для Енисейского района и Забайкалья В.И. Шунков, для Енисейского района А.Н. Копылов, для Илимского уезда В.Н. Шерстобоев.¹² О невозможности соблюдения «в реальной жизни установленного Сулешевым соотношения между размерами пашни и хлебного жалования» для служилых Западной Сибири говорит и Н.И. Никитин, доказывая многочисленными примерами правоту своих слов.¹³

Встречающиеся в Иркутском и Нерчинском уездах отклонения от этих норм в окладах пеших и конных казаков (пешим казакам при хлебном жаловании в 5,5 четв. ржи, а конным – в 6,5 четв. отводилось соответственно 5 и 7 десятин земли в одном поле)¹⁴ были небольшими, и соотношение одной десятины пашенных земель за одну четверть окладной ржи можно принять за среднюю норму отвода и в Иркутском и в Нерчинском уездах.

Помимо земель, предназначенных под пашни, в пользование служилых людей отводились угодья, имеющие вспомогательное хозяйственное значение: земли под хозяйственные постройки – домашнее строение, овины, сенники, амбары, гумно – 5 дес. и более. Угодья – сенные покосы, пастбища, леса – от 15 до 30 дес., могли

даваться и дополнительно к пашне и без пашни. Владение угодьями (без пашни) не приводило к снятию служилых людей с хлебного жалования, так как единственным условием для этого было наличие распашных земель. Под пашни использовались наиболее удобные – еланые участки земли. Угодья занимали менее пригодные для земледелия площади: заливные луга, острова, заболоченные и поросшие лесом участки, изрезанные оврагами берега ручьев.

Отвод «угожих», равно как и пашенных земель, производился в соответствии с принятыми нормами. В 1684 г. енисейская администрация сообщала, что в Енисейске «при прежних воеводах давано и ныне дают под сенные покосы и под скотинные выпуски детям боярским по двадцати десятин, казакам по десяти десятин. Пашенным крестьянам, которые пашут десятину государевой пашни, дают по 8 десятин», (т.е. при 4 десятинах «собинной» пашни в поле, а «в дву потому ж» - Г. Л.).¹⁵ Таким образом, в целом енисейская норма угодий соответствовала 2 десятинам за 1 десятину пашенных земель или за одну четверть окладной ржи (на тот случай, если служилый получал хлебное жалование). Эти же нормы отвода «угожих» земель были распространены в Иркутском и Нерчинском уездах.¹⁶

Официально отвод земель служилым людям под пашни и угодья должен был производиться соразмерно с принятыми нормами. Однако, наличие свободных просторов, сложность обмеров земли, поощрение земледельческих занятий способствовали тому, что местная администрация обходила предписания центра и делала значительные послабления земледельцам. Служилые люди, используя эти уступки, зачастую захватывали в свое пользование площади, которые на много превосходили положенные при отводе нормы. Причем, наибольшим спросом пользовались еланые земли, как площади будущих пашен. Наличие этих сверхокладных земель неоднократно отмечалось составителями дозорных книг. Примером владения сверхокладных еланей и угодий в Иркутском уезде являлось владение несколькими казаками, помимо положенных им в оклады 100 десятин «сплошной еланной земли» и пастбищ, еще 150 десятинами «межроспашных» еланых участков в устье реки Куды.¹⁷

Администрация старалась учитывать «залищечные» земли. Указ 1701 г., посланный в Нерчинский уезд, в связи с предстоящим составлением писцовых книг, вполне определенно требовал изъятия у служилых людей сверхокладных необработанных еланых земель и их передачи в пользование тем, кто впервые переходил в пашенные оклады.¹⁸

Наиболее зажиточная часть служилого населения нередко распаивала часть этих сверхокладных еланей, не довольствуясь размерами имеющихся в их пользовании окладных пашен. В этом случае служилые платили, точно также как крестьяне и посадские люди, «выделный» хлеб, соответствующий 1/10 или 1/5 частям урожая, собранного с «залищечных» земель. Сдача в казну «выделного» хлеба в объеме десятой части урожая, видимо, считалась льготной. Правительство давало такую льготу в начальный период развития сибирских уездов. На территории Енисейского уезда такой размер «выделного» хлеба продержался до 60-х гг. XVII в. С 60-х гг. служилые, крестьяне и посадские люди уже сдавали «выделный» хлеб в удвоенном объеме – «пятинный выделный» хлеб.¹⁹ Иркутский уезд, выделившийся в начале 80-х гг. из Енисейского, знал уже только «пятинное» обложение сверхокладных пашен. Расчет «выделного» хлеба для служилых людей Нерчинского уезда еще в начале XVIII в. был льготным и соответствовал десятой части урожая. Проводя политику поощрения служилого земледелия в отдаленном Нерчинском уезде и распространив в 1701 г. на другие категории нерчинского населения (крестьян и посадских людей) «выделный пятинный» хлеб, сибирская администрация оставила «выделный десятинный» налог только для служилых людей: «...на тое лишнюю пахотную землю накладывать на служилых людей десятой сноп, а не на служилых - пятой».²⁰

Таким образом, льготные условия служилого землевладения, сразу же распространенные на Восточную Сибирь в форме высокого земельного надела, соответствующего 1 десятине земли за 1 четв. окладной ржи, в Нерчинском уезде еще в начале XVIII в. дополнялись более умеренной нормой податного обложения с лишних сверхокладных распашных земель служилых людей.

Реформа Ю.Я. Сулешева подразумевала снятие служилых людей (частично или полностью) с хлебного жалования одновременно с обращением последних к пашенной деятельности. Однако, западно-сибирский опыт показал, что в силу специфики служебных обязанностей, немедленный перевод в пашенные оклады служилых людей, получивших землю (или обрабатывающих ее), был неэффективен и что «сулешевские нормы» могли сделать земледельческие занятия для служилых людей невыгодными. Об этом свидетельствовало значительное сокращение численности служилых людей-хлебопашцев в Западной Сибири во второй четверти XVIII в., т.е. сразу же после «Уложения» Сулешева.²¹

Поэтому к темпам и срокам перевода служилых людей в пашенные оклады в Восточной Сибири администрация стала подходить с большей осмотрительностью.

Известно, что в любом из сибирских уездов первоначально складывался гарнизон уездного центра, который обслуживал более мелкие и отдаленные уездные острожки. Частые и длительные командировки не только отвлекали, но и лишали большинство служилых людей возможности регулярно заниматься пашенной деятельностью. Учитывая это обстоятельство, Сибирский приказ в 1642 г., т.е. вскоре после проведения в жизнь реформы Сулешева, признал нецелесообразным переводить в пашенные оклады служилых людей, которые высылались на годовые службы. Вероятно, Сибирским приказом был учтен опыт тобольского гарнизона, для которого практика «дальних посылок» в Восточную Сибирь была одной из важных причин слабой степени приобщения военно-служилых людей к земледелию.

В пограничных восточно-сибирских уездах, жизнь которых была насыщена военными событиями, система годовых служб была вдвойне сдерживающим обстоятельством для перевода служилых людей в пашенные оклады. В 1695 г. при попытке енисейской администрации осуществить массовый перевод в пашенные оклады служилых людей Иркутска, последние отказались выполнить указ, доказывая, что «за одиначеством... и за частыми и беспрестанными...службами и посылками за хлебное жалование пашен им пахать не возможно».²² Признавая годовые службы уважительной причиной,²³ администрация повелела служилым людям Иркутска, «которые будет на пашнях жить не похотят..., давать по вся годы хлебное жалование».²⁴ Поэтому в период несения годовых служб с хлебных окладов снимались только те из служилых людей, семьи которых даже в их отсутствие могли систематически обрабатывать значительный пашенный участок. Такой вариант предполагал наличие у служилого человека достаточного числа работоспособных членов семьи или возможность использования им подневольного и наемного труда. Несомненно, что хозяйство, не прекращающее в условиях годовых служб пашенной деятельности, было «заводным», крепким. Вот почему в числе первых служилых, переведенных в пашенные оклады, чаще всего были люди обеспеченные: представители гарнизонной верхушки, служилые люди по отчеству. Первыми служилыми людьми, переведенными на службу с пашни в Иркутском уезде, были дети боярские Иван и Остафий Перфильевы, пятидесятник А. Михалёв, десятник Е.Федоров и, наконец, рядовой А. Москвитин, быстро продвинувшийся до сына боярского.

В Нерчинском уезде первым отказался от хлебного жалования сын боярский Н. Сенотрусов, затем к нему присоединились пятидесятники И. Милованов, Ю. Лабин и десятник М. Чернецкий. Все эти люди были зажиточными, «семьянистыми», использовали в хозяйстве труд не только «наймитов», но и крепостных.²⁵

Большинство же служилых людей, хотя и имели пашни, не переводились в пашенные оклады, поскольку их хозяйства, основанные на личном труде, в условиях «беспрестанных» годовых служб и «посылок по воинским вестям» не могли регулярно обеспечиваться собственным хлебом.

О наличии таких хозяйств говорят многочисленные факты. Например, появление пашен служилых людей под Иркутском относилось к 1669 г. Но переводы на службу с пашни в Иркутском остроге выборочно начали осуществляться только с 1672 г.²⁶ Казачьи пашни под Селенгинском возникли в 1666 г., т.е. одновременно с постройкой острога. Из «доезда» тобольского сына боярского С. Полякова, осматривавшего в 1673 г. Селенгинский острог, известно, что селенгинские служилые люди вспахивали и «сеяли на себя» 29 десятин.²⁷ В 1675 г. проезжавший по Селенге Н. Спафарий рассматривал казачьи пашни в устье Селенги, в районе Селенгинска, Брянской деревни и Ильинской слободы, как одну из достопримечательностей края: «хлеба пашут много и родится во всех тех заимках из пуда по 20 и по 30 и больше, а хлеб продают по 5 алтын и меньше пуд, да пшеницу китайскую и ячмень сеяли и родится же».²⁸ Первые же пашенные оклады в селенгинском гарнизоне встречаются только в конце 70-х гг.²⁹ Казачьи пашни под Албазином возникли в 60-х гг. XVII в. Обнаруженные нами источники позволяют утверждать, что и некоторые из нерчинских казаков имели значительные пашни вблизи Албазина в начале 80-х гг.,³⁰ хотя продолжали получать хлебное жалование. В период с 1680 по 1684 гг. местное Нерчинское делопроизводство сохранило сведения о 20 нерчинских казаках, которые просили о выделении в их пользование «досмотренных ими земель» под хлебную пашню по рекам Шилке, Аргуни, Телембе, Селенге, Итанце. Челобития этих людей сопровождалась пометами, удовлетворяющими просьбы об отводе земель: («землю измерить и отвесь»), но не содержащими распоряжения «служить с пашни за хлебное жалование».³¹ По окладным нерчинским книгам большинство казаков (17 из 20) при наличии у них пашен числились получающими хлебное жалование вплоть до 1694 г., т.е. до отмены годовых служб в Нерчинском уезде.³²

Таким образом, в период несения годовых служб в пашенные оклады переводились лишь служилые, систематически обрабатывающие землю. Нерегулярная обработка даже больших участков, объясняемая длительными служебными отлучками, не приводила к снятию с хлебного довольствия.

Другим важным условием, препятствующим переводу служилых людей Иркутского и Нерчинского уездов в пашенные оклады, даже после отмены годовых служб, являлся размер участков пашенной земли, не позволявший лишить служилого человека хлебного жалования.

Дело в том, что Иркутский и Нерчинский уезды на протяжении второй половины XVII в., в отличие от Западно-Сибирских уездов, знали лишь один вид пашенных окладов – полный пашенный оклад. Отсутствие регистрации в иркутских и нерчинских окладных книгах, сметах и пометах более мелких пашенных участков свидетельствовало о том, что владение землями, меньшими пашенных окладов, не приводило к лишению даже части хлебного жалования. К сожалению, за неимением дозорных книг выявить величину этих пашен не представляется возможным. Но судя по положению, сложившемуся в пограничном Красноярском уезде в середине XVII в., близком по условиям к Забайкальской части Иркутского и Нерчинского уездов, участки служилых людей, которые не учитывались при выдаче хлебного жалования, могли составлять от 1 до 3 десятин. Воеводской администрации приходилось не учитывать эти участки, поскольку в условиях военной напряженности в пограничных районах и при нерегулярной выплате жалования они были необходимой хозяйственной опорой для выполнения службы. Немаловажную роль при этом, вероятно, играло и опасение возможных волнений служилых людей, имевших место в свое время в Западной Сибири.

Естественно, что власти были заинтересованы в скорейшем лишении хлебных окладов служилых людей, владевших пашнями. В условиях годовых служб, как указывалось, сделать это было невозможно, поскольку объективные обстоятельства отвлекали служилых от хозяйственной деятельности. Поэтому первой мерой, ускорившей перевод служилых людей в пашенные оклады, являлась отмена годовых служб. В 1694 г. годовые службы отменялись в Нерчинском уезде. На территории Иркутского уезда годовые службы после 1701 г. сохранились только для иркутского гарнизона.

Отмена годовых служб не замедлила сказаться на численном росте пашенных окладов особенно в гарнизонах Нерчинского уезда, который, вследствие слабого прироста крестьянского населения, остро нуждался в хлебе. Если в 1693 г. в Нерчинском уезде пашенные оклады имели 10

служилых,³³ то в следующем году, т.е. после отмены годовых служб, «в пашню» был переведен 101 человек.³⁴ В 1708 г. из 432 служилых, проживавших в Нерчинском уезде, 215 имели пашенные оклады.³⁵

Прекращение годовых служб сыграло немаловажную роль в обращении к хлебопашеству служилых людей мелких гарнизонов Иркутского уезда. Казаки Верхоленского, Идинского острогов почти поголовно имели пашни. Из 40 человек ильинского и кабанского гарнизонов 17 имели пашенные оклады.³⁶ Если в удинском гарнизоне, пополнявшемся до 1701 г. казаками из западно-сибирских городов, в 90-х гг. никто не служил с пашни,³⁷ то уже в 1705 г. из 200 человек гарнизона – 26 имели пашенные оклады.³⁸

Менее активно переходили в пашенные оклады служилые иркутского гарнизона. В 1705 г. из 409 служилых пашенные оклады имели только 49 человек.³⁹ В 1710 г. их число возросло до 84,⁴⁰ а к 1720 г. снизилось до 47 человек, вследствие начавшейся новой «камчатской» службы.⁴¹ (иркутский вариант, напоминал тобольский вариант).

Наряду с сокращением годовых служб, ускорение перевода служилых людей в пашенные оклады шло по линии уменьшения земельного минимума, обработка которого ранее не приводила к лишению хлебных окладов. Впервые служба с пашни «за часть» жалования встречается в Нерчинском и Иркутском уездах только в начале XVIII в. В 1705 г. один из казаков удинского гарнизона служил с пашни за ¼ хлебного жалования.⁴² В 1706 г. в Нерчинском уезде «половинный» земельный надел был в пользовании у 3 нерчинских, 1 итанцинского и 1 аргунского казаков.⁴³ Уменьшение и учет долей пашенных участков, владение которыми приводило к лишению части хлебного оклада, убыстряло переход в пашенные оклады и сокращало для каждого из служилых срок, в течение которого он, владея пашней, не снимался с хлебного жалования.

Поскольку число служилых людей, снятых с хлебных окладов, постепенно увеличивалось, росло и количество пашенных вакансий внутри каждого гарнизона. Обратного движения, т.е. замены имевшихся «пашенных» ставок «беспашенными» вплоть до 20-х гг. XVIII в. в исследуемых нами уездах почти не наблюдалось. Исключение составлял иркутский гарнизон, для которого, в связи с возросшими в XVIII в. годовыми службами (вышеуказанная камчатская служба), была сделана скидка и часть «пашенных» ставок заменялась «хлебными». Что касается пашни, отводившейся за службу, то несмотря на ее условное держание, на практике она чаще всего оставалась, хотя и не всегда, в той же казачьей семье, откуда верстался приемник. В остальных

вариантах замены лицо, принятое в пашенный оклад, должно было самостоятельно позаботиться о приобретении пашни, либо распахав новую «дикую» землю, либо купив обработанный участок.

Таким образом, служилый, впервые приверстанный в освободившуюся «пашенную» вакансию, оказывался в гораздо более трудных условиях, чем новоприборные более ранних лет, потому что сразу же снимался с хлебного жалования. Некоторые из новоприборных были не в состоянии обработать положенный участок. Нередко не только новички, но и старожилы в силу каких-то причин (старости, увечья, малосемейности и т.д.) не обрабатывали полностью отведенную им пашню, а сдавали ее в пользование родственникам или новоповерстанным в «беспашенные» оклады служилым людям, внося «выделный» хлеб.

В связи с изложенными причинами, перед тем или иным служилым мог встать вопрос о замене полного пашенного оклада частичным. Однако, ни в Иркутском, ни в Нерчинском уездах не было случая сокращения впервые данных полных пашенных окладов до половинных и иных размеров, поскольку власти, заинтересованные в экономии хлеба, стремились к обратному движению окладов. Аналогичное положение в Западной Сибири отмечает Н.И. Никитин, подчеркнув, что «принятое однажды постановление о службе ратного человека «с пашни» ...уже не имело обратной силы».⁴⁴

Вероятно, потерять для гарнизона «пашенный» оклад через замену его «непашенным» считалось ситуацией, если не равносильной, но очень схожей с потерей «государевой десятинной пашни», которая кем-то по какой-то причине перестала обрабатываться. Первый вариант способствовал увеличению хлебного расхода, второй – уменьшению хлебного прихода, т.е. в том и другом случае усматривался ущерб государственной казне, т.е. бюджету.

Указ 1706 г. окончательно запрещал выдачу хлебного жалования в «додачу» к пашням, не достигшим указанной нормы: «...велено в Тобольску и во всех сибирских городех...буде которые дворяне и дети боярские и всяких чинов служилые люди пашни на себя пашут, а государево хлебное жалование в додачу к пашням емлют, и тем людям того жалования отнюдь давать не велено, а велено им служить с пашни».⁴⁵ В.А. Александров связывал указ 1706 г. со стремлением властей урезать земельные нормы, что «стимулировало бы расширение служилыми людьми запашки на землях, с которых полагалась уплата пятины».⁴⁶

На наш взгляд, этот указ вряд ли следует трактовать, как попытку уменьшить норму отводов, поскольку по имеющейся документации эти

нормы оставались в Восточной Сибири после 1706 г. теми же, что и раньше.⁴⁷ Скорее всего этот указ, проводимый в интересах экономии окладного хлеба, ставил своей целью введение порядка перевода на службу с пашни только за полные оклады при условии отвода полных норм. Этот указ фактически отменял возможность получения служилым человеком хлебного жалования (пусть частичного) при условии владения им пашенным участком любой величины, т.е. лишал его возможности, которой он пользовался прежде, в начальный период становления своего хозяйства. Появление указа было подготовлено практикой наследственного замещения служилыми людьми уже имеющихся пашенных вакансий на местах и отвечало общему содержанию правительственной политики Петра I, направленной на максимальную экономию средств через самообеспечение продовольствием служилых людей «старых служб», замену хлебного жалования пашенным участком и создание в руках служилых людей хозяйства крестьянского типа.

Эта «экономия» коснулась всех категорий сибирского населения: «... во второй половине XVII в. наблюдается тенденция к постепенному уменьшению подмоги и ссуды (для пашенных крестьян – Г.Л.) со стремлением при благоприятных условиях обойтись совсем без них».⁴⁸ В 1700 г. начальник Сибирского приказа А.А. Виниус распорядился «запретить выдачу подможных денег сибирским крестьянам, оставив выдачу хлеба на семена и предоставление льготных лет».⁴⁹ Если на протяжении XVII в. сибирские служилые люди могли постепенно переходить на службу с пашни (за одну часть жалования получая хлеб, за другую, обрабатывая пашню, как это было в уездах Западной Сибири, а позже и в уездах Восточной Сибири), или обрабатывая неполный пашенный надел и получая полное хлебное жалование (как это было в Иркутском и Нерчинском уездах), то в начале XVIII в. обращение к хлебопашеству приводило к лишению хлебного жалования, независимо от величины обрабатываемой пашни.

Отменив в 1706 г. неполные хлебные и пашенные оклады, правительство сделало попытку целиком охватить пашенными окладами отдельные категории сибирского служилого населения. В 1710 г. в Нерчинский и Иркутский уезды пришло распоряжение об обязательном переводе дворян и детей боярских «за хлебное жалование за полные оклады» на службу с пашни, «а под пашни земли отводить против полных их окладов из порозжих земель».⁵⁰ Предписания обязательного перевода в пашенные оклады служилых людей по прибору не последовало, но пожелания правительства сибирским властям «разматривать и стараться» в этом направлении, «дабы вместо

жалования коих мочно способными землями и другими пристойными угодами удовлетворять», высказывались и в последующее время.⁵¹

Говоря о правительственной политике в отношении наделения служилых людей землей, нельзя обойти такую категорию населения как беломестные казаки, которые в небольшом количестве проживали в районах Иркутска, Тункинском и Бельского острогах.

Беломестцы несли службу не за жалование, а за пользование землей. Им разрешалось пахать по 10 десятин в поле, («а в дву потому ж»). Правительство единовременно обеспечивало их, как и крестьян-новопоселенцев, подмогой, выражавшейся в деньгах, тяглой силе, посевном материале. В отличие от крестьян, беломестные казаки освобождались от налогов (отсыпного хлеба) или казенной барщины (десятинной пашни), взамен которых несли военную службу.

Усиление экономического гнета в конце XVII в. отразилось и на положении беломестных казаков. Уже в конце XVII в. на эту категорию служилых людей распространяется так же, как на крестьян и уездных посадских людей, надзор слободских приказчиков,⁵² введение которого, очевидно, было связано с обложением их налогами, поскольку еще в 80-х гг. XVII в. «беломестцы» были от них освобождены.⁵³ В начале XVIII века, как отмечал В.Н. Шерстобоев, они платили «в среднем менее 2 четв. ржи на хозяйство в год», а с 1716 г. стали вносить по 3 четв. хлеба с человека.⁵⁴

Политика правительства в вопросах наделения служилых людей землей имела тесную связь с характером земельной собственности служилых людей в Сибири.

Как известно, сувереном и земельным собственником в Сибири являлось феодальное государство. В связи с особыми историческими условиями, частное феодальное землевладение в Сибири было развито слабо. Это объяснялось, с одной стороны, дальностью расстояния, громадной территорией, природными особенностями края и недостатком рабочих рук, а с другой – политикой правительства, рассматривающего Сибирь как объект собственной эксплуатации и поэтому сознательно препятствующего развертыванию частного землевладения.

Служилые люди получали участки от феодального собственника земли — государства на правах условного пользования, что подчеркивалось официальными документами на право владения — «данными», «отводными»: землю не закладывать, не продавать, не вложить в монастырь, а служить с нее «...за великого государя хлебное жалование».

Служилые люди стремились превратить окладные земли в свою собственность, используя возможность наследственной передачи участков, прибегая к ссылкам на отдельные факты признания правительством частной собственности в Сибири на землю, также используя различные формы передачи земли. Картина получения тем или иным служилым земельного участка и его движения раскрывается чаще всего содержанием дозорных и переписных книг, а также актовым материалом в виде «подписных челобитных», «данных», «отводных», «меновых», «сговорных записей», «закладных», «поступных», «купчих» и т.д., наличие которых свидетельствовало о достаточно широком распространении практики залога, вклада, продажи, покупки, передачи по наследству и даже «старины», а, следовательно, переходе земельных участков из одних рук в другие и закреплении их на самых различных основаниях.⁵⁵ Под «стариной» или владением «ис стари» чаще всего понимался самовольный захват земли.

Правительственные указы от 23 марта 1714 г.⁵⁶ и от 17 марта 1731 г.,⁵⁷ уравнивавшие поместные и вотчинные земли, послужили основанием для закрепления безусловной частной собственности и в Сибири.⁵⁸ Однако, просьбы сибирских дворян о раздаче им сибирских крестьян в качестве крепостных («против московских и других русских городов поместных дворян») правительством решительно отвергались.⁵⁹

2. Переход иркутских и нерчинских служилых людей на службу с пашни и их роль в сельскохозяйственном освоении уездов.

Официальному получению служилым человеком участка под пашню, сенные покосы и хозяйственные постройки предшествовал его досмотр землеустроителями-приказчиками, которые свидетельствовали, что земли лежали «впусте» и что «утеснения» от нового владения никому не будет. Они же намечали «межи» и «границы» будущего участка, сведения о которых, равно как и описание земель будущего владельца, вносились в документы на право пользования землей – «данные», «отводные памяти» и «выписи». Документ давался владельцу, его копия хранилась в делах приказной избы.

Приводимые данные свидетельствуют о том, что на протяжении 40 лет численность служилых, снятых с хлебного жалования, постепенно увеличивалась. Если в 1693 г. по Иркутскому уезду хлебопашцы – служилые по прибору составили 19% от общего числа служилых, а в Нерчинском – 2%, то в 1720 г. в Иркутском уезде их число выросло до 25%, а в 1714 г. в Нерчинском – до 50%.

В Иркутском уезде процент «пашенных» приборных служилых по отношению к «непашенным» был ниже, чем в Нерчинском, за счет слабого обращения к земледелию служилых иркутского гарнизона,

которые составляли в конце XVII – начале XVIII вв. немногим менее половины от общего числа воинских сил уезда. Причиной их более замедленного обращения к хлебопашеству, как указывалось выше, стали годовые службы и, в известной мере, довольно регулярное продовольственное снабжение.

Таблица 9⁶⁰

Численность служилых людей, перешедших в пашенные оклады в Иркутском и Нерчинском уездах.

Иркутский уезд (Предбайкальская и Забайкальская части)						
Год	Количество служилых		Из них служат с пашни		% пашенных служилых	
	По отечеству	По прибору	По отечеству	По прибору	По отечеству	По прибору
1682)*	2	213	2	34	100%	16%
1693**	18	507	7	94	39%	19%
1705**	22	942	14	196	64%	21%
1710**	70	943	40	241	57%	26%
1720**	78	981	48	243	62%	25%
Нерчинский уезд						
Год	Количество служилых		Из них служат с пашни		% пашенных служилых	
	По отечеству	По прибору	По отечеству	По прибору	По отечеству	По прибору
1682-1690***	5	193	2	2	40%	1%
1693****	11	401	2	8	18%	2%
1694****	9	428	5	105	56%	25%
1708****	26	462	22	205	85%	44%
1714****	49	464	37	266	76%	57%
* Учтены служилые иркутского, селенгинского, баргузинского гарнизонов.						
** Учтены служилые иркутского, селенгинского, баргузинского, идинского, верхоленского, балаганского (с 1710 г.), ильинского, кабанского, удинского (с 1705 г.) гарнизонов.						
*** Учтены служилые только нерчинского гарнизона.						
**** Учтены служилые нерчинского, аргунского, итандинского, теленбинского, еравненского, иргенского, читинского гарнизонов.						

В Иркутском и Нерчинском уездах, как и в большинстве сибирских уездов, рядовые составляли основную массу от общего числа служилых людей – землепашцев. Но процентное соотношение служилых по отечеству, имевших пашню, всегда было в пользу последних, исходя из их общего числа. (Таблица 9).

Служилые люди по отечеству, несмотря на правительственный указ 1706 г. об обязательном переходе в пашенные оклады, в какой-то

части уклонялись от его выполнения. Эта группа служилых, как будет показано в главе VI, уделяла основное внимание торговле. Её слабый интерес к земледелию, несомненно, объяснялся также и отсутствием в Сибири необходимых условий для развертывания дворянского крепостнического хозяйства.

С увеличением численности служилых, перешедших на службу с пашни, рос и общий массив отводимых в их пользование земель. К сожалению, для Нерчинского и Иркутского уездов не сохранилось дозорных и переписных книг (исключение составляет дозорная книга Иркутска за 1686 г.), которые помогли бы охарактеризовать действительную величину земель, находившихся в пользовании населения, в том числе и служилых людей, и реальный объем ее обработки. Учитывая, что земельный надел, предоставляемый служилым людям, не всегда соответствовал принятой норме (чаще бывал больше ее), мы все же будем исходить из этой нормы.

Как показано выше, официальная норма отвода пашен для индивидуального хозяйства выводилась из объема хлебного жалования: за 1 четв. окладной ржи полагалась 1 десятина земли. Согласно традиционной формуле, принятой в Сибири: («землю отвести в поле, а в дву потому ж»), отвод земель производился в расчете на три поля. Это значит, что при «ржаном» окладе пешего казака, равном 5 четв. ржи, последнему полагалось 5 десятин в поле, а «в дву потому ж», т.е. 15 десятин под пашенные земли, а конному 7 десятин в 1 поле, т.е. 21 десятина в трех полях.

Земельные наделы служилых по отчеству были выше. При 10 четвертях окладной ржи они составляли 10 десятин земли в поле и 30 десятин в трех полях. Повышение по службе вело к увеличению хлебного жалования, следовательно, и пашенных окладов.

Таким образом, если в 80-х гг. объем пашен, официально отводимых служилым людям, насчитывал в обоих уездах немногим более 200 десятин в одном поле, то к концу первого десятилетия XVIII в. он намного превышал 3 тыс. десятин в одном поле.

В целом, объем пашенных земель, отведенных согласно принятым норм служилым людям в Иркутском и Нерчинском уездах, выглядел следующим образом:

Таблица 10⁶¹

Годы		Пашенные земли в 1 поле (в дес.) у служилых		Пашенные земли в 1 поле (в дес.) у служилых		Всего	
		По отчеству	По прибору	По отчеству	По прибору		
		Предбайкальские гарнизоны		Забайкальские гарнизоны			
Иркутский	1682	-	93,5	-	99	192,2	
	1693	81	366	7	184,5	638,5	
	1705	110	597,5	14	538	1259,5	

	1710	338	764	34	648	1784
Нерчинский уезд	1682- 1687*	19,5	12,5	-	-	32
	1693	20,5	47	-	-	67,5
	1694	47,25	560,75	-	-	608
	1708	210**	1298	-	-	1498
	1714	364***	1731	-	-	2095***
<p>* Сведения даны без албазинских пашен.</p> <p>** Объем пашен для 9 служилых по отчеству принят нами приблизительно по 10 десятин на человека в поле.</p> <p>*** Здесь же учтены пашни 19 служилых людей по отчеству, которые, по нашим подсчетам, имели не менее 200 десятин в 1 поле и которые источником не были учтены.</p>						

Каким же было соотношение владений «пашенных» служилых людей с владениями других категорий населения, занятого хлебопашеством? Иными словами, какова была доля участия служилых людей в земледельческой колонизации края в целом?

Понятно, что для отдельных земледельческих очагов роль служилых людей-хлебопашцев была не одинаковой. Уже в 70-80-е гг. XVII в. главной фигурой в земледелии в районе, прилегающем к Иркутску, становятся пашенные крестьяне, которые и по численности и по объему возделываемых земель «обгоняют» «пашенных» служилых людей. Например, согласно дозорной книге 1686 г., в Иркутске с пашни служили сын боярский и 14 конных казаков, в распоряжении которых имелось 80 десятин (в одном поле) пашенной земли.⁶² В 1687 г. по иркутским именным книгам в деревнях, снабжавших хлебом иркутский гарнизон, было 177 пашенных крестьян, которые обрабатывали около 66 десятин (в одном поле) «государевой» пашни.⁶³ Если учесть, что для Иркутского, также как и Нерчинского уезда, соотношение казенной и «собинной» крестьянской пашни было равным 1:4,⁶⁴ то «собинные» крестьянские поля могли составлять в указанное время около 270 десятин в одном поле. Вместе же с казенной пашней объем земли, обрабатываемой пашенными крестьянами в одном поле, определялся в среднем в 320-350 десятин и был в 4 раза больше объема земли, обрабатываемой служилыми людьми.

В 1705 г. число «пашенных» служилых людей иркутского гарнизона составило 49 человек. Им было дано 372 десятины пашенной земли в одном поле.⁶⁵ Смета этого же года отмечала в приписанных к Иркутску слободах Кудинской, Уриковской, Оецкой, Новосретенской и деревнях Талкинской, Хомутовской, Верхне-Ангарской, Иркутских – 180 десятин «государевой» пашни. Исходя из предыдущего подсчета, «собинные» крестьянские поля в указанное время могли составлять в

среднем около 720 десятин в одном поле. Вместе с казенной пашней вся земля, обрабатываемая крестьянами, могла составить около 900 десятин в одном поле.

Кроме пашенных крестьян, в приписанных к Иркутску слободах и деревнях проживали и оброчные крестьяне. Последних в 1705 г. насчитывалось 77 человек. По подсчетам В.И. Шункова, оброчный крестьянин в среднем имел по 2,25 десятин в поле.⁶⁶ Если принять, что все оброчные крестьяне имели пашни в таком объеме, то можно предположить, что в среднем они обрабатывали 175 десятин в одном поле. Весь же объем пашен оброчных крестьян и крестьян, обрабатывающих десятинную пашню, мог составить около 1075 десятин в одном поле. Число крестьян в Предбайкальской части Иркутского уезда и обрабатываемая ими площадь будут еще выше, если учесть монастырских крестьян, приписанных к Иркутскому Вознесенскому монастырю. По данным, приведенным О.И. Кашик, эти крестьяне в 1703 г. проживали в 61 дворе.⁶⁷

Несколько иное соотношение крестьянского населения и служилых людей, имевших пашни, наблюдалось в XVII в. в Забайкальской части Иркутского уезда и в Нерчинском уезде. Крестьянская колонизация здесь задерживалась. Причиной этого являлась военная напряженность в пограничных районах, а также их отдаленность от развитых земледельческих очагов, затруднявшая переселенческое движение. Немногочисленные вольные переселенцы, достигавшие Забайкалья и Приамурья, предпочитали в XVII в. верстаться в службу, чем приписываться в тяглые сословия. Поэтому в Забайкальской части Иркутского уезда и в Нерчинском уезде в XVII в. земледелец чаще появлялся в виде служилого человека, которого вынуждало переходить на службу с пашни плохое продовольственное снабжение и некоторые льготы, предоставляемые властями хлебопашцам.

По данным окладных книг хлебного жалования 1682 г., в Забайкальских острогах Иркутского уезда – Селенгинском и Баргузинском 18 служилых людей, снятых с хлебного жалования⁶⁸ имели 99 десятин пашенной земли в одном поле. Десятинная же пашня, которая числилась за имевшимися пашенными крестьянами, составляла 9,5 десятин,⁶⁹ а обрабатываемые крестьянами поля («десятинные» и «собинные») – 47,5 десятин в одном поле, т.е. были в 2 раза меньше земель служилых людей.

Таблица 11⁷⁰

**Пашенные земли служилых людей и крестьян в Забайкальской
части Иркутского уезда.**

Годы	Величина пашен служилых людей (десятин в 1 поле)			Величина пашен крестьян (десятин в 1 поле)		
	По отечеству	По прибору	Всего	Десятинная	Собинная	Всего
1682*	-	99	99	9,5	38	47,5
1693*	7	184,5	191,5	11	44	55
1703- 1705**	20	532	552	33,5	134	167,5
* Учтены пашни служилых людей селенгинского и баргузинского гарнизонов. ** Учтены пашни служилых людей селенгинского, баргузинского, удинского, кабанского, ильинского гарнизонов						

Но, если еще в начале XVIII в. пашни служилого населения забайкальских гарнизонов превосходили в несколько раз объем полей государевых крестьян (Таблица 11), то могли, видимо, уступать общему объему пашен, возделываемых всеми категориями земледельческого населения того же района. Среди прочих хлебопашцев были оброчные крестьяне, а также посадские люди, вносившие в казну «выдел». Особенно значительной в Забайкалье была категория монастырских крестьян. Численность крестьян и вкладчиков самого большого в Забайкалье Селенгинского Троицкого монастыря, выросшая к 1725 г. до 334 человек,⁷¹ могла косвенно свидетельствовать о значительном объеме обрабатываемой ими пашни.

На территории Нерчинского уезда еще к началу 80-х гг. XVII в. главный очаг земледелия находился на Амуре. К 80-м годам «... большая часть его русского населения состояла из невоенных людей – крестьян, промышленников и гулящих людей».⁷² При всей разноречивости мнений исследователей о численности крестьянского населения Амура,⁷³ последнее составляло большинство, в сравнении со служилыми людьми.

Таблица 12⁷⁴

Нерчинский уезд

Годы	Число служилых людей по отечеству и по прибору, имевших пашни	Число крестьян (пашенных, оброчных)	Число посадских, имевших пашню	Всего
1684-1693	4-10	25	неизвестно	29-35 (без посадских)
1694	110	25	неизвестно	135 (без посадских)

1708	227	160	20*	407
1714	303	193 (из них 46 - оброчных)	25	521
* За неимением данных за 1708, посадские учтены за 1707 г. ⁷⁵				

Напротив, роль служилых людей в создании нерчинского очага земледелия была очень заметной. Здесь они явились не только пионерами хлебопашества,⁷⁶ но и были еще во втором десятилетии XVIII в. самой многочисленной группой земледельческого населения, превосходя по численности вместе взятых пашенных и оброчных крестьян, а также посадских людей, имевших пашни.

В 1708 г. они составили 55% от пашенного населения Нерчинского уезда, в 1714 г. – 58%. (Таблица 12).

Ещё нагляднее роль служилых людей-земледельцев в Нерчинском уезде видна при сравнении пашен, отводимых служилым людям, пашенным и оброчным крестьянам: в 1693/94 гг. в отводе у служилых людей было 608,75 десятин в поле, у пашенных крестьян – 335 десятин, в 1714 г. у служилых – 2065 десятин, у пашенных и оброчных крестьян – около 500 десятин.⁷⁷

Обращение служилых людей к пашенному земледелию способствовало изменению их местожительства. Если в начальный период колонизации сибирских уездов служилые жили у стен острогов, имея под дворами и огородами лишь небольшие участки (часто 16 сажен «длинника» и 8 сажен «поперечника»),⁷⁸ то получение ими пашенных земель, расположенных иногда на значительном расстоянии от острогов, приводило к переселению служилых людей на отводимые заимки. Это создавало удобство для ведения хозяйства, а также, в известной мере, ослабляло административный надзор. Поэтому неслучайно, просьба служилых людей об отводе земель под пашни всегда соединялась с просьбой «на этих землях домами селитца» или «на отведенной дикой земле дворишко поставить».

Переселение служилых людей ближе к пашням и основание ими деревень можно проследить поэтапно в зависимости от роста в том или ином гарнизоне пашенных окладов.

Выше уже указывалось, что Н. Спафарий отмечал наличие домов служилых людей вблизи большинства острогов, через которые он проезжал: у Верхоленского острожка он упомянул 8 «жилых казацких дворов», у Иркутского, Селенгинского и Нерчинского острогов, постоянное служилое население которых начало складываться с момента их основания, Спафарий насчитал в общей сложности около 130 казачьих дворов.⁷⁹

Лишь в Баргузинском острожке, гарнизон которого в 1675 г. состоял из заменявших друг друга енисейских годовальщиков, Спафарий не отметил индивидуальных сельских казачьих дворов.

Фактически, положение дел, подмеченное Спафарием, характеризовало картину начального периода колонизации уездов, когда большинство служилых гарнизонов состояло из временных годовальщиков. Не рассчитывая обосноваться навсегда в том или ином остроге, они жили либо по подворьям у тех, кто уже обзавелся домом, либо проживали в избах-«общежитиях», называемых «избами для холостых казаков», этих обязательных построек в сибирских острогах ранних лет.

В дозорной книге Иркутского уезда 1686 г. нашел отражение следующий этап расселения служилых людей Иркутска «по заимкам дворами». В 1686 г. к деревне А. Михалева, упомянутой 11 лет назад Спафарием, присоединилась деревня, построенная выше Иркутского острога пятидесятником К.Сидоровым. В устье р. Куды раскинулась Усть-Куцкая деревня, в которой были дворы казачьего десятника А. Колбецкого и дворы казаков К. Черного, И. Буковского, К. Могулева, С. Бороды, Е. Ягодина, Ф. Каши, А. Москвитина, К. Помаскина, Ф. Маркелова, И. и А. Мельниковых.⁸⁰

Сохранившийся отрывок «описания» Иркутского уезда дает представление о местожительстве казаков, получивших пашенные оклады в конце XVII в.⁸¹ «Описание» начинается с перечисления населенных пунктов, тянувшихся к Селенгинску. Среди них - деревня Брянская, населенная селенгинскими служилыми людьми и пашенными крестьянами. На противоположной стороне Селенги лежала деревня служилых людей «троежилцев». В шести верстах от Брянской деревни поселились деревней селенгинские казаки Д. Торокановский с братьями. На левой стороне Селенги, в трех верстах от Итанцинского острога, лежала деревня селенгинских служилых людей М. Бурдуковского «с товарищи». Отмечалась в «описании» трехдворная деревня казаков, расположенная недалеко от Ильинского острога.

Казачьи деревни перемежались с деревнями, населенными другими категориями населения. Среди последних упоминалась деревня «Ильинского острогу» посадского человека П. Кожевникова «с товарищи», деревня Югова с десятью «жилцами» и деревня Кокуй, населенная тридцатью монастырскими вкладчиками.

Населенные пункты, тянувшиеся к Иркутску, согласно «описанию», лежали по берегам Ангары и ее притокам. Рядом с известной нам деревней Михалева на реке Ангаре расположились деревни пашенных крестьян И. Малахеева и Г. Щукина. В двух верстах

от деревни Щукина лежала деревня Уксусова, населенная четырьмя служилыми людьми. Следом за ними на Ангаре раскинулись крестьянские деревни Панова и Разводная, с которыми граничили деревни сына боярского В. Усова и казаков М. Поршенникова и К. Могулева.

Довольно плотно были заселены берега притоков Ангары, среди которых, в первую очередь, выделялась река Куды. В устье Куды на ее левой стороне обосновались деревней семь служилых людей. На правой стороне в устье Куды лежала деревня казака Ф. Маркелова «с братьями». Недалеко от заимок служилых людей по левой стороне раскинулась деревня Урицкая, населенная пашенными крестьянами. Выше деревни Урицкой с правой стороны лежала Кудинская Красная слобода «дворов с тридцать», а на противоположной стороне – крестьянские деревни Хомутовская, Талкинская и Оецкая слобода.

Был заселен и другой приток Ангары – река Иркут. На берегу притока Иркуты речке Кае стоял двор иркутского казака А. Мельникова, на берегу другого притока Иркуты речке Алхе расположилась деревня Смоленская (шесть крестьянских дворов) и деревня крестьянина Г. Шумилова «с братьями». С ними граничила деревня иркутского казака И. Мельника. На правом берегу Иркуты была деревня иркутского сына боярского И.М. Перфильева.

«Описание» коснулось и Верхоленского острога. «На левой стороне» Лены стоял двор верхоленского сына боярского В. Куржумова. Здесь же располагались четыре деревни верхоленских казаков. Недалеко от Верхоленского острожка в устье Куленги жили четырьмя деревнями верхоленские казаки. Крестьяне, приписанные к Верхоленскому острожку, жили в Большой и Малой Бонзюрских деревнях.⁸²

Интенсивно расселение служилых людей, перешедших на службу с пашни, проходило и в Нерчинском уезде. Первые деревни служилых людей (также как и крестьян) возникли в Приамурье в районе Албазина еще в 60-х – 70-х гг. XVII в. В районе Нерчинска жилые постройки служилых людей появились на заимках в начале 80-х гг., т.е. в начальный период их пашенной деятельности. В указанное время администрация отдавала распоряжение о созыве служилых людей с их заимок в Нерчинск на время сбора ясака. Подобная мера предотвращала возможность перекупки служилыми людьми соболей у ясачных людей раньше ясачного сбора.⁸³ Вызов же служилых людей с заимок, совпадающий со сбором ясака, который осуществлялся в зимнее время, когда вставали реки, дает основание утверждать, что жилые постройки на заимках создавались в расчете на постоянное проживание.

Расселение служилых людей, имевших пашенные оклады, на заимки продолжалось и в дальнейшем. Например, в 90-е гг. XVII – начале XVIII вв. нерчинской администрации, чтобы «кликать» служилых людей для съезда в Нерчинск, приходилось отправлять «бирючей» по их домам на заимки.⁸⁴ «Скаски душам мужского полу» Нерчинского уезда 1719 и «перепись» 1721 гг. подводили итог сорокалетнему расселению «своими дворами» служилых людей Нерчинска на территории уезда. Согласно данным «переписи» 1721 г., из 272 казаков нерчинского гарнизона только 80 человек проживало в Нерчинске, а остальные имели дворы за его пределами: 94 казачьих двора располагались на побережье Шилки, 86 – в Куенской, 12 – в Торгинской деревнях. Рядом с ними вверх и вниз по Шилке и по Торге находились дворы не верстаных в службу родственников и 25 дворов отставных казаков.⁸⁵

«Сказки» отмечали расселение на заимки служилых людей по отчеству. На побережье Нерчи и ее притоке Катаргане имелось несколько деревень, принадлежавших верхушке нерчинского гарнизона: московским и нерчинским дворянам С. Луговскому, В. Казанцеву, И. Смольникову. На речке Уюрге, где в 1682 г. нерчинский сын боярский Н. Сенотрусов впервые произвел опытный сев, послуживший для других жителей примером хлебопашества, через 40 лет (в 1719 г.) были деревни его сыновей и внуков – детей боярских Ивана, Афанасия, Агафона Сенотрусовых. По соседству с Сенотрусовыми имел деревню казак П. Белокопытов. Деревни нерчинской служилой знати находились и на реках Унде, Ингоде, Читинке.⁸⁶

Что касается дворов, принадлежащих казакам присудных Нерчинску гарнизонов (острожных гарнизонов), то по «переписи» 1721 г. они значились непосредственно расположенными у Аргунского, Теленбинского, Еравненского, Читинского и Итанцинского острогов. В пяти из них в 1721 г. числилось 139 казаков,⁸⁷ из которых 99 в 1712 г. имели пашенные оклады.⁸⁸

Острожные гарнизоны, в отличие от нерчинского, состояли целиком из служилых людей по прибору. Служилая знать, как показано выше, имевшая значительные участки земли, числилась в основном по Нерчинску. Скромные площади пашен казаков, небольшая численность острожных гарнизонов и их гражданского населения способствовали сохранению вблизи острожных стен еще в 20-х гг. XVIII в. свободных земель, пригодных для земледелия. Поэтому «перепись» не отмечала рассредоточения казачьих дворов, какое прослеживалось для более крупного и старого нерчинского гарнизона, что могло свидетельствовать о том, что пашни обрабатывались «наездом».

Но уже через 12 лет вблизи Аргунского острога появилось 4 деревни, вблизи Стретенского – 32, Читинского – 18, Теленбинского – 9, Итанцинского – 28, т.е. всего 91 деревня. Правда, давая сведения о количестве деревень, документ суммировал их жителей с населением острожков. Однако, численное соотношение групп населения: казаков – 223 человека, отставных казаков и родственников – 318 человек, посадских людей – 91 человек, ясачных новокрещенов – 90 человек, пашенных и оброчных крестьян – 40 человек и указание на то, что из 223 казаков – 172 служили с пашни,⁸⁹ могут косвенно свидетельствовать о принадлежности многих деревень казакам.

3. Земледельческое хозяйство служилых людей.

Основными земледельческими культурами, высеваемыми на полях служилыми людьми Иркутского и Нерчинского уездов, были озимая и яровая рожь (ярица), а также ячмень. Из других культур, возделываемых на частных землях, источники называют гречиху, горох, овес, коноплю, пшеницу, которые высевались «по малому числу». Кроме пашен, у служилых людей, как и у других категорий населения, имелись приусадебные участки, на которых выращивались овощи. В районе Селенги распространялось садоводство и виноградарство.

Система земледелия в обоих уездах в конце XVII – начале XVIII вв. еще не определилась достаточно четко. Обилие свободных и удобных для хлебопашества земель по берегам рек позволило пользоваться и в XVIII в. переложной системой, хотя на «государевых десятинных пашнях» делались попытки ввести трехполье.

Как отмечал В.И. Шунков, орудия земледелия в Сибири были «чисто русского происхождения». Землю возделывали сохой с железным сошником. Сошники выделяли «по русскому образцу» либо в Сибири, либо привозили с «Руси». Вспаханную землю бороили деревянной бороной. Из других сельскохозяйственных орудий в хозяйствах употреблялись косы – горбуши, серпы, топоры.

Упоминавшиеся ранее правительственные нормы отвода пашен, полагавшихся служилым людям разных категорий, воссоздают внешнюю картину социального неравенства служилых людей по прибору и по отчеству. Более четкая дифференциация прослеживается, если сравнивать не просто формальную величину их окладов, а объем реально распахиваемых ими земель.

К сожалению, не имея комплекса дозорных книг, относящихся к концу XVII – началу XVIII вв., мы лишены возможности представить сводные данные по обоим уездам, отражающие объем земель, реально обрабатываемых отдельными служилыми хозяйствами в период, когда

обращение служилых людей к земледелию стало наиболее заметным, и воссоздать картину этой детальности наиболее полно. Но даже те немногочисленные сведения, которыми мы располагаем по Иркутску в виде сохранившейся иркутской дозорной книги 1686 г. и материалов иркутских смет 90-х гг. XVII – начала XVIII вв., дают возможность проследить разницу не только между хозяйствами служилой верхушки и казачества, но и между хозяйствами казаков.

Перечисляя служилых людей иркутского гарнизона, перешедших на службу с пашни, дозорная книга 1686 г. не называла ни одного из них, кто бы обрабатывал сверхокладные пашни. Из 14 казаков, имевших пашенный оклад, 9 человек обрабатывали полностью свой надел, а 5 человек смогли запахать только по 3 десятины из 5 десятин.⁹⁰

В 90-х гг. среди отдельных служилых людей иркутского гарнизона наблюдается тенденция распашки сверхокладных земель, о чем могут свидетельствовать сборы «пятинного» хлеба, отмеченные в местных сметах. Причем, среди плательщиков этого хлеба, кроме казаков, также как и в Тобольском разряде,⁹¹ указывались «присевщики». Ими могли быть те же служилые, их родственники или вообще «разного чина люди», не имевшие своих пашен, а арендовавшие «пашенные оклады» служилых людей, снятых с хлебного довольствия. В 1691 г. из хозяйств служилых людей и «присевщиков» поступило 76,25 четв. «пятинного» хлеба; в 1692 г. «пятинный» хлеб в объеме 53 четв. без четверика ржи был внесен по Иркутску и в объеме 45 четв. ржи, 6 четв. ячменя, 7,5 четв. пшеницы был собран с селенгинских служилых людей и «присевщиков», имевших пашни в районе Кабанской слободы. В 1693 г. «пятинные» поступления со служилых и прочих людей по Иркутску, Ильинской и Кабанской слободам выразились в 141,5 четв. ржи, 4 четв. пшеницы.⁹²

Одними из первых иркутских служилых людей по прибору, вносившими «пятинный» хлеб, стали казак М. Поршенников и пятидесятник К.Усов. В 1690 г. Поршенников должен был внести в казну 5,5 четв. ржи, 3,5 четв. ячменя, 3,5 четв. пшеницы, а пятидесятник К.Усов – 4 четв. ржи.⁹³

К концу 90-х гг. число плательщиков «пятинного» хлеба увеличилось. Согласно сметы 1699 г. и пометы 1700 г., из 16 служилых людей, имевших «конные» пашенные оклады, 8 человек вносили в казну «пятинный» хлеб, что свидетельствовало о распашке ими сверхокладных земель. Из них казак И. Мельников вносил 8 четв. ржи, П. Шульгин – 5 четв. ржи, Е. Ягодин – 3,25 четв. ржи, А. Юдин и К. Зверев – по 3 четв. ржи каждый, Н. Пушкарев и М. Поршенников –

по 2 четв. ржи, И. Исаков – 1 четв. овса. Всего казаки внесли – 26,5 четв. ржи и овса.⁹⁴

Остальные 8 казаков иркутского гарнизона, служившие с пашни, и не числившиеся в составе плательщиков «пятинного» хлеба, вероятно, не могли обработать пашни, превышающие их оклад. Объем распахиваемых ими земель в 1699-1700 гг. установить не представляется возможности, но судя по данным дозорной книги 1686 г., шесть человек из них обрабатывали полный пашенный надел – 7 десятин, а двое – только две трети надела (3 десятины из 5 десятин).⁹⁵

Поскольку в Нерчинском уезде, как и в Иркутском, еще в начале XVIII в. обработка служилыми людьми участка в 1-3 десятины не приводила к лишению хлебного жалования, можно предположить, что фактическая обработка земли служилыми, снятыми с хлебных окладов, была близкой или равной норме наделов. Некоторые косвенные данные, свидетельствующие о насыщенности хлебом пашенных хозяйств приборных служилых людей, подтверждают эту мысль. По существующему положению служилым, имевшим пашенные оклады, во время длительных зарубежных командировок выплачивалось хлебное жалование из казны. Однако, в конце XVII в. большинство из них, имея в хозяйстве хлебные запасы на год и более, предпочитало получать вместо хлеба «на подъем» деньги и товары.

В 1698 г. 60 нерчинским «пашенным» казакам во главе с сыном боярским Сенотрусовым, обязанным сопровождать в Китай караван купца Лянгусова, выдали из казны «на подъем», согласно их челобитью, вместо хлебного жалования «китайские товары», а «в додачу» к ним – деньги.⁹⁶ В том же году 17 казаков под началом сына боярского С. Молодого, ходившие в Китай «для обережи китайского посланца», «против своего челобития» также получили вместо хлеба «китайские товары». ⁹⁷ В 1700 г. казакам «для китайской посылки» снова выдали деньги.⁹⁸ В указанное время хлеб в Нерчинском уезде был еще довольно дорог и отказаться от него могли преимущественно те из служилых, которые имели значительные пашенные хозяйства, способные с избытком обеспечить их хлебными запасами и не прекращающие своей деятельности во время отсутствия хозяина.

Так как в 1698 г. в Нерчинском гарнизоне с пашни служило около 90 служилых людей по прибору, то можно предположить, что 76 из них, отправившихся в Китай, имели пашенные хозяйства, близкие или равные нормам отводов.

Таким образом, подавляющая масса служилых людей обрабатывала, если не полный, то, по крайней мере, близкий к норме

надел. А в некоторых хозяйствах, как отмечено по Иркутскому уезду, появлялась тенденция к обработке сверхокладных пашен.

В свое время В.И. Шунков подчеркивал, что земледельческое хозяйство рядового служилого человека мало чем отличалось от хозяйства крестьянина: «... земельный участок, отводимый рядовому служилому человеку (пашенному казаку) был невелик и по своим размерам приближался к крестьянской заимке. Сама же пашня служилых людей этой категории весьма напоминала по своим размерам собинную пашню крестьянина зажиточного, быть может, и запашку крестьянина средней зажиточности».⁹⁹

По подсчетам В.И. Шункова, в Енисейском уезде, в составе которого до 80-х гг. числился Иркутск, также как и в Нерчинском уезде, наиболее распространенной площадью крестьянской пашни («десятинной» и «собинной», вместе взятых) была площадь в 1,25 – 2,5 десятин.¹⁰⁰

В 1690-х гг., согласно именным крестьянским книгам, в Иркутском уезде десятинная пашня в 0,25 десятин (при которой общая пашня крестьянина могла составить около 1,25 десятин) принадлежала 67% крестьянским хозяйствам, а пашенные хозяйства с окладом в 1 десятину (т.е. хозяйства, имеющие не менее 5 десятин), составили всего 5%.¹⁰¹

Правда, среди крестьянских также попадались весьма «заводные» хозяйства, владельцы которых распахивали «собинную» пашню, превышающую принятое в Сибири соотношение «десятинной» и «собинной пашен», но таких хозяйств было немного.¹⁰² И в конце XVII в. в Иркутском уезде «... при происходящей дифференциации мощности крестьянского двора наибольшее количество дворов оказывалось в числе дворов с малой запашкой».¹⁰³

В Нерчинском уезде в 1693 г. было только одно крестьянское хозяйство в 5 десятин («десятинной» пашни – 1 десятина, «собинной» – 4 десятины),¹⁰⁴ в 1714 г. число таких крестьянских хозяйств выросло до 6.¹⁰⁵

Сопоставление сведений о крестьянской и служилой запашке в Иркутском и Нерчинском уездах свидетельствует о том, что пашенное хозяйство большей части казаков было несколько крупнее и тем более доходнее крестьянского хозяйства средней зажиточности. Указанное явление отмечалось и по другим уездам.¹⁰⁶

Одна из главнейших причин этого состояла в следующем: даже у равнозначного по объему служилого и крестьянского хозяйства, доход служилого хозяйства был выше, поскольку пашенный крестьянин сдавал в казну урожай, полученный с «десятинной» пашни, оставляя у

себя только хлеб, полученный на собственном поле. Кроме того, пашенные оклады служилых, не подлежащие обложению, были выше крестьянских наделов и весь хлеб служилого оставался в его хозяйстве. Обложению подлежали лишь сверхокладные земли. Нельзя не отметить, что к концу XVII в. крестьянину-новопоселенцу все труднее было поднимать целину, вследствие снижения правительственной помощи – безвозмездной «подмоги». В то же время наследственный принцип верстания в гарнизоны предусматривал и наследственную передачу пашенного оклада, т.е. пашни. Кроме того, нельзя не отметить, что в конце XVII – первой четверти XVIII вв. было налицо улучшение организации системы служб для отдельных гарнизонов и сокращение нагрузок – походов, «сторонних служб» (кроме иркутского гарнизона), что не могло позитивно не отразиться на работе служилого человека в поле.

Судя по количеству реально распахиваемых земель, пашенные хозяйства служилых людей по прибору в конце XVII в. не были одинаковыми. Какая-то их часть могла обрабатывать пашенный надел лишь частично (около 3 десятин из 5-7). К этой же группе примыкали служилые, которые распахивали «припашки», еще не снимаясь с хлебных окладов. Вторую группу представляли средние по зажиточности хозяйства, в которых обрабатывался полный пашенный оклад. И, наконец, третью группу представляли наиболее крепкие хозяйства, в которых обрабатывались сверхокладные пашни. Последний тип хозяйства был характерен, в первую очередь, для казачьей верхушки, а также для зажиточных казаков из числа местных старожилов, многие из которых, преуспевая на службе и в хозяйственной деятельности, в конечном итоге попадали в разряд служилых людей по отечеству. Например, в конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в. в составе иркутского гарнизона в числе регулярных плательщиков пятинного хлеба были пятидесятник (с 1704 г. сотник) А. Москвитин, десятник С.Шестаков, казак (с 1690 г. - пятидесятник) К. Усов, казак В.Усов, которые в конце 90-х гг. XVII в. встречаются уже в чине детей боярских.¹⁰⁷

Пашенные хозяйства служилых людей по отечеству уже в силу более высоких окладных норм были больше казачьих хозяйств. Кроме того, служебное повышение служилых людей в разряд по отечеству и их переход из одной чиновной статьи в другую вел за собой увеличение положенных им в оклад наделов.

Нередко рост земельных владений представителей служилой верхушки шел за счет их наступления на пашенные казачьи земли. В этом отношении показательна история хозяйства иркутского

служилого человека Сидора Шестакова, продвинувшегося за короткий срок от рядового казака до сына боярского.

С.Шестаков перешел на службу с пашни в 1687 г. В этом же году он хлопотал об отводе ему рядом с пашней сенных покосов по обе стороны реки Ангары.¹⁰⁸ В 1689 г. Шестаков предъявил долговую кабалу вдове М. Чернецкой на ее покойного мужа К. Чернецкого, одного из тех казаков, кто первым начал пахать под Иркутском в Усть-Кутской деревне. В результате М. Чернецкая «поступилась» новопроверстанному сыну боярскому «за долг мужа своего на усть Куды-реки распашною землею и санными покосами и скотинным выпуском, и двором, и огородом, и овином».¹⁰⁹ Фактически Шестаков присоединил к уже имевшемуся у него казачьему окладу еще один казачий оклад, который, согласно «отводной памяти», цитируемой составителями иркутской дозорной книги 1686 г., определялся в объеме 5 десятин в поле, а в «дву потому ж» и 10 десятинами «скотинного выпуска и сенных покосов».¹¹⁰ В 1689 г. С.Шестаков повел наступление на «залищечные санные покосы» иркутских рядовых казаков Федора и Алексея Маркеловых, у которых отсудил часть покосов.¹¹¹ Так как Шестаков считал, что приобретенной им земли «за хлебное ... жалование в его... оклад не будет», то начал новую тяжбу с казаками, которые владели в устье реки Куды землями «вповал». Лишь благодаря поддержке воеводы Гагарина, Шестакову удалось выиграть дело и отобрать у казаков часть ранее распахиваемых земель под тем предлогом, что они «лежали впусе».¹¹² От этого судебного разбирательства до нас дошел один из интереснейших документов – чертеж, на котором были изображены деревни, пашни, угодья иркутских казаков и из которого наглядно видно то «утеснение», которое было сделано сыном боярским рядовым казакам.

Аналогичным путем увеличивал свой оклад и иркутский сын боярский Е.Курдюков, который, будучи владельцем крупной заимки в районе Бельского острога, вел наступление на земли бельских пашенных крестьян. Последние «жаловаться на него не смели никоими делы, потому что он был у них приказным».¹¹³

Как правило, служилые люди по отечеству стремились не только максимально использовать имеющиеся у них в наличии окладные пашни, но и припахивать земли сверх окладов. Уплата на протяжении 90-х гг. XVII и в начале XVIII вв. иркутскими служилыми людьми по отечеству «пятинного» хлеба свидетельствует об этой тенденции. Судя по сметному и пометному спискам 1699/1700 гг., иркутские служилые люди по отечеству, имевшие пашенные оклады, вносили «пятинный выделенный хлеб» в объеме 122 четв. ржи. Из них наибольший налог в

объеме 42,25 четв. взимался в казну с сына боярского Перфильева. Остальные иркутские дети боярские платили «пятинный» хлеб в следующем объеме: А. Московитинов – 25,5 четв., Ю. Крыжановский – 9 четв., С. Шестаков – 6 четв., К. Усов – 5,25 четв., Герасим и Григорий Турчениновы – по 3,5 четв., В. Усов – 2,75 четв., В. Коротов – 1,5 четв. ржи.¹¹⁴

Разный объем «пятинных» поступлений от детей боярских чаще всего определялся тем, что многие из них вкладывали средства не в сельское хозяйство, а в другую отрасль. Известно, например, что дети боярские С. Шестаков, Ю. Крыжановский, В. Коротов, которые вносили довольно скромный «выдел» (от 9 до 1,5 четв. ржи в год), весьма успешно занимались хозяйственной деятельностью другого рода. С. Шестаков в 80-х гг. сделал попытку наладить производство юхотных товаров и одновременно занимался торговлей скотом, а в 90-е гг. торговлей китайскими товарами. Ю. Крыжановский уже в 80-х гг. скупал китайские ткани у бухарских купцов, приходивших в Иркутск, и перепродавал их в Иркутском уезде, В. Коротов зарабатывал деньги и товар на обслуживании зарубежных караванов и зарубежном торге.

Еще более заметную роль играла торговля в жизни служилых людей по отечеству Нерчинского уезда. Вследствие этого, некоторые из них меньше уделяли внимания хлебопашеству. В их хозяйствах вообще не распахивались сверхокладные земли, и нерчинские сметы ни разу не отмечали «выдела» из их хозяйств. Не случайно, в силу городских занятий, многие из них проживали в городе. «Сказки» 1719 г. среди служилых людей по отечеству, живших в городе, отметили тех, кто, по свидетельству других источников, принимали активное участие во внешней и внутренней торговле. Среди этих лиц выделялись дворяне: С. Луговской, И. Казанов, Ф. Лагунов, которые, хотя и служили с пашни, предпочитали торговлю хлебопашеству.

Разница в величине обрабатываемой пашни во многом определяла хлебные запасы, излишки хлеба и, следовательно, товарность служилых хозяйств. Объем товарного хлеба, естественно, был намного выше в хозяйствах тех служилых людей по прибору, которые обрабатывали сверхокладные пашни, а также в хозяйствах служилых людей по отечеству. Примеры наличия хлебных излишков в хозяйствах служилых людей многочисленны. В 1685 г. нерчинский сын боярский Сенотрусов в условиях тогдашней жесточайшей нерчинской хлебной «скудости» смог обменять в казне 30 пудов ржаной муки на «рогатую скотину», а в 1687 г. «обменивал рожь на ярицу».¹¹⁵ В 1696 г. в Иркутске «для хлебного недороду» казной было занято у сына боярского И. Перфильева 60,75 четв. муки ржаной.¹¹⁶ В 1701 г. «безденежный»

иркутский сын боярский Федор Никифорович Черниговский «ударил в казну» своим хлебом – 125 четв. ржи в надежде на официальное получение чина сына боярского.¹¹⁷ Сын боярский А. Перфильев получил только со сверхокладных пашен 211,25 четв. хлеба.¹¹⁸ Пятая часть этого хлеба в объеме 42,25 четв. была сдана в казну в качестве «выдела», 169 четв. остались в личном пользовании сына боярского. Если учесть, что в хозяйстве Перфильева, как он сам говорил, «про домашний обиход» обмолачивалось 125-150 четв. зерна,¹¹⁹ то можно сказать, что хлеб, собранный с «залишечных» площадей, полностью покрывал потребности его хозяйства. Таким образом, хлеб, собираемый с окладной пашни Перфильева, оставался в «лишке» и мог поступать в продажу.

Хлеб мог продаваться и из хозяйств служилых людей по прибору, которым было под силу обработать полный или близкий к норме пашенный надел.

Примером в данном отношении могут служить хозяйства иркутского пятидесятника Е. Федорова, казаков И. Москвитина и К. Черного. Согласно данным дозорной книги 1686 г., двое из них – Е. Федоров и И. Москвитин полностью обрабатывали надел, равный 5 десятинам в поле, а К. Черный – две трети надела.¹²⁰ Исходя из того, что средний урожай, собираемый с десятины «во всем Иркутском уезде» в 1684 г., составлял 83 пуда ржи и 3 пуда ячменя, причем урожай ячменя считался ниже обычного, так как его «на всходе съела кобылка»,¹²¹ можно предположить, что перечисленные служилые люди только с одного «ржаного» поля, равного у двоих 5 десятинам, а у одного 3 десятинам, могли собрать от 250 до 400 пудов, или от 60 до 100 четв. хлеба. Известно, что годовое хлебное жалование пеших казаков (в том числе и перечисленных нами, если бы они не служили с пашни), было равно 5 четв. ржи и 4 четв. овса (или 6 четв. ржи при выдаче ржи за овес). Сопоставление величины жалования (6 четв. ржи) и объема урожая, полученного в 1684 г. со служилых пашен (от 60 до 100 четв.), может служить доказательством накопления в таких хозяйствах хлебных излишков, готовых к реализации на рынке. Последнее подтверждается фактом: в 1686 г. служилые люди Е. Федоров, И. Москвитин и К. Черный только в ходе одной операции продали 82,5 четв. ржи.¹²²

Конечно, товарные возможности индивидуальных хозяйств казаков, обрабатывающих только полный и меньший, чем полный пашенный надел, были более ограниченными, чем возможности пашенных хозяйств служилых людей по отчеству. Не одинаковым было и количество хлеба, продаваемого из пашенных хозяйств казаков,

что лишний раз подчеркивало имущественное неравенство в их среде и неодинаковую занятость в сельском хозяйстве. Это подтверждается данными о величине индивидуальных поставок хлеба в 1699-1700, 1701, 1703 гг. (таблица 13) казаками-десятниками и рядовыми в нерчинскую казну, которая, проводя широкие закупки хлеба у местного населения для обеспечения казенного винокурения, выступала в качестве скупщика.

Таблица 13¹²³

Средний объем хлеба, продаваемого в ходе одной сделки (в четвертях)	Число служилых людей (десятников и рядовых – продавцов хлеба)
от 0,25 четв. до 1 четв.*	20
от 1,25 четв. до 5 четв.	43
от 5,25 четв. до 10 четв.	17
от 10,25 четв. до 15 четв.	19
от 15,25 четв. до 20 четв.	9
от 20,25 четв. до 25 четв.	16
от 25,25 четв. до 30 четв.	9
от 30,25 четв. до 47,25 четв.	3
до 50 четв.	4
67,25 четв.	1
	141
* В книгах таможенных и кружечных дворов объем закупок дан в пудах. Мы их перевели в четверопудные четверти.	

Как видно из таблицы 13, товарная возможность казачьих хозяйств колебалась от нескольких пудов до нескольких десятков четвертей. Сопоставление числа нерчинских казаков, продававших хлеб в казенную винокурию, с общим числом казаков, имевших в эти годы пашенные оклады по Нерчинску (таблица 14), показывает, что в некоторые годы от 36% до 67% хозяйств могли продавать свой хлеб. Следует отметить, что число продавцов (таблица 13), равно как и объем товарного хлеба (таблица 13), несколько занижены из-за недостатка документальных данных. Между тем, рядовые нередко продавали хлеб скупщикам, в роли которых действовали представители казачьей верхушки и служилые люди по отечеству. Последние перепродавали скупленный хлеб и хлеб из своих хозяйств в отдаленных районах или выполняли его казенные поставки, а также использовали для пивоварения, которое брали на откуп. Деятельность скупщиков – служилых людей, приводившая к взвинчиванию рыночных цен и ухудшению положения «безпашенных» служилых людей по прибору, нередко являлась одной из причин их волнений.

Кроме хлебопашества, существенную роль в хозяйствах служилых людей играло животноводство. Развитию последнего способствовало обилие лугов и пастбищ и довольно развитое состояние этой отрасли

хозяйства у местного нерусского населения. Под сенные покосы и пастбища пешему казаку полагалось 10 десятин, конному – 13-14 десятин, служилому по отечеству - около 20 десятин.

Таблица 14¹²⁴

Годы	Число казаков нерчинского гарнизона, имевших пашни	Из них продавали хлеб в казну	% продавцов хлеба от общего числа владельцев пашен
1699-1700	около 90	32	36%
1701	около 100	60	60%
1703	около 100	49	49%

Приобретение скота русскими переселенцами шло как через казну, так и путем закупок (или обмена) у частных лиц. Как уже упоминалось, казна, получавшая скот в качестве ясака, стала выдавать его служилым людям в счет жалования. Система оплаты скотом была особенно распространена в Нерчинском и Забайкальской части Иркутского уезда. (См. главу II настоящей работы). Закупка скота практиковалась и за рубежом – в Монголии, куда нередко «для нужные скотные покупки» снаряжались специальные караваны.¹²⁵ У местного населения скот выменивался на различные предметы. Иногда предметом обмена становился «ясырь» – пленники.

В 1679 г. нерчинский казак С. Игнатьев выменял «своего погрома ясыренка – девочку некрещеную» на 3 коня и 10 соболей. В 1682 г. он же променял «бращкому мужику Охотунке бабу-ясырку» за «8 скотин самых добрых, ...три скотины средней статьи рогатых да коня самого доброго».¹²⁶

Иногда обзавестись скотом помогала случайность: например, в 1691 г. у селенгинского десятника А. Березовского сбежали трое дворовых людей, захватив ценные вещи своего хозяина. В пути беглецы были убиты и ограблены тунгусами. Убийц удалось обнаружить. Последние за причиненные убытки пригнали Березовскому табун в 150 лошадей и «всякого скота».¹²⁷

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники по Нерчинскому и Иркутскому уездам не дают комплексных сведений о количестве лошадей и скота не только в хозяйствах служилых людей, но и хозяйствах других категорий населения. Поэтому составить представление о состоянии животноводства и коневодства в служилых хозяйствах помогают либо эпизодические, либо косвенные сведения.

Одними из них служат коллективные челобитные служилых людей об отгонах рогатого скота, лошадей, верблюдов. В челобитных содержатся сведения о наличии скота, если не во всех, то в

подавляющем большинстве служилых хозяйств.¹²⁸ В качестве примера можно привести челобитную удинских казаков, которые в 1681 г. жаловались, что монголы-табунты отогнали из-под Удинского острога 25 быков, коров и 20 лошадей – «весь табун без остатку».¹²⁹ В 1683 г. у казаков из-под Теленбинского острога было отогнано 86 лошадей, 80 верблюдов, 3 быка, а из-под Еравненского – 96 коней, коров, быков и 96 верблюдов.¹³⁰

Обеспеченность хозяйств скотом и лошадьми была разной. Показателем этого может служить степень эксплуатации сенокосных угодий, переписанных в 1686 г. в Иркутске: в 6 хозяйствах служилых людей накашивалось по 150-200 копен сена, в 4 – по 100 копен, в 2 – по 80 копен, в 3 – от 30 до 50 копен.¹³¹

Сравнительно небольшая заготовка сена в целом ряде хозяйств при наличии значительных сенокосных площадей может свидетельствовать о меньшем поголовье скота по сравнению с хозяйствами, накашивающими по 200 копен. Но тем не менее, даже самое минимальное число копен (30-40), отмеченное дозорной книгой 1686 г. в хозяйствах служилых людей, было выше минимального количества копен (10-25), отмеченного в хозяйствах некоторых иркутских крестьян и посадских людей.¹³²

Косвенные сведения о насыщенности хозяйств служилых людей скотом дополняются конкретными, хотя и отрывочными материалами. В начале 80-х гг. XVII в. несколько таких хозяйств в Нерчинском уезде было описано «вниз по Шилке-реке». Среди них резко выделялись хозяйства тех служилых людей, которые перешли в условиях годовых служб в пашенные оклады: в хозяйстве сына боярского Г. Лоншакова было переписано 8 лошадей и корова с телятком, у пятидесятника Ю. Лабы – 25 лошадей, 30 коров, 40 бычков и телок, 90 овец, 66 коз и козлят.¹³³ Значительным было хозяйство и у нерчинского пятидесятника В. Милованова, у которого в начале 80-х гг. беглые дворовые люди угнали с заимки 4 лошади, не считая тех лошадей, на которых его «наймиты» из служилых людей «пахали и сеяли вешнюю».¹³⁴ В 1681 г. в хозяйстве у беломестного иркутского казака Садовникова имелся табун из 8 лошадей, пастухом к которому был приставлен казачий сын К. Горбечкий.¹³⁵

В слабых хозяйствах служилых людей скота и, прежде всего лошадей, было значительно меньше. Нерчинские переписчики «всякого скота» записали имевшихся в пользовании у рядового казака Г. Салдатова 2 коней и корову, а у В. Давыдцева – только коня.¹³⁶

Зажиточные хозяйства успешно сочетали занятия хлебопашеством со скотоводством. Иркутский сын боярский С. Шестаков одинаково

стремился увеличить как пашенные еланные земли, так и пастбища. С «залищечных» пашен он платил «выдельный пятинный» хлеб, одновременно успешно торгуя «доморощенным» и перекупным скотом.

Значительное поголовье скота, регулярное занятие животноводством в хозяйствах, имевших среднюю запашку, позволяют предположить, что скотоводство было основной отраслью этих хозяйств. Примером хозяйства животноводческого профиля может служить хозяйство зажиточного нерчинского казака М. Чернецкого, который одним из первых в Нерчинске перешел в пашенный оклад. По объему обрабатываемых земель его хозяйство не выделялось из числа пашенных хозяйств других казаков. Чернецкий не припахивал излишков и, следовательно, не платил «пятинного» хлеба. Но ориентир на животноводство резко отличал его от многих сослуживцев: уже в начале 80-х гг. на его заимке было переписано 8 лошадей, 24 головы крупного и 17 голов мелкого рогатого скота.¹³⁷ К 90-м гг. М. Чернецкий владел значительным овцеводческим хозяйством. О его размерах может свидетельствовать тот факт, что в 1690 г. с его заимки было «отогнано неведомыми ворами» 100 баранов, а в 1701 г. один из его пастухов «закладной парень мунгальской породы утерял 70 баранов».¹³⁸ Такое хозяйство было рассчитано на рынок и на ремесло животноводческого профиля.

4. Рабочая сила в хозяйстве служилых людей

В зависимости от достатка и размеров хозяйства служилые люди применяли дополнительную рабочую силу. Различия отдельных служилых людей в этом плане можно увидеть уже на начальном этапе их обращения к хлебопашеству. Оно проявилось в характере обработки пашни – повальном и индивидуальном.

Не останавливаясь на анализе этих форм, поскольку они рассмотрены в литературе,¹³⁹ отметим лишь, что так как повальное землепользование, приведение земли в культурное состояние и строительство жилища объединяло хозяйства, нуждающиеся в экономической поддержке и совместных работах (товарищеская помощь), у служилых людей оно было распространено среди рядовых и младшего командного состава. Кроме того, соединяя силы членов ряда семей, эта форма землепользования и землеобработки не только имела хозяйственное значение, но и была способом коллективной защиты земледельческих интересов, особенно в условиях перелога.

Создав совместными усилиями свое хозяйство, распавав пашни, участники таких сообществ начинали работать на них самостоятельно, имея в повальном (общем) пользовании сенокосные угодья и пастбища.

Владение общим пастбищем диктовалось экономическим интересом – коллективным наймом пастуха и обширным пастбищем.

Верхушка командного состава и примыкавшие к ней зажиточные рядовые казаки предпочитали не входить в повальные сообщества.¹⁴⁰ Эта группа составляла меньшинство среди землепашцев, равно как и число их хозяйств. Например, из 20 служилых людей нерчинского гарнизона, получавших в 80-х гг. пашни, только 4 человека (2 сына боярских, 1 пятидесятник, 1 рядовой казак) не входили в сообщества, имея земли в индивидуальном пользовании и приводя их в культурное состояние всеми доступными для себя средствами. Остальные 16 казаков составили несколько сообществ: казаки Птицын и Лихачев имели в повальном пользовании земли, отведенные им «под пашню, домовое строение, скотинный выпуск» по обе стороны Шилки. Казаки Дунаев, Тюфяков, Заброта получили земли вниз по Шилке в районе реки Куенги. Недалеко от них имели в повальном пользовании земли казаки Ларионов, Петров, Федосеев. Вверх по Шилке «выше Талого ключа» располагались пашни сообщества казаков Ерилова, Орлова, Апрелькова, Томского. Рядом с ними лежали «общие земли» Гаврилова и Леонтьева.¹⁴¹

Похожая картина наблюдалась в 70-80-х гг. и в Иркутске, где казаки, служившие с пашни, образовали несколько сообществ: Ягодин, Федоров имели пашенные земли «в повале» с Колбецким, Черным. Казак Савельев владел землей совместно с Мартемьяновым, Фролов – с Бородой, Помаскиным и т.д.¹⁴²

Необходимость объединения сил и возможностей при обработке пашни, строительстве дворов и образование, в связи с этим, сообществ прежде всего среди рядовых казаков и десятников – косвенное свидетельство о преимущественном использовании в этих хозяйствах личного труда землепашцев, для которых возможность применения дополнительной рабочей силы была либо ограничена, либо вовсе недоступна.

В процессе дальнейшей трудовой деятельности имущественные различия между служилыми людьми становятся более отчетливыми, проявляясь не только в возможности или невозможности обработки полного надела и сверхокладных пашен, но для некоторых из них, прежде всего служилых людей по отечеству, в привлечении дополнительной рабочей силы.

Наиболее характерным для большинства хозяйств было использование в «рабочую страдную пору» найма. Среди наемных

работников чаще всего были гулящие и промышленные люди*,¹⁴³ которые, нанимаясь на летние работы, зарабатывали себе продовольственный запас, необходимый для зимнего промыслового сезона. В 1672 г., например, промышленник Д. Архипов «пахал... и саял десятины з две и болши» у беломестного казака В. Бахора.¹⁴⁴

Нередким явлением было использование в служилом хозяйстве труда местных ясачных людей, разорившихся крестьян и служилых. Из числа последних шли в работники, прежде всего, новоприборные казаки, поверстанные в службу из тех же промышленных людей, еще не имевших средств для заведения личного хозяйства.

Один из них А. Токмаков в сентябре 1680 г. ходил «из Иркутского в деревню для прокормления робить, а лишное... свое ношеное платье, кафтан, шапку вершок красной... оставливал в Иркутском остроге посадского человека... жене».¹⁴⁵

Обходился наем, особенно во время сельскохозяйственных работ, дорого и был доступен не каждому хозяйству. Один из примеров оплаты труда «наймитов» за 1643 г. приведен В. И. Шунковым: «Наймуют казаки на лето в Тобольском разряде по 8 и по 9 и по 10 рублей... и дороже того многим».¹⁴⁶

Пример оплаты поденного найма известен и по Иркутскому уезду. В 1670 г. беломестный иркутский казак Е. Алексеев возбудил иск против беломестного же казака П. Студеницына, который не заплатил ему денег за поденный найм. Истец перечислял виды выполненных им работ и их поденную оплату, которая ему причиталась: поставил 30 копен сена и в течение 3-х дней жал, за что «вышло по 2 пуда в день, а рожь стоила в то время по 30 коп. * пуд».¹⁴⁷ В течение 2-х дней клал хлеб в кладу, за что «на день за работу давали по 2 пуда ржи, а рожь стоила в то время по 20 коп. за пуд». Молотил 3 овина. Эта работа оценивалась «по полу-пуда ржи с овина, а рожь ценилась в то время по 30 коп». Кроме того, истец (работник) предоставил на время уборки в пользование ответчику (хозяину) свою лошадь, на которой сам хозяин «работал: с поля возил на гумно 20 овинов хлеба..., боронил 4 десятины». Перевозку хлеба «на своей лошади» истец оценивал в 1 рубль. Свою работу и использование лошади в хозяйстве ответчика истец оценивал в 6 руб. 95 коп.¹⁴⁸ Таким образом, оплата нескольких дней найма была выше годового денежного жалования пешего казака и приближалась к годовому денежному окладу конного казака.

*Гулящие и промышленные люди составляли весьма значительный по численности контингент возможной рабочей силы. Например, в период с 3 января по 10 июня 1709 г. в кн. «Нерчинского города и Нерчинского уезда сбора с пожитков всякого чина людей» было зафиксировано 338 гулящих людей. В 1715 г. годовой рублевый оброк был взят в Нерчинске со 157 гулящих и промышленников.

Оценка в источнике дана в алтынах и гривнах.

Не ограничиваясь использованием краткосрочного найма, наиболее зажиточная часть служилых людей держала работников в течение длительного срока, что было выгоднее.

В 1700 г. нерчинский конный казак А. Жеребцов жаловался на то, что гулящий человек П. Федоров, который им «нанят был ... в годовой срок и получил наперед... 17 рублей денег ..., и не отживши того годового порядка и забранных ... денег не отдав..., своим озорничеством... прочь отшел неведомо за что...». Свидетелями того, что работник «отшел» и «винился в тех забранных деньгах», выступили 6 человек, среди которых один был работником того же Жеребцова.¹⁴⁹

Наряду с «наймитами», в хозяйствах служилых людей использовались крепостные люди, среди которых можно было встретить представителей как местного населения, так и русских.

Из местного населения закрепощался главным образом «ясырь» - пленники нерусского происхождения, которые приобретались в ходе военных действий и поэтому захватывались прежде всего служилыми людьми.^{**} Таких примеров можно привести множество.¹⁵⁰ Частично «ясырь» «дуванился» между победителями или выкупался ими «в войске», частично шел в обмен на русских пленных.

Какая-то часть нерусского населения продавалась в крепостную зависимость родовой знатью. Прежде всего, продавались дети, потерявшие родителей.¹⁵¹

Опасаясь сокращения возможных плательщиков ясака, правительство распространило на Сибирь серию указов, препятствующих закабалению местного населения.¹⁵² Тем не менее, отдельные факты закрепощения имели место. В хозяйствах служилых людей по отчеству и гарнизонной верхушки «крещенные» дворовые люди встречались довольно часто.¹⁵³

Возможность закрепощения русского населения в Сибири была более ограниченной, чем в европейской части России. Одним из источников крепостной зависимости было увеличение срока найма, оформление его жилой записью, превращение краткосрочного работника в зависимого человека на длительное время, а иногда навсегда. Часто условием оформления такой жилой записи была женитьба на крепостной. Один из характерных примеров появления крепостных в хозяйствах гарнизонной верхушки известен по Нерчинску: в 80-х гг. на пашне у пятидесятника Ю. Лабы работал дворовый человек Ф. Кривой, который, много походив по Сибири и

^{**} В 1674 г. в ответ на набеги «табунутских воровских людей» служилые вместе с охочими и ясачными людьми предприняли поход, в результате которого «побили табунутов» и взяли у них более 60 «баб и ребят». Пленников казаки разделили между собой «за послугу», «по прежним своим обычностям».

добравшись до Нерчинска, «своею охотою... дался во двор... (к Юрию – Г.Л.) из воли и женился на его дворовой жёнке, на вдове».¹⁵⁴

К временной, а иногда и пожизненной потере независимости приводила невыплата кабальных долгов, которые заимщик, согласно «Соборному Уложению», был обязан отработать в хозяйстве кредитора. В 1698 г. попал в «зажив головою» для «искупу долга» сроком на 8 лет и 6 мес. к сыну боярскому А. Плотникову отставной стрелец И. Котельников, а к нерчинскому конному казаку И. Варламову – тобольский казачий сын В. Колесников на 5 лет.¹⁵⁵

Еще более драматичный случай имел место в 1701 г., когда «скупив с правежу с восьмидесят рублех» гулящего человека И. Чипизубова, иркутский пеший казак Я. Зверев предложил последнему «за те вышеписанные деньги жениться на крепостной своей девке Федорке», что последний и сделал.¹⁵⁶ Сам же Я. Зверев, используя труд «наймитов» и крепостных, расширял свое пашенное хозяйство, являясь в 90-е гг. одним из регулярных плательщиков «пятинного» хлеба.

В целом же в отдельных хозяйствах служилых людей использовался как несвободный, так и наемный труд. В 1688 г. на заимке вышеупомянутого Ю. Лабы жали рожь и косили сено дворовые люди: О. Иванов, Ф. Кривой, А. Обреинов, И. Баран, дворовые женщины Акулина, Анна, Федосья. Здесь же были наемные работники: ясачный тунгус Училга, нерчинские казаки Ф. Мельник и Г. Широков.¹⁵⁷ К этому перечню нужно добавить казачьего наемника Щепеткина, который еще в 1684 г. был отдан к Ю. Лабе «в зажив головою» на 14 лет в счет отработки 70 руб. долга.¹⁵⁸

В 1690 г. на пашне у нерчинского пятидесятника В. Милованова работало четверо дворовых людей, из которых двое были «новокрещенами». Убив присматривавшего за ними казака Г. Гусева, дворовые совершили побег, но были пойманы и казнены. Вследствие временной потери работников, В. Милованов «в страдную весеннюю пору» следующего года нанял «пахать и сеять вешнюю» казаков И. Одоленьева, С. Иванова, Ф. Федосеева. Один из них, И. Одоленьев, работавший в хозяйстве уже в течение нескольких лет, видимо, опасаясь попасть в окончательную кабалу к пятидесятнику, сбежал с заимки.¹⁵⁹

В 1721 г. в хозяйстве пятидесятника И. Пыхалова, служившего с пашни, работало 4 дворовых и 3 работных человека, среди которых двое были сыновьями нерчинских казаков.¹⁶⁰

Судя по данным смет о сборе поворотных, седельных и узданных денег в 1701-1707 гг., в Иркутске насчитывалось 14 дворов задворных, деловых людей и половников, принадлежавших детям боярским

(бездворных смета не учитывала).¹⁶¹ Эксплуатация труда этих феодально-зависимых категорий в земледельческих хозяйствах служилых людей по отчеству не вызывает сомнения. В 1700 г. в одной из деревень сына боярского И. Перфильева упоминалось четверо зависимых людей, «которые жили особыми своими дворами и пахали на него, Ивана, отсыпной хлеб».¹⁶² В 1704 г. несколько задворных и деловых людей сыновей боярских Астафья и Ивана Перфильевых внесли в казну 12 четв. пятиной ржи, в 1705 г. – 7,5 четв. В этом же году половники сыновей боярских К. Усова и Г. Турченинова заплатили в казну 9 четв. ржи.¹⁶³

Обобщающие сведения о характере труда, применяемого в пашенных хозяйствах служилых людей по прибору и по отчеству, дают материалы «ревизских сказок Нерчинского уезда» за 1719-1720 гг. и «переписи» 1721 г.¹⁶⁴

Как показывает поименная сверка, из 266 служилых по прибору, имевших в 1714 г. пашенные оклады, в 1721 г. только в хозяйствах 34 человек (3 пятидесятников, 3 десятников, 28 конных и пеших казаков) проживало 38 деловых и дворовых людей, 42 работника и 1 захребетник с сыном, т.е. 82 человека, работавших на пашне. В дворах остальных 232 служилых людей по прибору, имевших еще в 1714 г. пашенные оклады, перепись не отметила ни крепостных, ни работных людей.

Что касается нерчинских дворян и детей боярских, то из 28 принадлежавших им дворов*, расположенных в деревнях и на заимках (что не вызывает сомнения в причастности хозяйств к пашенному земледелию), в 24 дворах перепись отметила 33 крепостных в возрасте старше 15 лет (т.е. фактически полноценных работников) и 17 человек моложе 15 лет – всего 50 человек. Нужно иметь ввиду, что «перепись» учитывала только мужское население. С учетом женщин, численность работников на пашне у служилых людей по прибору и по отчеству была выше. Владельцы переписанных дворов прямо указывали на то, что их крепостные деловые люди пахали хозяйскую пашню, а своей пашни не имели. Дворянин Иван Смольников выразился еще точнее, сказав, что его «дворовой крепостной человек Федор Карым пятидесяти лет пашет на него, Ивана, за хлебное жалование пашню».¹⁶⁵

* 11 дворов служилых людей по отчеству, упомянутых в «Сказках», нами не учтены, поскольку их владельцы проживали в Нерчинске и о наличии у них пашен – неизвестно.

Таблица 15¹⁶⁶

Родственно-поколенный состав нерчинских служилых людей –
хлебопашцев и их родственников в 1719 – 1721 гг.

Состав семей	Число семей служилых людей и их родственников		
	По отчеству	По прибору	Всего
1.Супружеские пары без сыновей и одинокие	7	49	56
2.Супруги с сыновьями до 15 лет	3	62	69
3.Супруги с малолетними и взрослыми сыновьями	14	67	81
4.Семьи, состоящие из холостых братьев	-	23	23
5.Семьи, состоящие из холостых и женатых братьев	3	26	29
6.Неразделенные семьи: а) родители с женатыми сыновьями и внуками	7	32	39
б)семьи с женатыми братьями, племянниками, дядьями	2	15	17
Всего	40	274	314

Сопоставление данных о семейном составе и о расселении из городов служилых людей и их родственников, имевших пашни, позволяет утверждать, что число деревень родственников, неверстанных в службу, во много раз уступало числу деревень самих служилых людей. Это свидетельствовало о правомерности приведенного нами демографического материала (таблица 15) как доказательства того, что родственники (взрослые, даже женатые, дети, братья, племянники) предпочитали жить под одной крышей со служилыми людьми, поскольку отделение от семьи «своим домом и хозяйством», будь то в городе или в деревне, приводило к приписке либо в посад, либо в состав сельского тяглого населения и фактически к нежелательному разрыву со служилой средой.

В целом, материалы «переписи» свидетельствовали о том, что в 498 хозяйствах служилых по прибору, имевших пашенные оклады в Нерчинском уезде, только 16,5% применяли труд «наймитов» и

феодално-зависимых людей. Основная же масса казаков, составившая 83,5%, не использовала дополнительной рабочей силы. Многие из казаков были многосемейными, имели взрослых женатых сыновей и своими силами обрабатывали отведенные им пашенные участки, лишь в крайнем случае прибегая к найму «срочных» работников в летнее время.

И, напротив, в том же Нерчинском уезде 86% пашенных хозяйств служилых людей по отчеству основывались на применении не только семейного, но и феодално-зависимого труда.

Развиваясь как хозяйства феодално-крепостнического типа, они использовали те же способы эксплуатации труда, что и крепостнические хозяйства европейской России. Феодалные формы эксплуатации в хозяйствах служилых людей по отчеству и верхушки казачества порождали протест. Последний выражался не только в форме бегства, но и в более активных действиях.

В 1699 г. угрожал «смертным убийством» тобольскому сыну боярскому П. Мелешину (последний оказался в Нерчинске с торговым караваном) его дворовый, «кроме которого Мелешин иного другого супостата не знал».¹⁶⁷ В этом же году покушался на убийство иркутского сына боярского М. Перфильева «купленный детина», который от него бежал, «взломав замок и цепи».¹⁶⁸

В 1688 г. на заимке пятидесятника Ю.Лабы был организован заговор, в котором участвовало семеро крепостных. Ю. Лаба был убит. На допросе дворовые обвиняли его в жестоком обращении и сожительстве с их женами. В результате следствия двое были биты кнутом «на козле и в проводку» с отсечением двух пальцев на левой руке.¹⁶⁹

В 1697 и 1699 гг. были убиты дворовыми «мунгальской породы» конный казак Ф. Зябликов и казачий десятник И. Кузьмин.¹⁷⁰

В 1698 г. по возвращении с караваном из Китая сын боярский С. Шестаков был убит (утоплен) на Аргунском перевозе аргунскими казаками.¹⁷¹ Причиной расправы послужили его злоупотребления в бытность приказным и широкая ростовщическая деятельность, в результате которой многие из рядовых казаков разорялись и попадали к нему в кабалу.

В 1701 г. такая же участь постигла и жену С. Шестакова, которая была убита «купленной дворовой девкой Палашкой». В этом же году в Иркутске началось новое следственное дело по розыску крепостных, убивших сына боярского Е. Курдюкова.¹⁷²

Таким образом, феодальная эксплуатация в хозяйствах крепостнического типа порождала протест в формах, имевших место в европейской части России.

ГЛАВА V.

Занятия служилых людей ремеслами и промыслами

Первое время потребности русского населения Сибири в промышленных изделиях разрешались путем их завоза из европейской части России. Поставку этих изделий взяли в свои руки торговые люди. Однако, привозные товары из-за высоких транспортных расходов и отсутствия конкуренции местного рынка были очень дорогими, а их поставки нерегулярными. Поэтому производство предметов первой необходимости постепенно стало налаживаться на месте.

Как принято считать, основную роль в развитии ремесел, промыслов, торговли играло посадское население. В рассматриваемых нами уездах оно росло быстрее в Иркутске и в 1686 г. составило 36,¹ в 1699 г. – 110,² в 1710 г. – 372 человека.³ В Забайкальской части Иркутского и в Нерчинском уезде рост посадской категории населения был замедленным. В Селенгинске, например, в 1683 г. было всего 6 посадских тяглецов.⁴ В Удинске первые посадские люди появились только в начале XVIII в. В 1704 г. оброк, собираемый с удинских посадских людей и бобылей, составил всего 5 руб. 16 коп., а в 1710 г. – 8 руб. 35 коп.⁵ В Нерчинске в 1686 г. числился 1 посадский человек,⁶ в 1692 г., сдав посадское тягло, он ушел в казачью службу.⁷ В 1700 г. посадское население Нерчинска составляло всего 12,⁸ а в 1713 – 1715 гг. – 80 человек.⁹

Однако, принадлежность к сословию посадских людей в Сибири еще не означала, что они занимались только торговлей, ремеслами и промыслами. В свое время В. И. Шунков обратил внимание на то, что посадское население Сибири нередко обращалось к земледелию, чему способствовал «недостаток, а иногда и отсутствие хлеба на городском рынке».¹⁰ Позже это же наблюдение было подтверждено в ряде работ других исследователей.¹¹

Посадские люди Иркутского и Нерчинского уездов не составляли исключения. Правда, в самом Иркутске посадские люди, занимавшиеся сельским хозяйством, были малочисленны. Иркутская дозорная книга за 1686 г. отметила наличие пашен только у двух человек из 36.¹² Более многочисленная «деревенская» прослойка среди посадских людей прослеживалась по Нерчинскому уезду, в котором в 1713 – 1715 гг. из

80 посадских людей 25 имели пашни и вносили в казну «выдельный» хлеб.¹³ Земледелие, конечно, отнимало у посадских людей много времени, отрывая их от занятий, свойственных их сословию.

Понятно, что в условиях отдаленности сибирских уездов, малочисленности посадского населения, обращение других категорий населения, в том числе и служилых людей, к производству промышленных изделий и торговле было не только естественным, но и необходимым. Еще более веской причиной хозяйственных занятий служилых людей было то, что выдаваемое служилым людям по прибору жалование не обеспечивало прожиточного минимума их семей. Поэтому само правительство официально разрешало служилым людям совмещать службу с дополнительными занятиями: ремеслом, промыслами, торговлей.

Активность служилых людей в разного рода торгово-ремесленной и промысловой деятельности обуславливалась также и их социальным происхождением: многие из служилых являлись выходцами из посадков европейской части страны и западно-сибирских городов. Приходя в новые места как гулящие и промышленные люди, они приносили с собой навыки предшествующих хозяйственных занятий, а верстаясь в службу, не теряли с ними связи.¹⁴

Вопрос о степени участия служилых людей в занятиях ремеслом и промыслами весьма интересен. Он позволяет не только показать эту сторону жизни служилых людей, но и определить их роль в развитии сибирских городов и сибирской ремесленной промышленности, в перспективе обусловивших изменение социального статуса служилых людей «старых служб».

К сожалению, состояние источников по Иркутскому и Нерчинскому уездам не дает возможности выяснить вопрос во всех деталях, так как в основном сохранились таможенные материалы и материалы, касающиеся работы служилых людей по заказам государственных органов. Однако, и они все же позволяют, в известной степени, проследить распространение и особенности организации ремесел и промыслов у служилых людей в условиях исполнения ими служебных обязанностей.

Железоплавильный промысел и металлообработка

Сибирским *кузнецам* были знакомы многие виды работ, разнообразных по своей сложности. Они изготавливали земледельческие орудия: сошники, косы, серпы; предметы хозяйственного обихода: топоры, ножи, скобы, дверные петли, кольца, цепи, гвозди и даже часы; занимались починкой старого и поделкой нового оружия.

Четкой специализации, ограниченной выделкой только определенного вида металлических изделий, ни в Иркутском, ни в Нерчинском уездах, подобно большинству периферийных районов металлообрабатывающей промышленности в XVII в., не было.¹⁵

Но наиболее квалифицированные из кузнецов занимались оружейной работой, которая ценилась очень высоко, особенно в пограничных уездах.

Кузнечные работы требовали много железа. Какая-то часть железа попадала к кузнецам от заказчиков. Но часто кузнецы подражались выполнять работу «из своего железа», которое либо сами выплавляли из руды, либо покупали у торговых людей и у местных плавильщиков в виде полуфабрикатов. Пути приобретения кузнечными мастерами железа зависели от степени развития добычи местных руд. На иркутский рынок, например, железо местных рудных мастеров уже поступало в 90-е годы XVII в.¹⁶

Наши сведения о служилых людях, занимавшихся выплавкой металлов, очень скудны. Но и они говорят о том, что такого рода специалисты среди них были. Известно, например, что в середине 70-х гг. XVII в. верхоленские служилые люди «копали недалеко от Балаганского острога руду».¹⁷ В 1670-х гг. велись разведки руды в районе реки Аргуни.¹⁸ Умел плавить руду нерчинский пушкарь и оружейник Кузьма Новгородец. В 1675 г. он выплавил в Нерчинске из привезенной руды 90 золотников (383 г.) свинца, а в 1684 г. вместе «с пришлым» кузнецом Л. Семеновым и енисейским серебряником К. Ульяновым выплавлял из местной руды свинец и олово.¹⁹

Сведения о служилых людях – кузнецах и оружейниках гораздо шире. Первые, известные нам кузнецы из служилых людей Нерчинска, числились либо среди казаков, либо среди пушкарей. Один из них вышеупомянутый Кузьма Федоров по прозвищу «Новгородец», в прошлом новгородский денежный мастер, был сослан в Нерчинск в 1666 г. за провинность, скорее всего, связанную с чеканкой фальшивых медных денег. Так как в Нерчинске не было оружейных мастеров, то К. Федорова стали использовать как бронного и оружейного мастера, указав ему «делать ружье, кузнечные дела и учить бронному делу учеников».²⁰ Но, видимо, одному оружейнику было не под силу справляться с большим объемом работ, так как в 1682 г. воевода Воейков жаловался на то, что оставшееся от А. Пашкова ружье «все перержавело» и поэтому «для осадного времени от неприятельских людей ружным боем оборонитца будет нечем», что оружейного мастера в Нерчинске нет, а «бронный мастер Козьма Федоров (Новгородец – Г.Л.) стал дряхл и слеп».²¹ В этом же году казна подарила нерчинского

казака Ф. Верхова чинить старое ружье. Одновременно Ф. Верхов вместе с гулящим человеком И. Ляльником сделал 22 новых мушкета из железа, купленного в казну у казака Титова.²²

В 1684 г. в Нерчинске появился новый оружейный мастер Г. Новгородец. В 1685 г. вместо умершего К. Новгородца приверстали в пушкари присланного из Москвы Е. Ларионова. Последний в 1687 г. был отправлен в Албазин, а в его место перевели нерчинского пешего казака Я. Судейкина, видимо, считавшегося еще и хорошим оружейником, поскольку впоследствии при получении им чина сына боярского оружейная работа выдвигалась в качестве одного из его достоинств.

Необходимость обороны Амура от китайских войск привела к тому, что в 1685 г. в Албазин были присланы пушкари С. Михайлов, К. Данилов, А. Наседкин, М. Елисеев,²³ а в 1687 г. переведен из Нерчинска упомянутый выше Е. Ларионов. Первые двое вплоть до 1714 г. числились в нерчинских пушкарях, нередко привлекаясь к оружейной работе. Пушкарь Е. Ларионов в 1691 г. подал в отставку. На его место был зачислен нерчинский казак и оружейник Ф. Кибас.

Но названными людьми число лиц, связанных с металлообработкой в Нерчинске в XVII в., не ограничивалось. В одном из документов упоминается, что «делал замки к воеводским хоромам из своего железа» казак И. Салдатов.²⁴ Неоднократно использовались на казенных работах и нерчинские кузнецы казаки Данила и Иван Бронниковы.²⁵

В 1697 г., когда из нерчинской казны было продано 53,8 пуда 342 фунта «полишного и дощатого» железа, в числе 22 его покупателей оказалось 20 служилых людей и один казачий родственник.²⁶ Посадских людей, которых в Нерчинске к этому времени было 5 человек, роспись в числе покупателей железа не упоминала. Наибольшая по объему и весу покупка железа (34 пуда 30 фунтов) была сделана казаком М. Арзамасцевым, который до поверстки в службу был в течение нескольких лет первым и единственным посадским человеком Нерчинска. Интересно, что среди покупателей железа встретился упоминавшийся уже Я. Судейкин, ставший сыном боярским. Закупка им железа свидетельствовала о том, что изменение чиновного статуса не повлияло на его ремесленные занятия.

Наконец, в списке лиц, закупавших в 1697 г. железо, можно с определенностью назвать двух, причастность которых к кузнечному делу не вызывает сомнения. Один из них – конный казак Г. Кириллов по прозвищу «Котельник» еще в 1682 г. подражался делать казенную работу: «ковал ступу и песты пороховые»,²⁷ а в 1693 г. просил о выдаче

«на ссуду из казны укладу на срок до двести второго году для наварки к старым ралником...».²⁸ Другой – казачий десятник, а с 1701 г. пятидесятник Алексей Харитонов прозвищем «Кузнец», был родом из семьи известных енисейских кузнецов. Его отец Харитон Андреев занимался кузнечным промыслом в деревне Казачий Луг (под Енисейском).²⁹ Сыновья Харитона Андреева – Алексей, Федор, Иван имели общую кузницу.³⁰ В 90-е гг. Алексей, а немногим позже Федор, по определению воеводы Богдана Глебова, «сошли из Енисейску без отпуску, покиня дома свои и посадское тягло..., в Даурские остроги».³¹ Как и в Енисейске, в Нерчинске Алексей и Федор жили вместе, и уже будучи в казачьей службе, занимались кузнечным делом, имея общую кузницу, организовав, как и в Енисейске, кооперацию семейного труда.

К сожалению, из 22 покупателей железа в 1697 г. документы позволяют с определенностью говорить как о кузнецах только о четверых. Причастность к кузнечному делу остальных покупателей можно лишь предполагать. Весьма вероятно, что купленное железо могло частично распродаваться на рынке, частично отдаваться покупателями мастерам. Но состав покупателей железа свидетельствовал о том, что значительную роль (в данном примере подавляющую) в закупках железа и его обработке в Нерчинском уезде в конце XVII в. играл основной контингент постоянного населения – служилые люди.

Среди иркутских, также как и нерчинских служилых людей, были знатоки кузнечного дела. В 1687 г. казак И. Колмогоров совместно с казаком Т. Шемякиным «сговорились поставить на отводной обчей земле... дом, амбар, кузницу».³²

Однако, среди постоянных жителей Иркутска не хватало знатоков оружейного дела, и даже в начале 90-х гг. иркутские власти постоянно ратовали о присылке в Иркутск оружейника. В 1694 г., вняв, наконец, этим просьбам, Сибирский приказ распорядился послать в Иркутск оружейника из Енисейска³³ посадского человека Андрея Иванова Бронникова. Вместе с ним «без отпуски» прибыл его родной брат Григорий, а немногим позже – брат Михаил.³⁴ В 1696 г. из Енисейска «по выбору» на смену А. Бронникову был послан кузнец П. Леонтьев. Но, несмотря на замену, Бронников так и не вернулся в Енисейск. Весьма вероятно, что улучшение оружейного дела в Иркутске было обязано именно Андрею Бронникову, а перечисленные в «росписном списке» 1701 г. «среди прочего иркутского наряда 2 пушечки медные маленькие иркутского литья и 65 мушкетов и санпалов в старых и новых ложах с замки иркутского литья»³⁵ являлись результатом работы братьев Андрея, Григория и Михаила Бронниковых.

В 1698 г. по ходатайству иркутских казаков оружейный мастер Андрей Бронников был поверстан в конную казачью службу. Несмотря на это, енисейская администрация вплоть до 1700 г. числила А. Бронникова в посадском тягле, потребовав от него в 1701 г. уплаты накопившегося за 6 лет оброка в размере 6 рублей. Однако, это требование было отклонено Сибирским приказом, который, учтя заслугу Бронникова, «перечинившего в Иркутске все старое оружие», оставил его служить «в казаках и бронных мастерах по-прежнему».³⁶

В 1702 г. Андрей Бронников, ссылаясь на то, что в Иркутске «иных бронных мастеров, кроме него нет», предложил организовать силами енисейских и иркутских кузнецов добычу железной руды и изготовление оружия. В числе иркутских кузнецов он называл своего брата Григория Бронникова,³⁷ поверстанного в 1699 г. в казачью службу по иркутскому гарнизону. Фактически Андрей Бронников предлагал создать кооперацию по добыче железной руды, ее обработке и изготовлению из местного сырья оружия, что предполагало один из моментов разделения труда в металлургии и привлечения дополнительной наемной силы.

В начале XVIII в. пользовался известностью «доброего» кузнеца казак И. Черных,³⁸ которому поручались «циренное дело и железная всякая починка» в «государевом усолье».³⁹ Подряжался «пустить в дело часовое колесо часовых дел мастер» и кузнец иркутский казак Илья Скорняков.⁴⁰

Одним из наиболее ранних документов, из которого становятся известными селенгинские кузнецы и оружейники, стала «выпись», сделанная из селенгинских неокладных расходных книг за период с 1675 по 1684 гг.⁴¹ «Выпись» охватывает годы, характеризующиеся обострением военной напряженности в юго-восточном Забайкалье, когда в пограничных острогах остро ощущалась необходимость увеличения воинского наряда и содержания его в боевой готовности. Последнее обстоятельство, естественно, подразумевало максимальное использование на кузнечных работах имеющихся кузнецов и оружейных мастеров. Поэтому «выпись» 70-80-х гг. могла упоминать если и не всех из них, то, по крайней мере, подавляющую их часть.

Поскольку в Селенгинске, также как и в Нерчинске, до 80-х гг. XVII в. не было посадского населения, работы, связанные с металлообработкой, выполнялись, главным образом, служилыми и, в меньшей мере, пришлыми гулящими и промышленными людьми.

В 70-80-е гг. наибольшей известностью кузнеца и оружейника в Селенгинске пользовался казак Семен Разгильдяев. Ему чаще других поручалась ответственная работа: в 1678 г. он чинил замки к казенным

пищам и мушкетам. В январе 1680 г. Разгильдяев вместе с работными людьми-кузнецами «своей артели отливал для острожного бережения пушку». В качестве сырья «для дела той пушки» Разгильдяев использовал за неимением металла «ломаные якоря». Сверло и оси под станки к пушке сделал казак Д. Шемякин.⁴² Наличие «работных» людей – кузнецов – показатель привлечения «уставщиком» Разгильдяевым наемного труда.

Неоднократно использовались в качестве кузнецов и селенгинские пушкари Т. Татаринов, который был еще и медником, и Я. Протасов. Последний в 1678 г. сделал два железных колеса к пушке, за что получил из казны 1 руб. 50 коп.⁴³ Оружейное мастерство было известно селенгинским казакам С. Матвееву и К. Аверкиеву, которые в сентябре 1681 г. чинили казенные мушкеты.⁴⁴

Кузнецы нередко сочетали свою работу с другими видами металлообработки, например, с обработкой меди. Последние из привозной меди выделывали чаще всего котлы. Лишь в XVIII в. специализация котельников стала очерчиваться более четко. Немаловажную роль в этом сыграло развитие пивоварения и винокурения, оснащение которых требовало соответствующих емкостей из меди. Медников среди служилых людей в исследуемых нами уездах были единицы. Наиболее известным из них был иркутский казак К. Татаринов, который, «ради котельной работы», отпускался из своего гарнизона в другие остроги.⁴⁵

С развитием рудного промысла и добычей свинца в Нерчинском уезде некоторые местные кузнецы стали покупать свинец из казны, видимо, для выделки из него пуль и дроби. В числе таких постоянных покупателей был кузнец казак Ф. Кузнецов. Последний в 1712 г. закупил в долг из казны 10 пудов свинца на 20 руб. Поручителем «во взятии того свинца и в платеже денег» был его брат, известный нерчинский кузнец А. Кузнецов.⁴⁶

Из приведенного материала видно, что среди служилых людей, участвовавших в металлообработке, наиболее распространенной была специальность кузнецов и оружейников. Последнее могло объясняться тем, что оружейная работа была необходимой в пограничных уездах. Местные власти относились к обладателям столь дефицитной специальности с особым вниманием. Стараясь удержать их в уездах (оружейники часто приходили в уезды в поисках выгодных заказов), они верстали их в службу.

Металлообработкой в большинстве своем занимались рядовые служилые люди. Лишь немногие из них за выполнение особо важных и объемных работ получали повышение, попадая даже в разряд служилых

людей по отечеству. Кузнечные, оружейные и прочие работы по металлообработке делались, как правило, на заказ казны или частных лиц. В подавляющем большинстве эти служилые не имели пашен, получали хлебное жалование и часто за выполняемую ими работу брали хлеб со своих заказчиков. Некоторые из кузнецов организовывали кооперацию семейного труда, эпизодически прибегая к использованию наемных работников.

Служилым людям было известно *производство пороха*. Появление в обоих уездах пороховщиков связывалось с необходимостью перекрутки «моклого слежалого пороху». В 1694 г. для «перекрутки зелья и для учения учеников» в Нерчинск был направлен тобольский «зелейный перекрутич» Е. Андреев, который, проработав 10 дней, заявил, что «перекручивать он порох не умеет» и что в Нерчинске «обыскался лучше его, Елески, зелейный мастер» из служилых людей – сын боярский Я. Судейкин,⁴⁷ бывший в Нерчинске еще и оружейником.

Нужда в перекрутке старого пороха привела к посылке из Иркутска в Селенгинск пороховщика Е. Ларионова (в 1699 г. из конных казаков перешел в пешие),⁴⁸ который обучил пороховому делу селенгинских казаков Л. Моисеева и М. Якимова, а затем возвратился в Иркутск.⁴⁹

В конце 90-х гг. XVII в. Сибирский приказ стал настоятельно требовать от местных властей налаживания местного производства пороха, в связи с чем особое внимание было уделено поискам селитры.⁵⁰ Поскольку уже в начале XVIII в. селитра «была обыскана», дьяк Сибирского приказа А. Виниус лично предписывал воеводам «приложить свое радение к селитренному варению и обучить казаков или из иных чинов людей, кто б... селитру варить выразумели».⁵¹ Можно полагать, что селитренное и пороховое производство налаживалось в обоих уездах не без участия в нем служилых людей.

Пушной промысел и обработка животного сырья

Служилые люди в значительной степени набирались из числа промышленников. Поэтому их заметное участие в *пушном промысле* можно объяснить в какой-то мере связью с прежним занятием. Это утверждали сами служилые и администрация. Так, один из казаков Ф. Коркин сообщал, что до поверстки в службу он занимался соболиным промыслом. В 1650 г. он и его товарищи были взяты «со всеми промышленными заводы с Олекмы-реки на Даурскую службу».⁵² В 1687 г. иркутский таможенный и заставный голова Г. Апрельков объяснил казенный недобор десятинной пушнины в Иркутске тем, что «промышленных на соболиный промысел в отпусках было меньше прошлого 194 г., потому что промышленные люди в прошлом 194 г. по

указу великих государей и по грамоте переписаны в Иркутском на службу, ...в посылку в Даурские остроги».⁵³

Занятие пушным промыслом особенно в начальные годы колонизации, когда годами не выплачивалось жалование и хозяйственная жизнь на местах только налаживалась, было для служилых людей спасением от голодной смерти, потому что пушнина являлась тем товаром, продажа которого помогала получать средства к жизни. Пушнину добывали как промышленники – своеужинники, т.е. охотники, ходившие на промысел на собственном снаряжении, так и наймиты – покрученники, «крутившиеся» на промысел на средства – «ужине» предпринимателя, который мог сам выходить с артелью в тайгу, а чаще посылать вместо себя доверенное лицо. Отношения между покрученником и нанимателем регулировались письменным, реже – устным договором. Предприниматель обеспечивал покрученника одеждой, обувью, спальным мешком, предметами ловли пушных зверей, оружием, продовольственным запасом. Покрученник был обязан за это отдавать 2/3 добытой им пушнины хозяину, а 1/3 – оставлять себе. На время найма покрученник становился лично зависимым от предпринимателя на весь срок договора. Неустойка, в случае нарушения договора, касалась обеих сторон. Как отмечал П.Н. Павлов, покрута на пушном промысле была примитивной формой капиталистического найма.⁵⁴ Классическим примером взаимоотношений хозяина и наемных работников (покрученников) являются взаимоотношения Е.П. Хабарова и участников его экспедиции, из которых «мало кто был у него не в долгу».⁵⁵

Примеры использования покрученников на соболиных промыслах служилыми людьми Нерчинского и Иркутского уездов многочисленны и относятся главным образом к казачьей верхушке гарнизонов и детям боярским. В 1693-1696 гг. нерчинские служилые люди зафиксировали в таможене пушнину стоимостью в 790 руб.⁵⁶ В 1697 г. несколько служилых людей нерчинского гарнизона зарегистрировали в таможене соболей, которые доставили им их покрученники: конный казак Б. Коршунов – 10 соболей, а пятидесятник С. Евсеев и сын боярский Н. Варламов – по 40 соболях шкурок каждый.⁵⁷

В 1699 г. нерчинские дети боярские И. Попов, Л. Шишкин, И. Казан получили от своих покрученников – промышленных людей 155 соболей. Поскольку соболь был добыт уже после выхода указа о введении казенной монополии на ценные меха, вся партия была взята в казну. Владельцы мехов получили 200 руб. деньгами и на 574 руб. 75 коп. китайскими товарами.⁵⁸

В качестве хозяев, субсидировавших промышленные предприятия, могли выступать не только отдельные лица, но и группы людей. Это было в том случае, когда отдельным хозяевам было не под силу самостоятельно снарядить ватагу покрученников. Тогда они «складывались» и общими силами сколачивали промысловую артель. Так было в 1704 г., когда большая часть казаков баргузинского гарнизона (21 человек из 32), объединив «всякие свои последние запасы и платишко», снабдили ими покрученников. Сами же казаки в промыслах участвовать не могли, так как были заняты «на беспрестанных службах». Раздел добычи производился определенным порядком: 2/3 доставалось хозяевам, 1/3 - покрученникам. В указанном примере казакам досталось 104 соболя или по 5 соболей на человека.⁵⁹

Постепенно, к концу XVII в. стали учащаться случаи, когда вместо покрученников – наймитов некоторые служилые люди использовали для пушного промысла подневольный труд своих дворовых людей. В июле 1706 г. нерчинские служилые люди А. Казаринов, П. Апрельков, В. Плотников зарегистрировали «своего степного промысла и промысла своих челядинцев» 1100 тарбаганов⁶⁰, 5 лисиц «красных» и 10 волков. В октябре того же года казак Г. Петров предъявил в таможене «промысла своего, своих родственников и челядинцев» 5000 белок и 50 «лисенков».⁶¹

Очень редко, но все-таки бывали случаи, когда наименее состоятельные служилые люди ходили на пушной промысел как покрученники, нанимаясь либо «у своей братии служилых людей», либо у торговцев. Очевидно, в этом случае они находили на время своего отсутствия на службе «заменщика». В 1675 г. один пеший и два беломестных иркутских казака «покрутились» у торгового человека Р. Цветаева «на соболиной промысел на год за море в Баргузинской и за камень в Нерчинской, и в тех острогах по сторонним рекам куды пошлет...». Договор между хозяином и покрученниками был скреплен «покрутной записью», согласно которой хозяин снабжал казаков продовольствием (по 20 пуд. муки каждому) и охотничьим снаряжением. Покрученники обязывались, в свою очередь, «во всем хозяина слушаться» и на него работать из 1/3 добытой пушнины.⁶²

Благодаря пушным промыслам и торговым операциям, в руки служилых людей попадало значительное количество мехов, которое можно представить по сборам десятой пошлины, собиравшейся за промысел и с продажи мехов. В 1668 г. десятая пошлина, взятая с соболей, явленных нерчинскими казаками, составила 48 соболей.⁶³ Следовательно, ими было предъявлено в таможене 480 соболей. В 1672 г. енисейский казачий десятник Василий Буданов «с товарищи»

предъявили в нерчинской таможене 940 соболей, вывезенных ими с Ангарских, Баунтовских и Витимских соболиных промыслов (вероятно, не без помощи покрученников).⁶⁴

Специально изучая вопросы пушной добычи по отдельным районам Сибири, исследователи пришли к выводу о доминирующей роли в этого рода деятельности предпринимателей – торговых и промышленных людей.⁶⁵ «Во главе этих предпринимателей были крупнейшие русские купцы – гости, члены гостинной сотни».⁶⁶ Не представляли в этом отношении исключения Иркутский и Нерчинский уезды, поскольку и здесь объем промысла служилых людей был значительно меньше объема промысловой деятельности торговых и промышленных людей.

Однако, степень участия служилых людей Иркутского и Нерчинского уездов в пушном промысле по сравнению с такими категориями постоянного местного населения, как посадские люди и крестьяне, была намного выше. В Нерчинском уезде удинцы, баргузинцы, селенгинцы составили 50% от общего числа служилых людей, добывающих пушнину.⁶⁷

Пушные промыслы способствовали обогащению детей боярских и представителей казачьей верхушки, которые по примеру предпринимателей могли организовывать промыслы с помощью покрученников и подневольных людей. Взаимосвязь пушных промыслов и обогащения этой части служилых людей становится еще более очевидной, если учесть, что упоминаемые в таможенных книгах предъявители пушнины дети боярские Н. Варламов, И. Казан, пятидесятники С. Евсеев, А. Казаринов, Б. Коршунов были активными участниками зарубежной русско-китайской торговли и полученные меха вывозились ими же за рубеж.

Участие в добыче пушнины способствовало развитию среди служилых людей *скорняжного промысла*. На первом этапе обработка мехов включала их подборку в соответствии с качеством, цветом, узором. Следующим этапом был раскрой и пошив меховых вещей (шуб, шапок, кафтанов, воротников, рукавиц, одеял, напольников) и полуфабрикатов (пластин, исподов, подскоров), которые нередко попадали на рынок. По данным нерчинской таможенной книги за 1706 г. в числе 7 продавцов, зарегистрировавших скорняжные изделия, был 1 казак, 1 пятидесятник и 3 родственника служилых людей (2 сына, 1 брат), впоследствии приверстанных в конную службу. Все они продавали на рынке каждый в одной «явке» меховые изделия: пятидесятник А. Казаринов – 10 шуб тарбаганьих или, как тогда говорили, «дах», и 100 тарбаганьих кож, брат казака А. Размахнин – 10

дах и 300 тарбаганьих кож и 3 волка, сын казака И. Котельников – 5 дах, 300 тарбаганьих кож, 6 волков и сын казака А. Портнягин – 4 дахи и лисьи шкурки. Четверо из перечисленных предъявителей мехов и меховых изделий сообщили, что отловом зверей, обработкой шкур и, наконец, пошивом меховой одежды – шуб у них занимались подневольные люди – «челединцы», и только один из продавцов (сын казака А. Портнягин) добычей зверей и пошивом одежды занимался сам.⁶⁸

Для многих из служилых людей скорняжный промысел был только одним из вариантов хозяйственной деятельности. Изделия нерчинских скорняков, в том числе и служилых людей, пользовались спросом не только на сибирских рынках, но и за рубежом. В 1706 г. нерчинский житель Г. Макаев с целью вывоза за рубеж и перепродажи скупил на нерчинском рынке у служилых людей 250 кож тарбаганьих, 10 дах и 7 волков;⁶⁹ торговый человек Ф. Юринский обменял на наунский чай в числе прочих товаров 10 дах тарбаганьих,⁷⁰ заменивший удинского служилого человека Т. Вагу иркутский казачий сын А. Копылов, поехавший в Китай «для обережи» каравана, вез для продажи «по иркутской выписи» 23 одеяла ушканных, 13 шуб ушканных черевых.⁷¹

В 1713 г. нерчинские пятидесятники А. Кузнецов и А. Казаринов вывезли для продажи в Наунские села «нерчинской разной покупки 30 дах тарбаганьих».⁷²

Помимо обработки мехов, служилые люди занимались *кожевенным промыслом*. Это обуславливалось высоким спросом на кожевенные изделия. Кожевенное производство Нерчинска ограничивалось вплоть до конца XVII в. выделкой сыромятных и дубленых кож из шкур крупного рогатого скота. Кожевники получали сырье либо в своем хозяйстве, либо у заказчиков. Рост потребностей на кожи и изделия из них способствовал тому, что многие кожевники стали работать на покупном сырье, сочетая работу на заказ с работой на рынок. В качестве продавца сырья, наряду с частными лицами, нередко выступала казна. В 1681 г. из нерчинской казны были проданы сыромятные кожи нерчинскому казаку А. Помаскину,⁷³ в 1694 г. двое нерчинских казаков – кожевников купили в казне 90 кож «сырых», причем, один из них – Г. Беломестный взял кожи в долг под кабалу.⁷⁴

Наиболее известным кожевником в Нерчинске в конце XVII в. был десятник конных казаков Михаил Савватеев (родной брат гостиной сотни торгового человека Ивана Савватеева), который держал «кожевенный завод» – избу для выделки кож, оборудованную дубильными и зольными чанами, ступами (толчеями) «для битья дубу»,

медными котлами, наливными кадиями, железными клещами, стругами для обработки различных кож. Вряд ли это кожевенное предприятие обходилось без наемных работников.

В 1698 г., сосредоточив основное внимание на торговле с Китаем, М. Савватеев продал помещение и оборудование «кожевенного завода» в нерчинскую казну под «государев кружечный двор» за 130 руб.⁷⁵ Высокая стоимость помещения и оборудования могла свидетельствовать о владении Савватеевым значительным предприятием типа мануфактуры. Известностью кожевников пользовались в Нерчинске казаки Е. Евдокимов прозвищем «Кожевник», который занимался еще и свечным промыслом, а также упомянутые казаки Г. Беломестный и А. Помаскин, которые работали на покупном сырье.⁷⁶

Видимо, кожевенный промысел был распространен и среди служилых людей удинского гарнизона. Достаточно сказать, что в 1709 г. в Удинском остроге «сбор с черной работы и с кожевенного мастерства», взимаемый с бобылей и со служилых людей, составил 7 руб. 70 коп., в то время как объем всего оброка, собираемого с посадских людей Удинска, был равен в этом же году 8 руб. 15 коп.⁷⁷

В Иркутске кожевники уже в 80-х гг. наладили производство юхотных товаров. Из числа служилых людей Иркутска в эти годы имел кожевню казак И. Федотов,⁷⁸ а в качестве заказчика юхотных кож был известен иркутский служилый человек С. Шестаков. В 1684 г. он заказал енисейскому посадскому человеку А. Вологде из своего сырья «сделать добрым мастерством двести кож красных». Намереваясь в будущем организовать собственный «кожевенный завод», Шестаков отдал в обучение к А. Вологде «своего человека Савку».⁷⁹ В последствии Сидор Шестаков, видимо, имел свою кожевню, в которой использовался труд феодально-зависимых и наемных людей. Сырье для кожевни частично закупалось им на рынке, а частично поступало из его собственного хозяйства за счет «домокормленного скота», о разведении которого мог свидетельствовать тот интерес, который, уже будучи сыном боярским, Сидор Шестаков проявлял к сенокосным угодьям, отторгаемым им у казаков. (См. главу III.).

В начале XVIII в. выделкой красных юфтей в Иркутске занимался казак С. Кузнецов. Последний продавал готовые кожи на иркутском рынке.⁸⁰ Имел, вероятно, большую кожевню и сын боярский И. Пивоваров. Правда, кожевенный промысел не был его единственным занятием. Пивоваров служил с пашни, а в конце 20-х гг. XVIII в. брал на откуп добычу соли в казенном Иркутском Усолье. Юхотные товары Пивоварова продавались как на иркутском рынке, так и за его

пределами. В 1711 г., например, его работник среди прочих товаров вывозил 20 юфтей Пивоварова для продажи в Удинск.⁸¹ Поскольку Пивоваров даже продажу юфтей поручал работнику, можно предполагать, что и в производстве кож он использовал дополнительную рабочую силу.

В конце XVII в. в Селенгинске владел кожевной казачий пятидесятник Любим Федоров. Его кожевня была довольно крупным промышленным заведением, представляющем переход от простой кооперации к мануфактуре. Кожевня обслуживалась наемными работниками, специализирующимися на выделке сыромятных, дубленых, крашенных кож и юфтей. Из сохранившегося судного дела между Любимом Федоровым и его «строшным» работником селенгинским служилым человеком Тимофеем Андреевым выясняется, что последний «работал на Любима 100 кож бычьих, дубил и красил, а по договору было ряжено денег 18 рублей».⁸² Спрашивается, где мог наемный работник – служилый человек взять время для выполнения довольно крупной работы? Ответ может быть одним: нанял вместо себя в службу «заменщика», чтобы самому подрабатывать. «Подработка» – 18 рублей не шла в сравнение с жалованием пешего казака!

Производство кож в Удинске сосредоточил в своих руках иркутский дворянин И. Ф. Рупышев. Последний получил кожевню в счет долга у пеших казаков братьев Г. и П. Пашиных. Производительность кожевни составляла 100 – 250 кож в год.⁸³

Кроме специалистов по выделке кож, среди кожевников документы упоминают *обувщиков*: сапожников, чарошников, чоботников. Они были представлены главным образом служилыми людьми по прибору. Работу выполняли на заказ, используя кожи собственной обработки и выделки, а иногда и материал заказчика. Примером такого обувщика, который одновременно работал на материале заказчика и на своем, может быть отставной удинский стрелец – сапожник И. Соболенный, пошивший сыну боярскому С. Шемелину 4 пары сапог, из них две пары из своего материала, а две – из материала заказчика. На покупном сырье работали нерчинские обувщики казаки А. Помаскин и Г. Беломестный.⁸⁴

Одним из видов обработки животного сырья было *мыловарение*. Как правильно отмечал О.Н. Вилков, уже с начала 70-х гг. XVII в. оно стало удовлетворять потребности региона без ввоза из европейской части страны, находясь на стадии простого товарного производства с семейной кооперацией труда и наемным трудом.⁸⁵ Образцом такого, даже более высокого уровня производства, может служить «мыльный завод», организованный в 80-х гг. в Иркутске селенгинским пешим

казаком (позже пятидесятником) Андреем Штинниковым и его родным братом иркутским посадским человеком Иваном Штинниковым.⁸⁶

Мыловаренное производство Штинниковых было крупным для своего времени, скорее всего, близким к мануфактуре. Это подтверждается суммой ежегодно вкладываемых в предприятие средств (200 руб.), довольно высокой оценкой всего мыльного «завода», равной 476 руб. 52 коп. и, наконец, количеством изготовленного мыла. С 25 декабря 1682 г. по 1 октября 1685 г., т.е. за 2 года и 9 месяцев в мыльне было сварено более 380 косяков мыла.⁸⁷

В качестве специалиста-мыльника на «заводе» работал енисейский посадский человек опытный мыловар Иев Евтихеев по прозвищу «Мыльник», с которым был заключен договор о совместном производстве мыла и распределении доходов от его продажи. Без сомнения, в мыловарне Штинниковых работал не один Иев Евтихеев. Помогал Иеву казачий сын И. Немиров, а также «человек» Штинниковых, которого Иев должен был обучать тонкостям мыловарения. Сам договор о совместном производстве мыла предусматривал «наймовать» из общих денег людей к «мыльной работе».⁸⁸

Производство мыловаренного «завода» Штинниковых было рассчитано на рынок. Пункты продажи мыла оговаривались уже в самом договоре. Среди них, кроме Иркутска, указывались Баргузин, Удинск, Селенгинск, Нерчинск, Албазин, торговля в которых осуществлялась поверенными Штинниковых – приказчиками и лавочными сидельцами, которые в 1683-1688 гг. ежегодно выручали от продажи мыла от 341 до 581 руб.⁸⁹

«Завод» просуществовал до конца 80-х гг. XVII в. С этого времени казачий пятидесятник Андрей Штинников и его компаньоны сосредоточили свои хозяйственные интересы на русско-китайском торге.

В 80-е гг. мыльным промыслом в Иркутске занимался так же и казак С. Стоисупов. Объем его продукции был небольшим, и он варил мыло с помощью членов своей семьи. Мыло «его варения» продавалось на иркутском рынке.⁹⁰ В Нерчинском уезде в 80-е гг. специалистом был албазинский казак Г. Мыльник. Будучи взят во время нападения китайцев в плен, Г. Мыльник и в Китае намеревался «... заводы заводить и мыльницу строить и мыло варить».⁹¹

Развитие основной базы мыловарения – животноводства, а также прекращение ввоза мыла в Иркутский и Нерчинский уезды в начале XVIII в. свидетельствовали о развитии местного мыловаренного промысла в этих отдаленных районах Сибири.

Деревообработка. Строительное дело.

Формирование строительных кадров – плотников, судостроителей, столяров, токарей, кирпичников, каменщиков, изготовителей канатов (варовых снастей) началось в Нерчинском и Иркутском уездах одновременно с появлением там русских. Часть «умельцев» переселялась из более обжитых сибирских регионов, часть – обучалась у этих «умельцев» на месте.

Все остроги и острожки Восточной Сибири изначально строились силами служилых отрядов, продвигавшихся с Запада на Восток. В конце XVII в. служилые, ровно как и крестьяне, стали откупаться от «городового дела» деньгами, на которые казна нанимала строителей (часть из тех же служилых людей) для починки городских стен и башен, строительства казенных помещений внутри острогов: воеводских дворов, приказных изб, зеленых погребов и т.д.

Потребность в разнообразном виде строительных работ приводила к росту специализации. Одним из специалистов по строительству деревянных церквей в Восточной Сибири был казак Г. Иванов, который строил церкви в Енисейске «лет з десять и болши», затем был переведен в Братск, видимо, для этой же работы, а в 1656 г. – в Даурию «для церковного строения», где и служил в течение 6 лет. В дальнейшем, в 1670 г. за заслуги в строительстве церквей в Восточной Сибири Г. Иванов просил о пожаловании его в дети боярские.⁹²

В 80-х – 90-х гг. XVII в. казак Федор прозвищем «Мельник» был известен в Нерчинском уезде как специалист по строительству мельниц. В 1682 г. он нанимался строить мельницу на заимке у пятидесятника Ю. Лабы.⁹³

Массовость плотницкого дела, большие заказы способствовали появлению и распространению в Нерчинском и Иркутском уездах, также как и в других районах Сибири, подрядных плотничьих артелей. В 1699 г. такая артель с подрядчиком – одним из иркутских казаков «рубила» избы, сени, лавки на иркутском гостином дворе. Очевидно, артелью была выполнена большая работа, так как при конечном расчете плотники получили из казны 75 руб.⁹⁴ 5 сентября 1701 г. «от дела нового большого сараю и шатра над обжигальною большою кирпичной печью» подрядчику и артельщикам казакам А. Тюлкину, Ф. Титову, И. Семенову, А. Верхотуру, Г. Подрезову было заплачено 16 руб. 50 коп.⁹⁵ В 1701 г. получили подряд на строительство «казенного анбара» на нерчинском кружечном дворе казак П. Дмитриев и гулящий человек А. Андреев, которым было заплачено 15 руб.⁹⁶ Подобных примеров участия служилых людей в строительных работах встречается очень

много, и все они свидетельствуют о широком распространении среди них плотницкой специальности и о работе на заказ.

Поскольку реки являлись главными путями сообщения в Сибири, *судостроение* (производство дощаников, каюков, барок, лодок и т.д.) играло большую роль в деревообработке. Участие служилых людей в строительстве судов (также как и в других строительных работах) было распространено в Сибири повсеместно. Казенные и частные суда в Нерчинском и Иркутском уездах строились на судовых плотбищах, расположенных в Иркутске, Нерчинске, Чите.

В отличие от Енисейского, в Иркутском и Нерчинском уездах, не было казенных «записных» плотников и казна постоянно обращалась к помощи наемных плотников. В числе последних в Иркутском уезде пользовались известностью судовых плотников-«уставщиков», т.е. судостроительных мастеров, казаки В. Дмитриев, М. Федоров, А. Лалетин, И. Мезенец, В. Хайлов и др.⁹⁷

Уставщики нанимали артели из вольнонаемных работников в 5-10 человек, которые работали по подряду. Иркутские расценки при оплате казенных судовых плотничьих работ были выше енисейских. В 80-90-х гг. за постройку дощаника в Енисейске уставщику полагалось 2 руб., а рядовому плотнику – 1 руб. 25 коп.⁹⁸ В Иркутске уставщик получал на 50 коп., а работный человек на 25 коп. выше енисейской ставки (т.е. уставщик – 2 руб. 50 коп., а работный человек – 1 руб. 50 коп.). В исключительных случаях (срочность выполнения работ, дополнительные расходы со стороны плотников и т.д.) казна увеличивала вознаграждение. В 1698 г. иркутские уставщики казаки А. Лалетин и И. Мезенец оспаривали оплату их судовой работы под тем предлогом, что работные люди из их артели поломали при строительстве дощаников несколько принадлежащих им топоров, а казак А. Лалетин оставлял на время судовых работ вместо себя на службе наемника, который обходился ему недешево. По решению казны, обоим уставщикам за строительство каждого дощаника было прибавлено сверх положенной суммы еще по 25 коп.⁹⁹

Оплата плотников, подрывавшихся на судовые работы к частным лицам, была, по сравнению с казенной оплатой, выше. По справке купца И. Савватеева, в 1696 г. за поделку дощаника уставщику платили 10 руб., а работным людям – 4 руб. В эту сумму входило и питание за хозяйский счет.¹⁰⁰ Из этого следует, что казенная оплата уставщиков уменьшалась за счет получения ими жалования. Но несмотря на это, работа по казенному найму все равно для служилых людей была выгодной.

Не ограничиваясь работой на заказ, судовые плотники нередко продавали свои изделия. Среди них были и служилые люди. Плотники выполняли заказы частично или полностью из своего материала. В 1689 г., получив казенный заказ на строительство «избы, сеней и лавок» в Иркутске, казак К. Плотников использовал для их покрытия «драницы» своего производства.¹⁰¹ В 1701 г. плотники пеший казак П. Дмитриев и гулящий человек А. Андреев использовали при строительстве казенного амбара свой тес.¹⁰²

Однако, какую-то часть материала плотники получали от заказчика, в роли которого выступали либо казна, либо частные лица. Высокий спрос на *стройматериалы* (бревна, тес, слеги, драпку) способствовал выделению специалистов по их заготовке и обработке. В числе последних встречались и служилые люди. В 1687 г., в связи с необходимостью срочной постройки дощаников, по приказу Ф.А. Головина, в Иркутске выявлялся наличный строевой материал у лесоторговцев, не пожелавших поставить его в казну по казенным ценам. Только у сына боярского Ю. Крыжановского было закуплено 160 бревен трехсаженных, 37 досок, 12 кряжей по казенной оценке на сумму в 10 руб. 92 коп.¹⁰³ Неоднократно поставляли лесоматериал на казенные нужды бывшие нерчинские казаки (ставшие затем детьми боярскими) Л. Кочмарев и И. Архипов. В 1701 г. И. Архипов продал в казну слеги за 2 руб. 50 коп., а Л. Кочмарев – 76 бревен «строевых» за 8 руб. 20 коп. В 1706 г. они же поставили на строительство казенного амбара тес, оцененный в 13 руб. 40 коп.¹⁰⁴

Периодически продавал лесоматериалы и дрова нерчинский конный казак А. Суетин. В 1706 г. «на строение гостиного двора и винного подвала» у него было куплено 100 слег по 4 сажени, 50 слег по 3 сажени, 50 бревен сосновых и 130 саженей дров сосновых на сумму 50 руб.¹⁰⁵ Занимался изготовлением лесоматериалов нерчинский пеший казак Н. Яковлев. В 1701 г. у него было куплено «для покрытия государева анбара 600 драниц», которые перевозил от его сарая до кружечного двора казак Г. Девяшин.¹⁰⁶ В 1712 г. пеший казак П. Дмитриев совместно с полковым отставным стрелцом О. Моисеевым подряжались поставить в Аргунск к рудному промыслу 6000 «драниц» «своего изготовления».¹⁰⁷

Рядом с заготовкой *лесоматериалов* стоял *дровосечный промысел*, распространение которого в значительной мере было связано с необходимостью починки острожных стен и башен, казенных помещений, частных домов, а также развития казенного винокурения, рудного промысла, соледобычи.

Казенными поставками дров занимались все слои населения уездов. Но служилым людям принадлежала большая часть поставок. В 1700 г. нерчинский казак А. Венедихтов продал на кружечный двор 31 сажень дров за 31 руб. В 1706 г. он дважды поставлял туда же дрова, выручив от обеих поставок 21 руб. 30 коп., а в 1715 г. – 60 сажений дров за 9 р.¹⁰⁸ В 1700 и 1706 гг. нерчинский казак А. Опрокивнев продал в казну 180 сажений дров сосновых, а казак М. Арзамасец – 162 сажени, выручив от поставок 135 руб.¹⁰⁹ В 1707 г. Нерчинская казна заплатила служилым и промышленным людям 225 руб. за поставку к Аргунскому рудному промыслу 600 сажений дров березовых.¹¹⁰ В 1714 г. иркутский казак А. Нехороших поставил в Усолье 1000 сажений дров за 100 руб., а в 1717 г. он же, получив из казны 72 руб., обеспечил поставку 600 сажений дров на нужды иркутской винокурни.¹¹¹

Приведенные нами отдельные примеры о продавцах дров и размерах их дровопоставок могут быть дополнены данными таких компактных источников, как расходные книги таможенных и кружечных дворов Нерчинска, которые зафиксировали поставщиков и годовые расходы казны на покупку дров у населения, приводимые ниже в таблицах 16 и 17.

Таблица 16.¹¹²

Социальный состав поставщиков дров	Годы						Всего
	1699	1701	1703	1706	1714	1715	
Служилые	2	5	6	8	3	1	25
Родственники служилых	1	-	-	1	-	-	2
Гулящие	1	-	6	-	-	-	7
Посадские	1	-	1	-	1	-	3
Крестьяне	-	-	-	-	1	-	1
Промышленные	-	1	-	-	-	-	1
Итого	5	6	13	9	5	1	39

Как видно из таблицы 16, большая часть нерчинских поставщиков дворов в казну были служилыми людьми. Судя по суммам денег, выдаваемых казной продавцам леса, основной объем дровопоставок в Нерчинском уезде также принадлежал служилым людям и их родственникам (таблица 17).

Таблица 17.¹¹³

Социальный состав поставщиков	Казенная оценка дров, закупаемых в Нерчинскую казну за разные годы (в рублях)						Всего
	1699	1701	1703	1706	1714	1715	
Служилые	2,25	82,96	52,87	232,30	11,50	9	390,88
Родственники служилых	6,32	-	-	33	-	-	33,32

Гулящие	6,07	-	19,80	-	-	-	25,87
Посадские	3,20	-	15	-	3,75	-	21,95
Промышленные	-	-	11,25	-	-	-	11,25
Итого	17,84	82,96	98,92	265,30	15,25	9	489,27

Трудно сказать, кто конкретно из поставщиков дров в казну сам занимался их заготовкой, а кто использовал труд наемных дровосеков или скупал лес. Но вряд ли может вызвать сомнение, что подрядчики, а также часть продавцов лесоматериалов, подавляющее большинство которых, особенно в Нерчинском уезде, были служилыми людьми, скупали дрова у местного населения. В пользу этого могут говорить как значительные по объему поставки дров, так и участие поставщиков в других занятиях, отнимающих у них много времени: земледелии, скотоводстве, торговле и промыслах, и, наконец, свидетельства самих поставщиков о скупке ими леса. В 1713 г. иркутский казак П. Юренский и промышленник С. Устюжанин, подрядившиеся поставить в Иркутское Усолъе 100 саженой дров, прямо сообщали о том, что дрова они скупили в уезде.¹¹⁴

Источники показывают, что поставщики дров могли не только нанимать артели лесорубов, но и использовать труд подневольных людей.

Так, из материалов «Переписи» 1721 г. известно, что в доме у лесопоставщика нерчинского конного казака А. Венедиктова проживали 1 рабочий человек и 4 дворовых человека «мунгальской породы» в возрасте от 20 до 26 лет, а конный казак А. Суетин, поставлявший в 1706 г. стройматериалы для гостиного нерчинского двора и винного подвала, использовал труд наемных работников.¹¹⁵

Более мелкие продавцы дров сами занимались их заготовкой. К последним можно отнести служилого человека Н. Григорьева, который поставлял нерчинскому кружечному двору не более 1-2 саженой дров в год. Возможно, такие лица продавали дрова и строевой лес скупщикам.

Некоторые из иркутских и нерчинских плотников выполняли *столярные и токарные работы*. Из служилых людей в Нерчинске чаще других выполняли казенные заказы, связанные с деревообработкой, казаки В. Кряжев, И. Власов, С. Сажин, К. Данилов, в Иркутске – казак Н. Варфоломеев и др.

Все они делали деревянные предметы, пользующиеся большим спросом в домашнем обиходе и хозяйстве населения: чашки, ложки, ушаты, лейки, кади, бочки, лопаты, «окончины», сани-дровни, телеги, колеса и т.д.¹¹⁶ Более тонкие токарные работы в Нерчинске выполнял брат казака-плотника П. Дмитриева – Ф. Дмитриев по прозвищу

«Токарь», который продавал на рынке свои изделия, в том числе «точные подсвечники».¹¹⁷

Для оснащения судов требовались *веревочные изделия*, которые вначале привозились из европейской части России, а позже стали производиться на месте. В Иркутске в 1682 г. была утверждена должность казенного прядильщика, которую занял казак Г. Демьянов.¹¹⁸ Позже эту должность занимали промышленные люди.¹¹⁹

Так как в Нерчинске казенной прядильни не было, то необходимые для судоходства веревочные изделия закупались вначале у приезжих людей, а в XVIII в. – у местных жителей, которые стали сеять коноплю. Один из них – нерчинский казак Г. Гантимуров в 1715 г. продал в казну пол-пуда, а казак И. Фомин – 2 пуда конопли.¹²⁰ Купленная конопля была отдана местному бечевщику казаку Д. Костромитину, который из нее «спускал на своем заводе» бечевы для «государевых дощаников».¹²¹

Развитие судостроения, канатно-веревочного производства, а также производство прочной тары (бочек и кадей) подразумевало развитие в обоих уездах *смолокурения*.

К сожалению, наши сведения о развитии этой разновидности лесохимического промысла чрезвычайно скудны и ограничиваются отрывочными упоминаниями о казенных закупках смолы для заливки и заварки винных бочек на кружечных дворах. В числе поставщиков смолы на казенные нужды в обоих уездах упоминаются промышленные и служилые люди. Судя по данным расходных книг таможенных и кружечных дворов, социальный состав продавцов для каждого из населенных пунктов был разным: в Иркутске в конце XVII – начале XVIII вв. основными поставщиками смолы были промышленные люди,¹²² в Нерчинске роль поставщиков смолы со служилыми людьми делили промышленные люди,¹²³ в Удинском остроге в 1704-1711 гг. поставки смолы осуществлялись преимущественно служилыми людьми.¹²⁴

Первые сведения *о кирпичном деле* в Иркутске и Нерчинске относятся лишь к началу 80-х гг. XVII в. и связаны с работой местных кирпичников, выполнявших казенные заказы: кладку печей, горнов, погребов и т.д.

В конце XVII – начале XVIII в. потребность в кирпиче в городах Восточной Сибири сильно возросла, в связи со строительством каменных зданий. Еще в конце XVII в. сибирское купечество неоднократно жаловалось властям на отсутствие в сибирских городах каменных зданий для хранения товаров и на плохое оборудование гостиных дворов. Например, в 1686 г., несмотря на взимание с торговых людей в Иркутске «избных и полавошных денег», гостинный иркутский

двор не имел казенных лавок и торговцам приходилось «лавки кортомить у разного чину людей». Жилая же изба на гостинном дворе, хотя и была выстроена, но, по отзывам купцов, «...жить... в той избе бывает стужа».¹²⁵

Жалобы купцов мало интересовали правительство. Но, когда государство наладило караванную казенную торговлю с Китаем, оно постаралось устранить непорядки в обслуживании, которые могли нанести серьезные убытки казне. Иркутскому воеводе И. Николеву была прислана грамота, предписывающая построить каменный гостинный двор в Иркутске.¹²⁶ В 1699 г. распоряжение о постройке «каменного гостинного двора, анбара и приказной избы» было получено в Нерчинске.¹²⁷

Значительное для своего времени строительство потребовало много строительного материала и, в первую очередь, кирпича и камня. Первоначально иркутские и нерчинские власти намеревались делать кирпич, «приискивать камень и известь» с помощью гулящих и ссыльных людей. Но эта затея окончилась неудачей. Ссыльные заявили, что делать кирпич не умеют, а низкие расценки работы не удовлетворяли гулящих людей, которые «от этого кирпичного строения... разбрелись на Лену и в иные разные города».¹²⁸

Однако, руками местных кирпичников в уездах все же было налажено производство кирпича, необходимого для строительства. Еще в конце XVII в. среди кирпичников Иркутска наибольшей известностью пользовались казаки К. Ермолин, Д. Чечигин, И. Апрелькин,¹²⁹ а в Нерчинске – казаки Е. Евдокимов, А. Червяков, И. Барабанщик, И. Балахнин, Ф. Дворянинов, И. Полуполтинов.¹³⁰

Кирпичники, как правило, совмещали изготовление кирпича с поделочными работами из этого кирпича. Крупные работы выполнялись артелями, во главе которых стояли мастера. Кирпичные работы, как и изготовление кирпича, были дорогими. Так, например, в 1701 г. за 1000 штук кирпича в Нерчинске платили 5 руб.¹³¹ Поэтому власти стремились не покупать кирпич, а строить казенные кирпичные «заводы». 5 сентября 1701 г. в числе «казенных иркутских расходов к каменному строению на всякие припасы» была зафиксирована выдача 16 руб. 50 коп. плотникам, соорудившим «большой кирпичной сарай» и «шатер» «над обжигальной большою кирпичною печью».¹³² 19 сентября печь начала действовать, так как с этого времени в книге «казенных иркутских расходов» была отмечена закупка дров «для обжигания кирпичей» у служилых и посадских людей Иркутска.¹³³

Вышеизложенная информация могла свидетельствовать о наличии достаточно крупного казенного кирпичного «завода», работающего с

использованием наемной рабочей силы и способного обеспечить казенные нужды Иркутска. Но, даже подготовив строительный материал, местные власти встретились с новым затруднением – отсутствием каменщиков. 7 января 1699 г. сын боярский И. Перфильев писал, что в Иркутске каменное строение делать некому, потому что нет мастеров. В ответ были посланы два «каменных мастера».¹³⁴ В 1704 г. «за каменную работу» один из них, Л. Бишев, был поверстан в рядовые пешие казаки, а другой, С. Скороговоров, стал десятником пеших казаков.¹³⁵

В Иркутском и Нерчинском уездах каменное строительство делало в начале XVIII в. лишь первые шаги. Его инициатором выступала казна, но организация работы, в известной мере, обеспечивалась служилыми людьми.

В Нерчинске во втором десятилетии XVIII в. казенное производство кирпича налажено не было вообще, и нерчинские сметы этого времени содержали сведения о закупке подрядного кирпича.¹³⁶ В начале XVIII в. подрядным кирпичом планировалось обеспечить в Нерчинске строительство каменных зданий. В 1702 г. взял заказ на поделку «с обжегом» 150 тысяч кирпича нерчинский конный казак А. Червяков с артелью из 13 человек. Очевидно, А. Червяков имел свой кирпичный «завод». За работу, «опричь возки кирпича из сараев в город», за каждую тысячу «было ряжено» по 2 руб. 60 коп. Кроме того, сверх каждой 1000 штук артельщики делали лишних 50 кирпичей. (Таким образом, всего они должны были изготовить 150 тысяч 750 кирпичей). Для работы «наперед» им было выдано 209 руб. Остальные 181 руб. планировалось заплатить при окончательном расчете.¹³⁷

Судя по объему заказа, сумме денег, численности артели, состоящей из специалистов и неспециалистов-кирпичников, работающих, несомненно, с разделением труда, а также поставке по подряду готовой продукции казне, речь могла идти о наличии простой капиталистической кооперации, которая при благоприятных условиях (дальнейшем расширении каменного казенного и частного строительства, наличии необходимого числа наемных работников и т.д.) имела потенциальные возможности перерасти в капиталистическую мануфактуру.

Производство пищевых продуктов

Говоря об участии служилых людей в производстве пищевых продуктов, прежде всего, следует отметить *мукомольный* промысел. В Предбайкальской части Иркутского уезда большинство мельниц принадлежало крестьянским хозяйствам. Но в Забайкальском районе

Иркутского уезда и в Нерчинском уезде мельничный промысел преимущественно находился в руках служилых людей.

Большинство мельниц были водяными и строились не только из расчета обслуживания нужд своего хозяйства, но и из расчета помола зерна посторонним («сторонним») людям и выполнения казенных заказов. Так, в 1699/1700 гг. казак В. Гришаев обмолачивал на своей мельнице казенный солод.¹³⁸ В 1714 г. конные казаки В. Кожевников и А. Ерилов обмолотили на своих мельницах в общей сложности 693 пуда зерна, выручив за это 3 руб. 46 коп.¹³⁹ В 1715 г. по заказу кружечного двора нерчинский десятник М. Савватеев обмолотил «на винное курение» 100 пудов 10 фунтов зерна,¹⁴⁰ в 1717 г. иркутский сын боярский П. Юринский для этих же целей обмолотил 1124 пуда, заработав 11 руб. 27 коп.¹⁴¹ В начале 80-х гг. в Албазине работала мельница сына боярского Ф. Бурдаковского.¹⁴²

Мукомольный промысел облагался оброком, причем, наибольший по объему вносили служилые люди по отчеству. Например, в 1705 г. в Иркутском уезде сын боярский И. Перфильев платил с мельницы 2 руб. оброка, столько же платил в 1715 и 1716 гг. другой представитель той же семьи детей боярских – Ф. Перфильев.¹⁴³ В 1714 г. оброк, вносимый с мукомольного промысла сыном боярским П. Юринским, составил 5,5 руб.¹⁴⁴ или на 10 коп. меньше, чем оброк, вносимый в Иркутске известным предпринимателем и торговцем И. Ушаковым, у которого на двух мельницах обмолачивалось до 9 тысяч пудов хлеба. Крупные заказы по обмолоту муки у служилых людей по отчеству и суммы оброка – прямое свидетельство привлечения дополнительной рабочей силы как наемных, так и феодально-зависимых людей. Оброк, вносимый с мельниц служилыми людьми по прибору, чаще всего не превышал 25 коп. в год.

Степень распространения мукомольного промысла зависела, в первую очередь, от развития пашенного земледелия. Оно же определило развитие и другой, связанной с переработкой хлеба, отрасли производства – *винокурения*.

Монополия продажи вина в Сибири, как и во всей России, находилась в руках казны. Частное пивоварение разрешалось лишь в исключительных случаях и подлежало обязательному обложению налогом в виде так называемых «явчих пошлин с пив и браг». Лица, задержанные в связи с тайным винокурением или безъявочным варением пива, карались конфискацией продукции, соответствующего оборудования, штрафом, а иногда и тюремным заключением.

Однако никакие, даже самые строгие меры, не могли искоренить тайного винокурения и пивоварения, чему способствовала слабость

административного надзора в больших сибирских уездах, дороговизна «государева вина» и уж, конечно, процветавшая система взяточничества. Поэтому тайное винокурение (корчемство) и частная продажа вина были распространенным явлением в сибирской практике.

В начале 80-х гг. XVII в. воевода Воейков, хотя и обнаружил в Нерчинске виновников тайного винокурения, но взять с них «пени» так и не смог, потому что «те люди без отпуску бежали в Албазин, а ...албазинские казаки были ему не послушны»¹⁴⁵ и широко практиковали винокурение в своих хозяйствах. Как сообщали в 1676 г. в Нерчинск албазинские крестьяне, «албазинские казаки, переменяючись почасту, бывают у них в прикащиках и на курия вина и на варя пив обирают их на те вина и пива допоследу».¹⁴⁶ Одним из таких нарушителей был албазинский казак И. Перелешин, кутивший на своей заимке, на усть Урки-реки вино «беспременно».¹⁴⁷ Регулярно занимался винокурением, продажей вина и иркутский сын боярский П. Арсеньев, поставивший незаконное винокурение на широкую ногу. Он имел три «винных привода», и у него иркутские казаки, «не польстясь на большие посулы, трижды вынимали винокуренную посуду».¹⁴⁸

Приказчик Баргузинского острога сын боярский Г. Турчанинов тайно курил вино с помощью четырех работников, в том числе трех наемных, для продажи его на месте и в Еравненском остроге.¹⁴⁹

Официально заниматься винокурением и пивоварением служилые люди могли в двух случаях: как поставщики вина на казенные кружечные дворы и как откупщики - подрядчики.

Первоначально в Иркутский и Нерчинский уезды вино присылалось из европейской части страны, а затем — из Тобольска. С постройкой в 1681 г. казенной винокурни в Енисейске,¹⁵⁰ вино стало поставляться из Енисейска. Однако, вследствие периодической нехватки хлеба, енисейская винокурня не обеспечивала «по вся годы» кружечные дворы Иркутского и Нерчинского уездов. Поэтому казна прибегала к помощи подрядчиков, в числе которых одно из первых мест занимали торговые люди Ушаковы.¹⁵¹ Среди более мелких поставщиков вина известную роль играли служилые люди иркутского гарнизона.

Согласно условий договора, подрядчики должны были варить вино высокого качества «без пригори, без ахули» и по определенной цене поставлять его (чаще всего в своей таре) на кружечный двор. Поскольку приготовление вина было делом дорогим (требовало наличия соответствующего оборудования и хлеба), винные подряды были по плечу наиболее обеспеченным представителям гарнизона: детям боярским и служилой верхушке. В 1681 г. иркутский пятидесятник К. Федоров вместе с И. Ушаковым поставили 50 ведер вина.¹⁵² В 1695 г.

иркутский сын боярский И. Перфильев вместе с посадским человеком С. Максимовым поставили 400 ведер.¹⁵³ В следующем 1696 г. дети боярские И. Перфильев и Е. Курдюков поставили 300 ведер вина.¹⁵⁴

В 1700 г. в Нерчинске была построена казенная винокурня. Ее работа обеспечивалась в основном за счет покупного у местных жителей и поставок подрядного хлеба. В Таблице 13 (См. главу IV) представлены объемы партий хлеба, продаваемого местными служилыми людьми (десятьниками и рядовыми казаками) в 1699-1700, 1701, 1703 гг. Величина такой сделки колебалась от 0,25 четв. до 67,25 четв.

В отличие от винокурения, пивоварение, как и производство кваса, рано стало предметом откупа. Как правило, в начале на откуп брались казенная баня и продаваемый при бане квас. Но вследствие того, что под видом кваса в продажу нередко поступало пиво (за этим трудно было уследить), власти в конечном счете стали сдавать на откуп квас и пиво.

Участвовать в откупной системе, также как и в подрядах, требующих наличия известных капиталов, из числа служилых людей могли главным образом служилые люди по отчеству или разбогатевшие служилые люди по прибору.

До конца XVII в. пивные и квасные откупа были в Иркутском уезде монополией конкурирующих между собой предпринимателей и торговых людей Ушаковых, Пивоваровых, Гаевых.¹⁵⁵ В 1701 г. дети боярские селенгинского гарнизона, повысив сумму откупа со 130 до 200 руб., «из наддачи» добились получения «квасных» в Ильинске, Кабанске, Удинске, перехватив выгодный откуп у сольвычегодских торговцев Пивоваровых. Откупные суммы распределялись следующим образом: за ильинский квасной откуп – 61 руб. 29 коп., за кабанский – 61 руб. 28 коп., за удинский – 77 руб. 43 коп.¹⁵⁶

С начала XVIII в. в Предбайкальской части Иркутского уезда пивными и квасными откупщиками становятся преимущественно служилые люди, исполняющие одновременно функции приказчиков в острожках. Подобное явление было распространено и в других уездах Сибири.¹⁵⁷ В 1701-1705 гг. верхоленский квасной откупщик сын боярский Ф. Клепиков платил в казну ежегодно откупных 50 руб.¹⁵⁸ В 1702 г. енисейский сын боярский С. Карпов, будучи приказчиком Баргузинского острога, получил право «держатъ пиво и продавать его повольною ценою» в течение 3-х лет, за что вносил ежегодно 30 руб. откупных.¹⁵⁹ В 1704 г. идинский квасной откупщик сын боярский Ю. Крыжановский платил 15 руб.¹⁶⁰ В 1716 г. иркутским квасным откупщиком был дворянин П. Медведев, который внес 380 руб.

годового откупа, а сменивший его в 1717 г. дворянин А. Рупышев через своих приказчиков И. Гранина и И. Заозерского за полгода внес 200 руб. В том же году в Идинском остроге квасным откупщиком был сын боярский И. Толстоухов, в Бельском – С. Рышков, в Верхоленском – казачий сын А. Дубина, в Баргузинском – сын боярский А. Турченинов. С «Заморских» - Селенгинского, Ильинского, Кабанского острогов, с Кудинской, Кударинской, Колесниковой, Юговой слобод и деревень квасной откупщик конный казак И. Дунаев вносил 419 руб. 50 коп.¹⁶¹ В Удинском остроге еще в начале XVIII в. «квасная баня» была на откупе у «разного чину служилых людей», которые в 1704, 1705 гг. вносили в казну ежегодно по 77 руб. 45 коп.¹⁶² С 1 декабря 1706 г. удинскую «квасную баню» не стали отдавать на откуп, поручив торговлю в ней пивом «верным целовальникам» из числа посадских и служилых людей.¹⁶³

В отличие от иркутского, нерчинское пивоварение не отдавалось на откуп вплоть до 1715 г. Это видно из того, что затраты на пивоварение, наряду с затратами на винокурение, вносились в сметы кружечных и таможенных дворов. Продажа пива, как и вина, поручалась в Нерчинске «верным целовальникам», которые выбирались чаще всего из числа служилых людей. Что касается острожков Нерчинского присуда, то в них практика квасных и пивных откупов была обычным явлением, а в роли откупщиков выступали, также как и в других уездах, преимущественно служилые люди разных чинов. С 1703 по 1708 гг. откупщиком пива в Еравненском острожке был сотник П. Игнатьев, в 1708-1711 гг. в Аргунском остроге – конный казак С. Кожевников, в 1711-1715 гг. в Читинском и Теленбинском острогах – сын боярский Л. Шестаков, в 1711 г. в Куенской и Алеурской деревнях – отставной казак А. Дунаев, в Урулгинской слободе – пеший казак С. Колобов.¹⁶⁴

Так как в начале XVIII в. в Нерчинском уезде на казенные нужды все еще не хватало хлеба, то откупщики могли платить в счет откупных платежей не деньги, а хлеб. В 1711 г. откупщик Урулгинской слободы пеший казак С. Колобов внес вместо 10 руб. – 230 пудов хлеба,¹⁶⁵ а квасной откупщик Кучидской деревни казак М. Хилинов – вместо 3 руб. – 50 пудов хлеба.¹⁶⁶ Хлеб для пивоварения откупщики частично получали из своих хозяйств, а частично скупали у местного населения.

Подавляющее большинство винных и пивных откупщиков, подрядчиков, «корчемников» использовали в большей или меньшей степени наемный труд. Среди наемных работников были винокуры, пивовары, браговары. Возка воды, дров, льда для производства «питий»

обеспечивалась также подсобными наемными работниками или трудом феодально-зависимых людей.

Пивоварение, винокурение требовали много *солода*. В Нерчинском уезде опытные солодовщики встречались преимущественно среди служилых людей. Неоднократно получал заказы «растить солод» нерчинский пеший казак С. Сажин. В 1701 г. ему специально для этих целей было выдано из казны 412 пудов зерна. «От рашения и помола солода» Сажин получил с пуда по 7,5 коп. – всего 27 руб. 81 коп.¹⁶⁷ Иногда служилые растили солод на продажу. В 1701 г. четверо из них продали в казну 181 пуд. 30 фунтов рощеного (частично обмолоченного солода) на сумму в 53 руб. 83 коп.¹⁶⁸ В 1706 г. служилые продали 335 пудов солода.¹⁶⁹ Все они имели пашенные оклады и, по-видимому, растили солод из зерна, полученного в своем хозяйстве.

Характерным для служилых людей видом занятий был *мясной промысел*. Роль служилых людей-мясников в Иркутском уезде была особенно заметной в 90-е гг. Согласно данным «выписи» из иркутских таможенных книг, в которых фиксировался забитый мясниками скот, с 20/VI-1694 по 12/X-1697 гг. 6 иркутских казаков и 1 брат казака забили на продажу 347 голов рогатого скота на сумму в 407 руб. 30 коп. В то же время 7 посадских¹⁷⁰ и 6 промышленных людей забили только 169 голов на сумму в 224 руб. 50 коп.¹⁷¹ Таким образом, хотя в данное время мясники из служилых людей и уступали по численности мясникам из посадских и промышленных людей, вместе взятым, но превосходили последних по объему торговых операций почти в 2 раза. Среди иркутских служилых людей, торговавших мясом, выделялись казаки А. Сергеев и Д. Лаврентьев. Первый в период с 20/VI-1694 по 12/X-1697 гг. забил и продал 134 головы рогатого скота на сумму в 142 руб. 50 коп.¹⁷² Иркутский мясник казак П. Студеницын имел «на посаде... против квасные – харчевню, с которой вносил по вся годы оброк 50 коп».¹⁷³

В других острогах, подведомственных Иркутску, источники называют имена селенгинских и удинских мясников, среди которых в 70-е – 80-е гг. XVII и в начале XVIII вв. наиболее известными были казаки В. Андреев, А. Васильев, Афанасий и Сафрон Томские, И. Шадрин, П. Ленев, И. Трошин.¹⁷⁴

Так как доходы от торговли мясом у нерчинских служилых людей были скромнее чем у иркутян, то они нередко сочетали продажу мяса с продажей рыбы, которую скупали у местных промысловиков или ловили ее сами.

На протяжении не одного десятка лет наиболее известными в Нерчинске мясоторговцами считались представители семьи Стуковых.

В 1706 г. казаки Семен и Дмитрий Стуковы имели лавки в Нерчинске, из которых торговали мясом и рыбой. Годовой оборот С. Стукова от продажи мяса и рыбы по подсчетам нерчинской таможи в 1706 г. составил 42 руб. 50 коп., а Д. Стукова – 28 руб. 50 коп. Пошлина с промысла, которую заплатил С. Стуков (по алтыну с рубля), составила 1 руб. 26 коп., а Д. Стуков – 85 коп. Кроме того, мясники платили с головы купленного ими скота «роговое» (2 алтына), а с цены скота за продавца – десятую (гривну с рубля).¹⁷⁵ В 1714, 1715 гг. Д. Стуков успешно продолжал торговлю мясом и рыбой, а промысел умершего Семена Стукова продолжил его племянник Михаил Стуков. Последний в 1714 г. скупил у нерчинского сына боярского Н. Лоншакова, а также у казака Г. Куделина и промышленника А. Кубина 23 пуда свежих «ленков, хариусов, осетриков» и 2 бочки соленого омуля по нерчинской таможенной оценке – 8 руб. 70 коп.¹⁷⁶ В 1714 и 1715 гг. братья Михаил и Дмитрий Стуковы забили и продали купленных ими 74 головы рогатого скота на сумму в 48 руб. 28 коп.¹⁷⁷

Не менее заметной фигурой среди нерчинских мясников был С. Данилов, поверстанный из посада в казачью службу в 1711 г. В 1706 г. он имел лавку. Годовой доход Данилова от продажи мяса и рыбы исчислялся в то время в 56 руб., а годовая пошлина – 1 руб. 70 коп.¹⁷⁸ Занимался С. Данилов и «харчевой перекупкой».¹⁷⁹ В числе казаков, торговавших мясом, следует отметить и пешего казака Михаила Щеголева с братом Борисом. Последние сочетали торговлю мясом и рыбой с обслуживанием караванов за рубежом, куда гоняли скот, лошадей и куда вывозили купленную пушнину. В 1711 г. казак М. Щеголев купил за 17 руб. лавку, конфискованную «за таможенный начет» у бывшего иркутского таможенного головы Г. Артемьева.¹⁸⁰ В 1714 г. Борис и Михаил Щеголевы побывали за рубежом в Наунских селах, откуда вывезли небольшую партию товаров, состоящую из нескольких даб «средней и малой руки», 4 концов китайки, воска, перца и бахчевого чая.¹⁸¹ Деньги, вырученные от продажи, Щеголевы пустили в оборот. В этом же году Борис «явил» деньги на покупку скота и рыбы,¹⁸² в следующем году скупал скот и рыбу Михаил.¹⁸³

Иркутские документы таможенного делопроизводства 90-х гг. XVII в. не сообщают о торговле иркутскими мясниками скотом, выращенным в их собственном хозяйстве или, как тогда говорили, «доморощенным» скотом. Будучи тесно связанными с рынком, иркутские мясники либо сами, либо через своих поверенных закупали скот на иркутском рынке у торговцев или на территории уезда, и в этом случае платили в таможне пошлину за продавцов и «роговое».

Что касается нерчинских мясников, то в пору расцвета нерчинской караванной торговли они также, как и иркутские, скупали скот и в уезде и у пригонявших его торговцев. Но с перенесением караванного пути в Селенгинск (1703 г.) потребности Нерчинска в мясопродуктах сократились, и в мясном нерчинском промысле известную роль стал играть «доморощенный» скот. Поэтому нерчинские мясники нередко имели в своих хозяйствах значительное количество крупного и мелкого рогатого скота, который периодически забивался. В 1714 и 1715 гг. из 102 голов скота, пригнанного «на убой» нерчинскими служилыми людьми-мясниками, «доморощенных» было 42 головы, из 62 голов скота, забитых мясниками – посадскими людьми, «доморощенных» было 18. Из 18 голов, явленных «на убой» промышленниками, 6 были «доморощенными».¹⁸⁴

Мясники торговали не только *мясом*, но и *животным сырьем*. «Книги записные расходные таможенных и кружечных дворов» содержат сведения о мясниках – служилых людях Иркутска и Нерчинска, как об основных поставщиках говяжьего жира, из которого делались свечи. В 1703 г. нерчинская казна закупила у них в общей сложности 16 пудов 30 фунтов говяжьего жира за 14 руб. 79 коп.,¹⁸⁵ в 1706 г. – 21 пуд 4 фунта за 19 руб. 64 коп.,¹⁸⁶ в 1714 – 1715 гг. – 41 пуд 37 фунтов за 8 руб. 80 коп.¹⁸⁷ Одновременно делались закупки жира на свечи к рудному промыслу (согласно сметы 1714 г., из Нерчинска в Аргунск было отправлено для производства свечей 54 пуда 30 фунтов говяжьего жира).¹⁸⁸

Некоторые мясники сами изготовляли сальные свечи. К их числу можно отнести казаков Удинского острога И. Шадрина и Д. Ленева. В Нерчинске брал заказы на изготовление свечей в приказную избу мясник и пеший казак С. Сажин. В 1701 г. у него было куплено в казну в общей сложности 1000 свечей.¹⁸⁹

Из сказанного выше следует, что вряд ли мясники, закупавшие десятки голов рогатого скота, скупавшие рыбу, имевшие лавки, могли обходиться без наемного труда, силами только семейной кооперации или «складничества» с другими мясниками, в том числе и родственниками (подобно братьям Стуковым).

Торговля мясом требовала владения «скотскими бойницами», на которых забивался скот, погребами, ледниками, лавками, прилавками в мясном или рыбном рядах. Кроме того, некоторые из мясников совмещали мясной промысел с мыловарением, кожевенным делом, свечным промыслом, зарубежной торговлей. Это сложное хозяйство, наверняка, подразумевало использование наемного труда.

Солеварение

Зачинателями *соляного промысла* в Иркутском уезде был казачий пятидесятник Анисим Михалев с племянниками Яковом, Матвеем и Филиппом Михалевыми.¹⁹⁰ В 1669 г. Михалевы документально оформили свое право на владение Усольем, расположенным «вниз по Ангаре» в 67 верстах от Иркутска. Они получили «данную на два острова с соляными пожиланами» и земли «на матерых берегах» Ангары-реки «под пашню и под покосы, и темные леса для дровяной рубки к соляному варению».¹⁹¹ За право пользования Усольем Михалевы обязывались вносить в казну пятинную соль, т.е. пятую часть ежегодной соледобычи.

Стремясь расширить дело, Михалевы привлекли к участию в нем посадских людей С. Семенова и А. Куроптю, известных в Иркутске кузнецов, совместно с которыми построили новую соляную варницу еще больших размеров и кузницу, обслуживающую Усолье.

В течение 10 лет (с 1671 по 1681 гг.) совладельцы внесли в казну 563 пуда пятинной соли, выварив, таким образом, не менее 2800 пудов¹⁹² или 280 пудов в год. Соль поступала в продажу, прежде всего, на иркутский рынок, в известной мере обеспечивая его нужды, а также на окладные расходы. Кроме солеварения, Михалевы занимались земледелием, скотоводством и рыбным промыслом. Многоотраслевое хозяйство, несомненно, требовало привлечения дополнительной рабочей силы – солеваров, «подварков», дровосеков и др.

В 1680/1681 гг. Усолье с постройками и со всеми угодиями было продано гостиной сотни Ивану Ушакову, который заплатил за него 510 руб. Из этой суммы 350 руб. получили Михалевы, 90 руб. – А. Куроптя, 70 руб. – С. Семенов.

В конце 20-х гг. XVIII в. соляной промысел был связан с именем служилого человека – подрядчика сына боярского И. Пивоварова. В начале 30-х гг. после смерти Пивоварова его жена «ставила соль по контракту своим коштом... в казенные амбары по 10 копеек за пуд».¹⁹³

В 1670 г. началась выварка соли под Селенгинском.¹⁹⁴ Как и под Иркутском, инициатива ее добычи принадлежала местным казакам, что и подчеркивалось в 1671 г. селенгинским приказчиком И. Поршенниковым, который писал в Енисейск, что «казаки варят соль в котлах и той солью прокормились».¹⁹⁵ В 1690-х гг. соледобычей под Селенгинском занимался казак В. Веснин. В 1694 г. он внес в казну 50 пудов, в 1704 г. – 280 пудов пятинной соли, т.е. столько, сколько вносили в год в казну Михалевы, что косвенно могло свидетельствовать об известной тождественности величины того и другого соляного промыслов. В 1695 г. казна заняла у Веснина 200 пудов соли.

Одновременно Веснин выступил как хлебный подрядчик. Только в 1687 г. он закупил 1890 пудов хлеба, выполняя очередную хлебопоставку в казну.¹⁹⁶

В Нерчинском уезде в соледобыче участвовало большее число служилых людей, чем в Иркутском, вследствие того, что соль добывалась в районе, близком от «мунгальских кочевий», и ее промысел было невозможно отдать на откуп какому-то определенному лицу.

Хотя соль мог промыслить любой, «кто похочет», многих останавливала небезопасная дорога, преодолевать которую нужно было с великими предосторожностями. Их перечень подробно расписывался в наказных памятях, вручаемых руководителям ежегодно отправляемых соляных караванов. Вот отрывок одной из них, датируемой 1715 г., но схожей по содержанию с наказными памятями XVII в.: «ехать тебе (т.е. начальному человеку – Г.Л.) со служилыми людьми... для взятья соли для домашней нужды...Выбрать есаулов, добрых, для наряду и осмотру обозу и караулу...Набрав те соли, ехать назад безо всякого мотчания в одном караване с великой опасностью и бережением, чтоб малыми людьми, покиня обоз, наперед никто не уезжали, а усталые и ленивые лошади от обозу не отставали. Или у кого телега испортится, и тех людей обозом дожидались».¹⁹⁷

Видимо, этими сложностями доставки и можно было объяснить периодическую нехватку соли в Нерчинске и случаи ее привоза (хотя и редкие) из Илимского и Иркутского уездов.

Назначение добываемой служилыми людьми соли – «для домашней нужды» определялось их челобитьями. Поскольку солеснабжение служилых людей Нерчинского уезда предоставлялась им самим, соль не фиксировалась в окладных книгах соляного жалования. Но при ее продаже она подлежала таможенному обложению, что доказывается сохранившимися «книгами пошлинного платежу с соляных озер всяких чинов». Например, в 1708 г. служилые в 25 явках предъявили 193 пуда соли, заплатив в таможеню 38 пудов 28 фунтов. Промышленные, посадские люди и крестьяне в 40 явках предъявили 276 пудов и заплатили в таможеню 54 пуда соли.¹⁹⁸ Т.е. все категории нерчинских жителей внесли в казну 5% от добытой и привезенной ими соли.

Одним из ранних хозяйственных занятий служилых людей был *рыбный промысел*. Часть служилых людей ловили рыбу только «про свой обиход», другие – еще и на продажу.

Лица, постоянно занимавшиеся рыбным промыслом, брали богатые рыбные ловли на откуп. В 1683 г. сбор со служилых и

промышленных людей-откупщиков рыбных ловель в устье Иркута составил 20 руб. 50 коп.¹⁹⁹ Некоторые рыбные ловли эксплуатировались служилыми людьми при условии выплаты ими оброка.

Промышлявшие рыбу, ловили ее чаще всего артелями. Существование некоторых артелей в течение нескольких лет свидетельствовало о профессиональном занятии рыбным промыслом. Например, деятельность артели иркутских казаков К. Могулева, И. Варкина и посадского человека Я. Кононова прослеживается по сметам с 1693 по 1704 гг.²⁰⁰ Причем, казак К. Могулев не оставил рыбный промысел по выходе в отставку. Артель брала на откуп рыбные угодья в районе устья Иркута, видимо, вблизи от пашен, которые были отведены казакам вместо хлебного жалования.

Столь же постоянным дополнительным занятием был рыбный промысел и у нерчинских казаков М. Леонтьева, который промыслял с помощью членов семьи и поставлял на рынок соленую рыбу, и Ф. Тобола, промыслявшего осетров на Селенге, где их солил, а затем привозил для продажи в Нерчинск.²⁰¹

Служилые люди по прибору, занимавшиеся рыбной ловлей, как правило, добывали рыбу в одиночку, либо объединяясь в артели с «разного чина людьми». В указанном выше примере в артель объединились двое казаков (позже 1 ушел в отставку) и посадский человек. В 1697 г. одна из артелей, зарегистрировавшая в нерчинской таможене 24 пуда «линьков просольных» на сумму 12 руб., состояла из удинского отставного стрельца, брата казака и двух промышленных людей.²⁰²

Промысел рыбы, ради ее продажи, среди служилых людей по отечеству был развит слабее, чем среди казаков, причем гарнизонная знать и примыкавшая к ней часть обеспеченного казачества сочетала этот промысел с пушным, и в том и другом вариантах используя труд своих дворовых и наемных людей. В 1699 г. нерчинский казак С. Луговской, ставший впоследствии сыном боярским и дворянином, предъявил почти одновременно в таможене 3 бочки соленого омуля «своего промысла», привезенного с Селенги и 3000 «белых» шкурок, которые были «испромышлены» вместе с сыном боярским С. Сенотрусовым,²⁰³ разумеется, их наемными покрученниками. Деньги, полученные от продажи рыбы, нередко использовались на покупку мехов, которые служилые затем вывозили для продажи в другие города Сибири, а также к «Руси» и за рубеж.

Рассмотрев участие служилых людей в ремеслах, промыслах и связанных с ними торговых операциях, подведем некоторые итоги.

Судя по имеющимся у нас источникам, среди служилых людей изучаемых уездов были специалисты по: металлообработке (кузнецы, оружейники, котельники), обработке животного сырья (кожевники, мыловары, свечники, скорняки), деревообрабатывающей (плотники, столяры и пр.), строительной (кирпичники, каменщики), пищевой (мясники, пивовары, солодовщики, мукомолы, солевары) и других отраслей производства. Занимались служилые люди добычей пушнины и рыбным промыслом.

Таблица 18.

Служилые – ремесленники	Нерчинск	Иркутск	Удинск	Селенгинск
Кузнецы, в том числе бронники	13	5	-	6
Мыловары	1	2	-	-
Свечники	1	-	2	-
Кожевники	3	4	1	-
Скорняки	5	-	-	-
Кирпичники	6	3	-	-
Каменщики	-	2	-	-
Столяры, плотники (в том числе судовые)	7	11	-	-
Бечевщики	1	1	-	3
Итого	37	28	3	9

Как показывают данные таблицы 18, в которой мы делаем попытку произвести подсчет служилых – ремесленников в основных городах Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII – начале XVIII вв., их насчитывалось 77 человек, причем приводимое нами число занижено, вследствие эпизодичности источников. Кроме того, в таблице не учтены служилые, занимавшиеся промыслами: солеварением, заготовкой дров и строительных материалов, винными, пивными, квасными откупам, мукомольным, рыбным, пушным промыслами, продававшими хлеб, скот, рыбу, мясопродукты в казну и на местном рынке. Их число в несколько раз превзошло бы цифру подсчитанных в таблице ремесленников.

Учитывая, что даже в 1708 г. все посадское население Нерчинска составило 12 человек, можно сказать, что роль служилого элемента в развитии ремесла и промыслов еще в начале XVIII в. в Нерчинске продолжала оставаться ведущей. Подобное положение было в конце XVII в. в Селенгинске и в первом десятилетии XVIII в. в Удинске.

Лишь в Иркутске, где рост посадского населения в XVII в. был более заметным, служилые люди, обладавшие ремесленными специальностями, уступали численно ремесленникам из посада.

Преобладающая роль служилых людей – ремесленников в XVII – начале XVIII вв. не являлась спецификой только отдельных городов Иркутского и Нерчинского уездов. Численное преимущество служилых людей – ремесленников одно время наблюдалось в Тобольске, где в 1654/55 гг. они составили 48 человек, а ремесленники из посадских, гулящих и промышленных людей – 36 человек.²⁰⁴ В Якутске в XVII в. служилые вообще захватили все ремесленное производство в свои руки.²⁰⁵ Интересные сведения о соотношении отдельных категорий населения в ремесленном производстве в западно-сибирских городах приводятся Е. И. Заозерской.²⁰⁶ (Эти же данные использованы и в «Истории Сибири» при характеристике ремесла).²⁰⁷ Указывая, что характерной чертой сибирского ремесла раннего периода являлось его совмещение с другими занятиями, Е.И. Заозерская отмечала, что в Томске ремеслом занималось 39 посадских людей, 267 служилых людей и 18 крестьян, в Тюмени – 22 посадских человека, 110 служилых людей и 4 крестьянина, в Таре – 5 посадских, 98 служилых людей. Лишь в Енисейске и Верхотурье (также как и в Иркутске – Г.Л.) ремесленников из посадских было больше, чем из служилых людей.

Из этих фактов следует, что в некоторых сибирских городах на определенном этапе развития (преимущественно раннем, когда посадское население было малочисленным), ремесленники из числа служилых людей имели явное численное превосходство над другими категориями населения, обладавшими ремесленными специальностями и, прежде всего, посадскими людьми.²⁰⁸ Слабость посадов способствовала заметной роли, особенно местных служилых людей по отечеству, в винных, пивных и квасных откупах.

Анализ материала о развитии промыслов и отдельных отраслей ремесленного производства в хозяйствах служилых людей свидетельствует о работе на заказ, перерастании ремесла в мелкое товарное производство, использовании семейной кооперации и капиталистической мелкой кооперации. Можно констатировать и наличие у некоторых из служилых людей крупных предприятий – «заводов» в таких отраслях, как мыловарение, солеварение, пивоварение и винокурение, производство кирпича, не имеющих еще четко выраженных признаков мануфактуры, а представлявших лишь переходную форму от простой капиталистической кооперации к мануфактуре.

Имущественное положение и военный статус служилого во многом определяли характер рабочей силы, используемой в производстве и величину производства. Служилые люди, работавшие на заказ, были представлены казаками и пушкарями, имели специальности

кузнецов, медников, сапожников, столяров, частично плотников. Работали они по заказу частных лиц и казенных предприятий, используя свой материал или материал заказчика. Работа могла производиться с помощью членов семьи (семейной кооперации) без привлечения дополнительной рабочей силы. Подавляющее большинство служилых людей, работавших на заказ, избрав ремесло в качестве дополнительной специальности, не были связаны с хлебопашеством и получали хлебное жалование. Только нерчинский пятидесятник А. Кузнецов и несколько нерчинских плотников имели пашни.

Массовость плотницкого ремесла, потребности в кирпичных работах способствовали распространению в исследуемых уездах, так же как и во всей Сибири, практики подрядных артельных работ (особенно в судостроении и градостроении). Подрядчики, уставщики из числа служилых людей сколачивали артели, часто с участием служилых людей, для выполнения крупных казенных заказов на условиях найма, оплаты труда и даже выплаты жалования.

Служилые, тесно связанные с рынком, специализировались на производстве пищевых продуктов (заготовке мясопродуктов, солеварении, винокурении, пивоварении), обработке животного сырья (производстве кож, мыла), скорняжничестве, частично деревообработке, пушном и рыбном промыслах.

Социальный состав этих товаропроизводителей был представлен как служилыми людьми по прибору, так и служилыми людьми по отечеству. Однако, хозяйства тех и других были далеко неодинаковыми. В некоторых из них, преимущественно в хозяйствах рядовых казаков, работа производилась силами семейной кооперации. Им противостояли более зажиточные хозяйства детей боярских, гарнизонной верхушки и даже рядовых казаков (позже ставших детьми боярскими), в которых применялся труд наемных и крепостных людей. Использование дополнительной рабочей силы, а также значительного капитала способствовали созданию многоотраслевых хозяйств, совмещающих земледелие, ремесла, промыслы, торговлю. Накопление капитала создавало для таких лиц условия их участия не только в торговле на местном рынке и рынках других сибирских городов, но и за рубежом, о чем речь пойдет в следующей главе.

Глава VI

Участие служилых людей Нерчинского и Иркутского уездов во внутренней и внешней торговле

Характеризуя отдельные стороны хозяйственного развития Иркутского и Нерчинского уездов, отметим, что со второй половины XVII в. оба уезда стали втягиваться в сферу торговых взаимосвязей не только с другими районами Сибири, но и с европейской частью страны.¹

Грузопоток, движущийся в Востока на Запад, в значительной мере состоял из пушнины. Из европейской части России в Иркутск и Нерчинск шли ремесленные изделия. Предбайкальская часть снабжала Забайкальские районы Иркутского уезда и Нерчинский уезд хлебом. Из Иркутска, Верхолenska, Селенгинска в Нерчинск гнали скот. На местные рынки привозились пушнина, рыба, а в конце XVII в. стали поступать предметы сибирского и даже местного ремесла и промыслов (мыло, свечи, юхотные товары, посуда, слюда и др.). Развивающееся пивоварение требовало много хмеля, который поступал из Томска, Красноярска, Ильинска.

Успехи освоения русскими восточно-сибирских областей, создание там новых торговых центров способствовали перемещению из Западной Сибири в Восточную Сибирь основных внешнеторговых путей, соединяющих Россию с Монголией и Китаем, и установлению непосредственных торговых связей с этими странами через Забайкалье и Приамурье.

С развитием русско-китайского торгова через Нерчинск и Селенгинск значительная часть сибирских мехов стала высылаться за рубеж, откуда привозились китайские товары.

Каково же было участие служилых людей – одной из многочисленных категорий местного русского населения в торговле как внутренней, так и внешней?

Прежде чем рассматривать этот вопрос, коротко остановимся на характеристике некоторых положений торгового законодательства в отношении служилых людей.

Поскольку таможенная политика, равно как и история таможенного дела в Сибири, уже нашли достаточно полное отражение в исторической литературе, мы ограничимся лишь перечислением наиболее распространенных пошлин, которые обычно взимались со служилых людей. Главной из них была «десятая», введенная первоначально на пушнину и «на русские товары», а к 80-м гг. распространенная на предметы местного производства, с которых ранее

брали рублевую пошлину: соль, рыбу, хмель, пригнанный рогатый скот, лошадей, хлебные припасы, речные суда. Служилые, торговавшие перекупной мелочью, платили перекупную пошлину по 1 алт. (3 коп.) с рубля, а продававшие рыбу, мясо и прочий «харч» (с оборотом не более 2 руб. в день) – «полковое» - по 2 деньги (1 коп.) в день. Объем «пошерстной» пошлины, собираемой с покупателей «доморощенных» лошадей, составлял 6 денег (3 коп.), а «роговое» с продажи головы «доморощенного» скота – 12 денег (6 коп.). Платили служилые люди проезжие и торговые пошлины. С 1689 по 1693 гг., подобно остальным категориям населения, служилые вносили в казну «перекупную» десятую пошлину за китайские товары, пушнину и моржовую кость, а с 1698 г. по Новому Сибирскому уставу, вместо прежних пошлин, единый десятипроцентный сбор со всех товаров и денег, как ввозимых, так и вывозимых.²

Относясь поощрительно к побочным хозяйственным занятиям служилых людей, правительство еще в начале и середине XVII в. давало им небольшие льготы при уплате торговых пошлин. В 1601 г. сургутские служилые люди были освобождены от уплаты пошлин с торговли до 1 руб., верхотурские в 40-х гг. XVII в. освобождались от уплаты пошлин с двух первых рублей, полученных от продажи товара, енисейские в середине XVII в. – с мелочной торговли до 1 руб.³ Видимо, в течение какого-то времени не подлежала таможенному обложению и мелочная торговля служилых людей в Нерчинском и Иркутском уездах. Однако, уже в 80-х гг. XVII в. и в отдаленные юго-восточные уезды пришло распоряжение, по которому «те из ...служилых всяких чинов русские люди, которые учнут торговать...какими иными товары и мяхкою рухлядью, а к Москве тех товаров в отпуск не будет..., или кто учнет...продавать какую скотину лошади, коровы, овцы и бараны и иные всякие мелочные товары и хлеб и съестные припасы..., и с тех служилых людей и со всяких чинов людей...велено пошлины имать...против указа».⁴

Рассмотренный порядок таможенного обложения распространялся на служилых людей только в том случае, если они вели торговлю обычным порядком, т.е. в свободное от службы время. Однако, если служилые посылались в командировку, то при проведении торговых операций они пользовались известными льготами, которые предоставлялись им «для прокормления, проезду и разорения от дальней дороги». Какими были эти льготы?

Согласно таможенной уставной грамоте 1646 г., служилые люди могли беспошлинно провозить пушнину, товары и деньги на 50 руб. Товары и деньги, превышающие эту сумму, конфисковывались.⁵

В 1671 г. положение о беспошлинном провозе служилыми людьми товаров и денег, стоимость которых не превышала 50 руб., было подтверждено.⁶ Одновременно было снято ограничение с провоза товаров на сумму, превышающую 50 руб., при условии уплаты с разницы десятой пошлины. Указанное положение подтверждалось почти ежегодно: в 1673, 1674, 1675, 1677, 1680, 1682, 1684, 1685 гг.⁷ соответствующими грамотами. Вот как выглядело это напоминание в 1682 г.: «...и с енисейских всяких чинов служилых людей и с татар...пошлин с мягкой рухляди, которую они повезут к Москве также и некоторые товары с Москвы с собою привезут, с 50 рублей для их бедности до указа...имать не велено, против тобольских и иных сибирских городов служилых людей. А что у них той мягкой рухляди, которая будет в отпуску к Москве и которые товары с собою с Москвы привезут сверх 50 рублей,... и с тех служилых людей и со всяких чинов людей...велено пошлины имать против...указу».⁸ Это же положение сохранилось и в таможенных сибирских статьях 1693 г.⁹

Кроме таможенных льгот на провоз определенного максимума товаров или денег, служилые имели еще одно существенное право: освобождение от таможенных пошлин на деньги и товары, полученные ими в счет жалования. Например, отправляясь в Москву в 1697 г. «за казнами великого государя», нерчинский сын боярский Григорий Лоншаков вез с собой китайских товаров приблизительно на сумму в 275 руб. Из этой суммы пошлина бралась только с товаров, оцененных в 145 рублей., так как товар, стоимостью до 50 руб., освобождался от пошлины, а товар, стоимостью в 80 руб., был получен в счет жалования за 1694, 1695, 1696 и «впредь» за 1697 и 1698 гг.¹⁰

Положение о невзимании пошлин с товаров служилых людей стоимостью менее 50 руб. продержалось до 1698 г. В указанном году служилые люди, провожавшие караван в Китай, жаловались на сбор таможенных пошлин с товаров стоимостью менее 50 руб., отмечая, что «прежде для таких служеб и посылок с 50 рублей пошлин не бывало и не брали».¹¹ В этом же году с аналогичной жалобой обратились «сибирских розных городов» служилые люди, приехавшие в Москву с «соболиною ясашною казною», у которых «борошнишко отобрали в таможенню...для пошлин».¹²

Идя навстречу просьбам служилых людей, Сибирский приказ в таможенных статьях 1698 г. сохранил порядок беспошлинного провоза служилыми людьми товаров и денег во время их служебных командировок внутри страны, правда, заметно снизив льготную сумму: для служилых людей «ближних городов»: Верхотурья, Тюмени, Туринска, Пелыма пошлина бралась «на обе стороны», т.е. при проезде

в Москву и обратно, с товаров стоимостью выше 15 руб., а для служилых более «дальних городов» – 20 руб.¹³

При поездках служилых людей за рубеж «в Китай..., в Монголию и Калмыцкие улусы» сумма беспошлинного провоза товаров была снижена с 50 до 20 руб. Причем, это исключение делалось лишь для лиц, посылаемых по служебным делам. Указ гласил: «А которые торговые и служилые люди похотят из Селенгинска, Томска, Красного Яру, Кузнецка и Тары ехать в Китай, или в Мунгалы, или Калмыцкие улусы, и с товаров их русских иметь потому ж десятую; а приедут из тех земель, и с иноземских товаров иметь потому ж и в тех городах давать в таможенных на тот платеж выписи. В буде для служебных дел в те улусы будут посланы служилые люди и для проезду три или четыре человека повезут с собой товаров русских рублей по десять и по двадцать, и с них в оба конца пошлин не иметь для того, что им в таких посылках бывают великие нужды и издержки».

Более льготная сумма беспошлинного провоза товаров – до 30 руб., сохранялась для служилых Нерчинского уезда. Статьи 1698 г. о таможенном обложении товаров служилых людей, посылаемых за рубеж, были не сразу правильно поняты в порубежных острогах. Например, в Нерчинске таможенный голова П. Худяков по выходе из Китая каравана Спиридона Лянгусова вообще не собрал пошлин с товаров служилых людей, стоимостью менее 30 руб., чем вызвал большое недовольство Сибирского приказа, пославшего специальное разъяснение в Нерчинск, в котором оговаривалось, что в случае поездок за рубеж, право беспошлинного провоза товаров стоимостью до 30 руб. имеют лишь 3-4 человека, а с купчиною Спиридоном Лянгусовым в Китай выходило 100 служилых людей и что «таким многим людям пошлин поступаться...не довелось». Это же напоминание было включено и в состав «наказа», врученного в 1701 г. новому нерчинскому воеводе Бибикову.¹⁴

Однако, за служилыми, выходившими за рубеж в составе охраны, оставалось, как и прежде, право на освобождение от уплаты порублевой «отпускной» пошлины с товаров и денег, полученных в счет жалования, обязательной для любого другого участника каравана. Служилые, также как и торговые люди, могли по разрешению местных властей включать в состав караванов своих родственников, с которых взимался рублевый сбор.

Часть служилых людей занималась торговлей эпизодически, используя командировки. Для других служилых людей торговая деятельность была регулярным занятием.

К этой группе относились служилые, связанные с производством ремесленных изделий на рынок: кожевники, мыльники, скорняки, свечники и другие специалисты, о которых упоминалось в предыдущей главе.

Изделия иркутских служилых людей – мыльников находили рынок сбыта в Иркутске, а в 80-х гг. XVII в. пользовались спросом в Селенгинске, Нерчинске и Албазине.¹⁵ Иркутские кожевники, производившие юхотные товары, сбывали их как на местном рынке, так и за его пределами – в Удинске и Нерчинске, в которых производство высших сортов кож еще в начале XVIII в. налажено не было.

Большим спросом на местных рынках пользовались изделия скорняков. Нерчинские «тарбаганьи дахи», сшитые служилыми людьми, вывозились и в Западную Сибирь и в Китай. В XVII – начале XVIII вв. служилые люди, добывавшие соль, вывозили ее на продажу в Иркутск и Селенгинск.

С конца XVII в. на местных рынках появилась слюда, продаваемая служилыми людьми и промышленниками. Ее скупкой занимались служилые люди В. Барсуковский и Н. Бушковский. В 1695 г. последний купил у иркутского казака Л. Трифонова 20 пудов слюды за 16 руб. В том же году казаки и промышленные люди продали Бушковскому 56 пудов слюды. В сентябре 1695 г. из Иркутска в Тобольск и Томск вывезли 50 пудов слюды «своего промысла» тюменские и томские казаки.¹⁶ В 1696 г. 11 пудов слюды «своего промысла» продал отставной иркутский казак П. Максимов.¹⁷ В 1699 г. продавал слюду в Нерчинске селенгинский конный казак С. Тарасов.¹⁸ Имеются сведения, что в начале XVIII в. нерчинский атаман С. Тархов добывал слюду с артелью «тайно», чтобы не платить пошлину. Развитие земледелия способствовало вовлечению в рыночные операции служилых людей, занятых в сельском хозяйстве.

К сожалению, состояние источников не дает возможности проследить хлебные явки служилых людей на местном рынке. Но мнение администрации, что хозяйства служилых людей, «за которыми пашни есть», могут быть источником закупок хлеба, вполне очевидно. Такие закупки, с целью снабжения Нерчинского и Якутского уездов, неоднократно предпринимались на территории Иркутского уезда.¹⁹

Развитие винокурения требовало осуществления закупок хлеба и в Нерчинском уезде. Причем, как видно из таблицы 19, именно служилые люди по прибору еще в 1699/1700, 1701, 1703, 1714 гг. были наиболее многочисленной категорией местного населения, продававшего хлеб в

Нерчинскую казну. Им же принадлежали наибольшие партии продаваемого хлеба.

Что касается служилых людей по отечеству и некоторых обеспеченных казаков, то они предпочитали сами скупать хлеб у местного населения, либо выполняя выгодные казенные подряды, либо вывозя хлеб для перепродажи в районы, где хлебопашество было развито слабее.

Таблица 19²⁰

	Социальный состав продавцов	Число продавцов	Число явок	Объем продаваемого хлеба (в четвертях)
Служилые люди	Дети боярские	1	1	25
	Сотник	1*	1	10,25
	Пятидесятник	1	2	10
	Десятники и рядовые	143**	163	1991,75
	Отставные казаки	8	11	29,75
	Родственники казаков	8	8	94,25
	Итого:	162	186	2161
Не служилые люди	Пашенные крестьяне	20	20	135
	Посадские люди	11***	11	33,75
	Гулящие	43	43	148
	Промышленные	6	6	50,5
	Торговые	1	1	2
	Итого:	81	81	369,25
	Всего:	243	267	2530,25
* – сотник продавал хлеб вместе с казаком (в 1714 г.)				
** – в их числе один казак назван «перевозчиком»				
*** – в их числе один именуется «жителем» (1703 г.)				

Поэтому среди продавцов «своего» хлеба в казну служилые люди по отечеству встречались крайне редко, хотя в качестве перепродавцов и подрядчиков хлеба среди служилых людей их роль была ведущей. Из нерчинских служилых людей занимался перепродажей хлеба пятидесятник Ю. Лаба, который в 1681 г. скупал хлеб в Селенгинске.²¹ Известными поставщиками хлеба из Иркутска в Забайкалье и Приамурье, наряду с торговыми людьми, были представители семьи иркутских детей боярских Перфильевых, а также сын боярский Ю. Крыжановский. Продажей хлеба занимались и некоторые селенгинские служилые люди: в 1682 г. казак Л. Кондратьев поставил в Удинск 500 пудов муки ржаной, а А. Яковлев – 1000 пудов, в 1637 г. казак Веснин из 3000 подрядных пудов поставил «в полк»

Ф. А. Головина 1890 пудов, сын боярский Г. Ловцов в 1689 г. поставил в Удинск 60 пудов, а в Ильинскую слободу – 101 пуд, верхоленский казак М. Шипицын поставил в Нерчинск 6900 пудов хлеба.²²

Возросшие потребности в животном сырье, продуктах питания, необходимость обеспечения перевозок товаров, в связи с усилением внутрисибирских и зарубежных связей, способствовали развитию торговли скотом и продуктами животноводства.

Таблица 20²³

Социальный состав торговцев скотом	Иркутский рынок 20.VII.1694 – 12.X.1697	Нерчинский рынок 21.III- 1.IX.1697; 1.IX.1699 – 1.IX.1700; 18.VI. – 31.XII.1701
Промышленные	6	13
Служилые (казаки)	10	6
Отставные казаки	-	2
Родственники казаков	1	1
Торговые	4	8
Посадские*	6	11
Гулящие	2	5
Пашенные крестьяне	-	4
Прочие**	1	1
Всего:	30	51

* – в числе посадских учтены в Иркутске 1 «житель», в Нерчинске – 8 «жителей».
 ** – в их числе 1 ссыльный, 1 монастырский ключник.

Судя по данным таблицы 20, служилые люди и их родственники составили 37% всех поставщиков скота на иркутском и примерно 18% – на нерчинском рынках. Некоторые из служилых людей, торговавших скотом, были скупщиками. Обычно они приурочивали пригон скота к отправке из Нерчинска и прибытию туда зарубежных торговых караванов.

Скот для нерчинского рынка закупался служилыми людьми в Удинске, Селенгинске, Ильинске, Итанцинске, Верхоленске, Иркутске и других населенных пунктах. Особенно выгодным был пригон скота из Прибайкалья, поскольку в Нерчинске его стоимость возрастала в 4 раза. С перенесением караванной торговли в Селенгинск та же рыночная ситуация прослеживалась и в этом городе.

В 1697 г. нерчинские таможенники зарегистрировали у отставного нерчинского казака С. Булатова, купленные им в Верхоленске 20 «скотин рогатых» на суму в 170 руб.²⁴ В этом же году удинский стрелец М. Иванов продал в Нерчинске «по верхоленской выписи» 15 голов среднего и мелкого рогатого скота стоимостью в 75 руб.²⁵ Систематически занимался перекупкой и перепродажей скота конный нерчинский казак И. Апрельков, который только в 1698 г., купив в Ильинском остроге партию скота «по продажной цене» за 156 руб.,

продал ее в 1699 г. в Нерчинске участникам зарубежного каравана за 264 руб.²⁶

Кроме покупки скота у местного населения, торговцы скотом часто закупали его за рубежом. В 70-80-х гг. XVII в. по их инициативе почти ежегодно для «нужные скотные покупки» отправлялись торговые караваны «в Мунгалы». Иногда к таким караванам присоединялись и торговые люди. В 1674 г. служилые люди нерчинского гарнизона ездили в монгольские улусы «для животинные покупки» с казачьими пятидесятниками Г. Лоншаковым и И. Миловановым.²⁷ В ноябре 1675 г. они вернулись «из дальних монгольских улусов» с купленными лошадьми и верблюдами.²⁸

В 1679 г. по челобитью «всех нерчинских служилых людей» приказчик А. Строганов отпустил в «Мунгалы» караван для покупки скота «на корм».²⁹ В декабре 1681 г. иркутский казачий пятидесятник А. Михалев сообщил воеводе о посылке для покупки скота «до крайних мунгальских людей» девяти казаков иркутского, селенгинского, тункинского гарнизонов и торговых людей А. Ушакова и А. Дмитриева³⁰. В августе 1682 г. в «Мунгалы» ездили «по крайней мере две партии казаков (среди них – торговый человек Андрей Ушаков)».³¹ В 1684 г. селенгинские служилые люди снова ходили за рубеж покупать скот³² и т.д.

Иногда монголы и ясачное местное население пригоняли скот для продажи непосредственно к стенам русских острогов. В марте 1681 г. нерчинский десятник Ю. Лаба посылал из Нерчинска в Селенгинский и Удинский остроги «для ...хлебные и скотные покупки человека своего новокрещена Матюшку Григорьева», снабдив его 440 рублями.³³ Ежегодно «мунгалы» пригоняли рогатый скот под Нерчинск в район реки Борзи, где русским населением добывалась соль.³⁴

Кроме перекупного скота, служилые поставляли на рынок «доморощенный» скот. Продавцов «своего» скота не останавливали далекие расстояния. 8 июня 1701 г. зарегистрировал в нерчинской таможне 7 голов «доморощенного» скота иркутский сын боярский В. Усов.³⁵ Таможенная нерчинская книга 1703 г., не отмечая вовсе явок перекупного скота, называла в качестве продаваемого только «доморощенный» скот местных жителей. В числе его продавцов были 1 сын боярский, который продал 10 голов скота за 100 руб., 7 нерчинских казаков, продавших 21 «доморощенную» скотину за 68 руб., отставной казак, продавший 5 коров за 25 руб., и 1 родственник нерчинского казака, который продал 1 корову за 3 руб. 25 коп.³⁶

Перекупленный и «доморощенный» скот нередко покупался местными мясниками, среди которых, как уже отмечалось выше, были и

служилые люди. Наряду с продажей мяса, в лавках служилых людей – мясников можно было купить и рыбу, которую они скупали у местных рыболовов. По отрывочным сведениям в конце XVII в. мясники из служилых людей имели в Иркутске 2 лавки, а в Нерчинске – 4. Тесные связи с рынком сложились у служилых, которые занимались рыбным и пушным промыслами. Служилые люди – рыбопромышленники привозили в Иркутск рыбу с Ангары и ее притоков. Бочки соленых омулей, осетров, икры поставлялись ими с многочисленных «Байкаловских» промыслов.

В Нерчинск с ближних рек (Нерчи, Шилки, Черной речки) привозили свежемороженых осетров, севрюг, ленков, хариусов. Из более отдаленных мест, с Селенги, Онона, Газимура, Аргуни, Шакшинских и Еравненских озер, поступала в бочках соленая рыба: сиги, таймени, омуль, осетры, щуки и пр. Из-за Байкала рыба, видимо, совсем не поступала. Известный нам за 6 лет единственный случай поставки рыбы из Иркутска не обошелся без курьеза: «рассол из бочки вытек и рыба испортилась».³⁷ Зато удинский рыбный рынок был постоянным поставщиком соленой осетрины в Нерчинск, поскольку в Удинске эта рыба ценилась почти вдвое дешевле, чем в Нерчинске.

Как видно из таблицы 21, служилые люди, отставные служилые и их родственники, поставлявшие рыбу на нерчинский рынок, по своей численности и сумме доходов уступали поставщикам рыбы из числа промышленных и гулящих людей, но превосходили крестьян и посадских людей.

Таблица 21³⁸

Социальный состав продавцов и оценка продаваемой ими рыбы на нерчинском рынке в 1697, 1699/1700, 1701, 1706, 1714, 1715 годах.

Социальный состав продавцов	Число продавцов	Оценка продаваемой рыбы (в рублях)
Промышленные	73	702,35
Гулящие	24	178,50
Дети боярские	3	5,70
Казаки	17	98,30
Отставные казаки	7*	114
Крестьяне	6	35,10
Посадские**	6	50,50
Прочие	5	50
Итого:	141	1234 рубля 45 копеек
* – в их числе учтены отставной удинский стрелец и брат казака, которые вместе поставляли рыбу.		
** – в числе посадских учтено 3 нерчинских «жителя», которые выручили от продажи рыбы в общей сложности 19 руб.		

В 1692, 1696, 1698, 1700 гг. близкой была картина на иркутском рынке. Среди продавцов рыбы первое место занимали промышленные и гулящие люди, доход которых составил 1378 руб. Служилые, как и в Нерчинске, были на втором месте, продав рыбы на 1036 руб. Рыбный промысел стал заметной статьей дохода посадских людей (834 руб.) и церковнослужителей (626 руб.). Наименьшую прибыль от продажи рыбы имели крестьяне и гулящие люди (109 руб.).³⁹

Наибольшие торговые обороты были у тех служилых, которые ловили рыбу, объединившись в артели. Примером может служить артель нерчинского казака Е. Иванова, участники которой в 1697 г. в одной из таможенных явок предъявили 54 пуда «ленков просольных» по оценке на 28 руб.⁴⁰ Нерчинский казак С. Стуков ежегодно скупал для перепродажи рыбы на 100 руб., а в 1702 г. вложил в это «дело» 317 руб.

Служилые люди были и одними из поставщиков пушнины на местные рынки. Пользуясь малейшей служебной возможностью, они вывозили меха в сибирские города, «на Русь» и в Китай. Продажа пушнины служилыми неоднократно фиксировалась в документах таможенного делопроизводства и отмечалась исследователями.⁴¹

Часть пушнины добывалась служилыми людьми лично или через покрученников, а часть скупалась. Наиболее выгодными пунктами скупки пушнины считались ясачные волости, куда служилые высылались в качестве сборщиков ясака. Вследствие того, что в процессе торговых сделок лучшие меха оказывались в руках у частных лиц, отчего «ясачному сбору чинились немалые убытки», правительство очень рано ввело порядок, по которому под страхом конфискации имущества и жестокого наказания покупка мехов у нерусского населения разрешалась только после сбора ясака.

Это распоряжение постоянно нарушалось. Вот как описаны подробности такой торговли в одном из изветов на нерчинского атамана Спиридона Тархова: к ясачным тунгусам ездила жена Тархова – Лукерия «по вся годы» и, «не допустя до зимовья», покупала соболи ровно 7 лет «преж ясаку». В 1696 г. она приобрела недалеко от Акименского зимовья 60 соболей. Увидевшие ее казаки «гнались за ней, ...но постичь ее не могли». В 1697 г. Спиридон Тархов «съехал на заимку на речку Борщовку», где снова покупал «у ясачных тунгусов, у конных и оленных, преж ясаку соболи». В одной из таких сделок его жена выторговала 24 соболя, которые привезла «ночью к себе на заимку».⁴²

С введением в 1697 г. государственной монополии на соболя меха служилые и «прочих чинов люди» должны были вообще сдавать

весь промысловый соболь в казну и оттуда же его покупать по казенной цене для частной торговли.⁴³

Л.В. Машанова, исследовавшая ассортимент товаров, ввозимых на забайкальские рынки в конце XVII в., насчитала более 110 наименований, установив, что в их доставке было задействовано 24 города и области России. В составе торговцев она отметила служилых и посадских людей из сибирских городов: Тобольска, Томска, Енисейска, Иркутска, Селенгинска, Удинска, Нерчинска, особенно Тобольска и Енисейска.⁴⁴ Исследовательницей восточносибирских уездов О. И. Кашик было отмечено, что к концу XVII в. «состав торговцев...пополнялся за счет местных служилых и посадских людей, разъезжавших с небольшими партиями товаров от Иркутска до Нерчинска и обратно. Размеры их оборотного капитала были незначительными, примерно от 100 до 200-300 руб.».⁴⁵ Основную массу прибыли от торговли этими «небольшими партиями товаров», на наш взгляд, давали предметы китайского импорта.

*

* * *

Торговля китайскими товарами, в которой, наряду с торговыми, принимали участие и служилые люди, считалась очень выгодной. Одной из ранних форм торговых связей с Китаем был порубежный обмен на «торжищах», организуемых заинтересованными сторонами. Об участии в таких «торжищах» служилых людей в 70-х гг. в верховьях Аргуни у озера Далайнор упоминал Н. Спафарий.

В начале 80-х гг. место, куда ездили казаки для торгов с «богдойскими людьми», находилось в районе «Верхозейского зимовья».⁴⁶ Служилые люди пограничных Албазинского, Нерчинского и Селенгинского острогов иногда перекупали китайский товар через посредничество тунгусов и монголов.⁴⁷

Однако, по вине маньчжурской династии, стремившейся к захвату русского Забайкалья и Приамурья, торговые отношения между Россией и Китаем были чрезвычайно затруднены. Тем не менее, по инициативе частных лиц взаимовыгодная для обеих сторон торговля неофициально продолжала расширяться и не прекращалась даже в моменты наивысшего военного напряжения, создаваемого в пограничных районах китайской стороной.

Заключение русско-китайского договора 1689 г. внесло изменение не только в область политических, но и торговых отношений, создав для их развития более благоприятные условия.

Согласно Нерчинскому договору, определившему условия русско-китайской торговли, русские казенные караваны могли приходить в

Пекин один раз в три года. Однако, жизнь внесла поправку в это условие.

В начале XVIII в. торговые караваны ходили в Китай почти ежегодно, нередко отправляясь туда вместе с дипломатическими представительствами. После 1689 г. главным пограничным городом, через который осуществлялась русско-китайская торговля, стал Нерчинск. Крупным торговым и транзитным пунктом на пути из Нерчинска в Пекин был маньчжурский город Цицикар, расположенный на реке Наун в трех неделях ходьбы от пограничной реки Аргунь. «На Науне» обычно одна часть русских торговцев «расторговывалась», а другая – следовала далее на основной китайский рынок – в Пекин.

С развитием караванной торговли с Китаем возможность служилых людей бывать за рубежом возросла, так как они сопровождали все караваны, выполняя роль их вооруженной охраны.

Во время движения караванов по территории Сибири их безопасность обеспечивалась сибирскими служилыми людьми, последовательно сменявшими друг друга по ходу следования от одного уездного центра к другому. Так как охрана караванов за рубежом возлагалась на гарнизоны порубежных острогов,⁴⁸ то конвойные функции служилых из других городов заканчивались в пределах Сибири, и они могли идти в составе охраны за рубеж, только заменив какого-нибудь служилого из пограничного гарнизона и одновременно найдя вместо себя замену в своем гарнизоне. Такое положение затрудняло поездки за рубеж служилых людей из отдаленных гарнизонов, определяло немногочисленность их личного участия в зарубежных поездках и способствовало развитию преимущественного участия в этих поездках служилых людей пограничных острогов. Так, например, подавляющее большинство лиц (118 человек)⁴⁹ из состава конвоя караванов, проходивших через Нерчинск в 1689, 1691, 1692, 1693, 1700, 1701, 1703 гг., было представлено нерчинскими служилыми людьми и лишь 26 – служилыми из томского (1), тобольского (7), селенгинского (7), иркутского (4) и удинского (7) гарнизонов.⁵⁰ С перенесением после 1703 г. караванного русско-китайского пути в Селенгинск право охраны караванов перешло от нерчинских служилых людей к служилым людям Иркутского уезда, преимущественно из иркутского, удинского и селенгинского гарнизонов.

Не все служилые люди, очередность которых подошла охранять тот или иной караван, сами ходили за рубеж. Некоторые из них, по разным соображениям, посылали вместо себя родственников или наемных лиц. Число наемников особенно возросло после введения указа

1698 г., ограничивающего выход за рубеж с казенными караванами частных торговцев.

Поскольку же участие в составе конвоя давало возможность проходить за рубеж, заинтересованные в этом лица старались попасть в охранные отряды, которые, в связи с этим, почти никогда не состояли только из служилых людей.

Ниже помещена таблица 22 с указанием личного состава тех охранных отрядов, списки которых сохранились полностью (караванов Г. Лоншакова, С. Молодого и А. Уварова, А. Плотникова, Избранта Идеса) или же частично восстановлены нами.

Таблица 22⁵¹

Условное наименование караванов (дано по именам их руководителей)	Состав отрядов, охранявших караваны			
	Служилые Дворяне, дети боярские, казаки	Наемники		Всего
		Родственники служилых людей	Торговые, промышленные, гулящие люди	
Спафарий (1675 г.)	50*	-	-	50
Гр. Лоншаков, нерчинский сын боярский (1689-1690)	14	-	-	14
С. Молодой и А. Уваров – нерчинские дети боярские (1692.XII.-1694)	35	2	-	37
А. Плотников, нерчинский пятидесятник (1691.VI.-1692)	20	-	-	20
Избрант Идес, посланец (1693. 2.VII.-1694.2.VI)	23	-	-	23
Караван 1695 г.	41	-	-	41
Гр. Боков, купчина (1700-1701 гг.)	36	19	21	76
И.Казан, нерчинский пятидесятник (1701-1702)	5	28	-	33
И. Савватеев, купчина (1703-1705 гг.)	11	12	27	50
Итого:	235	61	48	344
* Не удалось установить, были ли наемники в составе охранного каравана Спафария.				

Состав караванов купчин Г. Бокова и И. Савватеева выяснился на основе комплекса документов: таможенных книг, регистрирующих тех, кто вывозил и ввозил товары за рубеж и из-за рубежа,⁵² книг «сбора поголовных порублевых пошлин с отпуска в Китай работных и

торговых людей» на том основании, что некоторые из них, отправляясь за рубеж, заменяли служилых людей,⁵³ а также челобитных, подписанных служилыми людьми, участниками караванов, и отрывками «именных росписей» служилых людей.⁵⁴ Возможно, что списки лиц, охранявших караваны Г. Бокова и И. Савватеева, восстановлены нами не полностью, так как имевшиеся в нашем распоряжении источники содержали неполную информацию. Например, в таможенной книге 1700 г., регистрировавшей выход каравана Г. Бокова в Китай, перечислено только 9 служилых людей и их наемников, так как, по-видимому, остальные служилые и те, кто их заменял, везли товары на такую сумму, которая не подлежала учету в таможене.

Таблица 23⁵⁵

Условные наименования караванов (дано по именам руководителей)	Оценка вывезенных китайских товаров (в рублях)		
	Служилыми людьми	Торговцами и прочими	Всего
Гр. Лоншаков, нерчинский сын боярский (1689-1690)	1759*	12714	14473
А. Плотноков, нерчинский пятидесятник (1691.VI.-1692)	1858**	1053	2911
С. Молодой и А. Уваров – нерчинские дети боярские (1692.XII.-1694)	3979***	8706	12685
Избрант Идес, посланец (1693. 2.VII.- 1694.2.VI)	3574,70****	34366,40	37941,10
Итого:	11170,70	56839,40	68010,10
Процентное соотношение	16,4%	83,6%	100%
* 14 служилых ** 20 служилых *** 35 служилых, 2 брата казака ****23 служилых			

Книга 1701 г., регистрировавшая выход того же каравана из Китая, к сожалению, сохранилась не полностью, чем затрудняется выяснение всего состава охранного отряда этого каравана. Что касается таможенной книги, регистрировавшей выход каравана купчины И. Савватеева, то она не найдена и поэтому сведения даны нами по неполным данным.

Используя служебные командировки за рубеж, служилые вывозили значительные партии китайских товаров, среди которых

главное место занимали ткани разных сортов и достоинств: камни, китайки, атласы, бархат. Вывозились в небольшом количестве тканые изделия: пологи, завесы, пояса, кушаки; предметы хозяйственного обихода: ножи, посуда, солонки, седла; пряности, а также чай и бадьян; драгоценности: золото, серебро, самоцветы, жемчуг.

Судя по данным таблиц 22 и 23, с 1690 по 1694 гг. 92 служилых человека (4 сына боярских, пятидесятники, десятники, рядовые) вывезли китайских товаров на сумму в 11170 руб. 70 коп., что составляло 16,4% от стоимости товаров, принадлежащих остальным участникам тех же караванов. Стоимость товаров, вывезенных служилыми людьми, была бы выше, если учесть, что до 1698 г. с их товаров на сумму до 50 руб. пошлина не бралась. 92 служилых человека беспошлинно везли товар стоимостью в 4600 руб. Вместе с ним вся сумма их товаров составила 15770 руб. 70 коп., т.е. 23%.

В последующее время объем вывоза китайских товаров служилыми людьми был также заметным. В 1700 г. служилые люди из каравана И. Бейтона (дворянин И. Бейтон, два нерчинских сына боярских, пятидесятник и пять конных казаков) вывезли товаров на сумму в 5850 руб. 20 коп.,⁵⁶ а в 1701 г. два сына боярских, атаман и 30 казаков, ходивших в охране каравана купца Г. Бокова, вывезли товаров на сумму в 6793 руб.⁵⁷ Учитывая льготный товар, не облагаемый пошлиной, эти суммы были еще выше.

В общей сложности, между 1690 и 1701 гг. служилыми людьми (или их приказчиками), участниками караванов сына боярского Г. Лоншакова, пятидесятника А. Плотникова, детей боярских С. Молодого и А. Уварова, «посланца» Избранта Идеса, караванов И. Бейтона и Г. Бокова было зарегистрировано в нерчинской таможене товаров на 23813 руб. 70 коп. (товары наемников не учтены).⁵⁸ Но общая сумма могла быть выше по причине, объясненной в предыдущих абзацах.

Нами приводятся средние суммы индивидуального вывоза служилыми людьми китайских товаров, с которых бралась таможенная пошлина:

от 50 коп. до 10 руб.	11 чел.
от 10 руб. до 20 руб.	13 чел.
от 20 руб. до 30 руб.	11 чел.
от 30 руб. до 40 руб.	10 чел.
от 40 руб. до 50 руб.	5 чел.
от 50 руб. до 60 руб.	8 чел.
от 60 руб. до 70 руб.	4 чел.
от 70 руб. до 80 руб.	6 чел.
от 80 руб. до 90 руб.	3 чел.
от 90 руб. до 100 руб.	5 чел.

от 100 руб. до 110 руб.	2 чел.
от 110 руб. до 120 руб.	8 чел.
от 120 руб. до 130 руб.	1 чел.
от 130 руб. до 140 руб.	4 чел.
от 140 руб. до 150 руб.	4 чел.
от 150 руб. до 160 руб.	2 чел.
от 160 руб. до 170 руб.	1 чел.
от 170 руб. до 180 руб.	2 чел.
от 180 руб. до 190 руб.	2 чел.
от 190 руб. до 200 руб.	2 чел.
от 200 руб. до 210 руб.	2 чел.
от 210 руб. до 220 руб.	4 чел.
до 245 руб.	1 чел.
до 253 руб.	1 чел.
до 260 руб.	2 чел.
до 264 руб.	1 чел.
до 330 руб.	1 чел.
до 360 руб.	1 чел.
до 372 руб.	1 чел.
до 375 руб.	2 чел.
до 400 руб.	3 чел.
до 450 руб.	2 чел.
до 578 руб.	1 чел.
до 633 руб.	1 чел.
до 1442 руб.	1 чел.
до 2450 руб.	1 чел.
до 2464 руб.	1 чел.
до 2721 руб.	1 чел.

При этом еще раз отметим, что до 1698 г. с товаров служилых людей стоимостью в 50 руб. таможенная пошлина не бралась, а с 1698 г. пошлина не бралась с товаров, стоимостью до 30 руб. Таким образом, до 1698 г. те, у кого товар оценивался в 50 коп., везли его на 50 руб. 50 коп, а после 1698 г. – соответственно на 30 руб. и выше.

Как видно из приводимых цифр, стоимость товаров, облагаемых пошлиной и вывозимых служилыми людьми из Китая колебалась от 50 коп. до 2 тысяч с лишним рублей. Разница в стоимости вывезенных товаров могла отражать не только имущественное неравенство в их среде, но и разные пути приобретения ими китайского товара. Для одних средством получения импортных товаров была работа, связанная с обслуживанием более обеспеченных участков каравана, для других – торговые операции. Такое разделение способов приобретения китайских товаров служилыми людьми раскрывается основными источниками по русско-китайской торговле – таможенными книгами и выписями из таможенных книг. Те из документов, которые регистрировали выход за рубеж, давали сведения о составе предметов, вывозимых служилыми людьми и предназначенных для торговых

операций. Таможенные же книги, регистрировавшие вывоз из-за рубежа, как правило, указывали на источники его приобретения: был ли товар получен за работу, или же в обмен на вывезенный товар.

Рассмотрим вариант вывоза китайского товара, полученного за работу, связанную с обслуживанием караванов.

Наиболее выгодной в этом отношении считалась транспортировка казенных и частных товаров за рубеж и обратно. Подряды на перевозку грузов были весьма распространены среди служилых людей пограничных гарнизонов. Возможно, сокращение в 90-х гг. XVII – начале XVIII вв. на нерчинском рынке среди продавцов скота и лошадей нерчинских жителей (в том числе и служилых людей) можно объяснить именно тем, что они гоняли скот и лошадей за рубеж – одни с целью его обмена на китайские товары, другие – для использования в качестве гужевой силы.

В 1697 г. нерчинский десятник М. Савватеев за работу в караване получил китайских тканей на 240 руб.⁵⁹ В 1699 г., отправляясь с караваном И. Бейтона, нерчинский казак Е. Гусевский гнал за рубеж 25 лошадей, на которых перебросил из Китая до Аргунского перевоза китайку «в ширях» весом в 185 пудов (2960 кг.), принадлежавшую торговым людям П. Осколкову, М. Юринскому, П. Барсуковскому. За перевоз китайки Е. Гусевский получил 555 лан китайского серебра (т.е. оплата производилась по 3 ланы за 1 пуд груза).⁶⁰ В 1701 г., возвращаясь с караваном Г. Бокова, брат нерчинского казака И. Хлуднев зарегистрировал в таможене 10 тюней китайки средней руки, 3 тюня китайки малой руки, 190 бахчей чая, 3 постова камок, 4 дабы большой руки, 5 даб малой руки, 1 конец китайки, которые он заработал «за провоз от Науна до Аргунского перевоза товарной клади» на своих «доморощенных конях».⁶¹

В 1700 г. два аргунских казака Степан и Абрам Савины получили за работу в караване у торговых людей 20 тюней китайки, оцененной в таможене в 90 рублей.⁶² Подряжались «делать всякую работу» в караване нерчинские казаки В. Рудоплав и Г. Рядовиков, из которых первый по выходе «из Китаев» имел «заробленных товаров» на 2 рубля, а второй – на 1 рубль⁶³ (сверх товаров на 30 руб. каждый).

Лица, обслуживающие караваны, лично могли не участвовать в китайской торговле. Они получали китайские товары как плату за работу и часто далее Наунских сел не ходили. К этой группе примыкали те из служилых людей, которые продавали за рубежом участникам караванов продукты питания (сухую рыбу, сухари и др.) и гужевую силу в обмен на китайский товар. В 1700-1701 гг. в обмен на «доморощенных» лошадей нерчинский казак А. Попов привез

китайских изделий на 87 руб. 85 коп., казак М. Миронов – на 17 руб. 50 коп., казак И. Стуков – на 40 руб., казак В. Щербаков – на 9 руб. 25 коп., казак А. Кучагин – на 9 руб.⁶⁴ В караване у Г. Бокова в 1701 г. на «сухари своей пахоты» казак С. Иванов выменял китайские товары стоимостью в 55 руб. 50 коп., казак Ф. Каюков – в 20 руб. 50 коп., казак Павел Соколов – в 2 руб. 50 коп.⁶⁵

Чиновный состав служилых, принимавших участие в обслуживании караванов, был представлен главным образом рядовыми казаками и младшим командным составом – десятниками. Это была наибольшая по численности группа служилых людей, побывавших за рубежом в качестве охраны караванов преимущественно по 1 разу. Лишь отдельные из служилых людей по прибору систематически могли выходить с караванами, занимаясь их обслуживанием. Но некоторым из них, например, десятнику М. Савватееву удалось сколотить средства, позволившие в дальнейшем лично участвовать в зарубежной торговле.

Теперь остановимся подробнее на той группе, для которой источником получения импортных товаров была непосредственно торговля.

Основным предметом русского экспорта в Китай являлась пушнина: шкурки соболя, норки, лисиц, горностаев, песцов, белок, рысей и др. С введением государственной монополии на соболь в 1697 г. ценный соболий мех стал вывозиться в составе товаров казенного экспорта. В меньшем количестве в Китай завозились товары русского производства: сукна, кожи, металлические изделия, а также изделия западноевропейского импорта: сукна английские, голландские и прочее.

Чиновный состав этой группы был представлен служилыми людьми по отечеству, казачьей верхушкой и небольшой частью рядового казачества. Последние нередко совмещали торговлю на внешнем рынке с «работой» по обслуживанию караванов.

Участие служилых людей в торговле с Китаем осуществлялось различно. Иногда служилый, отправляясь «для обережи» каравана, сам вез «свой товар» и сам продавал его. Более обеспеченные служилые люди иногда отправляли вместо себя в служебную поездку родственников или наемников, которым поручалось не только несение службы, но и ведение торговых операций.

Посылая в 1701 г. в составе охраны каравана вместо себя родственника казака И. Соколова, нерчинский десятник Ф. Лагунов поручил ему обменять на китайский товар 2000 белок, 50 кож нерпичьих, 80 «дах» тарбаганьих, 100 тарбаганов, 7 волков и 10 «доморощенных» лошадей.⁶⁶ Сам Ф. Лагунов был известен в Нерчинске

и как ростовщик, поскольку ссужал «свою же братью служилых людей» деньгами и скотом при условии вывоза ими для него китайских товаров на сумму долга и «с таможенной очисткой», т.е. с уплатой таможенных пошлин.

Таким образом, заимодавец выгадывал и на уплате таможенных пошлин и на транспортировке товаров. Только в 1699 г. Ф. Лагунов одолжил пешему казаку Е. Гусевских 250 рублей с условием привоза для него китайского товара.⁶⁷

Если служилые люди не входили в состав охраны каравана, они могли поручить ведение торговых операций своим доверенным лицам – приказчикам. Последние на общих основаниях, подобно приказчикам купцов гостиной сотни, вносили при выходе за рубеж «отпускную порублевою пошлину». В 1698-1700 гг. конный казак Д. Бобров отправил в караване «своего приказчика» П. Телтюкова, который купил для него 140 тюней китайки средней руки, 15 поставов камок малой руки, 10 самцев пестрых, 20 кушаков бумажных и «китайской мелочи» приблизительно на сумму в 900 рублей. С этим же караваном вышел из Китая «человек» нерчинского сына боярского Н. Варламова П. Никитин, который привез для своего хозяина китайских товаров стоимостью в 2464 рубля. Для себя П. Никитин привез товаров на 165 рублей.⁶⁸

Показательным примером участия служилых людей в торговле с Китаем являлась деятельность казачьего пятидесятника, а позже сына боярского А. Плотникова, который и лично бывал в Китае и посылал для торговых дел доверенных лиц.

В 1691 г. пятидесятник А. Плотников «был наряжен» с делами в Китай во главе отряда служилых людей. В 1692 г. он привез из Китая 100 поставов камок средней руки по нерчинской оценке на 400 рублей.⁶⁹ В 1692 г. он должен был идти в Китай в караване сыновей боярских С. Молодого и Л. Уварова, но отправил вместо себя своего брата А. Плотникова, которому вручил 2000 беличьих шкурок, оцененных в Нерчинске в 40 рублей.⁷⁰ Этот мех А. Плотников выменял за рубежом на китайские товары, оцененные в нерчинской таможне в 180 рублей.⁷¹ В 1699 г. А. Плотников отправил в караване И. Бейтона «для торгового промысла своего человека» Якунку, который в 1700 г. привез ему 48 тюней китайки средней руки (на 192 руб.), 10 самцев пестрых, 10 чашек кожаных, 40 кушаков бумажных, 20 повязок, 60 поясов бумажных, а также всякой китайской «мелочи» на 48 руб. 28 коп.⁷²

Таким образом, служилые люди торговали на зарубежных рынках лично, через родственников и через приказчиков. Зарубежная торговля была возможна благодаря средствам, получаемым ими от местных

пушных и рыбных промыслов, кожевенного дела, от торговли скотом, продуктами животноводства, земледелия и товаров русского и китайского происхождения. Источники получения средств для зарубежной торговли были весьма многочисленны и раскрываются, прежде всего, таможенными книгами. Например, в 1700 г., помимо прочих товаров, томский сын боярский Б. Середнин вез в Китай 200 горностаев и 200 белок «своего промыслу» и 200 горностаев и 800 белок, приобретенных им в 1699 и 1700 гг. за деньги, полученные от продажи «своего хлебного запаса и рыбы». ⁷³ «Роспись» нерчинской таможи 1701 г. отметила девять нерчинских рядовых казаков и их родственников, которые провезли за рубеж 3600 белок «своего промыслу» и 28 «доморощенных» лошадей. ⁷⁴ Нерчинский сын боярский Г. Молодой зарегистрировал в таможе в 1701 г. китайский товар – 110 даб малой руки, 8 тюней китайки и «китайскую мелочь», которые он обменял на «своего промыслу мягкую рухлядь» – 150 тарбаганов, 6 лисенков красных, 7 волков и одну «доморощенную присталую лошадь». ⁷⁵ Отправляя вместо себя брата в 1700 г., нерчинский десятник М. Савватеев в числе прочих товаров послал с ним «нерчинского промыслу челединцев своих» 1000 тарбаганов. ⁷⁶

На деньги, полученные от продажи в лавках на нерчинском рынке битого рогатого скота, говяжьего жира и рыбы, закупали меха и везли их в Китай нерчинские мясники: казак Борис Щеголев с братом Василием, казак Д. Стуков, брат казака Матусова – Никифор и др. Они же нередко и участвовали в обслуживании караванов.

Суммы, которыми оценивались вывозимые из-за рубежа служилыми людьми, их родственниками и приказчиками товары, исчислялись от нескольких десятков до нескольких тысяч рублей. Конечно, наиболее регулярные и значительные торговые обороты на китайском рынке принадлежали тем из служилых людей, которые, наряду с промыслами и ремеслами, приумножали свой капитал за счет систематических торговых операций на сибирском, «русском» и китайском рынках. Отправляясь в зарубежную поездку, эти служилые люди закупали товары на «русском» и сибирском рынках, используя при этом средства, вырученные от предыдущих торговых операций. Так, в 1701 г. из 33 служилых людей и их родственников, охранявших караван И. Казанова, восемь человек вывезли за рубеж 20800 белок, 3550 горностаев, 220 песцов белых, 22 лисицы, 20 волков, 55 «дах» тарбаганных, 300 тарбаганов, 10 рысей, 17 «ушканин», 5 половинок сохатинных, 5 кож нерпичьих, 5 одеял ушканных, которые были ими закуплены в сибирских городах на деньги, полученные от продажи завезенных в Сибирь «по верхотурской проезжей русских товаров». ⁷⁷

Девять человек из этого же охранного отряда приобрели на рынках Енисейска, Удинска, Нерчинска, Селенгинска и вывезли в Китай 7050 белок, 1100 горностаев, 210 песцов, 375 мехов ушканных, 1300 тарбаганов, 10 корсаков, 29 волков, 5 половинок сохатинных и 1 лисицу, полученных в обмен на китайские товары, привезенные ими из предыдущей зарубежной поездки.⁷⁸

Из числа служилых людей, участников русско-китайского торгового, наибольшие по объему партии товаров привозили из-за рубежа сын московского дворянина Афанасия Бейтона – Иван Бейтон, нерчинский и томский сыновья боярские Н. Варламов и Б. Середнин, нерчинский атаман С. Тархов, пятидесятники А. Плотников, И. Казан, А. Казаринов, И. Шемелин, рядовые казаки И. Хамунский, В. Хлуднев, В. Пешков, Я. Абросимов, Д. Бобров и др. Китайский товар, вывезенный в 1700 г. И. Бейтоном, оценивался в 2721 рублей 70 коп.⁷⁹ В следующей поездке в Китай (в 1703 г.) И. Бейтон вывез по «иркутской выписи» 13590 белок, 540 горностаев, 6 мехов ушканных и по «нерчинской выписи» 330 горностаев. С ним же послал тобольский служилый человек Ф. Копылов для обмена на китайский товар 5000 белок по «якутской выписи».⁸⁰

Крупные торговые обороты имел нерчинский сын боярский Н. Варламов. Из материалов «воеводских сысков» конца XVII в. известно, что только присвоенные у Варламова нерчинским воеводой Антоном Савеловым товары оценивались в 600 рублей.⁸¹ В 1699/1700 гг. Варламов уже не ходил сам за рубеж, а поручал торговые дела приказчику. Последний вывоз для хозяина товаров на сумму в 2464 руб.⁸²

Значительные партии китайских товаров выменивал на «мягкую сибирскую рухлядь» нерчинский пятидесятник А. Казаринов, неоднократно бывавший в Китае. Привезенные из-за рубежа товары Казаринов отправлял в разные города со своим приказчиком и родственником промышленным человеком М. Савиным – Размахниным. Последний привез в 1695 г. через Иркутск «к Русе» этих товаров на 375 руб.⁸³ В 1698 г., поступив в состав нерчинского гарнизона, видимо, не без помощи Казаринова, М. Размахнин уже ехал в Москву в составе конвоя, сопровождавшего «государеву казну». Помимо своих товаров, он вез для продажи на «русских» рынках товары Казаринова: 42 тюня, 4 конца китайки тюневой, 140 концов китайки однопортишной, 82 поставы камок большой руки, 102 поставы камок средней руки, 1000 зерен половинчатых раковинных жемчуга.⁸⁴

Не менее колоритную фигуру в русско-китайском торге представлял собой нерчинский пятидесятник (с 1708 г. сын боярский, позже московский дворянин) И. Казан. В 1691/1692 гг., еще будучи

рядовым казаком, И. Казан побывал в Китае в составе охраны каравана А. Плотникова и вывез 20 поставов камок средней руки, 100 концов китайки тюневой на сумму в 125 руб.,⁸⁵ возможно, частично купленных, частично заработанных. В 1692 г. он вновь отправился в Китай с детьми боярскими С. Молодым и Л. Уваровым, закупив предварительно 3000 беличьих шкурок, оцененных в Нерчинске в 60 рублей. Нерчинская оценка китайских товаров, вымененных за рубежом на эти меха, составила 260 руб.⁸⁶

В 1693 г. он отправил вместо себя для «обережи» каравана Избранта Идеса приказчика, который привез ему товар на 190 руб.⁸⁷ В 1701 г., участвуя в караване, но уже в качестве его руководителя, И. Казан скупил на нерчинском, теленбинском и еравненском рынках с целью перепродажи в Китае 15500 беличьих шкурок, 2250 горностаев, 220 песцов «белых», 12 лисьих и 10 рысьих шкурок. Большую часть этих мехов (7500 шкурок белок, 200 горностаев, 220 песцов «белых», 12 лисиц) он вез сам, а остальную часть: 8000 беличьих шкурок, 250 горностаев и 10 мехов рысьих, поделив пополам, отдал своему сыну С. Казанову и двоюродному брату К. Маркову, которые заменяли в этом походе своих дядей, а торговые операции выполняли для И. Казана.⁸⁸

Из числа служилых людей, привозивших на значительные суммы китайские товары, выделялось казачество, которое было связано не только деловыми, но и родственными отношениями с представителями известных в России и Сибири торговых людей и предпринимателей. Так в составе нерчинского гарнизона служил десятником конных казаков Михаил Савватеев – «сродный брат» купчины Ивана Савватеева, здесь же нес службу и пятидесятник Ян Истопников – родной брат торговых людей Михаила, Федора, Григория Истопниковых. В селенгинском гарнизоне служил в рядовых казаках, позже в пятидесятниках, Андрей Штинников – родной брат известного в 80-х гг. XVII в. иркутского предпринимателя и торговца, бывшего иркутского таможенного головы Ивана Штинникова. Числился в рядовой казачьей службе в Селенгинске Федор Торшиевский – родной брат торгового человека Ивана Торшиевского.⁸⁹

Группа этих лиц может быть значительно расширена за счет служилых, чье прошлое до их поступления в службу было тесно связано с торговой деятельностью. К ним можно отнести торговых людей «лаличей» Максима и Алексея Бурдуковских, приверстанных в 1694 г. в селенгинский гарнизон,⁹⁰ селенгинского пятидесятника Дмитрия Торокановского, известного в 80-х – начале 90-х гг. в Нерчинске, Селенгинске и Удинске как торгового человека, и других.⁹¹

Очевидно, пребывание в пограничных гарнизонах этих лиц не было случайным, поскольку занимаемое ими служебное положение открывало широкие возможности, имея таможенные льготы, лично бывать за рубежом с любимыми караванами, в том числе и дипломатическими, участие в которых для торговых людей ограничивалось.

Сопровождая караваны за рубеж, эти служилые люди вряд ли уделяли время служебным делам. Занимаясь торговыми операциями, они тут же в караване находили вместо себя гулящих, промышленных или служилых людей, которые за небольшую плату вместо них «караулы караулили и службу несли всякую».

Участие в торговой деятельности за рубежом перечисленных служилых людей протекало в двух направлениях. Одни из них вели собственный торг. К таким можно отнести Максима и Алексея Бурдуковских, Андрея Штинникова, отчасти, Михаила Савватеева. В 1693 г. селенгинский пятидесятник А. Штинников, участвуя в караване детей боярских С. Молодого и А. Уварова, вывез за рубеж 4000 беличьих шкурок, 2 пуда кости моржового зуба, 20 юфтей кож красных. Привезенные им в 1694 г. китайские товары оценивались в 450 руб. С этим товаром Штинников проследовал в Иркутск. Отсюда часть товаров была отправлена им с приказчиком И. Норицыным к «Русе».⁹² В 1697 г., побывав в Китае, А. Штинников снова вывез китайский товар, обменял его в Якутске на «мягкую рухлядь», с которой снова отправился в Китай.⁹³ Регулярно участвовал в русско-китайском торге либо сам, либо через сыновей («родного сына» Ивана и «крестного сына» Якима) нерчинский десятник Михаил Савватеев. Последний не только выменивал китайский товар на «мягкую рухлядь», но и не упускал возможности заработать китайские товары перевозкой товаров торговых людей.⁹⁴ Вывозимый китайский товар Михаил Савватеев старался отправлять за пределы Нерчинского уезда, иногда прибегая к помощи своих богатых родственников – торговых людей.⁹⁵

Осуществляя собственные торговые операции, служилые люди, связанные родственными узами с торговыми людьми, иногда выполняли поручения последних, выступая их торговыми агентами за рубежом. Показательной в этом отношении являлась деятельность нерчинского пятидесятника конных казаков Яна Истопникова. В составе казачьего охранного отряда каравана купца Г. Бокова (1700 г.) Ян Истопников повез в Китай «своей покупки» 101 аршин сукна сермяжного, 348 аршин холста «среднего» и «хряща», 8 половинок «сукон летчин», 10 фунтов олова «пруткового», 40 ножей «с медными припои» и т.д. и 800 горностаев, 500 белок «из енисейской и иркутской

выписей». Он же гнал в Китай «нерчинской покупки» 24 быка, 20 лошадей, 10 верблюдов. С Яном Истопниковым отправил в Китай «свой товар» и его брат Михаил Истопников – 480 горностаев и 16 лошадей. Товары и скот, которые Ян повез в Китай, были оценены в 736 руб. 30 коп.⁹⁶ Вернувшись в 1701 г. в Нерчинск, Ян в 1702 г. вновь отправился за рубеж в составе каравана нерчинского сына боярского М. Шемелина для сопровождения китайских беженцев и передачи письменного напоминания китайской администрации условий русско-китайского договора 1689 г.⁹⁷ На этот раз Ян повез в Китай «из березовской..., из иркутской, из илимской, из удинской выписей мягкую рухлядь...привозу братьей его Михаила, да Федора, да Григория». Он же вез 50 сафьянов, принадлежащих «лаличу» Прохорову. Мягкую рухлядь и сафьяны Истопников продал оптом за 2893 ланы китайского серебра. На вырученное серебро он приобрел и вывез для себя и братьев 32 постава камок пятиланых на 160 р., 652 тюня китайки средней руки на 2608 руб., 10000 «зерен половинчатых раковинных жемчуга» на 50 руб., 2 дабы пестрых, 2 пуда чая зеленого и, наконец, камень – «лал красный» (рубин) весом в 19,5 золотников, который нерчинские власти, так и не рискнув оценить, отправили в Москву для предъявления думному дяку Сибирского приказа Андрею Виниусу.⁹⁸ Истопников вез камень сам, прихватив с собой и китайские товары, которые намеревался продать в сибирских и «русских» городах. Так, являясь агентом своих братьев на китайском рынке, Ян Истопников одновременно и сам осуществлял торговые операции.

Иллюстрацией совместного ведения торговли двумя братьями могут служить отношения между торговым человеком Василием Кирилловым и его братом нерчинским казаком Семеном Кирилловым (известными в Нерчинске еще как «Шадрины»),⁹⁹ между торговым человеком Иваном Торшиевским и нерчинским служилым человеком Федором Торшиевским и др.

В 1700 г. служилый человек Семен Шадрин привез из-за рубежа и продал на сибирских рынках китайские товары. На вырученные деньги его брат Василий закупил 4300 беличьих и 110 горностаевых шкурок, 2 песца, 32 недопеска и 2 лисицы на общую сумму в 165 рублей. С этим товаром Василий в 1702 г. побывал в Китае в составе охраны каравана М. Шемелина, подменив своего брата Семена. Из Китая в обмен на мягкую рухлядь он привез себе и брату казаку Семену Кириллову (Шадрину) 100 поставок камок пятиланых, 129 тюней китаек средней руки, 11 тюней самец пестрых и т.д. на общую сумму, превышающую 1000 рублей.¹⁰⁰

Совместное участие во внешней торговле родственников служилых и торговых людей порой ставило сибирскую администрацию в затруднительное положение при решении вопроса о хозяине торговли и возможности соблюдения установленного порядка сбора таможенных пошлин при выходе за рубеж. Но, как правило, обе родственные стороны всегда доказывали не только юридическую правомерность замены друг друга в служебных командировках, но и общность ведения торговых дел.¹⁰¹

Транспортировка за рубеж и обратно значительных по объему и стоимости товаров, а также их охрана ставили некоторых служилых людей перед необходимостью использования труда наемных работников. В числе последних, как правило, выступали гулящие, промышленные люди, казачьи родственники, реже казаки и др. В 1693-1694 гг. в караване С. Молодого у 6 служилых людей было 9 работников,¹⁰² в 1703 г., согласно «книге отпускной купчины Ивана Савватеева», у 35 служилых, их родственников и приказчиков было 63 «работных человека», причем, у некоторых служилых было по несколько работников. Так, у нерчинского конного казака Ф. Кабанова было 8, у дворянина И. Бейтона – 7, у селенгинского казака и толмача П. Парамонова – 6 работников и т.д.¹⁰³

Итак, источники, за счет которых приобретались китайские товары служилыми людьми, были различными: большая часть служилых вывозили из-за рубежа «заработанные» товары и, по сути дела, не принимали участия в торговых операциях за рубежом. Другие – непосредственно участвовали в китайском торге. Из их числа меньшие по объему торговые операции совершали те служилые, для которых основным предметом обмена китайских товаров были личные промыслы. Они же в какой-то мере могли зарабатывать товар, обслуживая караваны.

Крупные торговые операции совершали те служилые, у которых средства для ведения торговли накапливались в ходе самих торговых операций на сибирском, «русском», китайском рынках, сочетающимися с местными откупными промыслами (солеварением, винокурением и др.), с подрядными операциями, а также с хлебопашеством, скотоводством, пушным промыслом.

В связи с вышеизложенным, нельзя полностью согласиться с мнением В.А. Александрова, который признавая, что «торговля способствовала определенному обогащению служилой верхушки», считал, однако, что служилые, также как промышленные и гулящие люди, не были «самостоятельными участниками крупной

международной торговли..., так как они находились «в работе» у крупных торговцев и «начальных людей» конвоя».¹⁰⁴

Несомненно, что часть служилых людей приобретала китайские товары за счет своей работы в караванах. Виды этих работ были различными, начиная от исполнения роли торговых агентов и кончая выполнением черной работы. Но известная часть служилых, как свидетельствуют источники, вела вполне самостоятельную или совместную с родственниками торговлю за рубежом, участвуя в ней лично или используя для этого родственников и приказчиков.

С перенесением караванной дороги из Нерчинска в Селенгинск право сопровождать караваны за рубеж перешло к служилым людям Иркутского уезда. К сожалению, сведения о русско-китайской торговле через Иркутск-Селенгинск более чем скудны по причине отсутствия полных таможенных книг, и это лишает нас возможности проанализировать участие служилых людей в караванной торговле через Селенгинск после 1703 г.

Что касается нерчинских служилых людей, участников зарубежной торговли, то с потерей значения Нерчинска как центра русско-китайской торговли, каждый из них выбрал для себя более приемлемый вариант продолжения торговой деятельности за рубежом: служилые люди, тесно связанные с купеческим капиталом и с торговыми операциями больших масштабов, покинули Нерчинск и поверстались в службу по лежащим на новой торговой магистрали городам: Енисейску, Иркутску, Селенгинску, или же ушли в отставку, сосредоточившись исключительно на предпринимательской и торговой деятельности.

Так, в 1705 г. приверстываются в службу по Енисейску Семен и Федор Кирилловы-Шадрины. В 1703 г. Ян Истопников уже назван в таможенном делопроизводстве как «прежний нерчинский пятидесятник».¹⁰⁵ В 1706 г., по другим сведениям, он проживает в Енисейске в качестве «жителя». Семья Бейтонов, как и прежде, проживает в Иркутске. Разбогатевший на торговле и перевозке китайских товаров нерчинский казак В. Хлуднев в 1709 г. переводится в казачью службу по селенгинскому гарнизону, где он, благодаря успешным торговым операциям за рубежом и знанию китайского языка, получает дворянский чин.¹⁰⁶ Перевелись в иркутский и селенгинский гарнизоны Пивоваровы, Юринские и др.

Нерчинские старожилы типа Казановых, Молодых, Казариновых, Луговских и др. остаются в Нерчинске, но продолжают участвовать в торговле с Китаем через Селенгинск с помощью приказчиков или своих родственников, которых определяют в селенгинский гарнизон.

Известно, что один из сыновей Ивана Казанова – Степан Казанов в 1706 г. был поверстан по Селенгинску в чин сына боярского.¹⁰⁷

И, наконец, подавляющее большинство нерчинских служилых людей, ранее привозивших китайские товары за счет работы в караванах, сосредоточили свое внимание на наунской торговле, которая в XVIII, как и в XVII вв., оставалась традиционной для служилых людей Нерчинского уезда.

Иногда караваны из Нерчинска посылались в Мергень и в Монголию. Такой караван в 1715 г. во главе с нерчинским сыном боярским С. Сенотрусовым, ходил за рубеж.¹⁰⁸

Основным предметом вывоза в Наунские села с русской стороны продолжали оставаться «сибирская мягкая рухлядь», скот, предметы местного ремесла, в числе которых большую роль играли тарбаганы кожи и «дахи», выделанные в Нерчинске местными скорняками.

С Науна вывозились, главным образом, хлопчато-бумажные ткани: китайка, камка (преимущественно тюневая, дабинная, самцы), нерчинская оценка которых колебалась от 20 до 50 копеек за «конец», и наунский бахчевой чай (по 2 коп. бахча). Эти товары поставлялись в Наунские села китайскими и маньчжурскими купцами. Шелковые ткани, как более дорогие, очень редко фигурировали в вывозе с Науна (в 1715 г., например, их не было вовсе).¹⁰⁹

Из таблицы 24 видно, что круг торговцев, ходивших на Наун через Нерчинск, в основном сузился до жителей Нерчинского уезда.

Таблица 24¹¹⁰

Местожительство участников «наунской» торговли	Годы			Всего
	1706	1714	1715	
Нерчинск	35*	93	92	220
Удинск	1	-	-	1
Енисейск	2	-	-	2
Балаганск	-	2	-	2
Томск	4	-	-	4
Тобольск	1	-	-	1
Нижний Новгород	1	-	-	1
Лальск	1	-	-	1
Яренск	1	-	-	1
Москва	1	-	-	1
Местожительство неизвестно	4	4	1	9
Итого:	51	99	93	243
* в эту цифру вошли 2 промышленных человека, известных нам по другим источникам как нерчинские «жители»: брат казака – В. Мусорин и «житель» А. Митюков.				

Правда, в 1706 г., наряду с 35 нерчинскими жителями, побывавшими с торгом на Науне, было зарегистрировано 16 человек, прибывших из других уездов Сибири и «русских» городов. Их явку можно объяснить незнанием более короткого пути в Китай через Селенгинск.

Что касается более позднего времени (1714, 1715 гг.), то из 192 человек, являвших в Нерчинске китайские товары, вывезенные из Наунских сел, таможенные книги назвали только двух, прибывших из Балаганска, и пятерых, местожительство которых не указывалось. Остальные же 185 человек были «нерчинскими разного чина людьми».

Социальный состав нерчинцев, участников русско-наунской торговли, (таблица 25) на 60,5% был представлен служилыми людьми и их родственниками. Это не удивительно, поскольку наунский торг вели главным образом жители Нерчинского уезда, а подавляющая их часть, даже во втором десятилетии XVIII в., состояла из служилых людей и лиц служилого происхождения. Им же принадлежала и большая часть вывозимых товаров.

В 1714 гг. служилые люди и их родственники зарегистрировали в нерчинской таможене наунских товаров на 1010 руб. 25 коп., а люди «прочих чинов» - на 378 руб. 45 коп.,¹¹¹ в 1715 г. – соответственно – на 682 руб. 55 коп. и на 180 руб. 05 коп.¹¹² (суммы вычислены нами, исходя из таможенной оценки товаров).

Таблица 25¹¹³

Социальный состав участников «наунской торговли»	Годы				
	1706	1714	1715	Всего	
Московские и нерчинские дворяне	-	1	2	3	Служилые и их родственники (всего 147) или 60,5%
Дети боярские	-	5	2	7	
Казаки	17	39	26	82	
Родственники служилых	18	17	17	52	
Отставные казаки	3	-	-	3	
Жители	12	34	46	92	Лица, не связанные со службой (всего 96) или 39,5%
Посадские	-	2	-	2	
Пашенные крестьяне	-	1	-	1	
Дворовые	1	-	-	1	
Итого:	51	99	93	243	

Стоимость товаров, привозимых с Науна, для некоторых из участников караванов колебалась от 1 до 15 руб. (таблица 26), что, в известной мере, могло свидетельствовать о вывозе товаров для их личного пользования. Но большая часть служилых привозила товары для перепродажи.

Наибольший по объему вывоз товаров принадлежал служилой верхушке, представители которой были известны предыдущими связями с китайским рынком через Нерчинск (Молодые, Елифанцевы, Казановы и др.), которые с 1703 г. главные для себя торговые операции осуществляли через Селенгинск.

Таблица 26

Сумма вывозимых с Науна товаров	Число служилых и их родственников			Число лиц, не связанных со службой		
	1714 г.	1715 г.	Всего	1714 г.	1715 г.	Всего
от 10 коп. до 1 руб.	3	5	8	-	-	-
от 1 руб. до 5 руб.	15	20	35	13	33	46
от 5 руб. до 10 руб.	13	12	25	11	10	21
от 10 руб. до 15 руб.	13	7	20	8	2	10
от 15 руб. до 20 руб.	4	1	5	2	-	2
от 20 руб. до 25 руб.	2	-	2	1	-	2
от 25 руб. до 30 руб.	1	-	1	-	-	-
от 30 руб. до 35 руб.	2	-	2	-	-	-
от 35 руб. до 40 руб.	3	-	3	-	-	-
от 40 руб. до 45 руб.	3	-	3	1	-	1
от 45 руб. до 50 руб.	-	1	1	-	1	1
от 60 руб. до 75 руб.	1	-	1	-	-	-
110 руб.	1	-	1	-	-	-
114 руб.	1	-	1	-	-	-
135 руб.	-	1	1	-	-	-
Итого:	62	47	109	37	46	83

Рассмотрев вывоз служилыми людьми импортных товаров из-за рубежа, попытаемся проследить возможные рынки их сбыта.

Первенствующее положение в качестве рынка сбыта китайских товаров до начала XVIII в. занимал Нерчинск, а с 1703 г. – Селенгинск и Иркутск. Судя по явленным на покупку китайских товаров денег, сбыт товаров в пограничных районах мог быть значительным. Например, в Нерчинске с 21 апреля по 1 сентября 1697 г. он оценивался в 414 рублей,¹¹⁴ а с 1 сентября 1699 по 1 сентября 1700 гг. – в 6589 рублей.¹¹⁵

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении таможенные книги, отражающие процесс купли-продажи китайских товаров в Нерчинске, ограничиваются лишь указанием имен покупателей, поскольку последние вносили десятую пошлину «за продавца». Что касается продавцов, то они платили пошлину за привоз китайских

товаров не в момент их продажи, а в момент первоначальной регистрации. Поэтому в торговых сделках продавцы либо совсем не упоминались, либо назывались собирательным именем «разного чина людей». Но, тем не менее, с полной очевидностью можно сказать, что среди продавцов китайских товаров в Нерчинске было немало служилых людей. В пользу последнего говорят отдельные указания в документах таможенного делопроизводства.

Так, в 1700 г. нерчинские конные казаки С. Дунаев и М. Гантимуров продали на нерчинском рынке китайских товаров «своего привозу» на 152 руб. 50 коп.¹¹⁶ В 1698 г. нерчинский казак И. Апрельков продал в казну 30 поставов камок большой руки за 200 руб.¹¹⁷ В 1700 г. группа нерчинских служилых людей и их родственников вывозила в Китай значительную партию мехов (5250 штук беличьих, 1100 горностаев, 210 песцов, 1200 тарбаганов, 20 «дах» тарбаганных и т.д.), полученных ими у торговых людей на нерчинском рынке в обмен на ранее привезенные китайские товары.¹¹⁸

Таким же путем приобретали в Нерчинске «мягкую рухлядь» нерчинский служилый человек Д. Веселков и казачий сын И. Савватеев, которые в 1703 г. повезли ее в Китай.¹¹⁹ В 1714 г. московского списка дворянин С. Луговской «явил» в Нерчинске на покупку наунского товара 222 руб. 50 коп.¹²⁰ Предъявляя в 1715 г. 10 пудов хмеля (ценой по 2 руб. за пуд) в нерчинской таможене, нерчинский сын боярский С. Епифанцев свидетельствовал, что купил его на деньги, вырученные в Нерчинске от продажи наунских даб и китаек.¹²¹

Для тех, кто приходил из Китая через Селенгинск, начальным пунктом продажи товаров стал селенгинский рынок. В таможене Иркутска в 1711 г. многие торговцы, предъявляя деньги на покупку товаров, сообщали о том, что выручили их в предшествующие годы за проданные в Селенгинске китайские товары.¹²²

Продажа китайских товаров в сибирских городах и городах центральной России была гораздо выгоднее, так как там товары ценились дороже, чем на пограничных рынках. Например, по данным нерчинской и московской «ценовых росписей» 1694/95 гг., приведенным в работе В.А. Александрова, постав камки большой руки в Нерчинске оценивался в 7 руб., а в Москве в - 8 руб. 50 коп., камки средней руки соответственно – в 3 руб. 50 коп. и в 6 руб. 50 коп., конец китайки однопортишной – в 75 коп. и в 1 руб. 20 коп. и т.д.¹²³

Поэтому в Нерчинске распродавались далеко не все товары. Основная их часть провозилась «на Русь» и, прежде всего, в центр складывавшегося всероссийского рынка – Москву, а какая-то часть расходилась по Сибири.

Подобно торговым людям, часть служилых старалась увезти товары подальше от границы туда, где их можно было более выгодно продать или обменять на пушнину, «русские товары» и лошадей. К этой категории относились служилые и их родственники, попадавшие за рубеж из отдаленных гарнизонов: тобольского, томского, енисейского. Естественно, что они старались довести импортируемые ими товары до «своих» городов. Служилые пограничных острогов (Нерчинского, Селенгинского, Удинского, Иркутского) расширяли свои торговые операции, используя служебные поездки. Наиболее длительными, тяжелыми, но выгодными в торговом отношении, считались поездки «с казнами великих государей в Москву». К участию в таких поездках многие служилые люди готовились задолго. Они не только сами привозили товар из-за рубежа, но и скупали его «у своей же братьи служилых людей» на близлежащих к границе рынках: нерчинском, иркутском, селенгинском.

Например, в 1699 г. нерчинский сын боярский В. Казанов, отправляясь в конвое с собольиной казной в Москву, закупил в Нерчинске китайских товаров на сумму в 537 руб. 10 коп.¹²⁴ В 1701 г. казак П. Игнатьев купил в Нерчинске 7 поставов камки малой руки за 35 рублей¹²⁵ в дополнение к тем товарам, которые сам вывез из-за рубежа в предшествовавшие годы.

Если торговую операцию не удавалось совместить со служебной поездкой, то служилые могли ехать со своими товарами «собою». Теоретически такой вариант допускался, если служилый человек оставлял в гарнизоне на время своего отсутствия замену. Однако, такие поездки были редкостью. За два года (1694 и 1698 гг.) книги иркутской таможи, в которых отмечались предъявители китайских товаров, следовавшие из Нерчинска, зафиксировали только три таких поездки, в которых дважды участвовали родственники торговых людей – селенгинский пятидесятник А. Штинников и один раз - селенгинский пятидесятник Д. Торокановский.¹²⁶

Гораздо чаще служилые люди, чья торговая деятельность выходила за пределы пограничных уездов, отправляли товары с доверенными лицами. В 1691 г. нерчинский казак Михаил Савватеев посылал к «Русе» с братом торговым человеком Иваном Савватеевым «своего товару» 50 поставов камок, 10 концов китайки однопортишной и 12 соболей.¹²⁷

В 1694 г. таможенная иркутская книга отметила две явки китайских товаров, высылаемых за пределы Нерчинского уезда служилыми людьми с доверенными лицами. В первом случае товары (16 поставов камок, 3 тюня китайки) по поручению нерчинского

десятника М. Савватеева вез промышленный человек А. Горяинов.¹²⁸ Во втором случае – по поручению нерчинского десятника А. Казаринова вез 50 поставов камок средней руки, 50 тюмов китаек служилый человек М. Размахнин.¹²⁹ В 1698 г. через Иркутск проехали три нерчинских казачьих родственника и два нерчинских казака, которые зарегистрировали в иркутской таможене китайские товары «посылки» нерчинских служилых людей: десятника М. Чернецких, пятидесятника В. Шергина, казака Б. Тюменца, пятидесятника А. Казаринова, пешего казака Л. Небецына.¹³⁰

Общее число служилых людей пограничных гарнизонов, которые вывозили китайский товар из-за рубежа и далее за пределы пограничных уездов (в данном случае Нерчинского) или лично или через доверенных лиц, согласно иркутской таможенной книги 1694/1695 гг., составило 3 человека,¹³¹ а книги 1697/1698 гг. – 16 человек.¹³²

Стоимость провозимых ими товаров выразилась в первом случае в 920 руб., а во втором – 1050 руб. Транзит китайских товаров через Иркутск за указанные годы мог отразить движение товаров, привозимых в Нерчинск участниками караванов И. Идеса, С. Молодого, Л. Уварова, В. Шемелина и других, в которых в общей сложности участвовало около 100 служилых людей. Из этого числа 55 служилых только в караванах И. Идеса и С. Молодого вывезли китайского товара на 7313 руб. 70 коп.¹³³ Следовательно, подавляющее большинство служилых распродала вывезенные товары на местных рынках, не довеза их даже до Иркутска.

Китайские товары вывозились за пределы пограничных уездов не только по инициативе служилых людей, лично привозивших их из-за рубежа, но и служилых, которые не принимали участия в заграничных поездках. Последние покупали импортный товар там, где он был дешевле: в Нерчинске, Селенгинске, Иркутске с целью его перепродажи в более отдаленных от границы рынках.

Ниже приводятся сведения о покупке китайских товаров на нерчинском и иркутском рынках служилыми и их родственниками с указанием местожительства покупателей (название населенных пунктов в таблице 27 дано в географической последовательности):

Таблица 27.¹³⁴

Нерчинский рынок			Иркутский рынок	
1697 (21.IV–1.IX.), 1699(X)–1700 (IX); 1701 (VI–31.XII.)			1694 (20.VI.) – 1697(12. X.); 1711(1.I–VI)	
Город	Служилые люди и их родственники	Стоимость купленного товара (в рублях)	Служилые люди и их родственники	Стоимость купленного товара (в рублях)
Тюмень	1 казачий сын	3	-	-
Тобольск	2 казачьих сына	343,35	1 стрелец	133,40
	1 казак	180	1 казак	19,80
	1 сын боярский	108		
	1 сын атамана	40		
Томск	1 казак	93,8	1 казак	364,50
			1 стрелец	38
Енисейск	-	-	1 казачий брат	99,50
Иркутск	-	-	1 казак	180
Илимск	-	-	1 сын боярский	35
Удинск	-	-	1 стрелец	32,37
Нерчинск	1 сын боярский	537,10	-	-
	2 казака	130,70	-	-
Итого:	10	1435,95	8	902,57

Таблица 28.¹³⁵

Социальный состав предъявителей китайских товаров в Иркутске	Количество	Число торговцев и пункты продажи ими китайских товаров	
Торговые, промышленные, гулящие, жители, прочие	113	17	Иркутск
		4	Илимск
		4	Киренск
		46	Енисейск
		3	Томск
		18	Тобольск
		20	«Русь»
		1	неизвестно
Служилые люди и их родственники	25*	3	Иркутск
		13	Енисейск
		7	Тобольск
		2	«Русь»
Всего	138 человек	138 человек	
* в их числе 1 удинский отставной казак			

В общей сложности из числа служилых людей – участников торговых караванов за рубежом или посылаемых в Сибирские города «за казнами великих государей», или же ездивших «для своих торгов, а не в службу» и из числа тех служилых, которые не бывали за рубежом, а

приобретали китайские товары на пограничных рынках, ежегодно составлялись партии, которые вместе с торговыми, промышленными и «прочего чина людьми» увозили китайские товары из пограничных районов в Иркутск, Енисейск, Тобольск и далее в «русские города», или же через Иркутск – в Илимск и Якутск.

О числе торговцев, приехавших с китайскими товарами из пограничного Нерчинского уезда в Иркутск, и их дальнейшем пути следования можно судить по документам иркутской таможни. Например, с сентября 1697 по август 1698 г. в Иркутске с китайскими товарами было зарегистрировано 138 человек. Из них, как видно из таблицы 28, служилые и их родственники составили 25 человек.

Участники этой группы использовали все возможные варианты вывоза за пределы пограничного уезда импортируемых из Китая товаров: 10 человек (9 нерчинских казаков, 1 нерчинский сын боярский) сопровождали «государеву казну», 1 служилый (селенгинский пятидесятник Д. Торокановский) специально ехал в Иркутск «не в службу», а для «своих торгов», 7 человек (2 нерчинских казака, 5 нерчинских казачьих родственников) везли товары тех служилых, которые не смогли сами поехать и остались в гарнизоне. И, наконец, 2 енисейских, 1 балаганский казак, 2 тобольских казачьих сына, 1 иркутский казачий брат и 1 селенгинский казачий племянник везли купленные на нерчинском рынке, а также вывезенные ими из-за рубежа китайские товары.¹³⁶

Фактически, в 1697/98 гг. служилые люди составили немногим более 18% от общего числа предъявителей китайских товаров, вывозивших их за пределы Нерчинского уезда, что еще раз подтверждает мысль о том, что для большинства служилых людей торговля китайскими товарами была ограничена рамками пограничных районов. Те же немногочисленные служилые, которые провозили китайский товар за пределы пограничных уездов, продавали его, подобно торговым людям, и на сибирских рынках и даже «в русских» городах (таблица 28).

Торговая деятельность ярче, чем любое другое занятие, отражала имущественное неравенство в среде служилых людей. Участие в зарубежных караванах не только обогащало верхушку служилых людей, но и способствовало ее численному росту. Неслучайно, именно в нерчинский период русско-китайской торговли (90-е гг. XVII – начало XVIII в.) в составе нерчинского гарнизона резко возросло число поверстков служилых людей по прибору в служилые по отчеству. Примером тому являлась карьера представителей известных нерчинских казачьих семей Лагуновых, Молодых, Казановых, Пешковых,

Хлудневых, Луговских и др., члены которых в 70-80 гг. XVII в. числились в рядовых казаках, а в 90-х гг. XVII – начале XVIII вв. продвинулись до пятидесятников, детей боярских, дворян нерчинских и московских.

Тесная связь с торговлей некоторых служилых людей фактически меняла род их деятельности, превращая в торговцев-профессионалов. Показательной в этом отношении является судьба нерчинского казака В. Хлуднева, который переселившись из Нерчинска ближе к торговому пути – в Селенгинск, только по отдельным сведениям вывез в 1717 г. в составе каравана купчины М. Гусятникова китайских товаров стоимостью в 875 руб.¹³⁷ В 1726 г., став купцом, он смог послать с приказчиком в Москву китайских товаров на сумму в 10845 руб.¹³⁸ Схожей с судьбой Хлуднева была судьба нерчинского сына боярского Л. Кочмарева, разбогатевшего на местных промыслах и русско-китайской торговле. Последний дважды ездил в Китай как «товарищ» купчин П. Худякова и И. Савватеева, получая каждый раз право беспощинного вывоза любых товаров на сумму в 600 руб.¹³⁹ Стал селенгинским купцом бывший нерчинский казак, а позже дворянин В. Фирсов, приказчик которого в 1726 г. вывозил китайский товар в Москву.¹⁴⁰

Зарубежная и внутрисибирская торговля выдвинула в число нерчинских торговцев Семена Луговского, который избрал торговлю главным занятием. В начале XVIII в. он имел две лавки в Нерчинске, в которых торговали его «лавочные сидельцы» – дворовые люди. Отъезжие торги выполняли приказчики. Зарубежную торговлю Луговской вел по двум каналам: часть товаров привозилась с Науна, а часть – с караванами, ходившими в Китай через Селенгинск. Товар с Науна попадал на Нерчинский рынок, а китайские товары, привезенные через Селенгинск, посылались в Иркутск, Енисейск, на Ирбитскую ярмарку. Там в обмен на них закупались «русские товары», часть которых продавалась в Нерчинске. В 1712, 1713 гг. «лавочные сидельцы» Луговского продали в Нерчинске привезенные из Верхотурья, Иркутска и Науна товары на сумму в 478 руб. 50 коп. Присоединив к ней еще 222 руб. 50 коп., С. Луговской отправил своего «человека» в Иркутск для покупки новой партии товаров.¹⁴¹

Аналогичные торговые маршруты характерны и для других служилых людей Нерчинска, ставших регулярными поставщиками «русских товаров» на местный рынок.

В 1701 г. при возвращении «с Руси» в Нерчинск у нерчинского сына боярского В. Казанова вблизи Енисейска в пяти возах было «обыскано» только утаенных от таможенного досмотра денег и товаров

на сумму в 700 руб. По «скаске» В. Казанова, деньги – 463 руб. он выручил в Москве, Верхотурье, Тобольске от продажи китайских товаров. А неявленные товары: сапоги сафьяновые, чарки, юфти кожаные, мыло, хмель, уклад и т.д., оцененные в 237 руб., были куплены им на тобольском рынке и предназначались для перепродажи в Нерчинске.¹⁴²

В 1713 г., по справке «лавочных сидельцев», из двух лавок дворянина И. Казана было продано сукон отечественных и английских, холстов, шелка, овчин астраханских, бумаги, ножей, воска, уклада, хмеля и т.д. на сумму в 645 руб. 95 коп. Указанный товар был куплен на деньги, полученные от продажи в западно-сибирских городах китайских товаров, вывезенных через Селенгинск.¹⁴³

Обогащая одних, зарубежные поездки могли иметь плачевный результат для других, поскольку требовали значительного оборотного капитала и даже для крупных торговцев типа гостей Никитиных и Ушаковых были связаны с системой кредитов и займов.¹⁴⁴

Изображая условия русско-китайской торговли, В.А. Александров приводит яркий пример, когда купцы, собравшиеся в 1699 в Нерчинске, просили местного воеводу не задерживать их с отправкой каравана в Китай, поскольку товары и деньги «на китайскую руку» они брали займы «у своей же братьи великой ценой», подписывая краткосрочные кабалы.¹⁴⁵

Конечно, объем вывоза импортных товаров служилыми людьми был скромнее его вывоза торговыми людьми. Но в смысле изыскания средств для ведения торга и даже для обслуживания караванов служилые люди нередко копировали действия торговых людей, обращаясь, как и последние, к услугам ростовщиков и подписывая кабальные займы. Неслучайно поэтому, что по выходе из-за рубежа любого торгового каравана его поджидал «встречный караван» заимодавцев, которым доставалась значительная доля товаров.

Из всех категорий служилых людей особенно в тяжелом положении оказывались рядовые, которые, не имея прочной материальной базы, в надежде быстро разбогатеть на обслуживании караванов «займовали деньги у торговых и у своей же братьи служилых людей». Однако, любая непредвиденная дорожная случайность могла их разорить, привести к потере не только имущества, но и личной свободы. И тогда в силу вступала одна из статей «Соборного уложения»: «А казаков, и пушкарей, и затинщиков, и иных меньших чинов служилых и тяглых всяких людей, которым с правезу окупиться будет нечем, после указанного месяца выдавати исцом головою до испуку...».¹⁴⁶

За 1701-1702 гг. сохранились материалы одиннадцати судебных разбирательств, приоткрывающих закулисную сторону приобретения китайских товаров некоторыми из служилых людей, участников каравана купца Г. Бокова и результаты их поездки. Каждый из казаков, выступавших на суде в качестве ответчиков, отправляясь «для обережи каравана» в 1700 г., занял деньги для покупки «мягкой рухляди», скота и т.д. Так, нерчинский казак Ф. Кабаков получил в долг у торгового человека Т. Ковригина 125 руб., селенгинский казак Н. Сынков – у нерчинского, тогда еще конного казака С. Луговского – 25 руб., нерчинский пеший казак П. Сорокин – у нерчинского пятидесятника Л. Пушникова – 15 руб., казак И. Корнев – у нерчинского казака И. Ивановских – 200 руб. Казак Е. Гусевских занял у нерчинского десятника Ф. Лагунова 200 руб., у пятидесятника С. Тархова – 42 руб. и у промышленного человека Ф. Веселкова – 200 руб. Отставной удинский стрелец Я. Дырин занял у нерчинских казаков Д. Костромитина и Г. Котельникова соответственно 10 и 70 руб. Были должниками нерчинского казака К. Почекунина и удинского стрельца И. Крестинина отставной нерчинский казак С. Панкратов и иркутский казак В. Осипов. Нерчинский казак Василий Бокшеев с братом Григорием задолжали тобольскому «жителю» Г. Смольникову по кабале 130 руб. Нерчинский пятидесятник Ян Истоппников вместе с братьями Михаилом и Федором заняли для торговых дел 960 руб. у оброчного крестьянина села Покровского М. Остафьева, который в 1700 г. «поступился» этой «заемной кабалой» купчине С. Лянгузову.¹⁴⁷

Большинство должников обязывались вернуть долг китайскими товарами. Причины, вследствие которых ответчики не поставили к сроку обещанных товаров, были разными. Один из нерчинских казаков подмочил в пути купленную китайку и заимодавец, отказавшись от испорченного товара, потребовал срочного возвращения долга деньгами. Нерчинский казак Е. Гусевских на заемные деньги купил 25 лошадей в расчете подработать на обслуживании каравана, но большую часть лошадей либо потерял, либо отдал за долги в караване¹⁴⁸ и т.д.

Только восьми из одиннадцати служилым людям удалось в 1701 г. расплатиться с заимодавцами или оттянуть время уплаты долга. Один из них, И. Корнев, поставленный судом перед угрозой оценки «скота, и живота, и двора, и девки Оринки», уговорил истца подождать оплату 100 руб. «до Рождества Христова», а в счет остальных 100 руб. отдал свою кабалу на селенгинского казачьего сына Ф. Лаврентьева.¹⁴⁹

В тяжелом положении оказался десятник Василий Бокшеев (его брат Григорий, совместно с которым Василий брал деньги в долг, умер в Китае), у которого была оценена и описана «...вверх по Нерче-реке

заимка, а на той заимке...двор, да...12 скотин рогатых дойных, да 7 скотин рогатых холостых, оприч телят, да 7 лошадей, да двое дворовых...». ¹⁵⁰ В 1701 г. удалось не надолго отсрочить выплату долга казаку Е. Гусевских, который через несколько лет, совсем запутавшись в долгах, был «вычтен из службы вон» и отдан «в зажив головой» своему сослуживцу и кредитору Ф. Лагунову. Не смог в 1701 г. выплатить долг и потерял свободу уже престарелый отставной стрелец Я. Дырин. ¹⁵¹ Его судьбу повторили отставной нерчинский казак С. Понкратов и иркутский казак В. Осипов, отданные в 1701 г. по приговору суда «в зажив головой...до искупу долга в срочные годы». ¹⁵²

Таким образом, из 55 служилых и их родственников, охранявших караван купчины Бокова, 11 человек, т.е. 20% были привлечены за долги к судебной ответственности, 8 сумели уладить свои дела, а 3 т.е. около 0,5% потеряли свободу (до времени отработки долга).

Приведенные нами примеры, иллюстрирующие финансовые трудности и неудачные результаты зарубежных поездок служилых людей – участников только одного каравана, не были исключением. Они встречались и ранее и позже.

Полно драматизма письмо, адресованное иркутскому приказчику П. Самойлову из Тункинского острога от годовальщика иркутского десятника К. Федорова. Последний, жалуясь на неудачную торговлю скотом и лошадьми, писал: «...Изведи из темницы душу мою, так меня из Тункинского острогу, моги к своей милости взять, а я в свое место оставлю наемщика. А нонече совсем разорился, потому что коней и бычков куплено и в долги давал, а сам имел в долг у торговых людей, и то все село на шею...Дай мне свет!». ¹⁵³

В декабре 1704 г. нерчинские казаки, узнавшие о выходе каравана купчины И. Савватеева через Селенгинск, жаловались в Сибирский приказ не только на неправомерность, с их точки зрения, поступка Савватеева, но и на то, что их должники «разных городов люди» не вернулись в Нерчинск и не отдали долгов. ¹⁵⁴

Известный интерес представляет судьба казака Б. Щеголева, который в свое время был в Нерчинске мясником, имел собственную лавку, неоднократно бывал с караванами в Китае и на Науне, откуда вывозил частично заработанные в караване, частично купленные на рынке китайские товары. Но в 1712 г. мы встречаем его уже не как казака, занимавшегося торговым промыслом, а как «человека» московского дворянина С. Луговского, для которого он выполнял различные торговые поручения. ¹⁵⁵

Не только торговля и обслуживание караванов, но даже их охрана внутри Сибири и тем более за рубежом, требовали от служилых людей

затраты значительных средств. Разрешение беспошлинного провоза по Сибири и за рубеж определенной части товаров, предназначенных для «дорожных нужд и дальнего пути», было дано служилым не случайно. Но и этой льготой многие из служилых не могли воспользоваться, вследствие имущественной несостоятельности, отсутствия средств не только для торговли, но и даже «на подъем, для обережи караванов». Именно эти люди являлись тем резервом, за счет которого иные служилые люди могли бывать за рубежом вне очереди по 2-5 раз или посылать в охранные отряды своих доверенных лиц.

Итоги исследования

Как и в целом в Сибири XVII – первой четверти XVIII вв., основной контингент гарнизонов Иркутского и Нерчинского уездов состоял из служилых людей «старых служб»: служилых по прибору – конных и пеших казаков, немногочисленных стрельцов, пушкарей, затинщиков, беломестных казаков и др. Они формировались за счет административных посылок служилых, их родственников, а иногда их заменщиков «из разного чина людей», на временную службу из уже обжитых западно-сибирских уездов, а также путем привлечения в службу на месте вольных переселенцев – гулящих и промышленных людей. Зачисление в гарнизоны Иркутского и Нерчинского уездов нерусского населения (тунгусов, бурят) первоначально было индивидуальным, а с начала XVIII в. – групповым, т.е. целыми формированиями. В отличие от гарнизонов Западной Сибири, пестрота национального состава гарнизонов в Восточной Сибири обеспечивалась за счет привлечения в службу местного нерусского населения.

Верхушку гарнизонов служилых людей «старых служб» составляли служилые люди по отчеству – уездные дворяне и дети боярские, зачисление в службу которых в Сибири XVII в. отличалось известным своеобразием. Запретные меры, направленные против их поверстки из числа приборных служилых людей, проводимые в европейской части России в период интенсивного освоения Сибири, не были столь жесткими для этого региона. На практике они сводились лишь к пресечению самовольных воеводских поверсток в чины по отчеству без санкции на то Сибирского приказа. Такая политика отражала стремление правительства к упрочению своих классовых позиций в Сибири и была одним из способов поощрения служилых людей. Однако, отметим, что она носила половинчатый характер, поскольку на сибирских служилых людей по отчеству не

распространялся важнейший принцип поместного права, согласно которому к земельной даче за службу полагалось пожалование крепостных крестьян. Последнее повлекло бы за собой раздачу «государевых» крестьян из сел, деревень, создаваемых путем громадных экономических затрат (подмог, льгот, ссуд). В условиях государственного феодализма в Сибири, специфики этого региона и его заселения правительство сводило к минимуму расходы на содержание служилых людей по отечеству, большинство которых были выходцами из казаков, дослужившихся до чина казачьего пятидесятника и даже десятника.

Особую значимость для гарнизонов имело образование старожильского служилого населения. Наиболее результативным для его формирования было не оседание лиц, посланных по выбору на временную службу из Западной Сибири, а поверстка пришедших в уезды гулящих и промышленных людей. Последние, будучи в прошлом в подавляющем большинстве выходцами из крестьянских и посадских семей европейской части страны и Западной Сибири, образовали к концу 80-х гг. в Нерчинском, в 90-е гг. XVII в. в Иркутском уездах старожильское ядро уездных центров, а в начале XVIII в. и в подведомственных уездным центрам острогах.

Обрастание старожильского служилого ядра родственниками (детьми, братьями, племянниками) создало к концу второго десятилетия XVIII в. в пограничном юго-восточном регионе Сибири условия для наследственного замещения гарнизонных должностей. Этот принцип примерно на 20 лет отставал от аналогичного в Западной Сибири, где он стал возобладающим к исходу XVII в.¹ Такая хронологическая разница отражала временную поэтапность освоения Сибирского региона, а отсюда и доминирующий принцип комплектования их гарнизонов. Правда, вследствие коррупции воеводской администрации, он нарушался. Но Сибирский приказ, достаточно осведомленный о наличии служилого резерва, уже с 80-х гг. XVII в. стал пресекать в исследуемых нами уездах эти нарушения, следуя общероссийской политике консолидации сословий.

Военная структура городских гарнизонов, типичная для Сибири того времени, строилась по десятичному принципу: десятням, пятидесятням, сотням, возглавляемым казачьими десятниками, пятидесятниками, сотниками, атаманами и служилыми людьми по отечеству. Как и в Западной, в Восточной Сибири, официальная войсковая организация «уживалась» с неофициальным казачьим кругом и войсковой казной, что было связано и с традициями казачьего самоуправления и с бытовавшими у тяглого населения Сибири

(крестьян и посадских людей) в XVII в. нормами общинного, мирского самоуправления.

Служилые люди выполняли военные, административные, хозяйственные, полицейские, фискальные, политические, дипломатические обязанности, которые в совокупности позволяли им самим утверждать, что «таких служб нет, которые бы они не служили». Большая или меньшая значимость той или иной обязанности зависела от степени освоения территории, военной напряженности на границе, отношений с аборигенами, ростом численности податного населения, хозяйственной специфики уездов, их природных факторов и т.д.

На юго-восточных рубежах Сибири пик военной напряженности в XVIIв. приходился на 80-е гг. В сложившейся ситуации гарнизоны уездов, проявив чудеса героизма и храбрости, сыграли громадную роль в защите российской территории от вторжения цинских войск и в создании более благоприятных условий для заключения Нерчинского договора в 1689 г. с Цинской империей.

Такую очень важную обязанность служилых людей, как сбор ясак, следует рассматривать не только с экономической, но и с политической стороны. Через ясак руками служилых людей нерусские народы Сибири приобщались к государственности и к пониманию своих обязанностей в пользу государства, которое их оберегало и защищало. Поэтому этот род службы по большому счету может оцениваться в большей степени с позитивной, нежели с негативной стороны, а сама служба рассматриваться не только как фискально-административная, но и как социально-политическая.

Нельзя согласиться с мнением некоторых дореволюционных авторов, утверждавших, что служилые люди, «в отличие от посадских и крестьян, были полностью избавлены от поборов и изданий на государя».² Напротив, служебные обязанности часто переплетались с повинностями в пользу государства (достаточно вспомнить строительство и починку острогов и административных зданий, средств передвижения, заведение «государевой пашни» силами служилых людей и т.д.), что позволяет говорить не только о весьма широком круге служебных обязанностей, но и об интенсивной эксплуатации труда военно-служилых людей в работах отнюдь не военного характера.

Государственное обеспечение служилых людей состояло из денежного, хлебного, фуражного и соляного жалования. В Восточной Сибири, также как и в Западной, между размерами отдельных видов жалования прослеживался определенный фактор соответствия: хлебный оклад давался «против денег», соляной зависел от величины денежных сумм. Как и в Западной Сибири, в окладах служилых людей по

отечеству и казачьей верхушки была более заметной дифференциация по сравнению с достаточно постоянными на протяжении второй половины XVII – первой четверти XVIII вв. окладами конных и пеших казаков. Жалование было одним из главных признаков, отличающих служилых людей от тяглых категорий населения, подлежащих обязательному налогообложению.

Своевременность и полнота выплаты жалования зависели от степени хозяйственного освоения территории, а отсюда – от состояния местного бюджета. Первоначально денежное «в виде денег и товаров» жалование присылалось в уезды из Москвы и из сибирских городов, имеющих большие доходы: Верхотурья, Тобольска, позже – Енисейска; хлебное – из тех же сибирских городов; соляное – обеспечивалось за счет местной добычи соли. Возможность выплаты денежного жалования за счет местных средств зависела от поступления в казну местных денег, а ассортимент товаров, заменявших часть денежного жалования, от отдельных слагаемых бюджетного роста. С 80-х гг. XVII в. доминирующим добавлением к присылаемым в уезды деньгам стали дешевые и нетранспортабельные ясачные поступления, не подлежащие отправке в Москву. С 90-х гг. XVII в. к присылаемым местным деньгам и ясачным поступлениям добавились таможенные китайские товары, а с XVIII в. – предметы развивающейся местной промышленности. Своевременная и полная выплата денежного жалования наладилась в Нерчинском уезде в начале 90-х гг. XVII в., а в Иркутском – в начале XVIII в.

Сложным, особенно в Забайкальской части Иркутского и в Нерчинском уездах, было продовольственное обеспечение гарнизонов. Их отдаленность, военная напряженность, поглощение гулящих и промышленных людей (потенциальных крестьян) служилым контингентом привели к тому, что казенная продовольственная задолженность служилым людям в этих районах была одной из самых высоких в Сибири. Ее удалось ликвидировать благодаря росту крестьянского населения, а главное, обращению к хлебопашеству служилых людей, что привело к сокращению казенных расходов и сбалансированности хлебной части бюджета уездов. Своевременная и полная выплата хлебного жалования наладилась в Иркутском уезде в конце XVII в., а в Нерчинском – во втором десятилетии XVIII в. Поскольку соль добывалась на месте, соляная часть жалования не испытывала дефицита.

Годовое жалование в Западной Сибири, по мнению Н.И. Никитина, едва обеспечивало прожиточный минимум двух человек.³ В Восточной Сибири, вследствие ее отдаленности, специфики

географического положения, более высоких цен на хлеб и продовольственные товары, замедленного роста тяглого населения, жалование, даже при его регулярной выплате, вряд ли обеспечивало прожиточный минимум двух человек, не говоря уже о семье, имеющей малолетних детей. Поэтому служилые люди Восточной Сибири, во всяком случае в ее юго-восточном регионе, в большей степени, чем в Западной Сибири, обращались к хозяйственным занятиям. Их характер во многом предопределялся социальным прошлым служилых людей, их связью с крестьянской и городской средой, а отсюда и с соответствующими хозяйственными навыками.

Уже в 20-х гг. XVII в. правительство использовало инициативу обращения служилых людей Сибири к хлебопашеству, наделяя их землей и снимая с хлебного оклада. Тем самым оно продолжало и в Сибири политику, которую, проводило в южных районах европейской части Российского государства. Жесткий порядок «службы с пашни», первоначально практикуемый в Западной Сибири в соответствии с «Уложением» Ю.Я. Сулешева, по мере продвижения русских на восток становился более льготным, особенно в отдаленных уездах, что выражалось первоначально в возможности иметь пашни и сохранять полные пашенные оклады. Лишь создание прочного старожильского ядра и, как следствие этого, отмена годовых служб позволили администрации сначала соотносить размеры пашен и хлебных окладов, а с 1706 г. вовсе снимать служилых людей с хлебного жалования без учета реально обрабатываемых ими земель, верстать служилых «в пашенные ставки», сразу лишая их хлебного довольствия, не заменять при поверстке «пашенные» оклады на «непашенные».

Служилые люди Сибири получали земли – служебный надел от феодального государства на правах условного пользования как «дачу за службу». Земля под пашню отводилась чаще в индивидуальное («собинные»), и реже – в коллективное («собча») держание. В коллективном пользовании находились сенокосы, пастбища, леса. Размер пашенных окладов и распахиваемых площадей не совпадал. У служилых людей Восточной Сибири, так же как и в Западной, можно выделить хозяйства трех типов, обрабатывающие: три десятины из отведенных им в одном поле 5-7 десятин; полный надел - от 5 и выше десятин; сверх-окладные пашни. Наделяя служилых людей землей как «дачей за службу», но без крестьян, правительство ставило служилых в условия развития у них хозяйств крестьянского типа, но с более крупными доходами, чем в аналогичных по объему затраченного труда крестьянских хозяйствах, поскольку крестьяне должны были обрабатывать одновременно собинную и десятинную пашни и с

последней вносить в казну десятинный или оброчный хлеб. Служилые, если их пашни не превышали положенной им в оклад нормы, оставляли весь урожай в своем пользовании.

Образование старожильского служилого населения, численный рост семей в соединении с занятием хлебопашеством создавали необходимые условия для переселения «всяких чинов» служилых людей из гарнизонов на отведенные им земли и основания ими однодворных, двудворных и более крупных деревень. Их расположение было чересполосным (реже), с другими категориями населения, либо компактным (чаще). Последнее способствовало большей монолитности служилых людей в социально-экономическом отношении и предвосхитило компактный отвод земель Забайкальскому пограничному казачьему «войску» в 70-х гг. XVIII в. и даже на отдельных его участках территориальное совпадение с этими деревнями.

Немаловажное значение для служилых людей имели занятия ремеслами и промыслами. Среди служилых были кузнецы, оружейники, скорняки, столяры, свечники, кирпичники, солевары, лица, связанные с заготовкой дров и строительных материалов, с мукомольным, пушным, рыбным промыслами. Превалирующей была роль служилых людей по отечеству, казачьего начальства и рядовых казаков – старожилов в винных, пивных, квасных, соляных откупах, в винных и хлебных подрядах.

Хозяйственное освоение Сибири совпало с началом нового периода русской истории и формированием всероссийского рынка, дальнейшим общественным разделением труда, быстрым развитием мелкого товарного производства, втягиванием производителей в рыночные связи. Эти процессы не могли не найти конкретного проявления и на вновь присоединяемых Сибирских землях. Анализ развития отдельных отраслей промышленного производства в хозяйствах казачества и служилых людей по отечеству свидетельствует о работе на заказ, перерастании ремесла в мелкое товарное производство, об использовании семейной, мелкой капиталистической кооперации и наличии у служилых более крупных предприятий – «заводов» в таких отраслях производства, как мыловарение, судостроение, производство кирпича, солеварение, винокурение, пивоварение, не имевших еще четко выраженных признаков мануфактуры, а представлявших лишь переходную форму от мелкой капиталистической кооперации к мануфактуре.

Занятия земледелием, животноводством, промыслами, ремеслами способствовали включению служилых людей в торговлю. Часть

служилых рассматривала торговлю в качестве основного хозяйственного занятия, совмещаемого со службой. К этой группе относились служилые, связанные с кожевенным, мыловаренным, свечным, скорняжным, токарным делом и с производством продуктов питания: мяса, рыбы и изделий из них. Служилые, связанные с сельским хозяйством и пушным промыслом, поставляли на рынок хлеб, скот, меха. Поскольку служилые, в связи со слабостью посадов, занимали доминирующее место в большинстве из вышеперечисленных видов производства, а следовательно, и в поставке соответствующих предметов на местный рынок, они сыграли весьма заметную роль в организации и формировании областных рынков, насыщении их предметами местного производства и промыслов, ликвидации дефицита на ряд товаров, ранее привозимых в уезды.

Пограничное расположение уездов способствовало втягиванию служилых людей во внешнеторговые связи. Именно служилые стали пионерами пограничной торговли с Китаем до установления с ним дипломатических отношений. По их инициативе были найдены наиболее удачные точки ведения порубежной торговли – «Наунские села», определившие один из отрезков пути первых русских казенных караванов, ходивших в Пекин. После перенесения торгового пути в Китай из Нерчинска в Селенгинск пограничная торговля с Наунскими селами усилиями служилых людей не затухала, помогая таможенными сборами поддерживать денежную часть нерчинского бюджета. Налаживание и развитие официальных, государственных, политических и экономических связей России с Китаем создали служилым людям сначала Нерчинского, а затем Иркутского уездов условия для более выгодной непосредственной зарубежной торговли. Средства для ее ведения черпались в промыслах, хлебопашестве, откупках, ростовщичестве, внутренней торговле. Используя служебные поездки в составе и охране дипломатических миссий и торговых караванов, служилые участвовали во внешней торговле лично или с помощью приказчиков, заменявших их на службе. Вторым вариантом получения импортных товаров было совмещение службы (охрана караванов) с обеспечением торговых людей транспортными средствами и продуктами питания из своего хозяйства. Разумеется, второй вариант не исключал возможности личного участия в торговле, но в более скромных масштабах. Третий вариант получения импортных товаров был связан с совмещением охранных функций с «черной» работой грузчиками, возчиками в тех же караванах.

Внешняя торговля обогатила многих из служилых людей, которые вывозили китайские товары стоимостью от нескольких сотен до

нескольких тысяч рублей. Радиус сбыта импорта для большинства казаков, ходивших за рубеж, ограничивался областным рынком «своего» уезда. Но часть служилых, особенно связанных родственными и деловыми связями с крупными торговыми домами или самостоятельно ведущих зарубежный торг (из числа служилых людей по отчеству, казачьей верхушки, казаков-старожилов), вывозили импортный товар не только в сибирские уезды, но и вместе со скупленной или добытой их покрученниками пушниной – в Москву. Из столицы на вырученные деньги ими привозились товары, пользовавшиеся в Сибири большим спросом. Таким образом, служилые люди внесли определенную лепту в усиление межрегиональных связей и включение Сибири во всероссийский рынок.

Анализируя хозяйственные занятия служилых людей, нельзя обойти вниманием и тот вклад, который был ими сделан непосредственно в местный, а опосредованно и в государственный бюджет. Как известно, в XVII в. он состоял из денег, хлеба, соли. Доходами, поступающими в денежную часть местного бюджета от служилых людей, были деньги, взимаемые с них за откупа: производство и продажу вина, пива, соли, а также за эксплуатацию оброчных статей: мельниц, перевозов, площадного письма, рыбных ловель, птичьих гонов, лавок, полок и т.д. Некоторые доходы денежной части бюджета приносили таможенные пошлины, вносимые служилыми людьми с оценки явленных ими в таможах предметов торговли: пушнины, «русских» и зарубежных товаров. Все деньги, собранные в любом из сибирских уездов, оставались в местном бюджете, не высылаясь в центр. Таможенная и ясачная «мягкая рухлядь» (последнюю собирали служилые люди) подлежала высылке в Москву, вливаясь в общегосударственный бюджет.

Участие служилых в установлении хлебной части бюджета выражалось в экономии казенного хлеба, в связи с обращением их к хлебопашеству и снятию их с казенного довольствия, а также за счет «выдельного» хлеба, взимаемого с пашен, превышающих окладные нормы и с пашен служилых людей, вышедших в отставку.

Соляная часть бюджета обеспечивалась частично через откупную систему, в которой, наряду с другими категориями населения, были задействованы и служилые люди. В конечном итоге, не без участия служилых людей к концу XVII в. наиболее трудоемкие составные сибирского бюджета (денежная и хлебная) стали заканчиваться с небольшим дефицитом. Это позволило государству в 1697 г. ввести казенную монополию на ценные собольи меха, которые выкупались казной частично за счет уездных доходов на месте, снизить финансовые

потери из-за частной торговли пушниной до минимума и подключить через монополию на меха сибирский бюджет к общегосударственному.⁴

Складывание старожильского служилого населения, его обрастание семьями с двух-трех поколенным демографическим показателем с первой четверти XVIII в. стало характерным для юго-восточных уездов Сибири. Разрастание служилых семей и штатное ограничение гарнизонов привели не только к возобладанию родственного принципа верстания в службу, но и к увеличению числа родственников, не занятых в службе. Фактически в первой четверти XVIII в. служилая категория в Сибири напоминала «айсберг», видимая часть которого была представлена казаками и служилыми людьми по отечеству, состоящими в гарнизонных штатах. Подводная часть «айсберга» состояла из родственников служилых людей: детей, братьев, внуков, правнуков, племянников, представлявших собой как потенциальный резерв пополнения гарнизонов, так и рабочую силу, участвующую в любых видах хозяйственных работ: земледелии, промыслах, ремеслах, торговых операциях. Родственники предпочитали жить неразделенными семьями с теми, кто состоял в гарнизонной службе. Это объяснялось двумя причинами: нежеланием потерять связь со служилой средой, а отсюда надеждой попасть в службу и избежать записи в тягло, соответствующее профилю хозяйственных занятий. Тот, кто отделялся и брал пашню, становился крестьянином, кто, отделившись «своим делом», предпочитал ремесла, промыслы, торговлю – приписывался к посаду.

Участие в хозяйственной деятельности не отделившихся от семьи родственников выглядело достаточно завуалированным, поскольку, судя по документам, ответственным за выплату налогов (со сверхокладных пашен, ремесел, промыслов, торговли и др.) был глава семейства – лицо, состоящее в гарнизонной службе и пользующееся некоторыми льготами. Что же касается участия родственников в качестве «заменчиков» служилых людей в поездках с ясачной казной, в охране торговых караванов и посольств, в пушном и рыбном промыслах, то их экономическая деятельность просматривалась более отчетливо, вследствие того, что вносимая ими таможенная пошлина записывалась на их имя иногда рядом с именем служилого, которого они заменяли.

Численный рост семей, их неразделенность служат объяснением того, что хозяйства подавляющего числа служилых людей по прибору опирались на семейный труд. Исключение могли составлять семьи казаков-старожилов, потенциальных претендентов на командные

гарнизонные должности, которые прибегали к использованию дополнительной рабочей силы наймитов и подневольных людей.

На наш взгляд, для XVII в. – первой четверти XVIII в. несколько преждевременным выглядит вывод некоторых дореволюционных, а затем и современных исследователей о том, что «служилые люди по отечеству не отличались принципиально от рядовой служилой массы»,⁵ или, выражаясь другими словами, «мало чем отличались от служилых людей по прибору», или между служилыми людьми по отечеству и служилыми людьми по прибору «существенной разницы не наблюдалось».⁶

Дореволюционные и современные авторы исходили из юридических норм и нераспространения на сибирских служилых людей по отечеству прав дворян европейской части страны. Как видно из предлагаемой работы, определенное отличие все-таки было. В служебном отношении оно проявлялось в наличии привилегии получения командных должностей, выполнении обязанностей, наиболее выгодных в материальном отношении, в получении более высоких окладов, которые были зримым катализатором социальной дифференциации. В области хозяйственной служилые люди по отечеству владели в подавляющей массе многоотраслевыми хозяйствами, сочетающими земледелие, скотоводство, промыслы, с откупам, ростовщическими операциями и торговлей. В силу имущественной состоятельности и служебного положения в XVII – первой четверти XVIII вв., они занимали среди остальных категорий населения Сибири первое место по использованию подневольного и наемного труда. Отметим также, что в громадной массе документов из архивных фондов нам не встретился ни один, свидетельствующий об отказе стать служилым человеком по отечеству, даже при сохранении в течение долгого времени казачьего оклада, настолько желаемым и заманчивым был этот чин.

Таким образом, к концу первой четверти XVIII в., т.е. через 150 лет, прошедших от начала присоединения Сибири, на уровне самых отдаленных пограничных юго-восточных уездов завершился процесс, определивший распространение и внедрение важнейших служебных и социально-экономических характеристик, свойственных служилым людям «старых служб» Сибири, закрепленных соответствующим законодательством: Соборным уложением 1649 г., «Уложением» Ю.Я. Сулешева, царскими указами, наказами и наказными памятниками воеводам, а также обычным правом (традициями).

Важнейшими из этих характеристик были:

I. *Обязанности* служилых людей «старых служб»: военные, административные, полицейские, фискальные, хозяйственные, соотношение, объем и значимость которых зависели от временных факторов, социально-экономической, внешнеполитической специфики регионов.

II. *Приписка* служилых людей к гарнизонам и комплектование последних по десятичному принципу: десятям, пятидесятям, сотням, главенствующей роли в гарнизонах верхушки казачества и служилых людей по отчеству, подчиненность гарнизонов воеводам, но наличие на определенных этапах некоторой традиционной войсковой самостоятельности, включающей войсковой круг и войсковую казну.

III. *Наличие прав:*

1) На денежное, хлебное, соляное жалование, реальность его получения, благодаря развитию местного бюджета;

2) На доминирующий принцип замещения гарнизонных вакансий, согласно родству или принадлежности к одной из военно-служилых категорий, обеспеченной старожильческим ядром и его демографическим ростом;

3) На признание за служилыми людьми (во внеслужбное время) и членами их семей добровольного обращения к хозяйственным занятиям и выбору их профиля;

4) На занятия хлебопашеством, получение земли – служебного надела в условное пользование по принципу «дачи за службу» (но без крестьян), предоставление земли под пашню в индивидуальное пользование, а угодий - в общее;

5) На занятия ремеслами, промыслами, торговлей, откупам, на пользование оброчными статьями;

6) На получение беспроцентной ссуды деньгами и хлебом;

7) На индивидуальное, компактное или чересполосное с другими категориями расселение из гарнизонов в деревни.

IV. *Наличие льгот и исключений из них:*

1) Свобода от тягла;

2) Сочетание привилегий в податном отношении (льгот в уплате таможенных пошлин, а также с земель в рамках оклада) с некоторыми исключениями из них: внесением в казну «выдельного хлеба» со сверхокладных пашен, оплаты оброчных статей, откупов, с отраслей мелкого товарного производства и таможенных пошлин с товаров, стоимость которых превышала льготный тариф, отторжением земель после отставки и др.;

3) Возможность для служилых людей пользоваться подневольным трудом лиц русского происхождения, потерявших независимость из-за

кабальных долгов, и лиц из числа пленников (ясыря), но запрещение кабалить ясачных людей, принявших русское подданство.

4) Запрещение брать «в зажив головой» за долги стрельцов (за исключением отставных);

5) Освобождение от тягла родственников, проживающих совместно со служилыми людьми и имеющих с ними совместное хозяйство, даже при условии найма родственников в других хозяйствах или на казенных работах, но приписка родственников в тяглые категории в варианте ведения ими собственного хозяйства.

Перечисленные характеристики служилых людей «старых служб» Сибири хронологически не ограничивались первой четвертью XVIII в. Многие из них имели свое смысловое продолжение во второй половине XVIII – XIX вв. применительно к казачеству, как к самому многочисленному военному контингенту Сибирского региона, выделившемуся из состава служилых людей «старых служб».

Post Scriptum

К постановке вопроса о влиянии служилых людей «старых служб» на судьбы казачества Сибири и его становление как сословия.

Как сказано выше, служилые люди «старых служб» в Сибири были представлены конными и пешими казаками, стрельцами, пушкарями, беломестными казаками, сибирскими детьми боярскими и дворянами.

Военные реформы Петра I, попытки внедрения «регулярства» в формирования служилых людей «старых служб» существенным образом отразились на положении последних. После окончания Северной войны в 1721г. возникли лучшие условия для внедрения регулярных армейских частей в районах, где их не было¹ и запланировать в Западной Сибири набор Новоучрежденного регулярного Тобольского драгунского полка и пехотного батальона, а в Восточной – полка, названного Якутским. Поскольку Петр I имел намерение все воинские силы построить по принципу «регулярства», составители «Табели о рангах», разделив категории служилых людей на 14 классов, даже не включили в «Табель» служилых людей «старых служб», рассчитывая на их поглощение регулярными войсками и податными категориями населения. Как и в других районах страны, в Сибири была произведена перепись и ревизия всего мужского населения.

Согласно «Плакату о сборе подушных денег» от 24 июня 1724 г., все служилые люди «старых служб», которые состояли в службе и их родственники были включены в подушный оклад и причислены к категории так называемых разночинцев. Термин «разночинцы» отождествлял служилых людей «старых служб», ранее состоящих в разных чинах, и их неслужилых родственников. Этим названием как бы подчеркивалась их генетическая обособленность от «наследственных» пашенных и оброчных крестьян и от посадских людей, а также их специфика как бывших служилых людей. Кроме того, включив последних в разряд разночинцев, их тем самым на всякий случай пытались сохранить как резерв пополнения ратных сил и одновременно использовать до момента зачисления в службу в качестве налогоплательщиков, чтобы «в избылых никто из них не был». В правительственных кругах полагали, что статус разночинцев в какой-то степени мог смягчить социальную и психологическую напряженность в среде служилых людей «старых служб», в связи с изменением их положения далеко не в лучшую сторону.

Как следует из монографии, служилые и их родственники сами создали экономическую основу для возможности своего включения в подушный оклад. В основе изменения их социального статуса лежала хозяйственная направленность внеслужбных занятий. Бывшие служилые люди «старых служб» и их родственники, связанные с хлебопашеством (как хозяева, так и занятые в найме), стали разночинцами-хлебопашцами. Их обложили четырехгривенным налогом, «положенным вместо помещичьего доходу за пахоту десятинной пашни». Кроме того, уравнив служилых-хлебопашцев с тяглым сословием, правительство распространило на них подушную подать, равную 70 коп. «с души мужского пола». Таким образом, податное положение разночинцев из служилых людей-хлебопашцев было приравнено к положению государственных крестьян. Некоторая разница состояла в том, что государственные крестьяне обрабатывали или десятинную пашню или платили натуральный оброк. Разночинцы из служилых людей «старых служб» вносили ренту деньгами. Денежный оброк создавал некоторую видимость их отличия от крестьян и опять-таки уменьшал недовольство нововведениями.

Что касается разночинцев из служилых людей и их родственников, связанных с занятиями городского профиля, то их приписали к *посадам и цехам*, распространив на них оклад в 1 руб. 20 коп. (восьмигривенную подушную подать и четырехгривенный оброк). По «справке» 1732 г. в Иркутске было 1460 посадских людей, 107 цеховых, а в «ево ведомстве» - Верхоленске, Идинске, Балаганске, Бельске, Селенгинске, Удинске,

Ильинске, Кабанске – 706 посадских людей и 148 цеховых. Таким образом, в Иркутском уезде после ревизии стало числиться 2166 посадских людей и 255 цеховых. Тогда же в Нерчинском уезде было зафиксировано 516 посадских людей, причем только в Нерчинске их насчитывалось 259 человек. Несомненно, такой скачок в увеличении посадского населения, по сравнению с предыдущим периодом, произошел главным образом за счет приписки к посаду разночинцев – бывших служилых людей «старых служб» и их родственников, связанных с промышленной, ремесленной и торговой деятельностью независимо от того, вели они ее самостоятельно или будучи «наймитами».

Доказательством тому служит «Иркутская переписная книга выбывших (умерших – Г.Л.) после первой ревизии» 22 родственников из семей детей боярских и казаков, зачисленных в иркутский посад и цехи «по торговым их промыслам и ремеслам». Среди них были зафиксированы представители известных семей детей боярских Иркутска – Турчениновых и землепроходцев Перфильевых, дети боярские – Василий и Афанасий Бейтоны, которые были внуками московского дворянина Афанасия Бейтона, возглавившего героическую защиту Албазина от маньчжурских войск в 1686 г.; внуки иркутского пятидесятника Анисима Михалева, впервые освоившего Иркутское Усолье, снабжавшее солью весь Иркутский уезд. Такие примеры говорят о том, что даже героическое прошлое, чины и заслуги пращуров не освобождали их потомков от тяглого состояния.

Однако, объективная реальность продиктовала свои условия и уже через 10 месяцев после появления «Плаката» 1724 г. в правительственных кругах поняли непродуманность ликвидации иррегулярных частей и нереальность их повсеместной замены армейскими подразделениями. Незавершенность и сложность колонизационных процессов, громадность Сибирской территории, протяженность ее границ, слабая дифференциация военно-административно-полицейских функций, связанных со спецификой несения службы в Сибири, а главное, нехватка средств для содержания регулярных частей потребовали сохранения подразделений городских гарнизонов с их многофункциональными обязанностями.

20 апреля 1725 г. Сенат, пойдя на контрреформы, предписал сибирской администрации определить численность штатов, необходимых для гарнизонной службы, в составе сибирских дворян, детей боярских и казаков, распорядившись «со штатных подушных денег до указа не брать». Поэтому уже в 1726 г. началось освобождение от подушной подати служилых, возвращенных в гарнизонный штат, а в

1727 г. последовало предписание об освобождении от тягла вообще служилых людей и тем самым их исключении из разряда разночинцев.

Но мероприятие по освобождению от подушной подати служилых людей и их родственников не стало единовременным. Поэтому по «справке» 1732 г., т.е. составленной через 5 лет после указа 1727 г., например, в Восточной Сибири в числе налогоплательщиков, обязанных вносить подушную подать и четырехгривенный налог на содержание планируемого регулярного Якутского полка, значилось 30 отставных дворян, 40 отставных детей боярских, 1940 отставных казаков и их родственников из Иркутска, Селенгинска, Нерчинска и 12 отставных дворян, 11 отставных детей боярских, 1830 отставных казаков и 5987 детей и братьев служилых людей из Красноярска и Илимска. По подсчетам казны общий оклад, вносимый ими, составил 10835 руб. в год. Поскольку весь сбор на содержание Якутского полка определялся суммой в 16713 руб. 60 коп.,² вышеперечисленные разночинцы из числа служилых должны были обеспечивать его содержание на 65%.

Последующие переписи медлили с освобождением от тягла разночинцев-потомков служилых людей. Дети отставных казаков и служилых людей по отчеству, отделившиеся от родителей, их дети и внуки, наоборот, записывались при очередной переписи в обязательном порядке в подушную подать. Но поскольку разночинцы из бывших служилых людей рассматривались как резерв пополнения воинских подразделений, впоследствии они могли определяться в службу. Однако, при поверстке администрация, не заинтересованная в потере подушных денег, предпочитала брать на службу разночинцев, родившихся между переписями и не попадавших поэтому в подушный оклад. Встречались варианты (особенно в Восточной Сибири), когда казаки и служилые люди по отчеству, возвращенные в службу, продолжали платить подушный оклад не только за своих неверстных детей, но и за себя.

И тем не менее, процесс освобождения разночинцев от тяглого состояния был необратим, вследствие возрастающей потребности в иррегулярных воинских подразделениях. И главной причиной тому была протяженность российской границы и необходимость ее охраны казачеством, социальный статус которого был несовместим с тяглым состоянием.

С целью обеспечения безопасности Российской территории на Востоке страны в 20-70-х гг. XVIII в. была создана гигантская сеть оборонительных сооружений от Каспийского моря до Забайкалья. В 1755 г. все западно-сибирские линии слились в непрерывную цепь укреплений. *В 1770-1780-х гг. населенные на их территории*

крепостные (Иртышская линия) и линейные казаки стали именоваться «сибирских линий казаками». К концу XVIII в. линейные казаки были рассредоточены по 17 крепостям, 17 форпостам, 16 редутам, 46 маякам, караулам и другим более мелким укрепленным пунктам на Новой Сибирской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой линиях. По мере строительства линий разночинцы в ходе второй и третьей ревизий освобождались от подушного оклада. К четвертой ревизии (1781-1782 гг.) в казачьих командах Западной Сибири не осталось ни одного служащего, состоящего в подушном окладе.

На территории Восточной Сибири, в Иркутском и Нерчинском уездах, вошедших в состав Иркутской губернии, освобождение служилых от подушного оклада ускорили установление в 1727 г. официальной границы с Китайской империей, осложнение в середине XVIII в. русско-китайских отношений и необходимость усиления охраны пограничных рубежей. К 1774 г. на Забайкальском участке границы было 8 крепостей, 6 форпостов, около 60 редутов, пикетов, «расколоток», а с 1822 г. появились казачьи станицы. Службу на линии несли два капральства Якутского полка, дополненные иррегулярными казачьими командами из нерчинских городовых гарнизонов и потомков нерчинских и иркутских казаков и детей боярских, возвращенных в службу из разночинцев, ранее приписанных к посаду, а также эвенкийскими и бурятскими казачьими формированиями.³ *Все вышеперечисленные команды были зачислены во вновь образованное в 1772-1775 гг. «пограничное казачье войско».*⁴ К 1782 г., т.е. ко времени четвертой ревизии, в Иркутской губернии все еще было 663 казака, детей боярских и сибирских дворян, плативших подушный оклад. В ходе 5 ревизии (1795-1796 гг.) указом от 28 октября 1796 г. они вместе с сыновьями были освобождены от подушного оклада, «чтобы они и дети их на будущее время принадлежали единственно воинской службе». Подобное мероприятие было осуществлено в Восточной Сибири, по сравнению с Западной, с отставанием на 14 лет.

*

*

*

Какие же изменения в составе служилых людей «старых служб» произошли в Сибири в период со второй четверти XVIII до середины XIX вв.?

В первой четверти XVIII в. (по сравнению с XVII в.) в Западной Сибири, например, уже отсутствовали «литовские и черкасские списки»,⁵ а в 50-х гг. исчезает деление городовых казаков на конных и

пеших. Кроме того, в 1770-е гг. в городских гарнизонах Западной и Восточной Сибири не указываются мелкие чины служилых людей «старых служб»: стрельцы, пушкар, воротники, толмачи и т.п., поскольку они сливаются с казачеством.⁶

Часть разночинцев из казачьих детей, служилых казаков, детей боярских и их сыновей в 1737 г. были включены в состав регулярных Новоучрежденного Тобольского драгунского полка и пехотного батальона и Якутского полка, что определило их отрыв от иррегулярных воинских подразделений. Близкой была участь, постигшая еще раньше казаков, детей боярских и их родственников, взятых из городов Западной Сибири в европейскую часть страны в качестве рекрутов. П.А. Словцов считал, что их число к 1709 г. составляло 2000 человек, а в последующие годы Северной войны – еще 16 тысяч.⁷ Факты набора рекрутов из казаков и их потомков в городах Западной Сибири подтверждает и Ю.Г. Недбай.⁸

Во всей Сибири изменилась дислокация казаков. В последней трети – конце XVIII в. основная масса казачества и их родственников переводится из городских гарнизонов на пограничные линии. В 1770-х – 1780-х гг. крепостные, а также поселенные на Западно-Сибирской и Забайкальской линиях казаки теряют свое наименование в соответствии с принадлежностью к тому или иному городскому гарнизону, переименовываются в «линейных» - «сибирской линии казаков», и «пограничных забайкальских казаков» - «Пограничного казачьего войска». Численность первых в конце 90-х гг. XVIII в. составила более 4000 человек, а штатом в 1808 г. была определена в 6000 человек как «Сибирское линейное казачье войско». Численность пограничных забайкальских казаков в 1770-х гг. составила 855 человек, а с бурятскими (400 штатных единиц) и эвенкийскими казаками (500 штатных единиц) – 1755 человек.⁹

Известного внимания заслуживает *судьба сибирских дворян и детей боярских*, ранее входивших в состав городских гарнизонов. Формально-юридически их можно отнести к низшим разрядам служилых людей по отечеству. Но правительство не допускало развития у них поместного землевладения и наделения крепостными крестьянами, поскольку не считало их «настоящими дворянами», несмотря на их отличие в служебном и социально-экономическом отношении от приборных служилых людей.

Действуя в русле своей политики, начиная с первой четверти XVIII в., правительство предпринимает меры по реальному сближению служилых по отечеству с приборными людьми. Попав в конце первой четверти XVIII в. в состав разночинцев, бывшие служилые люди по

отечеству и их потомки, как и бывшие казаки и их потомки, прошли через положение податных категорий. Именно это стало важнейшим шагом к сближению тех и других в социальном отношении. Другим шагом в этом направлении стал общесибирский указ от 14 марта 1746 г., принятый во время второй ревизии, в дальнейшем неоднократно повторенный и предписавший всех дворовых и зависимых людей, числившихся за сибирскими дворянами, детьми боярскими и казаками, приписать «по их занятиям» в пашенные крестьяне, в цехи или отдать их «настоящим дворянам». Процесс ликвидации зависимых людей, находившихся у бывших служилых людей «старых служб», растянулся в Сибири на долгие годы. Этому способствовал в какой-то мере указ от 23 мая 1808 г., по которому российским подданным разрешалось покупать казахских и киргизских детей у их родителей с целью спасения детей от голодной смерти, но с условием освобождения купленных по достижении ими 25-летнего возраста.¹⁰

И, наконец, шло численное сокращение служилых людей по отечеству. Как сказано выше, сибирские дети боярские, дворяне и их дети записывались в рекруты, зачислялись в солдаты Новоучрежденного драгунского полка и пехотного батальона, а также Якутского полка или зачислялись в казаки. По «рописи» 1737 г. 76 дворян и 277 детей боярских Западной Сибири перевели в гражданскую службу, «все остальные записывались в солдаты»,¹¹ а в Восточной Сибири – свели в отдельные команды. Во второй половине 60-70-х гг. XVIII в. сибирские дворяне и дети боярские, в связи с усилением регулярного начала, «выводятся из состава казачьих команд и теряют статус начальных над казаками людей», или, выражаясь другими словами, происходила ликвидация «изжившего себя института городских чинов – сибирских дворян и детей боярских и их отдаление от команд».¹²

Устав 1822 г. даже не определил «де-юре» положение вышеперечисленных категорий служилых людей «старых служб», кроме казаков, поскольку оно уже в последней трети – конце XVIII в. стало «де-факто». С этим можно связать и тот момент, что в конце XVIII в. термин «разночинец» в том значении, в котором он употреблялся для бывших служилых людей «старых служб», исчезает, поскольку, с одной стороны, подавляющее их число было освобождено от тягла и возвращено в службу, а с другой, более малочисленные категории служилых людей «старых служб» либо поглощаются казачеством, либо записываются в регулярные военные подразделения, либо остаются в тягле, генетически сливаясь с тяглыми категориями населения.

Лишь немногим служилым людям по отечеству в XVIII – первой половине XIX в. через соответствующие армейские и гражданские чины удалось получить дворянство. В связи с внедрением «регулярства», казачьему начальству, согласно «Табели о рангах», стали присваиваться классные ранги. Их получение с начала XIX в. давало казачьим офицерам право на личное и даже возможность выслуги потомственного дворянства. На практике эта возможность хотя и реализовывалась, «однако, весьма вяло».¹³ Или выражаясь по другому, немногим удалось попасть в классную структуру и получить личное и еще реже потомственное дворянство.¹⁴

Таким образом, в последней трети – конце XVIII в. из служилых людей «старых служб» в Сибири по большому счету сохранилось только казачество, ставшее более монолитным, численно возросшим за счет включения в его состав различных мелких категорий служилых людей, а главное, благодаря появлению и численному росту в Западной Сибири линейных, а в Восточной – пограничных казачьих формирований.

*
* *

В общих чертах, попытаемся рассмотреть характеристики, свойственные служилым людям «старых служб» XVII – первой четверти XVIII в., перешедшие к городовому, крепостному, сибирскому линейному и забайкальскому пограничному казачеству в XVIII – XIX вв., и одновременно сопоставить эти характеристики с теми новшествами, которые в указанный период распространились на казачью среду. Речь идет об обязанностях, обеспечении, принципах зачисления в службу, военной организации, самоуправлении, хозяйственных занятиях казачества.

Для казачества Сибири, будь оно в составе служилых людей «старых служб» или выделявшимся из них в последней трети – конце XVIII в., основной обязанностью оставалась *служба*: военная, полицейская, административная и т.д. С образованием крепостного (1725 г.), а затем сибирского линейного (1770-1780 гг.) и забайкальского пограничного (1772-1775 гг.) казачества для подавляющего числа городских казаков служба из гарнизонов была перенесена на пограничную территорию, что привело к сокращению городских гарнизонов.

Изменение в характере службы имело следствием ошутимое *разделение* функций городского и линейного, иными словами - пограничного казачества.

В XVIII – XIX вв. эти функции определялись как социально-экономическим развитием региона, так и отношениями с зарубежными соседями, а отсюда – внутривосполитическим и внешнеполитическим правительственным курсом.

Главной обязанностью казаков, поселенных на пограничных линиях, была военная служба, ставшая по сравнению с XVII в., более многообразной и сложной. Она включала: охрану границ, задержание контрабандистов, перебежчиков, выдворение кочевников-нарушителей границ, обеспечение безопасности учреждений и стационарных поселений колонистов внешних округов, выдвинувшихся за пределы пограничных линий, например, в Киргизской степи (с 20-х гг. XIX вв.), защиту одних групп кочевников от других; в военное время – отражение набегов, в мирное – установление и поддержание контактов с соседями; участие вместе с регулярными частями в крупных военных операциях и т.д.¹⁵

Наряду с военными, на территории пограничных линий (военных территорий) казачьи войска должны были выполнять различные полицейские функции, свойственные городским казакам: содержать пограничную таможенную стражу, ловить нарушителей закона, сопровождать на этапах каторжников, следить за порядком на войсковой территории, обеспечивать его на ярмарках и т.д.

Не миновали линейных и пограничных казаков и хозяйственные функции, по своему характеру напоминающие принудительные повинности XVII в. в пользу государства. В период строительства пограничных линий на них, также как и на служилых людей «старых служб», распространилась обязанность заготовки, доставки строительных материалов, строительства, а в дальнейшем ремонта военных коммуникаций. С введением в Западной и Восточной Сибири регулярных частей количество служб крепостных и высылаемых на пограничные линии казаков значительно возросло, в связи с необходимостью обслуживания этих частей и с тем, что армейские чины смотрели на казаков как на «подсобную рабоче-служебную силу».¹⁶ К числу хозяйственных работ, далеких от военно-служебных обязанностей, распространенных с 1750-х – до 1770-х гг. на сибирских линейных и с 1730-х до 1770-х гг. – на забайкальских пограничных казаков, следует отнести обработку теми и другими казенных полей. Эта обязанность была прямым продолжением практики, имевшей место во второй половине XVII в. в Восточной Сибири – обработки силами

служилых людей «старых служб» государственной (казенной пашни), но с той разницей, что хлеб с этой пашни использовался в XVII в. на содержание тех, кто работал на пашне, а в 30-70-х гг. XVIII в. – на содержание регулярных армейских частей, расквартированных в Западной и Восточной Сибири.

В соответствии со старой традицией, на линейных и пограничных казаков распространились и другого рода невоенные обязанности: содержание на казачьих землях в надлежащем порядке дорог, мостов, доставка казенного провианта, сбор пошлин в пограничных таможнях, обслуживание почты и др.

Появились и новшества. Отмена работы на казенной пашне в последней трети – конце XVIII в. стала компенсироваться работой казаков на «экономической пашне», принадлежащей «войску». Доход с этой пашни, как и в XVII в., стал поступать в пользу казачества. К новой тенденции следует отнести и определенную эволюцию в обязанностях сибирского линейного и забайкальского пограничного казачества, начавшую проявляться в конце XVIII – первой половине XIX вв.: казенные хозяйственные обязанности казаков стали отодвигаться на второстепенный план, а охрана границы стала все более переходить в их руки. С выведением в начале XIX в. регулярных частей из Сибири казачество стало практически единственной силой, охранявшей сибирские рубежи.¹⁷

Что же касается городских казаков, то оказавшись во внутренних сибирских городах, в связи с прекращением их использования на пограничной службе и укомплектованием пограничных «войск» в последней трети XVIII в., они стали утрачивать свое значение пограничной военной силы.

Документом, обобщающим предыдущую законодательную практику и особенно изменения в последней трети – конце XVIII в. в отношении городского казачества Сибири, стал Устав 1822 г., определивший основы положения городского казачества в составе полков, а также станичного казачества в социально-политической инфраструктуре Западной и Восточной Сибири.¹⁸

Среди гражданских служб у городских казаков на первый план вышла полицейская, виды которой в XVIII – XIX вв. частично повторяли варианты XVII – первой четверти XVIII вв.: охрана казенных зданий и органов управления, ночные караулы, поимка нарушителей закона, сопровождение ссыльных, помощь в тушении пожаров, устранение «шатости» среди русского и ясачного населения. Прямым продолжением предшествующей практики доставки документации и ясачной казны во второй половине XVIII – XIX вв. стала доставка

почты и сопровождение грузов и транспорта. В связи с развитием добывающей промышленности, новым для городских казаков стала охрана золотых и серебряных приисков, увеличение служб, связанных с охраной возросшего числа каторжников и наблюдением за ссыльными поселенцами. С первой четверти XIX в. служба городского казачества все чаще связывается с охраной разросшихся органов управления, судов, правлений, выполнением поручений в канцеляриях, вахтеров в хлебных и соляных магазинах и т.д.

Всегда в обязанность казаков входила служба, связанная с разведкой полезных ископаемых, доставкой необходимых образцов минералов. Но если в XVII в. служилые люди были ведущими в этом деле, то с развитием научных знаний в последующее время их главной обязанностью стали сопровождение и охрана научных геологических экспедиций, хотя как специалисты-практики и знатоки местности казаки никогда не утрачивали своего значения.

Некоторые из обязанностей, присущих служилым людям «старых служб», со второй половины XVIII в., в силу социально-политических и экономических изменений, изжили себя. В частности, в связи с ростом бюрократического аппарата, сокращением видов административных служб, снизилась роль служилых людей в системе местного управления и фиска, отпал такой вид службы, как «приказные должности» в острогах и селах, а отсюда надзор за обработкой крестьянами государственной десятинной пашни, отмененной в 1762 г. Ликвидация внутренних таможен в 1753 г. привела к постепенному сокращению таможенной службы городского казачества. В 1760-х гг. из ведения казаков изымается сбор ясака. Эта обязанность передавалась местным князьям и старшинам. Последнее свидетельствовало о вращении «инородцев» в государственную систему и о том, что казаки в этом отношении свою функцию выполнили.

Сокращение и даже ликвидация большинства служб административно-фискально-военного характера, усиление полицейских функций, закрепленных для городского казачества уставом 1822 г., позволили исследователю западно-сибирского городского казачества А.Р. Ивонину сделать вывод о превращении городского казачества «в военизированное административно-полицейское формирование»,¹⁹ а исследователю восточно-сибирского казачества А.С. Зуеву о том, что «после 1822 г. полицейская служба заняла второе место среди служебных обязанностей забайкальского казачества (после пограничной службы) и первое место среди всех гражданских служб» и что городские казачьи полки представляли «военно-полицейские формирования».²⁰

Сравнивая *обеспечение* служилых людей «старых служб» XVII – первой четверти XVIII вв. с обеспечением казачества в последующее время, отметим, что в Сибири оно сохранилось в виде денежного, хлебного и фуражного довольствия. Соляную часть окладов отменили штатом 1725 г. В 1750 г. соль была вновь включена в оклады сибирским линейным казакам.

Как и в XVII, в XVIII – XIX вв. продолжалась линия на регулярную выплату жалования без существенных его недоплат, а также на упорядочивание сроков его выдачи. Однако, если в XVII – первой четверти XVIII вв. размер окладов зависел от значимости города, его местонахождения, от принадлежности служилых людей по прибору к одной из групп,²¹ то со второй четверти XVIII в. и в последующее время в отношении рядового казачества была взята линия на постепенное выравнивание денежных и хлебных окладов в рамках всей Сибири. По штатам 1725 г. устанавливался единый оклад конным городовым казакам: 7 руб., 3 четверти ржи, 1,5 пуда круп, 2 четверти овса, а пешим – 5 руб. и столько же хлебного довольствия, что и конным (без фуража).²² (Нужно отметить, что в отличие от четырехпудных четвертей XVII в., в XVIII в. повсеместно получили распространение восьмипудные четверти).²³

В связи с созданием регулярных Новоучрежденного драгунского полка и пехотного батальона и Якутского полка, необходимостью экономии средств, снижением весового содержания четверти, взгляда армейских чинов на казачество как на подсобную рабочую силу, произошло уменьшение казачьего жалования. Все казаки стали получать 21, 75 пудов ржи, вместо 24 пудов.²⁴

В 1754 г. у городских конных казаков снизилось денежное жалование с 7 руб. до 5 руб. 32 коп. при сохранении его хлебной части и фуража на уровне 1725 г. Тогда же за счет экономии этих денежных средств было повышено жалование крепостных казаков Иртышской линии с 4 руб. до 6 руб. 16,5 коп. Их хлебный оклад составил 4 четверти ржи, фураж – 2 четверти, что позволило Ю.Г. Недбаю рассматривать указ от 9 мая 1754 г. как реформу денежных окладов, свидетельствующую «о начале коренной перестройки в сознании правительства относительно роли и места пограничного казачества в системе обороны границ».²⁵ Указы и постановления 1772-1774, 1808 гг., подтверждали такой же денежный оклад – 6 руб. 16,5 коп. для сибирских линейных и пограничных забайкальских казаков, а устав 1822 г. – для городских казаков.

Что же касается гарнизонного и линейного казачьего начальства, то его жалование становилось все более дифференцированным и

зависимым от чина. По положению 1808 г. в Сибирском линейном войске оно выплачивалось в пределах от 14 руб. 70 коп. (урядникам) до 406 руб. 10 коп. (есаулу), что отражало «обнаружившую себя еще в XVIII в. тенденцию обособления старшинского состава от нижних чинов».²⁶ По уставу 1822 г. городовым казачьим младшим урядникам платили 12 руб., а командному составу от 240 до 400 руб. В 1739 г. жалование городовым казачьим офицерам стали назначать не по чинам, а по классным рангам. Для офицеров от 14 до 8 ранга оно составляло 240-530 руб. ассигнациями.²⁷ Т.е. жалование командного состава казачества конца XVIII – первой четверти XIX вв. (и в более позднее время) было в соотношении совершенно неслыханном по сравнению с окладами гарнизонной верхушки в XVII – первой четверти XVIII вв. Немаловажную роль в увеличении окладов комсоставу играло внедрение «регулярства», о чем речь пойдет выше.

Кроме выплаты денежного и хлебного довольствия, традиции XVII – первой четверти XVIII вв. можно видеть в продолжении практики выдачи казакам в последующее время дополнительно к окладу денег и натуральных дач в качестве помощи и беспроцентных ссуд. Практика выплаты жалования «на подъем» дополнительно к окладу во время дальних посылок в XVII – XVIII вв. не была утрачена и в XIX в., но с той разницей, что согласно положению 1808 г., она была узаконена: командированные казаки стали получать 12 руб. и соответственно увеличенный хлебный провиант, т.е. удвоенное жалование.²⁸

Традиционными оставались штрафные вычеты из жалования за любую провинность. Только со второй четверти XIX в. ушла из практики старая традиция подачи прошения (в прошлом – челобитной) о выплате «заслуженного» оклада. Положениями 1846-1851 гг. деньги казакам, как и в XVII в., стали выдаваться серебром (вместо ассигнаций).

В условиях тяжелой пограничной службы в 1770 г. вводится новшество: выдача конным казакам для содержания служебных лошадей сена или выплата за него денег, а с 1775 г. – увеличение фуража (овса) на содержание служебных лошадей в зимнее время.²⁹ Стали выдаваться деньги и на подковку лошадей. Еще раньше казакам, служившим на пограничных линиях, хлебная часть оклада стала выдаваться мукой. По уставу 1822 г. это положение распространилось и на городовых казаков.

Новым, по сравнению с предыдущим периодом, стала выплата казакам с 1773 г. хлебного жалования независимо от обработки ими пашни, а также выдача с 1797 г. помесячного половинного оклада (пайка) казачьим детям (старшему сыну) в возрасте от 2 до 15 лет –

всего по 1,5 четверти (около 12 пудов) муки и крупы в год.³⁰ По достижении 15-летнего возраста подростки начинали получать полный казачий оклад, освобождаясь на 2 года от службы с тем, чтобы возмужать и обеспечить себя всем необходимым для ее несения.

Изменения коснулись и источников выплаты окладов, что было связано с появлением и развитием у казачества в конце XVIII – XIX вв. так называемой полковой и войсковой казачьих «экономий».

Нужно отметить, что «войсковая экономия» брала свое начало от неофициальной практики XVII в. и более раннего времени, распространенной у служилых людей «старых служб» и «вольных казаков» в виде общевойскового кошта, коробы или казны, состоящих из военной добычи, денежных казенных взносов и подлежащих их дележу по усмотрению «войска». Конечно, официальная «войсковая экономия» конца XVIII в. и последующего периода имела несравненно больше источников пополнения, чем в предыдущее время, а ее предназначение стало более широким и стабильным. Капитал «экономии» складывался за счет следующих поступлений: арендной платы, взимаемой с лиц, взявших в оброчное содержание принадлежащие казачьей войсковой или городской команде сенокосные, пахотные, рыбные оброчные угодья; денег от продажи хлеба, сена, рыбы, полученных с «экономической» пашни и угодий, а также скота из «экономических» стад; доходов от войсковых овчарен, коневодческих, кирпичных, суконных, кожевенных заводов; от пошлинных сборов с ярмарок и базаров, вносимых иногородними лицами за торговлю на войсковой и полковой территориях; от различных сборов с казаков; финансирования «экономии» из государственной казны и т.д.

Фактически «экономия» для казаков стала войсковым бюджетом, в отличие от уездного бюджета XVII – 60-х гг. XVIII вв. для служилых людей «старых служб». Деньги «экономии» расходовались на содержание чинов войскового управления, жалование казакам, приобретение обмундирования и оружия, материальную помощь малоимущим казакам, на содержание войсковых учебных заведений (с 1765 г.), врачебных учреждений, почт, починку дорог, войсковых казенных зданий и т.д. Вместе с тем, по аналогии с XVII в. часть окладов выплачивалась за счет государственных средств. Как верно отметили И.В. Побережников и А.С. Зуев, «войсковая экономия» сокращала государственные издержки на содержание казаков, а государственное снабжение все более выступало как фактор обеспечения казачьих элит и их обособления от рядовых казаков.³¹

Сословный принцип верстания в службу, утвердившийся к концу XVII в. в Западной Сибири и в первой четверти XVIII в. в уездах юго-восточной Сибири, имел свое продолжение и в последующее время.

Именно служилые люди «старых служб», составлявшие городовые гарнизоны, среди которых наиболее многочисленными были казаки и их потомки, несмотря на все *перипетии* «разночинного» периода, окончившегося для них в последней трети – конце XVIII в. отменой податного состояния, генетически стали главным и основным источником комплектования крепостного и линейного казачества в Западной Сибири и пограничного казачества в Забайкалье. Принцип сословности продолжал быть возобладающим и при комплектовании городского казачества, о чем свидетельствуют многочисленные указы и распоряжения центральных властей, аналогичных дозволению Сената в 1744 г. сибирскому губернатору А. Сухареву «нерегулярные войска впредь во всех сибирских городах умножить за счет потомков служилых людей – солдатских и драгунских людей».³²

Мало того, до последней трети XVIII в. использовалась практика XVII в. комплектования гарнизонов за счет посланных по выбору казаков – годовальщиков. И примером тому служит отправка казаков в 60-70-х гг. XVIII в. из Западной Сибири в Восточную, но уже не для усиления городских гарнизонов, а «пограничной черты в районе Нерчинска и Селенгинска».³³ Правда, время внесло в практику таких посылок свои изменения: если в XVII в. администрация отдавала самим служилым людям право решать вопрос о возвращении или невозвращении с временной службы, то в иных исторических условиях 60-х – 70-х гг. XVIII в. возвращение крепостных казаков с Иртышской линии, также как с Сибирской и с Забайкальской линий, было прекращено в приказном порядке с дополнительным пояснением о переводе к женатым казакам их семей и обзаведением ими домами на линиях. В 1777 г. вышел указ, запретивший посылку городских казаков на Сибирскую линию.³⁴

О сословном принципе пополнения казачества свидетельствуют факты закрепления в конце XVIII в. на линиях солдатских и драгунских малолеток, предки которых — казаки и их дети в 1737 г. вошли в состав регулярного Новоучрежденного полка и пехотного батальона и Якутского полка.³⁵ В 1851 г. в Забайкальское казачье войско включили 740 казаков из бывшего Забайкальского городского полка.³⁶

В этом же ключе можно рассматривать практику, когда «старое» линейное казачество брало на себя эстафету военно-переселенческой колонизации новых земель и комплектования казачества на новых линиях, протяженность которых росла по мере расширения территории

Российского государства. И примером тому служит частичное переселение западно-сибирских линейных казаков в 20-40-х гг. XIX в. в степь и заселение ими и их детьми «внешних округов»,³⁷ а также укомплектование казаками Забайкальского казачьего войска Амурского и Уссурийского казачьих войск: в 1854 г. в первом сплаве на Амур участвовала сотня забайкальских казаков. В 1858-1862 гг. 16400 забайкальских казаков основали на Амуре и Уссури 96 станиц и поселков.³⁸ Родственное замещение казачества подтверждается и общими цифровыми данными, свидетельствующими о казачьем резерве. В 1846 г. население Сибирского линейного войска составило 25693 души мужского и 24664 души женского пола (с учетом лиц духовного звания).³⁹ В середине XIX в. в Забайкальском казачьем войске состояло по спискам 30859 казаков, полагалось по штату 17514 казаков, состояло в действительной службе 1463 казака.⁴⁰ Это население выросло «не вдруг». Оно было значительным уже в конце XVIII – начале XIX вв., что отразилось в уставе 1822 г., в положении о Забайкальском казачьем войске, подтвердившими наследственный характер казачьего звания, тем самым преимущественно наследственный принцип верстания, который уже давным-давно внедрился в практику.

Однако, этот общепризнанный в Сибири порядок, как и в XVII в., был и в более позднее время не без исключений. Пик этих исключений в XVII в. падал на период начального освоения любого из сибирских уездов, а в последней трети XVIII – первой половине XIX вв. имел место, в связи с увеличением протяженности пограничных казачьих линий, военной напряженности на границе, расширением военно-казачьей колонизации. В этом случае кроме казачества, передислоцируемого из других регионов, в службу могли зачисляться лица «неказачьей принадлежности». Численное увеличение казачества «тянуло» за собой увеличение казачьих территорий за счет примыкавших к ним земель. Поскольку войсковая территория не должна была быть чересполосной и основное население приписанных земель составляли крестьяне, а их выселение с обжитой территории и перевод на иное местожительство было делом дорогим, правительство предпочитало зачислять крестьян в казачество. Их хозяйства были налаженными и материальный урон войску сводился к минимуму. Так в Западной Сибири вместе с землей Сибирскому линейному войску были переданы крестьяне 42 деревень с общим населением 14 тыс. душ мужского пола, в результате чего к концу 1859 г. его численность достигла 48 тыс. душ мужского пола.⁴¹ В 1851 г. к Забайкальскому пограничному войску отошли казенные земли вместе с крестьянами,

ранее приписанными к Нерчинским горным заводам. Если заглянуть в прошлое этих людей, то еще в 1720-х гг. нерчинские разночинцы из казачества были приписаны к Нерчинскому сереброплавильному заводу. Позже туда попали отставные казаки и прочие разночинцы из Томска, Енисейска, Илимска.⁴² Теперь, более чем через 100 лет, многие из их потомков вернулись «на круги своя». Следует отметить, что массовое зачисление в войско неслужилого элемента, а отсюда и связанное с ним увеличение войсковой территории, проводилось на уровне крупных «компаний», санкционированных и утвержденных государственной властью. Даже более мелкие «групповые вливания» в состав казачества также проводились по приказу столицы (например, зачисление ссыльных поляков в состав казачьих формирований в Западной Сибири), а включение в состав казачества отдельных лиц из других сословий (между государственными «компаниями») было делом очень затруднительным и неосуществимым даже на уровне самого высокого сибирского начальства.⁴³

Что же касается зачисления в состав казачества в XVIII – XIX вв. сибирского нерусского населения (сибирских татар, бурят, эвенков и др.), то его следует рассматривать как составную часть национальной политики правительства в отношении к своим подданным. Ее корни уходят в XVII в. и в более раннее время. Включение представителей нерусских народов (крещеных и некрещеных) в состав военных сил отражало специфику многонационального Российского государства и политический курс правительства. К тому же некоторые формирования, например, забайкальских эвенков были зачислены в службу за «добрые дела» своих пращуров, в данном случае за верность и добровольное принятие российского подданства эвенкийским князем Гантимуровым, первым из «иностранцев» Восточной Сибири, пожалованным Москвой в XVII в. чином стольника.

Мы совершенно согласны с Ю.Г. Недбаем, который основываясь на многочисленных примерах из практики XVIII и XIX вв. и на цифровых выкладках, свидетельствующих о демографическом росте казачества, отмечает, что главным единственным источником пополнения войска с 1808 г. были казачьи дети, поскольку выход из казачества до 1869 г. запрещался, а приток извне был незначительным и что стать линейным казаком «было делом далеко не простым».⁴⁴

Положения XVIII – XIX вв. о «высочайшем соизволении», как необходимом условии зачисления в казачество лиц неказачьего происхождения, перекликалось с аналогичными требованиями правительства в XVII и особенно в первой четверти XVIII вв. – зачислять в службу посторонних, не приписанных к тяглу лиц, только в

случае острой в них необходимости, только с разрешения Сибирского приказа и только при отсутствии на свободную вакансию претендентов из «служилого чина».

Учитывая историческую практику XVII в. и введенный в научный оборот материал XVIII – XIX вв., вероятно, необходимо с большей осторожностью подходить к дореволюционному тезису о том, что «казачье звание было свободным при входе» или, выражаясь другими словами о «доступе в казаки всех лиц свободного состояния». *Эта «свобода доступа» была чисто условной, так как осуществлялась только с дозволения центральных властей в виде массовых «компаний» или в индивидуальном варианте, в ситуации «чрезвычайной служебной и политической необходимости», в отсутствии претендентов из соответствующего сословия на освободившиеся штатные места.* Иногда такие «массовые» компании, например, зачисление в выписные казаки крестьян было чисто формальным, поскольку последние в основной массе числились на бумаге и не подозревали, возможно, о своей записи в казаки.⁴⁵

Осуществляя реформу 1861 г. для крестьян России, правительство было вынуждено распространить некоторые ее положения на казачество. В частности, если казаки не имели права менять свой социальный статус, т.е. выходить из казачьего сословия («закрытый выход»), то указом 1869 г. им впервые разрешался выход из своего сословия. Но условия выхода были кабальными. Он был возможен при полном укомплектовании строевых частей, уплате всех ссуд и недоимок, отказе от земледельческого пая.⁴⁶ Затрудненность выхода из казачьего сословия было гарантом его демографического роста и продолжения линии на сословный принцип зачисления в службу.

Победоносные русско-турецкие войны, выход России к Черному морю, победы в Отечественной войне 1812 г. и на европейском театре военных действий на протяжении XVIII – XIX вв. повысили политический престиж России и ее армии в глазах стран Европы и Востока. Известное значение на полях сражений имело использование казачества: донского, оренбургского, уральского и др. На этом фоне правительственные круги не могли не внести некоторые изменения, отвечающие требованиям времени, связанные с элементами регуляризации казачества, призванными повысить его военный и социальный статус.

В отношении казачества Сибири процесс *регуляризации* активно начался с 1770-х гг. и обозначал переход от прежней архаической формы городской организации служилых людей «старых служб» к

более упорядоченной и централизованной в военном отношении организации.

Другой причиной внедрения регуляризации в сибирские казачьи подразделения стала ситуация на южной границе Западной и Восточной Сибири в XVIII в. и в последующее время, которая отличалась от той, что имела место в XVII в. и требовала содержания не только иррегулярных, но и регулярных военных сил. Охрана границ казачеством ставила вопрос о приближении последнего к состоянию подразделений армейского образца. Когда же в начале XIX в. регулярные полки были выведены из Сибири и казачество по существу стало единственным кордоном Сибирских рубежей, внедряемые с 70-х гг. XVIII и развивавшиеся в первой половине XIX вв. элементы регуляризации стали восприниматься как необходимые и оправданные новшества.

Регуляризация, в первую очередь, затронула организационно-военную структуру управления, командный состав казачества, обучение, вооружение, обмундирование, степень казачьего самоуправления.

Изменения, внедряемые с 1770-х гг. – конца XVIII в. в казачью военную организацию, проявились в исчезновении «десятичной» системы, свойственной служилым людям «старых служб», и ее замены «сотенной» системой, ставшей основной конструктивной тактической единицей построения казачьих войск, которая, кстати сказать, не была для них новой, а являлась продолжением одного из традиционных структурных звеньев служилых построений предшествующего периода – «сотен». Сотенное деление казачества в Сибири вводится в конце 80-х гг. XVIII в. и видно на примере линейного казачества Западной Сибири. Если до 1787 г. все линейные казаки делились по месту своего расположения на линии, то с 1787 г. на Горькой, Иртышской, Колывано-Кузнецкой линиях их разделили на 24 сотни. В соответствии с сотенным принципом утвердилось и войсковое деление. Положением от 19 августа 1808 г., например, в Сибирском линейном войске вводилось 10 конных пятисотенных полков, 4 резервные сотни и 2 конно-артиллерийские роты. В том же году для удобства управления линии разделили на 10 отделений, а каждое отделение – на 5 дистанций.

Позже по примеру армейских подразделений на основе сотен казаки зачислялись в батальоны, полки, бригады, совпадающие с административно-территориальными единицами: станицами, батальонными и полковыми округами, что еще более облегчало руководство казачеством.⁴⁷

Что касается городских казаков, то их команды также были приближены к регулярным частям. Уставом 1822 г. на сотенной основе они были переведены на полковую организацию. Было создано 7 полков. К 1851 г. их осталось 5: Тобольский, Томский, Иркутский, Енисейский, Якутский. Тем же уставом городovým казакам предлагалось по их желанию переходить на станичное положение.

Положением от 19 августа 1808 г. и Уставом 1822 г. казачьим подразделениям придавалось более однообразное устройство и унифицированный порядок управления.

В царствование Николая I в целом завершается работа по унификации структуры и управления казачьими войсками России. О формальном единстве казачьей организации страны можно говорить со 2 октября 1827 г., когда впервые Августейшим атаманом всех казачьих войск был назначен наследник престола. Высшей инстанцией для всех казаков, включая городских, стало Военное министерство.⁴⁸

Изменения коснулись и состава правящей казачьей номенклатуры. В 1770-х гг. у линейных казаков закрепляются чины поручиков и прапорщиков. Штатным расписанием 1772-1775 гг. в казачьем пограничном «войске» на китайской границе были введены чины сотников, урядников, капралов. По положению 1808 г. в Сибирском линейном войске появились есаулы, хорунжии, сотенные атаманы, младшие урядники. Забайкальским пограничным дистанционным командирам стали присваивать чин хорунжего. Чиновная казачья иерархия выглядела в начале XIX в. следующим образом: рядовой – урядник (младший, старший) – сотенный атаман – хорунжий – сотник – есаул-войсковой атаман. Через штатную номенклатуру «атамана» как бы поддерживалась былая традиция наименования главы казачьего войска. В 1770-1780-х гг. начинает складываться практика, согласно которой атаман сибирского «войска» стал получать армейский чин.⁴⁹ Новым было назначение атамана из армейских штаб-офицеров. С конца XVIII в. начинается процесс включения казачьих командиров через армейские чины в состав российского дворянства. В 1828 г. (и даже раньше), сотенных атаманов и пятидесятников переименовали в урядников.⁵⁰ В урядники переводили за заслуги в сочетании с внешностью – «видных собой», поскольку после соответствующего обучения их производили в младшие казачьи офицеры, присваивая им 14-й ранг – обер-офицерский чин.⁵¹ В какой-то степени карьера урядников, бывших пятидесятников и сотников напоминала традиции XVII – первой четверти XVIII вв. – получения ими сибирского дворянства (правда, в XVII – первой четверти XVIII вв. «ненастоящего»). В новых исторических условиях с учетом временных

социально-политических изменений те же чины, названные «урядниками», переступив через 14-й класс-ранг «Табели о рангах» по достижении соответствующего армейского чина могли получить выслуженное дворянство, но уже «настоящее».

Что же касается городских казаков, то с 1751 г. у них также вводились новые звания прапорных, урядников и др. Чины городских казачьих офицеров переводились в соответствии с «Табелью о рангах» и уравнивались с чинами гражданскими,⁵² т.е. были как и чины казачьих офицеров на линиях ниже чинов армейских. В целом соотношение чинов войсковых (казачьих) офицеров с чинами регулярных войск (армейскими чинами) выглядело следующим образом: казачий полковник – сравнивался с чином армейского майора; есаул – с ротмистром; сотник – с поручиком; хорунжий – с корнетом.⁵³

Еще в 1770-х гг. – конце XVIII в. казачьи офицеры ставили вопрос об их уравнивании в рангах с армейскими, но вопрос, по образному выражению Ю.Г. Недбая, оставался «непреодолимым» вплоть до реформы XIX в.⁵⁴

Специального систематического *военного обучения* служилых людей «старых служб» в сибире налажено не было. Сама жизнь, трудности службы, желание выжить заставляли служилых людей учиться друг у друга, младших у более опытных старших. Правда, воеводы, кто был подальновиднее, радели об обучении гарнизонов вверенных им городов. Но служилые больше «уважали» учителей из своей среды и не желали, чтобы их учили «посыльщики». Так, в 1712 г. в Нерчинск был прислан ротмистр Степан Нарушевский, сосланный из Тобольска за недостойное поведение и злоупотребление властью, но его казаки «не признали», поскольку считали, что и без ротмистров они достаточно владеют военным искусством, что кстати, неоднократно это доказывали на практике. Аналогичный случай отказа от присланного «учителя» имел место в Томске. В начале XVIII в. туда направили казачьим головой Александра Линге для обучения казаков «артикулу солдатского строя». Служилые отказались ему подчиняться и незадачливый «голова» был отозван в Москву.⁵⁵

Но новые условия ведения военных действий, увеличение разновидности служб военного характера ставили на повестку дня обучение не только казачьих офицерских кадров, но и казачества в целом. Поэтому с 70-х гг. XVIII в., а, вероятно, и раньше на казачество стали распространяться строевые занятия. В 1765 г. появились школы для обучения грамоте и азам научных и военных знаний, что было новшеством.

Что же касается *вооружения*, то из XVII в. в более позднее время от служилых людей «старых служб» к казакам перешло холодное оружие: сабли, пики. Усовершенствование технологии производства в целом в России внесло свои изменения в состав огнестрельного оружия. Вместо тяжелых ручных пищалей XVII в. стали употребляться малокалиберные винтовки и пистолеты. В 1808 г. в целом в Сибири получило распространение стрелковое оружие не только старого гусарского, но и нового «конно-егерского образца». ⁵⁶ От служилых людей «старых служб» перешли пушки. С образованием казачьих линий, введением элементов «регулярства» пушки – теперь «артиллерия» закреплялись за казачьими подразделениями на линиях.

Однообразие в одежде служилых людей «старых служб» в Сибири начиналось с некоторых деталей еще в первой половине XVII в. В перечне товаров, привозимых в Сибирь, значились красные, синие, зеленые сукна и шнурки («снурки»), вероятно, сделанные из гаруса. В некоторых источниках встречались указания о назначении сукон – на вершки шапок. Украшались вершки шнурками, нашитыми крестообразно. В конце XVII в. из привозного «аглицкого» и «амбургского» сукон шили не только «вершки», но и верхнюю одежду, которую также обшивали шнурками. Традиционный суконный верх шапок перешел в XVIII в. на казачьи форменные осьмушковые шапки, а шнурки уже из золотых и серебряных нитей – на форменную одежду и верх шапок командного состава. С середины 70-х гг. XVIII в. для казаков начинает вводиться *форменная одежда* определенного цвета. В конце XVIII в. рядовых казаков и офицеров разных войсковых казачьих подразделений в Сибири отличал мундир. ⁵⁷ В 1801 г. донским казакам была учреждена новая форма. В следующем году единая форма одежды и иные атрибуты по типу «донских» были введены для казаков Сибири. ⁵⁸ Единообразие войскового обмундирования было важным, хотя и внешним проявлением процесса регуляризации казачества.

Казачье самоуправление, достаточно весомое в XVII – первой четверти XVIII вв., рассматривалось правительством как противовес воеводскому самоуправству, особенно на очень отдаленных от центра территориях. Служилым людям «старых служб» оно было необходимо как способ социальной защиты, как посредник во взаимоотношении с местной администрацией и центральной властью, а также для общественного контроля за выполнением служебных поручений: очередностью распределения видов службы (выгодных и невыгодных), заменой служилых людей наемниками и расплатой за найм, дележом добычи из «войскового кошта», распределением работ невоенного характера и т.д. Важным моментом самоуправления была выборность

командного состава: атаманов, сотников, казачьих голов. Это правило действовало среди сибирских служилых людей «старых служб» вплоть до конца первой четверти XVIII в. Как правильно отмечено В.А. Александровым и Н.Н. Покровским, приборное служилое войско в Сибири в XVII в. сплошь и рядом строилось по станичному принципу с выборным командным составом.⁵⁹ Служилые люди выбирали кандидатов на соответствующие должности, затем их утверждали главы местной администрации (воеводы), с подачи которых утверждал Сибирский приказ.

Важнейший рубеж в ослаблении казачьего самоуправления в Сибири определился несколькими факторами: 1. ликвидацией во всероссийском масштабе служилых людей «старых служб»; 2. ослаблением городских команд, вследствие комплектования главным образом за их счет сибирского линейного и пограничного забайкальского «войск»; 3. введением элементов регуляризации. Перечисленные факторы одновременно проявили себя в последней трети – конце XVIII в.

Главной потерей в самоуправлении стала замена выборности командного состава его назначением вышестоящими инстанциями и передача решения важных вопросов материального порядка для городских казаков (устав 1822 г.) полковому атаману, назначенному из армейских офицеров.⁶⁰

Однако, власти не решались на полную ликвидацию казачьего самоуправления. Как в XVII в., оно было защитой для служилых людей «старых служб» от воеводского произвола, так и в более позднее время для казачества оно противостояло старшинскому произволу и злоупотреблениям. Традиции казачьего самоуправления проявлялись в выборности казаками членов войсковых канцелярий, в общих станичных сходах, заменивших былой казачий круг, но решавших более мелкие бытовые и служебные вопросы станичной жизни, выражавшиеся в контроле за очередностью распределения служб и невоенных поручений, заменой при командировках, взысканием мелких исков и т.д. Новым было выборное начало в формировании войсковых канцелярий и контроль за благоустройством станиц.

Как верно отмечено исследователями, дальнейшее расширение регуляризации в конечном итоге могло бы привести к полному преобразованию казачества в регулярные армейские полки, т.е. к исчезновению казачества. В данном случае осуществились бы прожекты первой четверти XVIII и первой половины XIX вв. о переводе казачества Сибири на полную регулярную основу. Однако, правительственные круги, не теряющие чувство реальности, и в первой

четверти XVIII и в первой половине XIX вв. пришли к выводу о необходимости для казачьих подразделений сохранения иррегулярного положения по двум главным причинам. Одна из них – экономическая, заключалась в нехватке материальных средств для содержания казачества как регулярных частей армии. Другая – носила военно-политический и хозяйственный характер: необходимость использовать казачьи подразделения, способные в силу своей специфики решать любые военно-политические задачи в любой пограничной ситуации параллельно с задачами хозяйственно-колониационного порядка.

Так, несмотря на все усовершенствования казачьих подразделений, вызванных веянием времени и выразившихся, в частности, во введении элементов регуляризации, старая традиция иррегулярности служилых людей «старых служб» взяла верх и сохранилась для казачества. Идентичными в XVIII и в XIX вв. были и причины ее сохранения.

*

*

*

Важнейшими показателями иррегулярности являлось сопряжение службы с хозяйственными занятиями – земледелием, скотоводством, торгово-промышленной деятельностью.

Говоря о *земледельческих* занятиях служилых людей «старых служб», а затем казачества в Сибири, отметим, что до 1760-х гг. служилые (в том числе казаки) получали землю в индивидуальное («собинное») и коллективное («вповал») владение по принципу условного держания за службу: в счет хлебного жалования – пашни, частично сенокосы и в коллективное владение не зависимо от хлебного жалования – пастбища, леса, частично сенокосы. Были распространены частные поземельные сделки, официально запрещаемые Соборным Уложением 1649 г., но на практике, на местах не возбраняемые местными властями (купля, продажа, обмен, заклад, аренда) при условии несения службы, сохранения в гарнизонах числа хлебных ставок и экономии на этом казенного хлеба. Действенным был порядок отчуждения земли после отставки или ее сохранение за прежним владельцем при условии внесения им в казну отсыпного хлеба или, что было реже, в варианте добровольной записи владельца земли в пашенные крестьяне.

С конца 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. для казаков, служивших с пашни, восстанавливаются хлебные оклады, а за пользование пашней с них берется оброк, т.е. провозглашенное в 1727, 1732 гг. и вплоть до середины XVIII в. указами индивидуальное наследственное (при

условии службы родственников) «вечное владение» земель за службу превратилось в оброчное с одновременным получением казаками хлебного жалования и обязательной выплатой ими оброка за каждую отведенную десятину (2 пуда зерна или 10 коп. с десятины, независимо от ее обработки). Причем конные и пешие казаки могли иметь надел в 15 десятин под пашню и столько же под сенокосы в трех полях с практикой их переобролки.⁶¹ Такой порядок в условиях устройства пограничных линий, перетасовки и сокращения городского казачества, по мнению администрации, должен был стимулировать занятия хлебопашеством. Аренда земли лишала казаков права на служебный надел и делала их арендаторами, к чему сибирское казачество не привыкло и с чем согласиться не могло.

Эксперимент администрации себя не оправдал, оказался кратковременным (4-5 лет в Западной и более продолжительный в Восточной Сибири). В 1773 г. вышел указ сначала для иртышского казачества, а затем распространенный на казаков всей Сибири, о предоставлении им 6-десятинного душевого надела. Последний должен был включать усадьбу, пашню, выгон для скота, сенокосы, лесные дачи, с владения которыми оброк не взимался.⁶² Надел был небольшим, но как верно отмечает Ю.Г. Недбай, так как на линиях земли было достаточно, «указ для казаков имел не экономическое значение, а политическое, поскольку вновь признавал за ними право на служебный надел, т.е. право на землю».⁶³ А иными словами, вернулись к былому праву служилых людей «старых служб» (XVII – 60-е гг. XVIII вв.) иметь служебный надел, но только с доплатой к нему хлебного жалования. Фактически 6-десятинный служебный надел был шагом к насаждению уравнительного сословного землепользования среди казачества.

В последней трети – конце XVIII в. завершается заселение казаками приграничной полосы, протянувшейся от Урала до Амура и формирования войсковых территорий, в общих чертах обозначивших области будущих Сибирского и Забайкальского казачьих войск.⁶⁴ С этого времени в Западной и Восточной Сибири внедряется корпоративное землевладение, находящееся в ведении городских и линейных казачьих команд в виде компактно расположенных земельных массивов и уравнительно-сословного казачьего землепользования⁶⁵ в объеме 6-десятинного служебного казачьего надела.

Главной функцией государства как владельца земли стало считаться упорядочение землепользования всех казачьих подразделений, а отсюда проведение государственного межевания

земли при невмешательстве в ее распределение между казаками внутри войсковых и полковых массивов.

В рамках этих массивов одна часть земли составляла войсковую «экономии», другая – отводилась казакам. В последней, с ведения самой команды, пашни и частично сенокосы делились между казаками по жребию на пай с практикой их передела. Пай получал статус «служебного надела». Казаки становились пользователями этого надела, совладельцами корпоративной войсковой или полковой (для городских) земельной собственности,⁶⁶ что, в отличие от XVII – 60-х гг. XVIII вв., снижало до минимума практику распоряжения этими земельными паями и корпоративным земельным фондом (за исключением сдачи пая и угодий в аренду).

Однако, отметим, что на территории войскового и полкового земельных фондов, как и в XVII – 60-х гг. XVIII вв., в коллективном пользовании продолжали оставаться пастбища, леса, водоемы, частично или полностью, сенокосы. За владение положенным пашенным паем и угодьями казаки оброк не вносили, т.е. условием держания земли, как и в XVII – 60-е гг. XVIII вв., снова стала служба, а не аренда. Оброк сохранялся только при получении казаком земли в аренду из фонда войсковой «экономии» дополнительно к служебному наделу, т.е. как и в XVII – 60-е гг. XVIII вв., «со сверх окладной пашни» или, как можно точнее сказать для 70-х гг. XVIII – XIX вв., «со сверх войскового земельного пая». Правда, в первом временном варианте он вносился «отсыпным хлебом» в уездную казну, во втором – преимущественно деньгами в войсковой доход.

Некоторые исследователи сибирского казачества считают, что в XVII – 60-е гг. XVIII вв. надел, отведенный казаку взамен хлебного довольствия, лишь фиктивно являлся служебным и что «с последней трети XVIII в., когда владение землей, полученной из казны, перестало отягощаться выплатой натуральной (или денежной) ренты, казачьи наделы приобрели, в связи с этим, уже фактически статус служебных».⁶⁷ Возможно, на исследователей определенное воздействие оказало появление для 1770-х гг. термина «служебный надел». Но следует учесть, что каждое время и временный период вносят свои изменения в терминологию, определяющую одну и ту же сущность. Вероятно, составители документа последней трети XVIII в. считали за архаизм такие термины как «служба с пашни», «пашенный оклад» и в духе своего времени внесли термин «служебный надел» с целью противопоставить его только что отмененному «арендному наделу».

Вряд ли, начиная с «Уложения» Ю.Я. Сулешева (начало 20-х гг. XVII в.) и до 70-х гг. XVIII в., т.е. в течение почти 150 лет служилые

люди по прибору, в том числе и казаки, получали надел, который лишь фиктивно считался служебным. Известно, что казачество именно за службу, которая отнюдь не была «фиктивной», получали земельный надел, считавшийся всегда служебным без всякого фиктивного оттенка. Менялся лишь порядок наделения казачества землей в контексте с эволюцией социально-экономического, политического развития в целом и регионов и казачества в частности. Сначала это была «служба с пашни», но опять же «служба», дающая право на надел, полученный в соответствии с установленным законодательством. Этот служебный надел подразумевал снятие с хлебного довольствия, что объяснялось нехваткой хлеба, малочисленностью крестьянства (особенно в XVII в.), устоявшимся порядком городской службы и, наконец, традицией условий наделения служебным наделом, выгодной для государства: служилые люди «старых служб» служат и обрабатывают пашню, лишаясь хлебного довольствия.

Организация с 1770-х гг. пограничных казачьих линий, изменила условия получения земли, внесла в них определенную корректировку в соответствии со временем, спецификой службы казачьих подразделений и корпоративного землевладения. Образование линейного и пограничного казачества и его комплектование за счет казачества городского нарушило традиционное, сложившееся почти на протяжении 150 лет, течение хозяйственной жизни казаков, которым, особенно на пограничных линиях, приходилось также, как и в XVII в., начинать все с начала, «с чистого листа». Усложнились и условия службы. Внедряемое с 70-х гг. XVIII в. «регулярство», сочетаемое с «иррегулярством», предполагало, в соответствии с постановлениями верховной власти, получение казаками хлебного жалования и земли – все того же служебного надела. Отвод межевыми комиссиями войсковых и полковых территорий делался с учетом заведения казаками «своего» хозяйства и обработки ими «экономической» пашни.

Владение и пользование войсковым служебным наделом, установленным с 70-х гг. XVIII в. в объеме 6 десятин на казака, и сохранение при этом хлебного довольствия создавали впечатление «новизны» по сравнению с предыдущим периодом. Но при низкой норме хлебного жалования 6-десятинный земельный пай можно хотя бы условно считать завуалированным вариантом службы с пашни (конечно, в иное время, в иной жизненной и служебной ситуации), существующим параллельно с полным хлебным окладом. Фактически корни такой ситуации брали свое начало с XVII в. Вспомним о практике, распространенной в Западной Сибири до «Уложения» Ю.Я. Сулешева, о практике, имевшей место в Восточной Сибири во

второй половине XVIII в., согласно которой на начальных этапах освоения уездов служилые люди «старых служб», в том числе и казаки, могли одновременно получать, хотя бы значащийся в документации, полный хлебный оклад и иметь пашню (глава IV настоящей монографии). Эта традиция подчеркивалась сибирскими властями аж в 1810 г., считавшими, что «казак, наделенный землей...потребует от казны гораздо меньше, чем безземельный».

В дальнейшем по мере увеличения (особенно с середины XIX в.) войсковых и полковых территорий, улучшения условий для их хозяйственного освоения, нормы поземельного довольствия повысились. Согласно положениям середины XIX в., казачьи офицеры Сибирского линейного и Забайкальского пограничного войск получали из войскового фонда от 200 до 400 десятин, казаки и урядники – до 30 десятин, городовые конных полков офицеры – 60 десятин, пешие и конные казаки — от 15 до 30 десятин земли «способной к хлебопашеству». ⁶⁸ Эти отводы были несоизмеримо выше пашенных окладов служилых людей «старых служб», начиная от рядовых и заканчивая представителями верхушки гарнизонов.

Буржуазные реформы второй половины XIX в. коснулись казачества и его начальства. По закону от 21 апреля 1869 г. ⁶⁹ земля войсковой территории делилась на три части: общинную (земля станичных казачьих общин), частную (земля казачьих офицеров и чиновников) и войсковой запас (для будущих потребностей войска). Земли, отведенные казакам под пашню и сенокосы, по традиции последней трети – конца XVIII в. распределялись на пай, раздававшиеся казакам на правах казачьего наделно-общинного землепользования. Офицерам и чиновникам, получившим потомственное дворянство, земли с 1870-1882 гг. стали отводиться в потомственное владение. Генералы получали от 1200 до 3000 десятин, штаб-офицеры и чиновники – от 450 до 800 десятин, обер-офицеры – от 150 до 430 десятин. Эти земли, также как и земельные пай казаков, не могли продаваться, так как они считались войсковой собственностью. ⁷⁰ Т.е. в этом отношении традиции, заложенные в 1770-х – конце XVIII в., не менялись. Сохранялась традиция дополнительно к служебному наделу брать в аренду земли из войскового фонда с доплатой денег за аренду в войсковую казну. Принудительный труд на землях казачьей «экономики», в связи с отменой крепостного права, отменялся.

Как уже сказано, в конце XVIII в. казачьи дети в возрасте от 2-х до 15 лет были официально причислены к «казачьей категории» и с 1797 г. стали получать довольствие – хлеб в виде «половинного провиантского пайка», что было новым по сравнению с предыдущим периодом.

Но отголоском периода XVII – и до 1797 г. было отсутствие наделения казачьих детей землей до их зачисления в службу. Это положение было исправлено указами первой четверти – середины XIX в. Казачьи дети, отставные линейные, пограничные и городовые казаки стали получать земли из войскового и полкового фондов.

Проволочка с наделением земель этих категорий диктовалась старой традицией: практикой отчуждения наделов у лиц, вышедших в отставку, и использования труда взрослых родственников до их зачисления в службу в хозяйствах служилых людей «старых служб». Кроме того, отсутствие земли у подросших сыновей и отставных казаков стимулировало тех и других к получению земли из войсковой «экономии» и уплате за ее пользование оброка в пользу войска, что было продолжением ситуации XVII в. и более позднего времени – получения не состоящими в службе и отделившимися от родителей, казачьими детьми и отставными казаками земли и уплаты за нее хлебного оброка, но только в пользу уездного бюджета.

С 1867 г. казаки, не попавшие в призыв, пользовались земельным наделом (30 десятин на душу), но с условием внесения за землю и за освобождение от службы денежного оброка. Аренда такого участка в Сибирском линейном казачьем войске стоила 10 руб., а в Восточной Сибири – 15 руб. в год. Взимание оброка за аренду земли, как считалось в войске, основывалось *на традиции*, а не на воле правительства.⁷¹ (Отметим, что в этом отношении традиция была очень устойчивой). Эти деньги в условиях прекращения денежных дотаций государства на расходы казачьим войскам, были существенным подспорьем для войсковой казны, гораздо большим, чем для уездного бюджета в XVII – первой четверти XVIII вв.

В рамках *продолжения традиций* можно рассматривать и факты компактного расселения из гарнизонов лиц, служивших с пашни в конце XVII – первой четверти XVIII вв. (глава IV настоящей монографии), как мини-примеры, предвосхитившие создание компактных земельных войсковых и полковых массивов, но, конечно, получивших иной юридический статус и, особенно в Западной Сибири, иное местоположение.

Практика XVII – XVIII вв. вписывается в порядок, утвержденный уставом 1822 г. и другими более ранними и более поздними положениями, допускавшими индивидуальное держание казаками «благоприобретенной» земли, не являвшейся служебным наделом, не полученной из войскового фонда сверх надела, а приобретенной через покупку, за долги и особенно путем захвата, и своим трудом приведенной в культурное состояние.

Анализируя *степень участия казачества в сибирском хлебопашестве* в последней трети XVIII – начале XIX вв., все авторы отмечают повсеместную тенденцию к его сокращению у городских команд и медленное развитие на линиях. Основную причину этого явления сибирские историки справедливо видят в переводах многих городских казаков и их семей на пограничные линии и отрыве их от налаженного годами хозяйства, в увеличении крестьянского населения и поэтому снижении рыночных цен на хлеб и возможность его купить на рынке. К этому нужно добавить привлечение казаков, как и в XVII в., к строительству военных укреплений на пограничных линиях, их использование на казенной, а затем на «экономической» пашне, отвлекавших от собственного хлебопашества, введение хлебного жалования служащим казакам независимо от наличия у них пашни, получение с 1797 г. хлебного довольствия казачьими детьми, усложнение служебных обязанностей, особенно по охране границ. Итогом этих неблагоприятных условий стало сокращение в целом в Сибири числа казаков, занимавшихся хлебопашеством и уменьшение размеров пашен у тех, кто их имел. А.С. Зуев приводит примеры того, что в 1840 г. запашка у пограничных забайкальских казаков на один двор, в котором проживало 4 человека мужского пола, составляла всего 3,1 десятины, т.е., примерно, по 0,8 десятины на человека, а у городских казаков в том же районе в 1838 -1842 гг. и того меньше – по 0,3 десятины на человека.⁷² Если взять для сравнения конец XVII – первую четверть XVIII вв., то размер пашни в 3,1 десятины в Забайкалье считался у городских казаков наименьшим, а пашню в 0,3 десятины мы встречаем в самый ранний период колонизации того же Забайкалья, что было характерно для пробного сева. Некоторое оживление хлебопашества наблюдается с 20-х – 60-х гг. XIX в., что было связано с улучшением обустройства казачества на войсковых территориях, с увеличением норм земельных окладов, с ликвидацией подневольного труда на «экономической» пашне.⁷³

Следует отметить, что в XVIII – XIX вв. повсеместно у сибирского линейного, забайкальского пограничного казачества, в связи с активизацией внешней торговли, отсутствием на некоторых участках войсковых территорий пригодных для земледелия площадей и др. причин, произошла переориентация хозяйств от занятий хлебопашеством к занятиям животноводством, овцеводством, коневодством, масштабы развития которых стали несравненно выше, чем в предыдущее время. Причем, если в XVII – первой половине XVIII вв. «монополистами» поставок скота на рынок из числа служилых были представители казачьей верхушки, то с образованием

пограничных линий казачество, убедившись в том, что животноводство и коневодство приносят больший доход, чем хлебопашество, с этого рода деятельностью уже не расставалось и, например, в Забайкалье скотоводство у пограничных казаков превратилось в специализированную хозяйственную отрасль.⁷⁴

*

*

*

Приписка служилых людей «старых служб» *по принципу торгов, ремесел и промыслов* в конце первой четверти XVIII в. в податное состояние посадских и цеховых как разночинцев, а затем на протяжении XVIII в. их постепенное возвращение в казачью службу позволило некоторым из них и их потомкам не утратить ремесленные, промышленные и торговые навыки и реализовывать их в иных временных рамках и в возвращенном им казачьем социальном статусе.

Все положения второй половины XVIII – XIX вв. подтверждали права казачества на вышеперечисленные хозяйственные занятия, но, по сравнению с XVII – первой четвертью XVIII вв., связывали эти права с необходимостью их выполнения с «оправданием» городских повинностей. Это объяснялось нежеланием торгово-ремесленного населения городов терпеть конкуренцию казачества (в первую очередь, городского). Превращение городов Сибири в центры ремесла и торговли, как верно отмечает Р.А. Ивонин, «шло одновременно с преодолением казачьих торгов и промыслов».⁷⁵ Что же касается сибирского линейного и забайкальского пограничного казачества, то условия для развития занятий городского профиля были для него более благоприятными, так как на линиях конкуренция торгово-ремесленного населения была несравнимо ниже, чем в городах, да и на линиях льгот для казачества было больше, чем в городах.

Многие из казаков владели слесарным, токарным, кузнечным, кожевенным и др. «мастерством». В XVIII – XIX вв. для городских и линейных казаков сохранили свое значение традиционные промыслы: рыбный, пушной, охота на диких зверей (кабанов, оленей, лосей) и птиц (гусей, уток, лебедей), а в северных районах – на оленей.

Согласно положениям конца XVIII – середины XIX вв., все оброчные статьи, оказавшиеся на войсковой и полковой территориях, передавались в собственность соответствующему казачьему подразделению. Эксплуатация казаками этих статей, как и в прошлом служилыми людьми «старых служб», была одним из источников дохода казачества. Разница состояла в том, что платежи за откупа вносились

служилыми людьми «старых служб» в государственную казну, а казачеством, проживающим на войсковой и полковой территориях – в войсковую и полковую «экономии». Можно констатировать расширение прав сибирского линейного казачества на беспощинную заготовку в степи дикого хмеля (1801 г.) и на пользование казенными, расположенными на войсковой земле, рыбалками.

К 20-м гг. XIX в. относится зарождение у сибирских линейных казаков крупного частного кожевенного и мыловаренного производства, непосредственно связанного с развитием животноводства. В 1856 г. на этой войсковой территории было 15 заводов, в том числе 7 салотопенных, 4 кожевенных, 3 кирпичных, 1 мыловаренный. Также как в XVII – первой четверти XVIII вв., их владельцами были представители казачьего начальства: сотенные атаманы и урядники. Владельцы этих заведений, в отличие от служилых людей «старых служб», освобождались от государственных податей, денежных земских сборов и повинностей и владели большими капиталами (от 500 до 1000 руб.).⁷⁶

Наряду с частными промышленными заведениями, на войсковой территории имелось и общественное производство: кожевенные, суконные, конные и др. заводы. Это производство принадлежало войсковой «экономии», основывалось на коллективном труде казаков, казачьего резерва (казачьих сыновей и других родственников) и даже ссыльных. Труд людей, лишенных стимула личной заинтересованности, был малоэффективным, что объясняло нерентабельность «экономических» предприятий. После отмены крепостного права принудительный труд на «экономических» войсковых предприятиях был отменен.

В связи с созданием пограничной войсковой территории, особое значение для казаков приобретает меновая пограничная торговля. В Забайкалье к традиционному пограничному «Наунскому торгу» конца XVII – первой четверти XVIII вв. после 1727 г. добавилась торговля с китайцами в районе Кяхты. Что касается приграничной торговли с монголами, то она всегда была традиционной.

Указом 1763 г. казакам Западной Сибири разрешалась меновая торговля с киргизами на южных пограничных рубежах, но только «мелкими товарами», в перечне которых значились скот, продукты животноводства, хлебные припасы, кожи, топоры и т. д. Особо подчеркивалось, что меновая торговля разрешалась только «про свой обиход», для «пропитания казачества», а не «распространения купечества», т.е. не должна была конкурировать с купеческой торговлей. Все положения о пограничной торговле (1808, 1820, 1826 гг.)

подтверждали необходимость уплаты казачеством, как и в прошлом служилыми людьми «старых служб», таможенной пошлины, но без предоставления льгот на определенную сумму товаров. В 1803 г. были сняты ограничения на вывоз в казахскую степь хлебных изделий. Устанавливались цены, превышающие рыночные, при продаже казаками хлеба в казенные магазины. Что касается городских казаков, то они, как и в XVII в., нередко участвовали в посреднической торговле между коренными жителями и приезжими купцами.

Некоторых из разбогатевших линейных казаков не устраивали мелкий обмен и торговля на границе. Новые времена предоставляли и новые условия для торговли. В 1853 г. на Сибирской линии было организовано Торговое общество, членами которого могли стать казаки, владевшие крупным капиталом и вносившие каждый ежегодно в течение 30 лет в войсковую казну за членство в обществе 57 руб. 15 коп. За этот взнос казаки – торговцы освобождались от несения службы и, подобно купцам, могли расширять торговые связи за пределами границы, ездить за рубеж, а также торговать на войсковой территории, иметь там свои лавки, выдавать кредитные обязательства, т.е. считаясь казаками, на деле быть купцами.

В XVII – первой четверти XVIII вв. мы встречаемся с близким вариантом в нерчинском и селенгинском гарнизонах, обслуживающих казенную торговлю с Китаем. Тогда купцы и их родственники состояли в службе, которая была прикрытием и условием участия в охране казенных караванов, ходивших в Пекин. В Китае они лично или через своих приказчиков («заменщиков» их на службе) вели крупный торг, доходы от которого составляли очень значительные по тем временам суммы (глава VI настоящей монографии). Но торговое общество и официальный, узаконенный денежный взнос были шагом вперед, поскольку ставили казаков–торговцев со второй половины XIX в. в несравнимо меньшую зависимость от войскового начальства и администрации, чем в предшествующее время, узаконивали их торговый статус и освобождение от службы.

Торговое общество казаков было учреждено и в Забайкалье. Известно, что в начале XX в. среди 232 капиталистов и торговцев этого региона было 8 представителей казачества. Среди них выделялся крупный скотовладелец С.М. Шестаков. Эта фамилия сопоставима с фамилией сына боярского Сидора Шестакова, занимавшегося в конце XVII в. торговлей с Китаем, имевшим табуны, крупный и мелкий рогатый скот, служивший с пашни, судившийся с казаками за сенные покосы, использовавший в своем многоотраслевом хозяйстве подневольный и наемный труд. У Шестакова была большая семья,

сыновья, потомки которых могли продолжать дело, начатое своим пращуром.

*
* *

Рассмотрев влияние служилых людей «старых служб» на судьбы сибирского казачества, подведем некоторые итоги, которые будут касаться, в первую очередь, социального статуса казачества в контексте ряда историографических наблюдений.

Дореволюционные исследователи, например, генерал-майор И. Гурко определил казачество как «поселенные кавалерийские полки» (Гурко исходил из их военной характеристики). Г.Н. Потанин говорил об организации сибирского казачества как «региональной разновидности военных поселений» (Потанин исходил из организации быта казачества). П. Словцов, А. Васильев, Н. Эпов, Н. Краснов, М. Хорошкин и др., справедливо считая, что казачество Сибири впитало в себя прочие разряды служилых людей, отмечали, что в единое сословие оно консолидировалось к середине XIX в.⁷⁷

В советское время В.И. Петров, исследовавший казачество Западной Сибири, назвал его не более и не менее как «сословно-замкнутым крестьянством».⁷⁸ Близкой была характеристика как «военизированного крепостного крестьянства», данная казачеству А.Т. Топчим.⁷⁹ А.Р. Ивонин, изучивший городское казачество Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX вв., пишет о превращении городского казачества «в военизированное административно-полицейское формирование».⁸⁰ А.С. Зуев характеризует казачество Забайкалья как «социальную группу населения», как «замкнутое социальное образование», «замкнутую сословную группу», «территориальное подразделение сначала сословия служилых людей, а потом казачьего сословия».⁸¹

В томе первом «Истории казачества Азиатской России» дается обобщающая справка наиболее употребляемых терминов, характеризующих социальный статус казачества Сибири XVIII – XIX вв. в советской и постсоветской историографии. Казачество характеризуется как «единый социальный слой» (за основу определения взят юридический момент – освобождение от основных государственных повинностей), «сословная группа», «субэтническое образование в составе русского народа» (за основу определений взяты характеристики корпоративной земельной собственности и прав на территории войска, наличие собственного хозяйства, занятий ремеслами, промыслами, торговлей, своеобразие быта и т.д.), как

«особое сословие» (определение дано, исходя из нормативных актов XIX в.). Характеристика социального статуса казачества как «сословия» подтверждается во введении ко второму тому «Истории казачества Азиатской России. Вторая половина XIX — начало XX вв.» в следующих словах: «В первом томе... проанализированы проблемы зарождения казачества, его становление и превращение в военно-служилое сословие».⁸²

Определения социального статуса казачества вызвали ряд критических замечаний. Например, Ю.Г. Недбай, подчеркнув неправомочность применения к казачеству вообще и к сибирскому в частности понятия «субэтнос», верно заметил, что оно более является продуктом «увлечения новомодными теориями и современными общественно-политическими процессами, нежели конкретными тщательными историческими исследованиями».⁸³ Сам Ю.Г. Недбай изложил свою концепцию относительно казачества, в значительной степени опираясь на классиков русской истории. Суть его концепции сводится к тому, «что казачество в России есть не просто социальный слой общества (группа, сословие, класс-сословие, промежуточный (переходный) слой, субэтнос, этнос, народ и проч. и проч.), а «явление» русской истории, только ей свойственное и только ей присущее, ибо порождено оно всем специфическим ходом российского общества. В сжатом виде позицию автора можно сформулировать так: там, где есть Россия, там есть и казачество, нет России — нет и не может быть казачества, так как кроме всего прочего, казачество есть образ жизни!».⁸⁴

Конечно, такое патетическое определение казачества, особенно во второй части приведенной цитаты, можно только приветствовать, поскольку каждый россиянин, пишущий о казаках или читающий о них, испытывает к этим людям чувство глубокого уважения и благодарности за их подвижнический труд и великий вклад в дело освоения новых территорий и защиты русских границ. Но, к сожалению, панегирик не решает вопрос о социальном статусе казачества и сам автор в тех же работах, откуда нами приведена цитата, использует применительно к казачеству такие термины, как «специфическая социальная группа», как «четко оформленная социальная группа», как «самостоятельная социальная группа», как «казачье сословие». Последнее определение дается в контексте попытки возвращения в 1816 г. «в казачье сословие всех потомков сибирских казаков, по разным причинам оказавшихся в других сословиях».⁸⁵

В главе пятой «Социальное положение сибирского казачества» книги второй «История Сибирского казачьего войска» Ю.Г. Недбай

определяет казачество как «социальный слой» в контексте укрепления «позиции казачества как социального слоя»⁸⁶, что совпадает с одним из определений, данных в первом томе «Истории казачества Азиатской России», о чем нами сказано выше.

Мы не случайно включили в состав своей монографии раздел «Post Scriptum», в котором в краткой форме, в общих чертах попытались рассмотреть, в какой же степени характеристики, свойственные служилым людям «старых служб», перешли к городовому, крепостному, сибирскому линейному и забайкальскому пограничному казачеству в XVIII — XIX вв., насколько они сохранились, вписались, были дополнены, могут быть сопоставимы с нововведениями, в это же время распространенными на казачество Сибири и в совокупности определявшими его социальный статус. Речь шла об их обязанностях, обеспечении, принципах зачисления в службу, военной организации, самоуправлении, хозяйственных занятиях. Поскольку материал раздела «Post Scriptum» опирается на нашу монографию, мы не рассматривали вопрос о временном сопоставлении культуры и быта казачества, материал о которых изложен в великолепно написанной Н.А. Миненко, И.В. Побережниковым, М.Ю. Нечаевой главе четвертой «Культура и обычаи казаков» первого тома «Истории казачества Азиатской России» и не противоречащей нашим выводам.

Итак, после приписки в конце первой четверти XVIII в. служилых людей «старых служб» к тяглу, а затем их постепенного освобождения от тяглого состояния и завершения этого процесса в последней трети — конце XVIII в., из служилых людей «старых служб» сохранилось только казачество, ставшее более монолитным, численно возросшим, благодаря включению в его состав различных более мелких категорий служилых людей, а главное, благодаря демографическому росту казачества, обеспечившему возможность появления и укомплектования в Западной Сибири сибирских линейных (1770-1780 гг.), а в Восточной — пограничных забайкальских казачьих формирований (1772-1775 гг.), предопределивших образование Сибирского линейного и Забайкальского пограничного казачьих войск.

От служилых людей «старых служб» к казачеству Сибири перешли: освобождение к концу XVIII в. от тяглого состояния (подошной подати) и других сборов в пользу государства; квалификация казачьих подразделений как нерегулярных компонентов вооруженных сил; военные, полицейские и хозяйственные обязанности; денежное, хлебное жалование, фураж и вычеты из них в случае провинности; возможность получения беспроцентной ссуды деньгами и хлебом и командировочных средств; сословный принцип верстанья,

возможность замены служащего казака наемником (до 1829 г.) и запрет выхода из казачества (до 1869 г.); продолжение практики пополнения казачества лицами не казачьего происхождения, но не столько по принципу «свободного доступа в службу при входе» отдельных претендентов, сколько через проведение правительственных «компаний»; индивидуальный служебный надел и общие земельные угодья; выбор служащими казаками и их родственниками рода хозяйственной деятельности (земледелия, скотоводства, ремесел, промыслов, торговли); возможность пользования войсковым имуществом; сохранение некоторых элементов самоуправления; наличие таможенных пошлинных и других льгот эксплуатация общих угодий, получение откупов. В обобщенном варианте по большому счету преемственность от служилых людей «старых служб» к казачеству просматривается от XVII к XVIII, XIX, началу XX вв. в его участии в военно-хозяйственной колонизации новых территорий и защите пограничных рубежей.

Новым для казачества Сибири, по сравнению со служилыми людьми «старых служб», стало: разделение в последней трети – конце XVIII в. казачества на городовое и пограничное (сибирское линейное и забайкальское пограничное) и с этого времени разделение функций: для городских — возобладание полицейских, для пограничных — обязанностей по охране границ с тенденцией уменьшения к концу XVIII в. хозяйственных обязанностей; внедрение с последней трети-конце XVIII в. регуляризации; зачисление в офицеры казаков и присвоение им через офицерский чин и «Табель о рангах» выслуженного и даже потомственного дворянства; обозначение с последней трети – конце XVIII в. будущих полковых и войсковых территорий; введение корпоративной земельной собственности и уравнительного для казачества землепользования (паев); выдача с 1773 г. всем служащим казакам хлебного жалования при наличии у них хлебного пая, а с 1797 г. — хлебного довольствия казачьим детям (старшему сыну) с одновременным распространением на детей казачьего звания; введение с последней трети – конца XVIII в. казачьей «экономии», позволившей строить войсковой бюджет и обеспечивать за его счет казачество; выравнивание денежных и хлебных окладов казачества и обеспечение хлебной и фуражной части в более удобной форме; преодоление бумажной волокиты при выдаче окладов; громадный разрыв между жалованием рядовых казаков и казачьего начальства с последней трети-конца XVIII в., объясняемый введением (до определенных пределов) регуляризации.

Как уже было сказано, дореволюционные и постсоветские исследователи относили время консолидации казачества как сословия к середине XIX или к XIX в., исходя из тех нормативных актов, в которых социальный статус казачества был определен именно так. Авторы разделов, включенных в состав юбилейного издания «Столетие Военного министерства. 1802 – 1902» писали: «отличительными чертами казачьего сословия служили: особый порядок отбывания воинской повинности, освобождение от подушной подати, от рекрутской повинности, от государственного земского сбора, право беспошлинной торговли в пределах войсковой территории, особое право на пользование государственными землями и разными другими угодьями, как-то: рыбными ловлями, добычей соли и т.п.».

Однако, как следует из сравнительно-аналитического материала раздела «Post Scriptum», эти «отличительные черты» были несравнимо шире и появились значительно раньше нормативных актов XIX в. Основная суть этих «отличительных черт» или как мы их называем «характеристик» казачества, также в свое время утвержденных соответствующими указами, традиционно перешедших к казачеству от служилых людей «старых служб» или вновь введенных в последней трети — конце XVIII в., сохраняли свою сущность и в последующее время. Под влиянием социально-экономических, внутривойсковых и внешнеполитических факторов эти характеристики при сохранении своей сущности менялись, модернизировались, подправлялись и уточнялись в последующее время.

Все это позволяет отнести время складывания казачества Сибири как части казачьего сословия к последней трети – концу XVIII в. Этот период для сибирского казачества стал не просто переломным, он стал для него судьбоносным, поскольку сочетал в себе интеграцию старых традиционных черт казачества с нововведенными. И те и другие продолжали свое существование и развитие как единое целое, найдя воплощение не только в Сибирском линейном и в Забайкальском пограничном, но и в созданных позже Амурском и Уссурийском войсках.

Почему же правительственные нормативные акты достаточно поздно объявили казачество сословием? Это объяснялось определенными причинами. Назовем некоторые из них.

Казачество было территориально разделено. Его различные территориально-региональные подразделения, имеющие свою специфику (казаки вольные и служащие), создавались в разное время и в разной социально-политической, военной и экономической обстановке, что мало способствовало временной и сущностной

идентификации их характеристик. Учитывая это обстоятельство, в разделе «Post Scriptum» мы не случайно говорим о сибирском казачестве лишь как о части казачьего сословия. Законодательство, как правило, не опережало события, а констатировало и закрепляло то, что давно уже стало фактом и в какой-то мере было проверено жизненной практикой и опытом. И, наконец, следует учесть и интересы государственной власти, которая всегда требовала и брала от казачества больше, но меньше и с большими проволочками ему что-то предоставляла. Это «что-то» (имеются в виду, в первую очередь, обеспечение и права) казачеству приходилось буквально отвоевывать у государства. Объявление казачества «сословием» неизбежно должно было повлечь за собой расширение его прав и не только благодаря реформам второй половины XIX в., но и благодаря официальному признанию для просто «казаков» их более высокого социального статуса.

Примечания

Введение

¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I-II. М., Л., 1937-1941; *Миллер Г.Ф.* История о странах, при Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением//Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757.- Ч.II, август.

² *Фишер И.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX. СПб., 1821. Гл. VI. С.370-411; Т.X. СПб., 1824. Гл. I. С.22-26; *Шеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири и Забайкалья от древнейших времен – до 1782 г. СПб., 1887. *Он же.* Исторический опыт Сибири по данным, представленным полным собранием законов. Т. I-II. Иркутск. Т. III. Томск. 1887. *Он же.* История Сибири. Ч. 1-2. СПб., 1889; *Бакай Н.Н.* Общий обзор главнейших актов, относящихся к истории колонизации Сибири в конце XVI-XVII вв. Красноярск, 1891; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. I-XV. М., 1958-1966.

³ *Головачев П.М.* Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюд по истории Сибири XVIII века. М., 1889. С.111.

⁴ *Головачев П.М.* Ближайшие задачи изучения Сибири// Журнал Министерства народного просвещения (Далее –ЖМНП). -№9. СПб., 1902; *Он же.* Желательный тип сборников материалов для истории Сибирских городов XVII века//ЖМНП. - №10. СПб.,1905; *Он же.* Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х гг. XVII в.//Первое столетие Иркутска. Материалы для истории города. СПб., 1902; *Он же.* Очерки заселения Сибири в XVI-XVII столетиях. СПб., 1906.

⁵ *Андреевич В.К.* История Сибири. Ч.I. СПб., 1889. С.195,202.

⁶ *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.//Научные труды. Т.IV. М., 1959.

⁷ *Шунков В.И.* К истории развития земледелия в Западной Сибири (XVII-начало XVIII вв.)/Исторические записки. Кн.11; *Он же.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII-начале XVIII вв. М., Л., 1946; *Он же.* Первые шаги русского земледелия в Томско-Кузнецком регионе (XVII век)/Ученые записки МГУ. Вып. 167. М., 1954. С.55-76; *Он же.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М.,1956.

⁸ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956. С.8.

⁹ Беседа с В.И. Шунковым состоялась в октябре 1965 г. в Фундаментальной библиотеке АН СССР, директором которой он был.

¹⁰ *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т.I. Иркутск, 1949; *Бояришинова З.Я.* Население Томского уезда в I половине XVII в.//Труды Томского государственного университета им. В.В.Куйбышева. Серия ист.-филолог. Томск, 1950. Т.112; *Сафронов Ф.Г.* Крестьянская колонизация бассейна Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII-начала XVIII в. Енисейский край. М.,1964.

¹¹ *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда. С.108-112; *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации... С.148,149; *Он же.* Очерки по истории

земледелия Сибири... С.48,49,129,137; *Бояришинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в...; *Кашик О.И.* Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII – начале XVIII в. Автореф. дисс. канд. ист. наук Иркутск, 1952; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в... С.111-118; *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965. С.202-203; *Кондрашенков А.А.* Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Ч. I. Свердловск, 1966; Ч. II. Челябинск, 1969; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1972; *Никитин Н.И.* Заселение русскими Тобольского уезда в первой четверти XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. (Очерки по исторической географии XVII в.). М., 1974; *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1980. С.109,110.

¹² *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири... С.303-357; Он же. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С.222.

¹³ *Александров В.А.* Русское население Сибири... С.278.

¹⁴ *Копылов А.Н.* Торговые связи енисейского рынка в XVII в. // Сибирь периода феодализма. Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. Вып.2. Новосибирск, 1965. С.98; Он же. Русские на Енисее... С.205, 253.

¹⁵ *Вилков О.Н.* Состав ввозителей слободского хлеба в Тобольск в 30-90-е годы XVII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения), 1969. Новосибирск, 1974.

¹⁶ *Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.-Л., 1946; *Визе В.Ю.* Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII-XIX вв. М., Л., 1948; *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом Океанах. М., 1950; *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы – исследователи Сибири XVII в. М., 1952; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956.

¹⁷ *Белов М.И.* Семен Дежнев. М., 1955; Он же. Подвиг Семена Дежнева. М., 1973; *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991; Она же. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец Земли Камчатки. М., 1997; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999; *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. М., 2003. №5.

¹⁸ История СССР. Т. I. М., 1954; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV-начало XVII в. М., 1955; *Шунков В.И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С.210, 211.

¹⁹ *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. М., 1949; *Воробьев В.В.* Города южной части Восточной Сибири. (Историко-географические очерки). Иркутск, 1959.

²⁰ *Бояришинова З.Я.* Томск в XVII-XVIII веках. // Очерк истории города Томска (1604-1954). Томск, 1954; *Сафронов Ф.Г.* Якутск в XVII – начале XIX в. Якутск, 1957; *Кудрявцев Ф.Л., Вендрих Г.А.* Иркутск, 1958; *Силин Е.П.* Кяхта в XVII в. Иркутск, 1959.

²¹ *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. М., 1949. С.57.

²² Вопросы географии. Сб.20. М., 1950. С.304.

²³ *Заозерская Е.И.* К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в.//Вопросы истории (далее – ВИ). 1949. №6. С.70-84.

²⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т.2. Л., 1968. С.88;

²⁵ *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965. С.5; *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С.25; История Сибири. Т. 2. С.84.

²⁶ *Сергеев В.И.* Первые сибирские города, их военно-экономическое и культурное значение//Вестник ИМК. 1960. №3. С.113-124.

²⁷ *Копылов А.Н.* Русские на Енисее... С.119, 205-207, 249.

²⁸ *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967.

²⁹ Там же. С.133, 134, 166.

³⁰ Там же. С.215.

³¹ Там же. С.245.

³² *Александров В.А.* Русское население Сибири... С.281.

³³ *Павлов П.Н.* Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40-70-е годы XVII в.//Сибирь периода феодализма. Вып.2. С.37.

³⁴ *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1972.

³⁵ *Никитин Н.И.* Торгово-промышленная деятельность военно-служилых людей Тобольска в середине XVII в.//Проблемы отечественной истории. М., 1973; Он же. Военно-служилые люди Западной Сибири XVII в. Из истории классово-сословного строя позднефеодальной России. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1975; Он же. Государственное обеспечение гарнизона Тобольска до середины XVII в.//История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977; Он же. Торги и промыслы служилых людей Западной Сибири в XVII в.//Промышленность и торговля в России в XVII-XVIII вв. М., 1983; Он же. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в.//Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985; Он же. О характере расселения и землепользования служилых людей в Сибири в XVII в.//Аграрный строй в феодальной России XV – начала XVIII в. М., 1986.

³⁶ *Никитин Н.И.* Военно-служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С.33, 35.

³⁷ *Никитин Н.И.* Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII веке//История СССР. 1980. №2. С.173.

³⁸ *Никитин Н.И.* Советская историческая литература о военно-служилом населении Сибири XVII в.//Вопросы методологии истории и историографии. Томск, 1974. Вып.2. С. 103-144; Он же. Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII в... С.172.

³⁹ *Миненко Н.А.* Новейшая советская историография о заселении Сибири русскими в эпоху феодализма//Вопросы Истории. 1984. №7. С.116.

⁴⁰ Города Сибири. (Экономика, управление и культура городов Сибири. Досоветский период). Новосибирск, 1974; История городов Сибири досоветского периода (XVII –начало XX в.). Новосибирск, 1977; Города Сибири (эпоха

феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978; Сибирские города XVII-начала XX века. Новосибирск, 1981; Историография городов Сибири конца XVI-начала XX в. Новосибирск, 1984; Торговля городов Сибири конца XVI-начала XX в. Новосибирск, 1987. Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Сборник научных статей. Новосибирск, 1990.

⁴¹ Люцидарская А.А. Промышленное развитие города Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири... 1974; Она же. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири. 1978; Она же. К вопросу о роли служилого населения в развитии города Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972.

⁴² Люцидарская А.А. Промышленное развитие города Томска. С.75.

⁴³ См. вышеупомянутые работы О.Н. Вилкова, А.Н. Копылова, Г.А. Леонтьевой, Н.И. Никитина.

⁴⁴ Курилов В.Н. Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра XVII в. // Города Сибири... 1976. С.85, 86.

⁴⁵ Курилов В.Н. Социальная структура населения сибирского города в XVII в. // Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976. С.28-35, 37.

⁴⁶ Миненко Н.А. Березов и Сургут в XVIII-первой половине XIX в. // Города Сибири... 1974. С.92, 108.

⁴⁷ Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI-первой половине XIX в. М., 1976. С. 108, 118-121, 254, 260.

⁴⁸ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. (управление, служилые люди, крестьяне, городское население). М., 1978.

⁴⁹ Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1980. С. 99, 100, 110, 112.

⁵⁰ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 198-243.

⁵¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск. 1982. С.128-132.

⁵² Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города в XVII-первой четверти XVIII в. (Историография) // Историография городов Сибири конца XVI-начала XX века. Новосибирск, 1984. С.100-124.

⁵³ Леонтьева Г.А. Политика правительства и некоторые демографические аспекты пашенного хозяйства служилых людей Сибири в XVII-первой четверти XVIII в. // Социально-демографические процессы в Российской деревне (XVI-начало XX в). Материалы Всероссийского симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Выпуск. I. Таллинн, 1986; Она же. Место поступлений от торговли в бюджете Тобольского разряда XVII в. // Торговля городов Сибири конца XVI-начала XX в. Сборник научных статей. Новосибирск, 1987; Она же. Застройка Тюмени и ее обеспечение в конце XVI-начале XVIII в. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1989; Она же. Значение крестьянских повинностей в формировании общесибирского бюджета (конец XVII-начало XVIII вв.) // Участие крестьянства в освоении Восточных окраин России (конец XVII-начало XX вв.). Новосибирск, 1990; Она же. Ведомости и сметы как источники для характеристики бюджета Сибири и

Сибирского приказа на рубеже XVII-XVIII вв.//Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990; Она же. Денежный бюджет Сибири и место в его составе поступлений от торговли в конце XVII-начале XVIII в.//Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Сборник научных статей. Новосибирск, 1990.

⁵⁴ *Никитин Н.И.* Военно-служилые люди и освоение Сибири в XVII веке//История СССР. 1980. №2; Он же. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987; Он же. Начало казачества Сибири. М., 1996.

⁵⁵ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.

⁵⁶ Там же. С. 196, 198.

⁵⁷ *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI-начала XVIII в. Новосибирск, 1990.

⁵⁸ Там же. С.294-315.

⁵⁹ *Копылов А.Н.* Органы центрального и воеводского управления Сибирью в конце XVI-XVII в.//Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1965. Вып.3, № 9.

⁶⁰ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири XVIII в.//История СССР. 1986. №1; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

⁶¹ *Акишин М.О.* Сибирские служилые люди как источник комплектования воевод в начале XVIII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993. *Его же.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

⁶² *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.

⁶³ *Курлаев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке. У истоков российской промышленной политики. М, 2005. С.253-290.

⁶⁴ *Вернадский Г.В.* Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века. ЖМНП, 1915. Апрель. С.332-254.

⁶⁵ *Щукин Н.С.* Подвиги русских на Амуре в XVII столетии. Описание на основании подлинных бумаг Якутского и Нерчинского архивов//Сын Отечества. СПб., 1848. Т.5.

⁶⁶ *Паршин В.* Поездка в Забайкальский край. М., 1844. Ч.I,II; *Манькин-Неструев.* Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки. Очерк. М., 1886; *Энов Н.И.* Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889; *Буссе Ф.Ф.* Забайкальское инородческое войско. М., 1897; *Бартенев Ю.* Герои Албазина и Даурской земли//Русский архив. М., 1899. Кн.2; *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916. Т.I-III.

⁶⁷ *Кашик О.И.* Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII-начале XVIII вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Иркутск, 1952; Она же. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII-начале XVIII в.//Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. Благовещенск, 1958. Вып.XVI. С.227-273; Она же. Присоединение Предбайкалья к Русскому государству. Из истории Иркутской области// Историко-краеведческий сборник в помощь учителю начальной и средней школы. Иркутск, 1966; Она же. К вопросу о положении пашенных крестьян Восточной Сибири (XVII-начало XVIII вв.)//Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII-XIX вв.).

Новосибирск, 1968. Вып.3. С.120-135; Она же. Ремесло и промыслы в Предбайкалье в XVII-XVIII вв.//Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973. Вып.4.

⁶⁸ Она же. Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов... С.5

⁶⁹ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири... С.93-160, 185-234.

⁷⁰ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.

⁷¹ *Сергеев О.И.* Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. М., 1983.

⁷² *Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае//Научные труды. М., 1955. Т.III. Ч.I; Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор. М., 1958; *Кашик О.И.* Торговля в Восточной Сибири в XVII-начале XVIII вв. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска)//Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С.187-199; *Александров В.А.* Русско-китайские экономические связи перед Нерчинским миром 1689 г.//История СССР, 1957. №5; Он же. Русско-китайская торговля и Нерчинский торг в конце XVII века//К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII-XVIII вв.). М., 1958; Он же. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.

⁷³ Под «русским купечеством» автор подразумевал купцов из Европейской части России.

⁷⁴ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах... С. 204-205.

⁷⁵ Он же. Русско-китайская торговля и Нерчинский торг... С.422-423.

⁷⁶ Он же. Россия на Дальневосточных рубежах... С.216.

⁷⁷ *Гирченко В.П.* Предбайкалье. Краткий исторический очерк. Верхне-Удинск, 1922; *Залкинд Е.М.* Из истории Западного Забайкалья в конце XVII-начале XVIII вв.//Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук. Л., 1949. Т.98. Вып.1; *Гроссман Г.Р.* Заселение и хозяйственное освоение Забайкалья в конце XVII в. до 90-х гг. XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Иркутск, 1954; *Лукина С.М.* Промышленное освоение районов Предбайкалья в XVII в.//Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири (дореволюционный период). Иркутск, 1975; *Машанова Л.В.* Русская хозяйственная колонизация Забайкалья в конце XVII-начале XVIII в. СПб., 1999.

⁷⁸ *Леонтьева Г.А.* К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII-начале XVIII вв. (Нерчинский уезд)//Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып.2. Новосибирск, 1968; Она же. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII-начале XVIII вв.//Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978; Она же. Хозяйственные занятия служилых людей Восточной Сибири в XVII-первой четверти XVIII вв.//Аграрный строй в феодальной России XV-начала XVIII вв. М., 1986; *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII-первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994.

⁷⁹ *Петряев Е.Д.* Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита, 1959; *Воробьев В.В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1959; *Ким Н.В.* Очерки истории Улан-Удэ (XVII-начало XX вв.). Улан-Удэ, 1970; *Кудрявцев Ф.А.*, Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки истории города. Иркутск, 1971; *Христосенко Г.А.* К истории заселения Нерчинского острога//Города Сибири... С.153-175; *Курсков Ю.В.* Забайкальский город в XVII в.

в дореволюционной и советской литературе (Чита, Нерчинск)//Историография городов Сибири... С.70-86; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

⁸⁰ Кудрявцев Ф.А. Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939; Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.//Исторические записки, 1957. Т.59; Он же. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века//Археографический ежегодник. М., 1962; Он же. Классовая борьба//История Сибири. Л., 1968. Т.2. Разд. I. Ч.III; Леонтьева Г.А. Волнения служилых людей в Восточной Сибири//Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С.94-105; Чупров А.С. Историография городских восстаний и волнений в Сибири XVII в.//Историография городов Сибири...С.149-166.

⁸¹ Леонтьева Г.А. Сметные и пометные списки как источник для характеристики сибирского города (на примере денежных смет и помет Нерчинского уезда 80-х гг. XVII-начала XVIII вв.//Источниковедение городов Сибири конца XVII-начала XVIII вв. Новосибирск, 1983. С.77-94.

⁸² Миненко Н.А. Задачи изучения казачества восточных регионов России на современном этапе// Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. История казачества Азиатской России. XVI–первая половина XIX века. Том первый. Екатеринбург, 1995. История казачества Азиатской России во второй половине XIX– начале XX века. Том второй. Екатеринбург, 1995. Неббай Ю.Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. Его же. Сибирское казачье войско (1725-1861 гг.). Автореферат дисс. докт. ист. наук. Омск., 1995. Он же. История Сибирского казачьего войска (1725-1861гг.) В 2-х томах. Омск, 2001 и др. Андреев С.М. Военное и гражданское управление в Сибирском казачьем войске (1808-1919) Омск, 2005. Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири XVIII– первой четверти XIX вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII– первой половине XIX вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1989; Его же. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII– первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994; Он же. Складывание корпоративного землевладения у русских казаков Забайкалья. Вторая половина XVII– первая половина XIX вв. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993.

⁸³ Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири XVIII– первой четверти XIX вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1987.

⁸⁴ Самбуева Л.В. Эвенкийское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII– первой половине XIX вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Иркутск, 1999.

⁸⁵ Высотниа Е.А. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007.

⁸⁶ Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин (XVII – начало XX вв.). Благовещенск, 2008.

⁸⁷ Быконя Г.Ф. русское неподатное население Восточной Сибири XVIII – начала XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985.

⁸⁸ Зеленская З.М. Казаки Размахнины. Чита, 2005.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 214, Сибирский приказ (далее - СП). Книга (Кн.) 782. ЛЛ.15-20 об., 77-82 об., 232-238, 289-295, 320-326; Кн. 1063. ЛЛ. 42-56, 371-395 об; Кн. 1272. ЛЛ.

70-87 об.; РГАДА. Ф. 1142. Нерчинская приказная изба. № 101. ЛЛ. 381-483 об.; Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. (Нерчинск, Селенгинск, Якутск). М., 1886. С.1-7.

⁹⁰ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ. 43 об.-48 об., 100 об.-106 об., 183 об.-191; Кн. 1063. ЛЛ. 91-103 об., 440-467 об.

⁹¹ Там же. Кн. 1631. ЛЛ.35-52, 93-111; Кн. 1574. ЛЛ. 60-77; Кн. 1576. ЛЛ. 63-84; Кн. 1591. ЛЛ. 228-243; Сибирские города. Материалы...С.19-22.

⁹² РГАДА. СП. Кн. 703. ЛЛ. 267-280 об.; Кн. 738. ЛЛ. 143-152 об.; Кн. 941. ЛЛ. 284-297, 350-359; Кн. 768. ЛЛ. 343-354; Сибирские города. Материалы...С.43-45.

⁹³ РГАДА. СП. Кн. 1141. ЛЛ. 231-386 об.; Кн. 1260. ЛЛ. 570-711; Кн. 1316. ЛЛ. 361-466 об.; Кн. 1401. ЛЛ. 30-130 об.; Кн. 1592. ЛЛ. 54-133; Кн. 1596. ЛЛ. 90-345.

⁹⁴ Там же. Кн. 1021. ЛЛ. 30-205; Кн. 1141. ЛЛ. 395-456; Кн. 1316. ЛЛ. 643, 758; Кн. 1413. ЛЛ. 8-103 об.; Кн. 1488. ЛЛ. 8-99.

⁹⁵ Там же. Кн. 1260. ЛЛ. 81 об.-116 об.

⁹⁶ Там же. Кн. 1034. ЛЛ. 1-40 (без Иркутска); Сибирские города. Материалы...С.45-47.

⁹⁷ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ. 2-9 об., 54 об.-69, 131-148 об., 214-226, 272-284; Кн. 1063. ЛЛ. 1-29, 318-357 об.; Кн. 1272. ЛЛ. 2-49; Кн. 1613. ЛЛ. 63-89; Кн. 1574. ЛЛ. 1-59; Кн. 1591. ЛЛ. 183-224.

⁹⁸ Там же. Кн. 782. ЛЛ. 312-319; Кн. 1063. ЛЛ. 358-370 об.; Кн. 1272. ЛЛ. 52-69; Кн. 1631. ЛЛ. 1-34.

⁹⁹ Там же. Кн. 782. ЛЛ. 33-36, 163-176, 297-311 об.; Кн. 1063. ЛЛ. 57-74, 397-427; Кн. 1591. ЛЛ. 138-143; Сибирские города. Материалы...С.22-23.

¹⁰⁰ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ. 94 об.-100, 177-183; Кн. 1063. ЛЛ. 81-90, 428-439 об.; Кн. 1591. ЛЛ. 143-144.

¹⁰¹ Там же. Кн. 941. ЛЛ. 300-357; Кн. 782. ЛЛ. 392-426, 465-500; Сибирские города. Материалы...С. 12-17.

¹⁰² РГАДА. СП. Кн. 738. ЛЛ. 101-142; Кн. 768. ЛЛ. 295-318, 408-471, Кн. 941. ЛЛ. 119-240; Кн. 1034. ЛЛ. 66-178; Кн. 1260. ЛЛ. 220-257; Кн. 1316. ЛЛ. 15-76; Кн. 1401. ЛЛ. 182-250; Кн. 1436. ЛЛ. 1-47; Кн. 1471. ЛЛ. 1-44; Кн. 1545. ЛЛ. 1-48; Кн. 1584. ЛЛ. 1-15 об.; Кн. 1592. ЛЛ. 1-53 об.; Кн. 1596. ЛЛ. 37а-81 об.; 359-424; Архив С.-Петербургского отд. Института истории РАН (Далее – Архив СПбИИ). Архив СПбИИ. Колл. 115. № 1015. ЛЛ. 1-25.

¹⁰³ РГАДА. СП. Кн. 941. ЛЛ. 270-283; Кн. 1141. ЛЛ. 1-19; Кн. 1260. ЛЛ. 266-284; Кн. 1316. ЛЛ. 77-91 об.; Кн. 1436. ЛЛ. 48-62 об.

¹⁰⁴ Там же. Кн. 768. ЛЛ. 366-377; Кн. 1316. ЛЛ. 239-309 об.

¹⁰⁵ Там же. Кн. 768. ЛЛ. 212-238; Кн. 1034. ЛЛ. 211-248; Кн. 1141. ЛЛ. 23-42; Кн. 1260. ЛЛ. 287-322 об., 725-964; Кн. 1316. ЛЛ. 92-112 об.; Кн. 1413. ЛЛ. 1-7; Кн. 1444. ЛЛ. 1-38 об.; Кн. 1543. ЛЛ. 1-25 об.; Кн. 1569. ЛЛ. 1-114; СПбИИ. Колл. 115. Ед. хр.665. ЛЛ. 92-122 об., 135-150 об.; Ед. хр. 1018. ЛЛ. 1-19.

¹⁰⁶ РГАДА. СП. Кн. 1141. ЛЛ. 48-59 об.; Кн. 1260. ЛЛ. 322 об.-338; Кн. 1316. ЛЛ. 113-122 об.

¹⁰⁷ Там же. Стб. 568. Л. 20; Кн. 527. ЛЛ. 40-62; Кн. 583. ЛЛ. 103-116; Кн. 612. ЛЛ. 34-63 об.; Кн. 618. ЛЛ. 75-81 об.; Кн. 619. ЛЛ.30-257 об.; Кн. 811. ЛЛ. 332-252; Кн. 1623. ЛЛ. 1 и след; ДАИ. Т.IX. СПб., 1875. № 14. С. 31-45.

¹⁰⁸ РГАДА. СП. Кн. 1354.

- ¹⁰⁹ Переписная книга посадских людей за 1699 г. сохранилась по Иркутску (РГАДА. СП. Кн. 1260. ЛЛ. 162-176); Сибирские города. Материалы...С.13-15.
- ¹¹⁰ Единственная дозорная книга сохранилась за 1686 г. по Иркутску.
- ¹¹¹ РГАДА. СП. Кн. 941. ЛЛ. 80-96, 109 (помимо служилых, книга содержит данные о посадских людях и крестьянах – ЛЛ. 96-121. Часть книги опубликована в сборнике: Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 4-12.
- ¹¹² Книги не имеют начала. Книга за 1694 г. оборвана по кроям, ее текст размыт, что затрудняет чтение.
- ¹¹³ РГАДА. СП. Кн. 1073. ЛЛ. 1-65 об; Кн. 1222. ЛЛ. 110-204; Кн. 1228. ЛЛ. 1-123; Кн. 1546. ЛЛ. 1-16 об; Первое столетие Иркутска. Сборник материалов для истории города. СПб., 1902. С. 72-77.
- ¹¹⁴ РГАДА. СП. Кн. 1221. ЛЛ. 36-147 об; Кн. 1228. ЛЛ. 1-136; Кн. 1391. ЛЛ. 1-254 об; Кн. 1474. ЛЛ. 2-41 об; Кн. 1591. ЛЛ. 1-49 об; Ф. 1142. Ед.хр. 101. ЛЛ. 107-145.
- ¹¹⁵ Первое столетие Иркутска. Сб. материалов...С. 77-81.
- ¹¹⁶ РГАДА. СП. Кн. 1063. ЛЛ. 206-213; Кн. 1258. ЛЛ. 191-267; Кн. 1507. ЛЛ. 1-100 об; СПбИИ. Колл. 96. № 177. ЛЛ. 2-36.
- ¹¹⁷ РГАДА. СП. Кн. 1063. ЛЛ. 169 об.-204, 214-262.
- ¹¹⁸ Там же. Кн. 1258. ЛЛ. 268-283 об; Кн. 1507. ЛЛ. 101-120 об; Кн. 1591. ЛЛ. 53-65; Ф. 1142. Ед.хр. 100. ЛЛ. 63-69 об.
- ¹¹⁹ *Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.//Проблемы источниковедения. Вып.2. М.- Л., 1936. С. 7-90; *Копылов А.Н.* Условная оценка товаров в сибирских таможах в XVII веке//Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А.А.Новосельского. М., 1961. С. 73-78.
- ¹²⁰ РГАДА. СП. Кн. 1258. ЛЛ. 371-411; Кн. 1319. ЛЛ. 2-126; Кн. 1378. ЛЛ. 116-159; Кн. 1474. ЛЛ. 114-134; Кн. 1591. ЛЛ. 117-130; Там же. Ф. 1121. Ед.хр. 82. ЛЛ. 90-101; Ф. 1142. Ед.хр. 100. ЛЛ. 1-61 об.
- ¹²¹ Там же. СП. Кн. 1621. ЛЛ. 1-131; Кн. 1626. ЛЛ. 1-110; Сибирские города. Материалы...С. 23-27.
- ¹²² Иркутск. Материалы для истории города...С. 15-30; Сибирские города. Материалы...С. 38-41, 54-69.
- ¹²³ РГАДА. Ф. 199. Портфели Г.Ф.Миллера. Ед.хр. 481. Ч. II. ЛЛ. 64-67 об; Там же. Ч. VII. ЛЛ. 2-106 об; Там же. Ед. хр. 501. ЛЛ. 36-41.
- ¹²⁴ Иркутск. Материалы для истории города...С. 4-12.
- ¹²⁵ См. подлинник: РГАДА. СП. Кн. 941. Л. 109.
- ¹²⁶ См. Там же. ЛЛ. 121-242.
- ¹²⁷ Сибирские города. Материалы...С.23-37.
- ¹²⁸ См. подлинник: РГАДА. СП. Кн. 1621. ЛЛ. 105-106.
- ¹²⁹ См. подлинник: РГАДА. СП. Кн. 1626. ЛЛ. 1-110.
- ¹³⁰ Сибирские города. Материалы...С. 37.
- ¹³¹ См. подлинник: РГАДА. СП. Кн. 941. ЛЛ. 350-359; Кн. 1034. ЛЛ. 11-24.
- ¹³² Сибирские города. Материалы...С. 43-47.
- ¹³³ Первое столетие Иркутска. Сб. материалов...С. 45-47.
- ¹³⁴ Там же. С. 53-61.
- ¹³⁵ См. подлинник: РГАДА. СП. Кн. 1413. ЛЛ. 8-103 об.
- ¹³⁶ Первое столетие Иркутска. Сб. материалов...С. 31.

Глава I.

¹ Первоначально Иргенский и Нерчинский остроги были построены в 1653 г., но вскоре были оставлены гарнизонами и уничтожены местным населением. *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов...С.161, 211.

² Копылов А.Н. О дате основания Иркутска // История СССР, №5.

³ Первоначально Удинский (Верхнеудинский) острог был основан в 1666 г. как ясачное зимовье. В 1689 г. его перестроили в Удинский (Верхнеудинский) острог. *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов...С.121-124.

⁴ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление...С.164.

⁵ РГАДА. СП. Кн.583. ЛЛ.156-157.

⁶ Там же. Стб. 1081. Л.104; Там же. Ф. 1121. Ед. хр.10. ЛЛ. 7-11; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление...С.157.

⁷ РГАДА. СП. Стб. 1098. Л.4; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Ч.1. Иркутск, 1949.С.32.

⁸ РГАДА. СП. Кн.1316. Л.200.

⁹ Архив СПбИИ. Ф. 168. Ед. хр.184. ЛЛ.1-2об.

¹⁰ РГАДА. СП. Кн.1592. ЛЛ.1-53об, 134-167; Кн.1596. ЛЛ.37-81об, 359-424.

¹¹ *Титов А.* Сибирь в XVII веке // Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. М, 1890. С.91.

¹² *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.23.

¹³ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.7.

¹⁴ Дополнения к Актам Историческим (Далее - ДАИ). Т.IV. СПб, 1851. №133. С.321.

¹⁵ РГАДА. СП. Стб.508. Л.173.

¹⁶ Там же. Стб.508. Л.89.

¹⁷ Там же. Стб.508. ЛЛ.336, 336а; Стб.453. Л.144.

¹⁸ Там же. Стб.508. ЛЛ.57-58, 329.

¹⁹ Там же. Стб.453. Л.146; Стб.508. ЛЛ.205-206; Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров...С.106-115, 134-140.

²⁰ РГАДА. СП. Стб. 132. Л.156; Стб. 508. Л.333; ДАИ. Т.IV. № 133.(II). С.325.

²¹ ДАИ. Т.IV. № 133.(II). С.325.

²² Там же. № 116. С.272.

²³ РГАДА. СП. Стб. 1572. Л.29; ДАИ. Т.IV. № 133. С.325.

²⁴ РГАДА. СП. Стб. 1572. Л.7; Стб.1659.ЛЛ.139-145, 329; ДАИ. Т.IV. № 133.(I). С.321.

²⁵ ДАИ. Т.IV. № 66. С.178.

²⁶ РГАДА.Ф.1142. Ед. хр. 3. ЛЛ.22-25.

²⁷ Там же. СП. Кн. 583. ЛЛ. 57, 110об; Кн. 612. Л.63; Кн. 618. ЛЛ.63об, 66об; Кн. 619. ЛЛ.33, 54; ДАИ. Т.IX. СПб, 1875, № 14. С.38, 40, 41.

²⁸ РГАДА. СП. Стб. 833. ЛЛ.1-353.

²⁹ Там же. Стб. 1659. Л.92-93; ДАИ. Т.VI. СПб, 1857, № 16. С.86.

- ³⁰ РГАДА. Ф.1142. Ед. хр. 1. ЛЛ.14-16; Ед. хр. 2. ЛЛ.1-70; Ед. хр. 13. ЛЛ.1-30; Архив СПбИИ. Колл. 96. Ед. хр. 32; ДАИ. Т.VI. СПб, 1857, № 16.
- ³¹ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ.15-20об, 150-155об, 232-238, 289-295, 320-326. Сибирские города. Материалы... С.1-13.
- ³² Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 37.
- ³³ РГАДА. СП. Кн. 1388. Л.29; Архив СПбИИ. Колл. 110. Ед. хр. 80/3; ДАИ. Т.VIII. СПб, 1862, № 89. (III). С.312.
- ³⁴ РГАДА. СП. Стб. 833. Л.18.
- ³⁵ Там же. Стб. 1091. ЛЛ. 179-180, 206.
- ³⁶ Там же. Стб. 833. ЛЛ. 164-165.
- ³⁷ Там же. Кн. 811. ЛЛ.1-127об, 150-216об; Стб. 913. ЛЛ. 302, 304, 316; Там же. Ф.1142. Ед. хр. 13. ЛЛ. 70-74, 90, 91.
- ³⁸ Там же. СП. Кн. 782. ЛЛ.15-20об; Стб. 913. ЛЛ.34, 36; Ф.1142. Ед. хр. 13. ЛЛ. 70-74, 90, 91.
- ³⁹ Там же. Ф.1142. Ед. хр. 13. ЛЛ. 90-91.
- ⁴⁰ Там же. СП. Кн. 811. ЛЛ. 11-127, 150-216; Архив СПбИИ. Колл. 97. Ед. хр. 38.; Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. // Труды Государственного дальневосточного университета. Сер. 3., №4. Владивосток, 1927, С. 67.; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири...С.197; Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах ...С.27.
- ⁴¹ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ.15-20об, 155-160об, 232-238, 289-295, 320-326; Стб. 913. Л.298; Стб. 1076. Л.405.; Там же. Ф.1142. Ед. хр. 67. Л. 115а.
- ⁴² Там же. СП. Кн. 795. Л. 299.
- ⁴³ Архив СПбИИ. Колл. 96. Ед. хр. 32.
- ⁴⁴ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ. 15-20об, 155-160об, 232-238, 289-295, 320-326; Сибирские города. Материалы... С.1-3.
- ⁴⁵ Из 100 человек нерчинского гарнизона в 1662 г. 75 были представлены казаками, пришедшими с А. Пашковым, а 25 – пришедшими с И. Толбузиным (ДАИ. Т.IV. № 116. С.232., № 133 (II), С.324.).
- ⁴⁶ Цифра получена путем суммирования общего числа служилых, состоящих в службе в 1675 году, и числа служилых, поверстанных в службу в 1675-1676 годах.
- ⁴⁷ РГАДА. СП. Стб. 453. Л. 146; Стб. 1572. Л. 29; Стб. 1659. ЛЛ. 12, 59, 183-185, 234-236; Архив СПбИИ. Колл. 96. Ед. хр. 28; ДАИ. Т.IV. № 116. С.232, № 133. С.324; Т.VI. № 15. С.85.
- ⁴⁸ РГАДА. СП. Стб. 508. ЛЛ. 57, 58, 329.
- ⁴⁹ ДАИ. Т.IV. № 133 (II). С.325. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири...С.53, 54.
- ⁵⁰ Архив СПбИИ. Колл. 18. Ед. хр. 24.
- ⁵¹ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ. 15-20об, 155-160об, 232-238, 289-295, 320-326. Сибирские города. Материалы... С.1-3.
- ⁵² РГАДА. СП. Стб. 508. ЛЛ. 142-190.
- ⁵³ Там же. Стб. 1659. ЛЛ. 183-185.
- ⁵⁴ Там же. Кн. 782. ЛЛ. 15-20об, 232-238, 289-295, 320-326; Сибирские города. Материалы... С.1-3.
- ⁵⁵ РГАДА. СП. Стб. 1659. Л. 183.
- ⁵⁶ Там же. ЛЛ. 99-100.

- ⁵⁷ Там же. Стб. 508. ЛЛ. 152, 153, 171, 172, 179, 181; Стб. 833. Л. 123; Стб. 1659. Л. 183.
- ⁵⁸ Там же. Кн. 782. ЛЛ. 15-20об; Стб. 1659. ЛЛ. 183-185.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. Кн. 782. ЛЛ. 15-20об; Там же. Ф.1142. Ед. хр. 1. ЛЛ. 14-16; Ед. хр. 2. ЛЛ. 1-70; Ед. хр. 13. ЛЛ. 1-30; Архив СПбИИ. Колл. 96. Ед. хр. 32.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Архив СПбИИ. Колл. 96. Ед. хр. 9, 32.
- ⁶³ РГАДА. СП. Кн. 583. Л. 61; Кн. 612. Л. 66об; Кн. 618. Л. 73об; Там же. Ф.1142. Ед. хр. 3. ЛЛ. 33-34.
- ⁶⁴ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.55.
- ⁶⁵ РГАДА. СП. Кн. 1063. Л. 390; Стб. 1659. Л. 96; Стб. 1355. Л. 159.
- ⁶⁶ *Александров В.А.* Русское население Сибири...С.99.
- ⁶⁷ РГАДА. СП. Стб. 1659. Л. 189.
- ⁶⁸ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.26-28.
- ⁶⁹ Архив СПбИИ. Колл. 18. Ед. хр.16. Л. 6. (По другим сведениям первоначальный штат гарнизона составил 100 единиц (РГАДА. Ф. Китайские дела (К.Д.) Ед. хр. 9. Л. 65).
- ⁷⁰ Архив СПбИИ. Колл. 18. Ед. хр.24. Л. 3; Колл. 96. Ед. хр.219. Л.2; ДАИ. Т.VII. № 110. С.349.
- ⁷¹ ДАИ. Т.IX. № 104. С.215.
- ⁷² РГАДА. СП. Стб.965. Л.229.
- ⁷³ *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года... С. 56.; *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.27.
- ⁷⁴ Бартенев Ю. Герои Албазина и Даурской земли // Русский Архив. М., 1899. Кн.2. С.317.
- ⁷⁵ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.28.
- ⁷⁶ Там же. С.32-33.
- ⁷⁷ Там же. С.112.
- ⁷⁸ РГАДА. СП. Стб.508. ЛЛ.199-200; Стб.509. Л.52.
- ⁷⁹ Там же. СП. Стб.568. Л.20; Кн.527. ЛЛ.40-62. 97-112; Кн.583. ЛЛ.103-116; Кн.612. ЛЛ.34-63об; Кн.618. ЛЛ.75-75об, 78, 81об; Кн.619. ЛЛ.30-33, 53об-54об, 67об, 85, 86, 257об; Там же. Ф.1121/2. Ед. хр. 14. Л. 1, 2; ДАИ. Т.IX. № 14. С.38-43. В таблице не учтены мелкие партии служилых, которые посылались не на годовые службы, а с различными поручениями (отписками, казной и пр.). Из них в 1656-82 гг. в «Байкаловских» острогах побывало 16 человек, в Иркутском – 14, Балаганском – 10, Селенгинском - 5.
- ⁸⁰ ДАИ. Т.V. № 8. С.49-50; № 38. С.175-178.
- ⁸¹ РГАДА. СП. Кн.941. ЛЛ.284-296об; Кн.738. ЛЛ.148-152об.
- ⁸² ДАИ. Т.VI. № 95. С.327; *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Т.1. Чита. 1916. С.142.
- ⁸³ РГАДА. СП. Кн.583. ЛЛ.210-241.
- ⁸⁴ Там же. Стб.1589. Л.327; Архив СПбИИ. Колл. 115. Ед. хр.665. Л.147об; ДАИ. Т.VIII. № 106. С.333.
- ⁸⁵ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.20.
- ⁸⁶ РГАДА. СП. Кн.583. ЛЛ.210-241.
- ⁸⁷ Там же. Кн.583. ЛЛ.210-241; Стб.1589. ЛЛ.327-328.

-
- ⁸⁸ Там же. Кн.527. ЛЛ.314, 327об.
- ⁸⁹ Там же. Стб.913. Л.389; Там же. Ф.1121. Ед. хр. 23. Л. 3.
- ⁹⁰ Там же. СП. Кн.619. ЛЛ.88-89.
- ⁹¹ Там же. Стб.653. Л.21; Там же. Ф.1121. Ед. хр. 9.
- ⁹² Там же. Ф.1121/2. Ед. хр. 102. ЛЛ. 49-51.
- ⁹³ Там же. СП. Стб.1076. ЛЛ.360-363; Там же. Ф.1121. Ед. хр. 72. Л.8; ДАИ. Т.VI. № 95. С.324-328.
- ⁹⁴ РГАДА. СП. Стб.1389. Л.836; Там же. Ф.1121. Ед. хр. 22. Л.5.
- ⁹⁵ Там же. СП. Стб.913. ЛЛ.249-254; ДАИ. Т.VIII. № 99. С.323-324.
- ⁹⁶ РГАДА. СП. Кн.941. ЛЛ.82-96, 109.
- ⁹⁷ Там же. Стб.1067. Л.185.
- ⁹⁸ РГАДА. СП. Ф.1121. Ед. хр. 1. ЛЛ.3-10.
- ⁹⁹ Там же. СП. Кн.619. ЛЛ.433-438об.
- ¹⁰⁰ *Васильев А.П.* Забайкальские казаки...С.143.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф.1121. Ед. хр. 17. Л.28.
- ¹⁰² Там же. СП. Кн.768. Л.234, 314.
- ¹⁰³ Там же. Кн.941. Л.261; Стб.913. Л.443; Там же. Ф.1121. Ед. хр. 2.; ДАИ. Т.VIII. № 106. С.333.
- ¹⁰⁴ РГАДА. СП. Кн.738. Л.141, 142; Архив СПбИИ. Колл. 115. Ед. хр.665. ЛЛ.70-83.
- ¹⁰⁵ *Леонтьева Г.А.* Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 94, 95.
- ¹⁰⁶ РГАДА. СП. Стб.1355. ЛЛ.304-307.
- ¹⁰⁷ *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. М., 1964. С. 262.
- ¹⁰⁸ РГАДА. СП. Стб.913. Л.353.
- ¹⁰⁹ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.117.
- ¹¹⁰ РГАДА. СП. Стб.1355. Л.164.
- ¹¹¹ Там же. Стб.965. ЛЛ.141-142; Стб.1059. Л.157; ДАИ. Т.V. № 136. (I,II)С.234-235.
- ¹¹² РГАДА. СП. Стб. 965. Л.278-279.
- ¹¹³ Там же. Стб.1059. Л.290.
- ¹¹⁴ Там же. Стб.965. ЛЛ.127-128.
- ¹¹⁵ *Леонтьева Г.А.* К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири...С.54.
- ¹¹⁶ РГАДА. СП. Стб. 965. Л.40; Стб.1059. Л.290.
- ¹¹⁷ *Яковлева П.Т.* ошибочно считает, что Головин набрал сразу полк из 1400 казаков (Первый русско-китайский договор 1689 года...С.130).
- ¹¹⁸ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.148.
- ¹¹⁹ РГАДА. СП. Стб. 965. Л.144; *Яковлева П.Т.* считает, что в Даурии в распоряжении Головина было 2500-3000 человек. (Первый русско-китайский договор 1689 года...С.144); *Александров В.А.* называет цифру, равную 2500 человек. (Россия на Дальневосточных рубежах ...С.146).
- ¹²⁰ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.192.
- ¹²¹ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.205.
- ¹²² *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах ...С.193.

- ¹²³ Впоследствии выгодное географическое положение и значение Удинска как торгового центра определили его выдвижение в число крупнейших городов Забайкалья. В настоящее время Удинск (Улан-Удэ) – столица Бурятии.
- ¹²⁴ ДАИ. Т.ХІ. СПб, 1869. № 34.С.117.
- ¹²⁵ РГАДА. СП. Стб. 1059. Л.282.
- ¹²⁶ Там же. Стб. 1059. Л.291.
- ¹²⁷ Там же. Стб. 1059. ЛЛ.290-292.
- ¹²⁸ Там же. Стб. 855. Л.86.
- ¹²⁹ Там же. Стб. 1142. Л.75.
- ¹³⁰ Там же. Стб. 1281. Л.14.
- ¹³¹ Там же. Стб. 855. Л.86; Кн.1063. Л. 69.; Стб. 1044. ЛЛ. 117-122; Стб. 1059. ЛЛ.197-207; Стб.1123. Л.15.
- ¹³² Архив СПбИИ. Колл. 96. Ед. хр.67. Л.3-6.
- ¹³³ РГАДА. СП. Кн.1063. ЛЛ. 440-467об.
- ¹³⁴ Там же. Стб. 1059. Л.48; Ф. 1121. Ед.хр.39. Л.85.;
- ¹³⁵ Там же. СП. Кн.1034. ЛЛ.37-40, 183.
- ¹³⁶ В 1691 г. Иркутск отправил на годовые службы 73 человека, в 1692 – 77 человек, в 1695 – 46 человек, в 1697 – 62 человека. (РГАДА. СП. Кн.1141. ЛЛ.34, 54; Стб. 1281. Л.3).
- ¹³⁷ Там же. Стб. 1063. ЛЛ.440-467; Кн.1141. ЛЛ.34, 54, 68; Кн.1281. Л.3.; Кн.1372. ЛЛ.592-594об, 734об; Там же. Ф.199 (Портфели Г.Ф. Млллера). Ед. хр. 481. Ч. VII. ЛЛ.3-4., 18об, 20об, 44, 99об-105; Ед. хр. 501. ЛЛ.1, 9, 9об, 28-35; *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья...С.12, 13.
- ¹³⁸ *Кашик О.И.* Основание первого в России сереброплавильного завода// Ученые записки кафедры истории СССР и кафедры всеобщей истории Иркутского государственного педагогического института. Вып. XI. Иркутск, 1955. С. 53-91.
- ¹³⁹ РГАДА. СП. Кн.1021. ЛЛ. 20-205; Кн.1141. ЛЛ.231-333, 350-387; Кн.1260. ЛЛ. 81-116об; Кн.1401. ЛЛ. 30-130об, 215-216об; Кн.1488. ЛЛ. 8-129.
- ¹⁴⁰ Там же. Кн.1063. ЛЛ.440-467об; Кн.1272. ЛЛ.70-86; Кн.1361. ЛЛ.35-52об, 93-111; Кн.1591. ЛЛ.228-243об; Кн.1574. ЛЛ.60-77; Кн.1576. ЛЛ.63-83; Кн.1631. ЛЛ.93-111.; Сибирские города. Материалы... С.7-12, 19-22.
- ¹⁴¹ РГАДА. СП. Кн.1619. ЛЛ.12-110об.
- ¹⁴² Там же. Кн.1328. Л.385.
- ¹⁴³ Там же. Кн.1260. ЛЛ.551об-882.
- ¹⁴⁴ Архив СПбИИ. Колл. 168. Ед. хр.129. ЛЛ.7-12.
- ¹⁴⁵ *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья...С.14.
- ¹⁴⁶ РГАДА. СП. Кн.1626. ЛЛ.2-108.
- ¹⁴⁷ Там же. Кн.1372. Л.729; Кн.1401. ЛЛ.215-217.
- ¹⁴⁸ Там же. Кн.1619. ЛЛ.12-110об.
- ¹⁴⁹ Полный свод законов Российской Империи. СПб, 1830. (Далее везде - ПСЗ). Т.VI. №3636. С.234.

Глава II.

¹ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.36.

² РГАДА. СП. Кн.782. ЛЛ.15-20об, 100об-106об; Кн. 1063. ЛЛ.335, 371-395об.

³ Там же. СП. Кн.1141. Л.270об.

- ⁴ Русская Историческая Библиотека (далее везде – РИБ). Т. X. СПб, 1886. С.240-241; ПСЗ. Т. I. № 86. С.274.
- ⁵ ПСЗ. Т. I. № 615. С.1026; Там же. Т. II. № 744. С.194.
- ⁶ РГАДА. СП. Стб. 833. Л.45.
- ⁷ Там же. Стб. 508. ЛЛ. 153, 181.
- ⁸ Там же. Стб. 508. ЛЛ. 45-48, 86.
- ⁹ Архив СПБИИ. Колл. 96. Ед.хр. 32.
- ¹⁰ РГАДА. СП. Стб. 833. ЛЛ.45, 47, 48, 86; Стб. 1659. ЛЛ.20, 99, 100, 120; Стб. 1424. ЛЛ.106, 107; Кн. 782. ЛЛ. 157, 291, 272, 237; Кн. 1063. ЛЛ.290об, 333, 334, 371-396; Кн. 1372. Л.146; Кн. 1388. ЛЛ.30, 30об; Кн. 1574. ЛЛ.60, 62, 64, 69, 73, 74; Кн. 1576. Л.74; Кн. 1591. Л.206; Кн. 1631. ЛЛ.101, 103, 104, 38; Сибирские города. Материалы...С.2-12, 19-22.
- ¹¹ РГАДА. СП. Стб. 833. ЛЛ.45, 47, 48, 86; Стб. 1659. ЛЛ.20, 99, 100, 120; Кн. 782. ЛЛ. 157, 291, 272, 237; Кн. 1063. ЛЛ.296об, 333-334, 371-396; Кн. 1372. Л.146; Кн. 1388. ЛЛ.30, 30об; Кн. 1574. ЛЛ.60, 62, 64, 69, 73, 74; Кн. 1576. Л.74; Кн. 1591. Л.206; Кн. 1631. ЛЛ.101, 103, 104, 38; Кн.768. ЛЛ. 343-354; Кн.941. ЛЛ.284-297; Кн.1021. ЛЛ.30-205; Кн.1034. ЛЛ.1-39; Кн.1141. ЛЛ.231-386об; Кн.1260. ЛЛ.81-115, 530-711; Кн.1316. ЛЛ. 361-465, 646-758; Кн.1401. ЛЛ.30-130об; Кн.1413. ЛЛ.8-103об; Кн.1488. ЛЛ.8-99; Кн.1592. ЛЛ.54-133об; Кн.1596. ЛЛ.90 и сл. Сибирские города. Материалы...С.2-12, 19-22.
- ¹² РГАДА. СП. Кн.1222. ЛЛ.76об-77.
- ¹³ *Васильев А.П.* Забайкальские казаки...С.224.
- ¹⁴ РГАДА. СП. Кн.1591. ЛЛ.228-228об.
- ¹⁵ Там же. Кн.782. Л.291об;Кн.1063. ЛЛ.4, 42об, 291; Кн. 1574. Л.30; Архив СПБИИ. Колл. 96. Ед.хр. 32. Л.30.
- ¹⁶ РГАДА. СП. Кн.1574. Л.30.
- ¹⁷ *Головачев П.* Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюд по истории Сибири XVIII века. М., 1889. С.50, 52.
- ¹⁸ *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов...С.211,212.
- ¹⁹ Там же. С. 162, 163.
- ²⁰ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.29.
- ²¹ Там же. С. 118.
- ²² Об отсутствии форменной одежды казаков и стрельцов в Западной Сибири говорит и Н.И. Никитин. См. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.35.
- ²³ ПСЗ. Т.IV. № 1822. С.97.
- ²⁴ Архив СПБИИ. Ф. 96. Ед.хр. 91. Л.1.
- ²⁵ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.118-119.
- ²⁶ РГАДА. СП. Кн.1328. Л.375; Памятники Сибирской истории. XVIII век. Кн. I. № 42.
- ²⁷ РГАДА. СП. Кн.1388. Л.587.
- ²⁸ Архив СПБИИ. Ф. 96. Ед.хр. 116. Л.1; Ед.хр. 181. Л.5.
- ²⁹ Там же. Ед.хр. 116. Л.2.
- ³⁰ РГАДА. СП. Кн.1328. ЛЛ.63, 71-72.
- ³¹ Там же. Кн.1388. Л.224-226, 587, 588.
- ³² Там же. Кн.1388. Л.224.

- ³³ *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т.1. С.172-174.; История Сибири. Т.2. Л., 1968. С.128-129; *Александров В.А.* Народные восстания в Восточной Сибири XVII в. // Исторические записки, 1957., № 59. С.306.
- ³⁴ *Александров В.А.* Народные восстания в Восточной Сибири...С.302.
- ³⁵ РГАДА. СП. Кн.782. ЛЛ.321-324.
- ³⁶ *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С.230.
- ³⁷ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.47,48.
- ³⁸ *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров...С. 82, 84.
- ³⁹ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр. 24. Л.44; Архив СПбИИ. Колл. 18. Ед.хр. 16. Л.6; Ед.хр. 24. ЛЛ.1-12; Ед.хр. 30.; ДАИ. Т. VIII, № 110. С. 348.
- ⁴⁰ РГАДА. СП. Стб. 1659. ЛЛ.307-311.
- ⁴¹ *Александров В.А.* Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962, С.346 и т.д.
- ⁴² *Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии к России. // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Т.25, Улан-Удэ, 1958, С.56.
- ⁴³ *Кудрявцев Ф.А.* История бурят-монгольского народа. М-Л., 1940. С.50.
- ⁴⁴ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.72.
- ⁴⁵ Там же. С.106-107.
- ⁴⁶ Там же. С.139-140.
- ⁴⁷ *Бартенев Ю.* Герои Албазина и Даурской земли. // Русский Архив...С.336.
- ⁴⁸ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.142.
- ⁴⁹ Там же. С.194.
- ⁵⁰ Архив СПбИИ. Колл. 168. Ед.хр. 357. Л.1.
- ⁵¹ *Головачев П.* Сибирь в Екатерининской Комиссии ...С.52.
- ⁵² «Прекрасно составленные, точные и немногословные донесения Пояркова и Хабарова были переведены на голландский язык и легли в основание географического труда ученого, амстердамского географа Витсена, который в течение всего XVIII века был единственным источником, откуда могли образованные люди Запада почерпнуть сведения о Восточной Азии». (*Бахрушин С.В.* Казаки на Амуре. Л., 1925. С.98.)
- ⁵³ Имеется в виду острожек, поставленный Максимом Уразовым и Петром Бекетовым, а затем оставленный ими.
- ⁵⁴ РГАДА. СП. Стб. 453. Л.194; Стб. 508. ЛЛ.66, 144а, 322-324.; *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня... С.235-237; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.209.; примеры заведения казенной пашни силами казаков встречались и в середине XVIII в. вблизи крепостей по Иртышской линии и на Алтае (История Сибири. Т.2...С.187.), и даже в 1761 г. на Камчатке (*Сафронов Ф.Т.* Попытки продвижения границы сибирского земледелия. // Известия Всероссийского географического общества., 1954., №6. С.522.).
- ⁵⁵ РГАДА. СП. Стб. 453. Л.194; Стб. 508. ЛЛ.66, 144а, 324, 325.
- ⁵⁶ Житие протопопа Аввакума, М. 1960. С.74.
- ⁵⁷ *Васильев А.П.* Забайкальские казаки...С.112.
- ⁵⁸ ДАИ. Т. IV, № 104. С. 249.
- ⁵⁹ Архив СПбИИ. Колл. 18. Ед.хр. 14. ЛЛ.1-3.
- ⁶⁰ Там же. Колл. 168. Ед.хр. 63.; Там же. Колл. 18. Ед.хр. 14. ЛЛ.1-3.; ДАИ. Т. IV, № 104. С. 249-250.

⁶¹ РГАДА. СП. Стб. 1424. Л.181.

⁶² Там же. Стб. 1059. Л.264.

⁶³ Там же. Кн. 1063. Л.320.

⁶⁴ Там же. Кн. 1260. ЛЛ.486-488об.

⁶⁵ РИБ. Т.VIII. № 12. С. 818.

⁶⁶ РГАДА. СП. Стб. 1059. ЛЛ.93, 94; Стб. 1355. ЛЛ.98-99.; Там же. Ф.1142. Ед.хр.28. Л.17.; Архив СПБИИ. Колл. 18. Ед.хр. 11.; ДАИ. Т.Х. СПб, 1867. №. 77, (IV,V). С. 328-329.

⁶⁷ РГАДА. СП. Стб. 1059. ЛЛ.93-94.

⁶⁸ *Курлаев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири...С.262, 263, 275, 282.

⁶⁹ *Спасский Г.* Сведения об Амуре в XVII в. //Вестник русского географического общества. Т.7. С. 39.; Огородников В. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. ...С.62.; ДАИ. Т.VII. № 74. (XXIII). С.368-371.

⁷⁰ ДАИ Т.XI. СПб, 1869. №. 21. С.73-74.; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор...С.69.

⁷¹ РГАДА. СП. Кн. 137. ЛЛ.101-103.

⁷² *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное Уложение 1649 года. М., 1961. С.72.

⁷³ ДАИ. Т. X. № 24. С.68.

⁷⁴ РГАДА. СП. Стб. 965. Л.391.

⁷⁵ Там же. Кн. 1063. ЛЛ.325-327.

⁷⁶ Там же. Кн. 1401. ЛЛ.209об-210.

⁷⁷ *Копылов А.Н., Полевой В.П.* Землепроходцы XVII в. и изучение Сибири. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Вып. 3. Новосибирск., 1968. С.28-29.

Глава III.

¹ По Тобольскому гарнизону сведения для сравнения приводятся за 1647/48 гг. (*Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.110.)

² Там же. С.112.

³ РГАДА. СП. Кн.1063. ЛЛ.335, 371-395об.

⁴ Там же. Кн.1260. ЛЛ. 223-226; Кн.1272. ЛЛ.28,31; Архив СПБИИ. Колл.96. Ед. хр. 134. ЛЛ.11-18; Колл.168. Ед. хр. 240. ЛЛ.1-2.

⁵ РГАДА. СП. Кн.1631. ЛЛ.35-52, 93-111.

⁶ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.110.

⁷ *Васильев А.П.* Забайкальские казаки...С.2.

⁸ РГАДА. СП. Кн.1576. Л.66; Кн.1591. Л.231; Кн.1631. Л.37.

⁹ Там же. Кн.1631. ЛЛ.35-37.

¹⁰ Там же. Кн.1316. Л. 643об; Кн.1488. Л.9; Кн.1574. Л.60; Кн.1576. Л.63.

¹¹ Там же. Кн.1063. Л.43.

¹² Там же. Кн.1260. ЛЛ.223-226, 521-523об.

¹³ *Леонтьева Г.А.* Волнения служилых людей...С.96-103.

¹⁴ Архив СПБИИ. Колл.96. Ед. хр. 124. ЛЛ.1-73.

¹⁵ ПСЗ. Т. IV. № 2470. С.782.

¹⁶ РГАДА. СП. Кн.1592. ЛЛ.128об-131.

¹⁷ Там же. Кн.1592. ЛЛ.128об-133об; Кн.1596. Л.365об.

-
- ¹⁸ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири ... С.355-356.
- ¹⁹ РГАДА. СП. Кн.1063. Л.326; Кн.1328. Л.617; Стб. 1659. ЛЛ.234-240; Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 28. ЛЛ. 10-13; ДАИ. Т. IV. №. 133; ДАИ. Т. VIII. №. 110.
- ²⁰ РГАДА. СП. Стб. 1659. Л.36; Стб. 1572. ЛЛ. 29,30.
- ²¹ Там же. Стб. 1659. ЛЛ. 234-236.
- ²² ДАИ. Т. VIII. №. 110. С.346-349.
- ²³ РГАДА. СП. Стб.965. ЛЛ.391-393.
- ²⁴ Там же. Кн.782. ЛЛ.108-124об; 193-249; Кн.941. ЛЛ.16-35; Кн.1272. ЛЛ.192-193; Стб. 864. Л.38.
- ²⁵ Там же. Стб. 864. Л.37.
- ²⁶ Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 24. Л.6.
- ²⁷ Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 24. Л.44; Архив СПбИИ. Колл.18. Ед. хр. 16. Л.6; ДАИ. Т. VIII. №. 110. С.348.
- ²⁸ РГАДА. СП. Кн.738. Л.118.
- ²⁹ Там же. Ф. 1121/2. Ед. хр. 95. ЛЛ.17-19.
- ³⁰ Там же. СП. Стб. 913. Л.144; Кн.941. Л.380.
- ³¹ Там же. Кн.941. Л.260; Стб. 1589. Л.325.
- ³² Там же. Кн.782. ЛЛ.310,311об.
- ³³ Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 26. ЛЛ.1-5.
- ³⁴ Там же. Кн.782. Л.124об.
- ³⁵ Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 41. ЛЛ.107-114.
- ³⁶ Там же. СП. Кн.782. ЛЛ.555-556.
- ³⁷ Там же. Кн.941. Л.312-315.
- ³⁸ Там же. Кн.941. ЛЛ. 314, 314об, 324.
- ³⁹ Там же. Кн.941. ЛЛ. 314, 314об, 324.
- ⁴⁰ Там же. Кн.782. ЛЛ.7об, 60, 214-226, 272-284.
- ⁴¹ Там же. Кн.738. Л.136; Кн.768. ЛЛ.312-314.
- ⁴² Там же. Кн.941. ЛЛ.257-260.
- ⁴³ Там же. Кн.782. Л.59.
- ⁴⁴ Там же. ЛЛ.139, 310, 311об.
- ⁴⁵ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор...С.205.
- ⁴⁶ РГАДА. СП. Кн.1388. Л.103об.
- ⁴⁷ Там же. Л.104.
- ⁴⁸ Там же. Кн.1319. ЛЛ.61-64.
- ⁴⁹ Там же. Кн.1574. ЛЛ.1-29.
- ⁵⁰ Там же. Кн.1474. ЛЛ.152-156.
- ⁵¹ В суммы доходов за 1708, 1711, 1714 не вошла стоимость серебра и свинца, поскольку она отсутствовала в сметах.
- ⁵² РГАДА. СП. Кн.1319. ЛЛ.61-64.
- ⁵³ Там же. Кн.1574. ЛЛ.1-29.
- ⁵⁴ Там же. Кн.1474. ЛЛ.152-156.
- ⁵⁵ Там же. Стб. 1389. Л.816.
- ⁵⁶ Там же. Кн.1423. Л.163.
- ⁵⁷ Там же. Стб. 913. Л.144.
- ⁵⁸ Там же. Кн.782. ЛЛ.316-318.
- ⁵⁹ Архив СПбИИ. Ф.18. Ед. хр.87.
- ⁶⁰ РГАДА. СП. Стб. 1245. Л.28.

-
- ⁶¹ Там же. Стб. 1140. ЛЛ.104-106.
- ⁶² ПСЗ. Т. IV. № 1822. С.99.
- ⁶³ РГАДА. СП. Кн.1372. Л.731; Стб. 1389. Л.719; Стб. 1424. ЛЛ.117-118, 132-133, 184.
- ⁶⁴ Там же. Кн.1372. ЛЛ.135-136.
- ⁶⁵ Там же. Кн.1576. ЛЛ.9-38об.
- ⁶⁶ Там же. СП. Кн.738. Л.136; Кн.768. ЛЛ.312-314.
- ⁶⁷ Там же. Кн.1272. Л.69.
- ⁶⁸ Там же. Кн.1319. Л.70.
- ⁶⁹ Там же. Кн.1316. Л.91об.
- ⁷⁰ ПСЗ. Т. IV. № 1822. С.98-99.
- ⁷¹ РГАДА. СП. Стб. 1424. Л.79.
- ⁷² Там же. Кн.1401. Л.225; Кн.1436. Л.28.
- ⁷³ Там же. Кн.1471. ЛЛ.27,30.
- ⁷⁴ Там же. Кн.1272. ЛЛ.26, 60-61.
- ⁷⁵ Там же. Кн.619. ЛЛ.88-91об.
- ⁷⁶ *Котылов А.Н.* О дате основания Иркутска // История СССР. 1960 г. № 5. С. 166.; *Кашик О.И.* Присоединение Предбайкалья к русскому государству. Из истории Иркутской области. // Историко-краеведческий сборник в помощь учителю начальной и средней школы. Иркутск. 1966. С.40.
- ⁷⁷ РГАДА. СП. Кн. 527. ЛЛ.148, 148об.
- ⁷⁸ Там же. Кн. 527. ЛЛ.161-162.
- ⁷⁹ Там же. Кн. 811. ЛЛ.225, 231, 231об.
- ⁸⁰ Там же. Кн. 618. ЛЛ.226-231.
- ⁸¹ Там же. Кн. 516. Л.397об.
- ⁸² Там же. Кн. 612. ЛЛ.117об, 118.
- ⁸³ Там же. Кн. 612. ЛЛ.118, 251об.
- ⁸⁴ Там же. Кн. 612. ЛЛ.251об, 252.
- ⁸⁵ *Кашик О.И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв. // ученые записки Иркутского государственного педагогического института. Вып. XVI. Благовещенск, 1958. С. 235.
- ⁸⁶ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах... С.20.
- ⁸⁷ РГАДА. СП. Кн. 583. Л.51.
- ⁸⁸ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями. СПб, 1882. С.124-125.
- ⁸⁹ РГАДА. СП. Кн. 811. ЛЛ.335-337.
- ⁹⁰ Там же. Кн. 768. ЛЛ.292, 296.
- ⁹¹ Там же. Кн. 1444. ЛЛ.1-38об; Кн. 1543. ЛЛ.13об-22; Кн. 1034. ЛЛ.211-248. За 1693 г. не учтен гарнизон Удинска.
- ⁹² Подсчет окладных расходов получен нами путем сложения окладов служилых людей по материалам окладной книги 1682 г. (РГАДА. СП. Кн. 768. ЛЛ.267-280об.)
- ⁹³ Гарнизон Удинского острога не учтен.
- ⁹⁴ РГАДА. СП. Кн. 1034. ЛЛ.211-248.
- ⁹⁵ Там же. Кн. 1444. ЛЛ.1-38об.
- ⁹⁶ Там же. Стб. 1538. Л.344.
- ⁹⁷ Там же. Кн. 1034. Л.229; Кн. 1328. ЛЛ.511-513; Стб. 1538. ЛЛ.344-346.

-
- ⁹⁸ Там же. Кн. 1444. Л.15.
⁹⁹ Там же. ЛЛ.13-15.
¹⁰⁰ Там же. Кн. 1543. ЛЛ.10об, 11.
¹⁰¹ Там же. Кн. 1569. Л.3.
¹⁰² Там же. Стб. 1245. Л.13.
¹⁰³ Там же. Кн. 1444. ЛЛ.13, 13об..
¹⁰⁴ Там же. Кн. 1547. Л.9об.
¹⁰⁵ Там же. Кн. 1260. Л.302об.
¹⁰⁶ Там же. Кн. 1316. ЛЛ.101, 117, 117об.
¹⁰⁷ Там же. Кн. 1444. ЛЛ. 1-17.
¹⁰⁸ Там же. Кн. 1543. ЛЛ.1-12.
¹⁰⁹ Там же. Кн. 768. ЛЛ.267-280об.
¹¹⁰ Там же. Кн. 1034. ЛЛ.211-248.
¹¹¹ Там же. Кн. 1444. ЛЛ.1-38об.
¹¹² Там же. Кн. 1543. ЛЛ.13об-22.
¹¹³ Там же. Кн. 768. Л.236.
¹¹⁴ Архив СПБ ИИ. Ф.115. Ед. хр.665. ЛЛ.147-147об, 149.
¹¹⁵ РГАДА. СП. Кн. 1034. ЛЛ.236-248.
¹¹⁶ Там же. Стб. 1141. ЛЛ.40-42.
¹¹⁷ Там же. Стб. 1141. ЛЛ.26-42.
¹¹⁸ Там же. Стб. 1424. Л.80.
¹¹⁹ *Александров В.А.* Восстания в Сибири в конце XVII в. // Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. М. 1954. *Он же.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. 1957. № 59. *Он же.* Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в.// Археографический ежегодник . М., 1962; История Сибири. Т.2. 1968, раздел I, часть III «Классовая борьба».
¹²⁰ РГАДА. СП. Стб. 1358. Л.345.
¹²¹ Там же. Кн. 1034. ЛЛ.236, 237; Кн. 1342. Л.198; Стб. 1424. ЛЛ.122-128.
¹²² Там же. Кн. 1034. ЛЛ.237, 238.
¹²³ Там же. Кн. 1444. Л. 23; Кн. 1543. Л.19.
¹²⁴ Там же. Кн. 1316. Л.120.
¹²⁵ Там же. Кн. 1444. ЛЛ.24-26.
¹²⁶ Там же. Кн. 1543. ЛЛ.19-22.
¹²⁷ Там же. Кн. 1328. Л.664.
¹²⁸ Там же. Кн. 1444. ЛЛ.22-23.
¹²⁹ Там же. Кн. 1543. Л. 20.
¹³⁰ Там же. Кн. 1569. ЛЛ.112-114.
¹³¹ Там же. Стб. 344. Л.343.
¹³² *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров...С.88, 134-139.
¹³³ РГАДА. СП. Стб. 453. Л.194; Стб. 508. Л.66.
¹³⁴ Там же. Стб. 453. ЛЛ.182,193.
¹³⁵ Там же. Л. 53.
¹³⁶ Житие протопопа Аввакума...С.74-75.
¹³⁷ РГАДА. СП. Стб. 1659. Л.53; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири ... С.196-197.
¹³⁸ ДАИ. Т. IV. № 225.

- ¹³⁹ РГАДА. СП. Стб. 1659. ЛЛ.111,120.
- ¹⁴⁰ Там же. Стб. 1659. ЛЛ. 59-90, 324-325.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 19. Л. 8.
- ¹⁴² Там же. Стб. 1659. ЛЛ.67, 68, 194.
- ¹⁴³ Там же. Кн. 1583. ЛЛ.69-69об; Кн. 612. Л.13об; Кн. 811. ЛЛ.226, 231, 235, 242, 246, 248, 255, 256, 258, 259.; АИ. Т. IV. № 225. С. 481. Цифры взяты из енисейских смет и отписок, в которых хлеб учтен перед отправкой в Даурию. Фактическое же количество доставляемого на место хлеба было всегда меньшим, чем показывалось в указанных документах.
- ¹⁴⁴ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири ... С.212.
- ¹⁴⁵ *Огородников В.И.* Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII веке. // Труды Дальневосточного государственного университета. Серия III, № 4. Владивосток, 1927. С. 59.; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири ... С.202.; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года....С.62.
- ¹⁴⁶ ДАИ. Т. XII. СПб, 1872. № 12.(V). С. 113.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 1142. Ед. хр. 26. ЛЛ. 28-32.
- ¹⁴⁸ Там же. Ед. хр. 13. ЛЛ. 55-56.
- ¹⁴⁹ ДАИ. Т.VIII. № 101 С.325-327.
- ¹⁵⁰ Там же. Т. IX. № 104. С. 215.
- ¹⁵¹ АИ. Т. V. СПб, 1842. № 169.; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири ... С.203, 204.
- ¹⁵² РГАДА. СП. Кн. 782. Л.487.
- ¹⁵³ Там же. Л.492.
- ¹⁵⁴ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири ... С.198
- ¹⁵⁵ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ.106-106об, 190-191; Кн. 1063. ЛЛ.431-432.
- ¹⁵⁶ Там же. Кн. 782. ЛЛ.191, 238.
- ¹⁵⁷ Там же. Кн. 782. Л.190.
- ¹⁵⁸ Там же. Кн. 782. Л.165.
- ¹⁵⁹ Там же. Кн. 1063. Л.431.
- ¹⁶⁰ Там же. ЛЛ.81-90.
- ¹⁶¹ Там же. Кн. 811. ЛЛ.275, 277, 330.; Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 19. Л.10.
- ¹⁶² Там же. СП. Кн. 782. ЛЛ.166, 466; Кн. 768. Л. 238; Архив СПбИИ. Колл.115. Ед. хр.665. Л.149об.
- ¹⁶³ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири ... С. 331-332.
- ¹⁶⁴ Там же. С.332-333; *Александров В.А.* Русское население Сибири ...С.264; *Александров В.А.* Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII веке.// Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 144-147.
- ¹⁶⁵ РГАДА. СП. Кн. 1227. ЛЛ.179-256.
- ¹⁶⁶ Там же. Кн. 1227. Л.184.
- ¹⁶⁷ Там же. ЛЛ.179-256.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ ДАИ. Т.XII № 12 (V); РГАДА. СП. Стб. 1389. ЛЛ.652-653.
- ¹⁷⁰ РГАДА. СП. Кн. 782. ЛЛ.94об-100, 183об-191.
- ¹⁷¹ Там же. Кн. 1063. Л.67об.
- ¹⁷² Там же. Кн. 1063. ЛЛ. 415-417об.
- ¹⁷³ Там же. Кн. 1319. ЛЛ. 58-59об.
- ¹⁷⁴ Там же. Кн. 1591. ЛЛ.161-164об.

- ¹⁷⁵ Там же. Кн. 1063. ЛЛ.394-427, 440-467об.
¹⁷⁶ Там же. Кн. 1319. ЛЛ.58-59об.
¹⁷⁷ Там же. Кн. 1591. ЛЛ.161-164об.
¹⁷⁸ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири ... С.185-234.
¹⁷⁹ РГАДА. СП. Кн. 1063. ЛЛ.104-105.
¹⁸⁰ Там же. Кн. 1319. ЛЛ.56,57.
¹⁸¹ Там же. Кн. 1621. Л.126.
¹⁸² Там же. Кн. 1591. ЛЛ.164-177 (Уменьшение числа пашенных крестьян по сравнению с предшествующими годами объяснялось переходом некоторых из них в оброчные крестьяне).
¹⁸³ Там же. Кн. 1319. ЛЛ.72,73.
¹⁸⁴ Там же. Кн. 1591. ЛЛ.139, 175-176.
¹⁸⁵ Там же. Кн. 1474. ЛЛ.151-161; . Кн. 1591. ЛЛ.139-140, 145-151.
¹⁸⁶ Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 100. ЛЛ.20об-21об.
¹⁸⁷ Там же. СП. Кн. 1474. ЛЛ.162-163.
¹⁸⁸ Там же. Ф. 1142. Ед. хр. 100. Л.23.
¹⁸⁹ ПСЗ. Т. XV. №10801.
¹⁹⁰ *Александров В.А.* Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в... С.139.
¹⁹¹ РГАДА. СП. Кн. 1388. ЛЛ.46, 47.
¹⁹² Там же. Кн. 1388. Л. 47.
¹⁹³ *Леонтьева Г.А.* История Иркутского Вознесенского монастыря // Проблемы новой и новейшей истории России. М., 1999. С.84.
¹⁹⁴ РГАДА. СП. Кн. 1623. ЛЛ.11, 11об, 15, 19об, 31, 36, 39об.
¹⁹⁵ *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров...С.33, 39 и др.
¹⁹⁶ Архив СПбИИ. Колл.96. Ед. хр.28. Л.2.
¹⁹⁷ РГАДА. СП. Кн. 583. Л. 142об.
¹⁹⁸ *Александров В.А.* Русское население Сибири ...С. 259. *Его же.* Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья...С.57.
¹⁹⁹ РГАДА. СП. Стб. 1659. ЛЛ.226-228.
²⁰⁰ Там же. Стб. 1389. Л. 794.
²⁰¹ Там же. Ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Порт. 481. Ч. VII. Л. 106об.

Глава IV.

- ¹ *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ея насельников. Харьков, 1889. С. 248. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч.I. С.267-273.
² РИБ. Т.VIII, № 11(VII). С.351.
³ ПСЗ. Т.IV. №1822. С.122.
⁴ АИ. Т. IV. №67.С.98.
⁵ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.149.
⁶ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т.III. Ч.I. С.272.
⁷ *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири...С.139-140.; *Бояришинова З.Я.* Волнения в Томске в XVII веке//Вопросы истории. 1956.№6.; *Флеров В.С.* Восстания 30-40-х годов в XVII в. в Томске//Ученые записки Томского гос.пед.ин-та. Т.XII.Томск,1954.; *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30-е-40-е годы). Воронеж,1975.

- ⁸ *Копылов А.Н.* Судьба одного из «прибыльных дел» П.И. Годунова//Русское население Поморья и Сибири...С.129.
- ⁹ РИБ. Т.VIII, № 11(ЛП). С.572.
- ¹⁰ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.148 и др.
- ¹¹ РГАДА. СП.Стб.974.ЛЛ.196,197.
- ¹² *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.136,207,226.; *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965. С.203.; *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т.I...С.488.
- ¹³ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.149 и др.
- ¹⁴ РГАДА. СП.Кн.941.ЛЛ.62-96,109; Там же. Ф.1142. Ед.хр.87.ЛЛ.4-7.
- ¹⁵ РГАДА. СП.Стб.974.Л.200.
- ¹⁶ Там же. Кн.941.ЛЛ.82-96,109; Там же.Ф.1142. Ед.хр.87.ЛЛ.4-7.
- ¹⁷ Там же. Ф.1121. Ед.хр.39.ЛЛ.69-71.
- ¹⁸ Там же. СП.Кн.1372.ЛЛ.6-8.
- ¹⁹ *Александров В.А.* Русское население Сибири...С.214.
- ²⁰ РГАДА. СП.Кн.1372.Л.27.
- ²¹ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.165-166. и др.
- ²² РГАДА. Ф.1121/2. Ед.хр.102.Л.14.
- ²³ Аналогичную картину в Енисейском и Красноярском уездах отметил В.А. Александров. Указывая, что «долгое время запашка служилых людей в Енисейске и Красноярске даже не учитывалась властями», В.А. Александров совершенно справедливо объясняет это тем, что «служилые люди в силу своего служебного положения медленно превращались в оседлых, постоянных жителей».(Русское население Сибири...С.212.)
- ²⁴ РГАДА. СП.Кн.1021.ЛЛ.186.
- ²⁵ Там же. Кн.941.ЛЛ.82-96; Там же. Ф.1142. Ед.хр.23.ЛЛ.121-122,125-126.
- ²⁶ Там же. СП. Кн.941.ЛЛ.82-96
- ²⁷ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. (Приложения)...С.162.
- ²⁸ Там же. С.124-125.
- ²⁹ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.20.
- ³⁰ РГАДА. СП. Стб.1389.ЛЛ. 652,653; Ф.1142. Ед.хр.19.Л.21.
- ³¹ Там же. Ф.1142. Ед.хр.23. ЛЛ. 70, 103, 121, 123-135; Ед.хр.24. Л.11; Ед.хр.63. Л.11.
- ³² Таким же было положение, сложившееся в Красноярске, где в условиях годовых служб и воинских посылок, служило с пашни только 28 казаков, в то время как дозорная книга Красноярска за 1700 г. (т.е. всего 6 годами позже) отмечала наличие пашен у 500 казаков. (*Александров В.А.* Русское население Сибири...С.213.).
- ³³ РГАДА. СП. Кн.1063.ЛЛ.68,103об-105.
- ³⁴ Там же. ЛЛ.397-427, 440-467об.
- ³⁵ Там же. Кн.1319.ЛЛ.58-60.
- ³⁶ Там же. Кн.1034.ЛЛ.238-240.
- ³⁷ В 1697 г. первые постоянные служилые люди удинского гарнизона ограничивались лишь просьбами об отводе им земель «под дворы и огороды». (Архив СПбИИ. Колл.168. Ед.хр. 81. Л.5.).
- ³⁸ РГАДА. СП. Кн.1444.ЛЛ.23об,24.

- ³⁹ Там же. ЛЛ.1-38об. Число «пашенных» служилых людей иркутского гарнизона подсчитано нами.
- ⁴⁰ РГАДА. СП. Кн.1543.ЛЛ.13об-15.
- ⁴¹ Там же. Ф.199.(Портфели Г.Ф. Миллера). Ед.хр.501. №1. Л. 28.
- ⁴² Там же. СП. Кн.1444. ЛЛ.23,24.
- ⁴³ Там же. СП. Кн.1631. ЛЛ. 97,107,110,111.
- ⁴⁴ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.151.
- ⁴⁵ РГАДА. СП. Кн.1270.Л. 106об.
- ⁴⁶ *Александров В.А.* Русское население Сибири...С.214.
- ⁴⁷ 1 десятина земли под пашню отводилась за 1 четв. окладной ржи.
- ⁴⁸ История Сибири. Т.П..., С.65.
- ⁴⁹ *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в...С.71.
- ⁵⁰ РГАДА. СП. Кн.1319.Л. 58; Кн.1579.ЛЛ. 15,19.
- ⁵¹ Там же. Ф.199.(Портфели Г.Ф. Миллера). Ед.хр.501. №1. Л.36; Там же. СП. Кн.1543. Л.15.
- ⁵² История Сибири. Т.П....С.129.
- ⁵³ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.142.
- ⁵⁴ *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т.1... С.433, 481.
- ⁵⁵ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.364-365.; *Александров В.А.* Русское население Сибири...С.191-192; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.143-145. Курилов В.Н. Участие служилых людей в становлении Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в.//Города Сибири...С.82.
- ⁵⁶ ПСЗ. Т.V.№2789.
- ⁵⁷ Там же. Т.VIII. № 5717.
- ⁵⁸ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.365.; История Сибири. Т.П....С.111.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф.199.(Портфели Г.Ф. Миллера). Ед.хр.501. №1. Л.39.; *Косованов В.* Частное землевладение в Енисейской губернии.// Сибирские записки, 1917. № 6.С.22-53.
- ⁶⁰ РГАДА.СП.Кн.768.ЛЛ.267-280об;Кн.782.ЛЛ.94об-100, 183об-191; Кн.1034.ЛЛ.25-39, 211; Кн.1063.ЛЛ.65-74, 397-427, 440-467об; Кн.1319.ЛЛ.50-60,79-80; Кн.1444.ЛЛ.1-29; Кн.1474.ЛЛ.149-151; Кн.1543.ЛЛ.1-25об; Кн.1591.ЛЛ.136-142; Там же. Ф.199.(Портфели Г.Ф. Миллера). Ед.хр.501. №1. ЛЛ.28-35.; Архив СПбИИ. Колл.115. Ед.хр. 665. Л.147об.
- ⁶¹ РГАДА.СП. Кн.782.ЛЛ.94об-100, 183об-191; Кн.768.ЛЛ.267-280об; Кн.1034.ЛЛ.1-39, 211-248; Кн.1444.ЛЛ.1-38об; Кн.1543.ЛЛ.1-25об; Архив СПбИИ. Колл.115. Ед.хр. 665. ЛЛ.147, 147об.
- ⁶² РГАДА. СП. Кн. 941.ЛЛ.82-96, 109.
- ⁶³ Там же. Ф.1121. Ед.хр.116. Л.252.
- ⁶⁴ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.148,149.
- ⁶⁵ РГАДА. СП. Кн.1444.ЛЛ.1-38об. Поскольку сметный список 1705 г. не содержит конкретных данных по Иркутску, приводимые нами цифры получены путем вычитания от общего числа служилых Иркутского уезда и их окладов, числа служилых из присудных Иркутску острогов с их окладами.
- ⁶⁶ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.225.

⁶⁷ *Кашик О.И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв.//Ученые записки Иркутского гос.пед.ин-та. Вып.XVI. Благовещенск, 1958. С.255.

⁶⁸ РГАДА. СП. Кн.768.ЛЛ.273-280об; Архив СПбИИ. Колл.115. Ед.хр. 665. Л.147об.

⁶⁹ Там же. СП. Кн.768.ЛЛ.292,296.

⁷⁰ Там же. СП. Кн.768.ЛЛ.292,296; Кн.1426.Л.145; Кн.1444.ЛЛ.22об-26; Кн.1591.ЛЛ.143-146.; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.223.

⁷¹ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.220.

⁷² *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.28.

⁷³ Огородников В.И. считает, что крестьянское население Амура составило к 80-м годам 410-420 человек. Яковлева П.Т. – 500 человек. (*Огородников В.И.* Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в.//Труды Дальневосточного Гос.Университета. Сер.III. №4, Владивосток, 1927. С.63.; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года...С.62.).

⁷⁴ РГАДА. СП. Кн.782.ЛЛ.36,44,104; Кн.1063.ЛЛ.104-105; Кн.1319.ЛЛ.58-61; Кн.1474.ЛЛ.149-151.; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.224-225.

⁷⁵ РГАДА. СП. Кн.1361.ЛЛ.53-55.

⁷⁶ Первые пашни в районе Нерчинска были заведены еще в начале 1654 г. участниками отряда П.Бекетова. С 1657 г. по 1661 г. казенная пашня под Нерчинским и Иргенским острогами заводилась силами казаков, пришедших с Пашковым. В 1681 г. после двадцатилетнего перерыва недалеко от Нерчинска в районе р.Уюрги произвел опытный сев хлеба нерчинский сын боярский Н. Сенотрусов, на что «смотря, тутошние жители учили пашню разводить и хлеб сеять».

⁷⁷ РГАДА. СП. Кн.1063.ЛЛ.56,104-105,402; Кн.1319.ЛЛ.60,79-80; Кн.1591.ЛЛ.143-146, 164об; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.225.

⁷⁸ В 1688 г. два иркутских казака получили «данную» на владение земельным участком под дворы и огороды по 16 сажень «длинника» и по 8 сажень «поперечника» на человека. (РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.3. Л.162). Близкими к этим отводам были участки, даваемые в 1656 г. в соседнем Илимском уезде «всяким жилацким людям под дворовое строение, дворовые земли и огороды» (Там же. СП. Кн.306. ЛЛ.85-89.).

⁷⁹ Путешествие через Сибирь ...Николая Спафария...С.112-140.

⁸⁰ РГАДА. СП. Кн.941.ЛЛ.82-96,109; Иркутск. Материалы...С.11-12.

⁸¹ Архив СПбИИ. Колл.168. Ед.хр. 138 «б». ЛЛ.1-24.

⁸² Там же.

⁸³ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.26. Л.9.

⁸⁴ Там же. Ед.хр.83. Л.33; Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 130. Л.1; Ед.хр. 163. Л.1

⁸⁵ РГАДА. СП. Кн.1626.ЛЛ.2-74.

⁸⁶ Там же. Кн.1621.ЛЛ.1-20,105,106; Сибирские города. Материалы...С.23-26.

⁸⁷ РГАДА. СП. Кн.1626.ЛЛ.74-108.

⁸⁸ Там же. Кн.1576.ЛЛ.63-83об.

⁸⁹ Там же. Ф.199.(Портфели Г.Ф. Миллера). Ед.хр.481. .Ч.VII. ЛЛ.100-102об.

⁹⁰ Там же. СП. Кн.941.ЛЛ.82-96,109; Иркутск. Материалы...С.4-12.

⁹¹ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири...С.146.

- ⁹² РГАДА. Кн.1034.ЛЛ.215,227-228; Архив СПБИИ. Колл.96. Ед.хр. 1018. Л.18.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ РГАДА. СП. Кн.1260.ЛЛ.287-338, 725-964.
- ⁹⁵ Там же. Кн.941.ЛЛ.82-96,109; Иркутск. Материалы...С.4-12.
- ⁹⁶ РГАДА. СП. Кн.1222.ЛЛ.302-303.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. Кн.1232.Л.44.
- ⁹⁹ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.366.
- ¹⁰⁰ Там же. С.148,177,224-225.
- ¹⁰¹ Там же. С.414,415.
- ¹⁰² *Кашик О.И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв... С.263.; Она же. К вопросу о положении пашенных крестьян Восточной Сибири (XVII– начало XVIII вв.)...С.120-135.
- ¹⁰³ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.415.
- ¹⁰⁴ РГАДА. СП. Кн.1063.ЛЛ.104-105.
- ¹⁰⁵ Там же. Кн.1591.ЛЛ.145-149.
- ¹⁰⁶ *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в...С.203.
- ¹⁰⁷ *Леонтьева Г.А.* Хозяйственные занятия служилых людей Восточной Сибири...С.178.
- ¹⁰⁸ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.36. Л.83.
- ¹⁰⁹ Там же. Ед.хр.39. ЛЛ.58-68.
- ¹¹⁰ Там же. СП. Кн.941.ЛЛ.87-88.
- ¹¹¹ Там же. Ф.1121. Ед.хр.39. ЛЛ.67,75.
- ¹¹² Там же. Ед.хр.39. ЛЛ.69-74.
- ¹¹³ *Кашик О.И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв... С.263.
- ¹¹⁴ РГАДА. СП. Кн.1260.ЛЛ.287-322об.
- ¹¹⁵ Там же. Кн.782.ЛЛ.470,484.
- ¹¹⁶ Там же. Кн.1141.Л.31об.
- ¹¹⁷ Там же. Кн.1316.Л.96об.
- ¹¹⁸ Там же. Кн.1260.Л.299.
- ¹¹⁹ Там же. Кн.1444.Л.65.
- ¹²⁰ Там же. Кн.941.ЛЛ.83,87,93.
- ¹²¹ *Кашик О.И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв... С.266.
- ¹²² РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.70. ЛЛ.24-25.
- ¹²³ Там же. СП. Кн.1258.ЛЛ.371-411; Кн.1319.ЛЛ.2-126; Кн.1378.ЛЛ.116-159; Кн.1591.ЛЛ.117-130.
- ¹²⁴ Там же. Кн.1258.ЛЛ.371-411; Кн.1319.ЛЛ.2-126; Кн.1378.ЛЛ.116-159.
- ¹²⁵ Там же. Стб. 913. Л.398; Там же. Ф.1121. Ед.хр.23. ЛЛ.74; Ед.хр.35. ЛЛ.59-61; Архив СПБИИ. Колл.18. Ед.хр.13.; *Александров В.А.* Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья...С.61. *Он же.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.98-99.
- ¹²⁶ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.27. ЛЛ.24-29; Ед.хр.31. Л.20; Архив СПБИИ. Колл.115. Ед.хр. 665.
- ¹²⁷ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.58. ЛЛ.1-9.

- ¹²⁸ Там же. СП. Кн.1221.ЛЛ.364-366; Стб. 1355.Л.159; Ф.1121. Ед.хр.22. ЛЛ.1,2,22,36; Ф.1142. Ед.хр.23. Л.87.; Ед.хр.36. ЛЛ.1-4; Ед.хр.51. ЛЛ.26-37; Архив СПБИИ. Колл.168. Ед.хр. 81.Л.5.
- ¹²⁹ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.22. ЛЛ.1-2.
- ¹³⁰ Там же. Ф.1142. Ед.хр.23. Л.87.
- ¹³¹ Там же. Кн.941.ЛЛ.82-96,109; Иркутск. Материалы...С.4-12.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.26. ЛЛ.9-10.
- ¹³⁴ Архив СПБИИ. Колл.18. Ед.хр. 75.ЛЛ.1-3.
- ¹³⁵ РГАДА. СП. Кн.811.ЛЛ.221,222.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.26. ЛЛ. 9-10.
- ¹³⁷ Там же. Л.9.
- ¹³⁸ Там же. Ед.хр.93. ЛЛ. 60-62.
- ¹³⁹ *Александров В.А.* Русское население Сибири...С.178,185.
- ¹⁴⁰ Иногда гарнизонная верхушка имела в повальном пользовании с рядовыми служилыми людьми сенокосные и пастбищные угодья.
- ¹⁴¹ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.23. ЛЛ.123-135; Ед.хр.63. ЛЛ.11,12; Ед.хр.87. ЛЛ.18-25.
- ¹⁴² Там же. СП. Кн.941.ЛЛ.82-96; Там же. Ф.1221. Ед.хр.3. Л.162; Ед.хр.4. ЛЛ.206-208; Ед.хр.14. Л.35; Ед.хр.17. Л.7; Ед.хр.36. Л.113; Ед.хр.39. ЛЛ.128-129; Иркутск. Материалы...С.4-12.
- ¹⁴³ Там же. СП. Кн.1507.ЛЛ.122-155об; Ф.1142. Ед.хр.101. ЛЛ.507-516об.
- ¹⁴⁴ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.1. ЛЛ.37-39.
- ¹⁴⁵ Там же. Ед.хр.8. Л. 5.
- ¹⁴⁶ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.376.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.4. ЛЛ.382-384.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф.1142. Ед.хр.83. Л.29; Архив СПБИИ. Колл.96. Ед.хр. 143.ЛЛ.3-4.
- ¹⁵⁰ РГАДА. СП. Стб. 1659.ЛЛ.307-311; Кн.1221.ЛЛ.364-366; Стб. 355.ЛЛ.136-139; Ф.1121. Ед.хр.14. Л.134.; Ед.хр.27. Л.24-27.
- ¹⁵¹ РГАДА. СП. Стб. 344.ЛЛ.648-652; Стб. 355.ЛЛ.136-146; Ф.1142. Ед.хр.41. Л.70; Ед.хр. 93.ЛЛ.60-62.
- ¹⁵² АИ.Т.III.№ 135. С.221.; ДАИ. Т.II.№ 200.С.273.
- ¹⁵³ См примеры: РГАДА. СП. Стб. 1306.ЛЛ.16-18; Стб. 1389.ЛЛ.61,62; Ф.1121. Ед.хр.3. Л.178; Ед.хр.14. ЛЛ.134,241; Ед.хр.23. Л.102.; Ед.хр.68. Л.2; Ед.хр.78. Л.37; Там же. Ф.1142. Ед.хр.41. Л.70; Ед.хр.81. ЛЛ.46,51-55; Ед.хр.93. Л.28; Ед.хр.98. ЛЛ.4,24,32,33; Архив СПБИИ. Колл.18. Ед.хр. 38.Л.1; Ед.хр.75. Л.2; Колл.96. Ед.хр. 69. Л.6; Ед.хр. 149. Л.2; Ед.хр. 179.; Ед.хр. 211. Л.10; Колл.110. Ед.хр. 58/2; Колл.115. Ед.хр. 664.ЛЛ.2об-5об,10-10об, 13,14; Ед.хр. 665.; АИ. Т.V. №222,С.378; ДАИ. Т.VIII. СПб,1862. №99. С.323-324.
- ¹⁵⁴ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.41. Л. 102.
- ¹⁵⁵ Там же. Ед.хр.81.Л.61.
- ¹⁵⁶ Архив СПБИИ. Колл.115. Ед.хр. 664.ЛЛ. 26-27об.
- ¹⁵⁷ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.41. ЛЛ.90-105.
- ¹⁵⁸ Там же. Ф.1142. Ед.хр.75.
- ¹⁵⁹ Архив СПБИИ. Колл.18. Ед.хр. 75.ЛЛ. 1-3.
- ¹⁶⁰ РГАДА. СП. Кн.1626. Л.683.
- ¹⁶¹ Там же. Кн.1401. Л.188об; Кн.1471. Л.16об.

¹⁶² Там же. Стб.1422. Л.386.

¹⁶³ Там же. Кн.1413. ЛЛ.1-7; Кн.1444. Л.14об.

¹⁶⁴ Там же. Кн.1621. ЛЛ.1-26,105,106; Кн.1626. ЛЛ.2-108. Сибирские города. Материалы...С.23-26.

¹⁶⁵ РГАДА. СП. Кн.1621. Л.105.

¹⁶⁶ РГАДА. СП. Кн.1621. ЛЛ.1-26, 105, 106; Кн. 1626, Л. 2-108; Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1886, С. 23-26.; Леонтьева Г.А. Политика правительства и некоторые демографические аспекты пашенного хозяйства служилых людей Сибири в XVII – первой четверти XVIII в.//Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX). (Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Выпуск I. Таллин, 1986. С.71.

¹⁶⁷ Архив СПбИИ. Колл.115. Ед.хр. 664.ЛЛ10-11.

¹⁶⁸ Архив СПбИИ. Колл.115. Ед.хр. 664.ЛЛ. 20-21.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.41. ЛЛ. 90-105.

¹⁷⁰ Там же. СП. Стб.1306. Л. 16; Стб.1389. ЛЛ.61,62.

¹⁷¹ Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 134.ЛЛ. 1-8.

¹⁷² РГАДА. Кн.1316. ЛЛ.213,213об.

Глава V.

¹ РГАДА СП. Кн. 941. ЛЛ.103-122.

² *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.126.

³ *Клочков М.* Население России при Петре Великом. Т.1. СПб, 1911. С.66-70.

⁴ РГАДА. СП. Кн. 941. ЛЛ.297-299об.

⁵ Там же. Кн. 1623. ЛЛ.2об,30.

⁶ Там же. Кн. 782. Л.238.

⁷ Там же. Кн. 1063. Л.45.

⁸ Там же. СП. Кн. 1272. ЛЛ.86-87.

⁹ Там же. Кн. 1474. Л. 151; Кн.1591. Л.164; Там же. Ф. 1142. Ед.хр. 100. Л. 10об.

¹⁰ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.127-131, 144.

¹¹ *Сергеев В.И.* Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение//Вестник истории мировой культуры. 1960 №3.; *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. ...С. 114-116. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля в Западной Сибири... С.26-27,71.

¹² РГАДА. СП. Кн. 941. ЛЛ.103-122.

¹³ Там же. Кн. 1474. Л. 151; Кн.1591. ЛЛ.175-176; Там же. Ф. 1142. Ед.хр. 100. Л. 10об.

¹⁴ В 1685, 1698 гг. из Енисейска сообщалось о том, что многие посадские люди «сошли, покиня дома свои», в Иркутск и Нерчинск. Некоторые из них ранее специализировались на пушной торговле, например, Федор Григорьев сын Суетин, Исаак Андреев сын Белевцев. Ранее проживая в Енисейске, были кузнецами Алексей и Федор Кузнецовы, поверстанные в службу по Нерчинску. Дмитрий Максимов сын Каменщиков за «таможенный прибор» был переведен в пятидесятники по Иркутску. Известно, что его отец – Максим Ильин Каменщиков, имел отъезжий торг, лавки и скамейное место в мясном и рыбном рядах в

Енисейске. (Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в....- С. 190, 192.; РГАДА. СП. Кн. 1328. ЛЛ.385-386.)

¹⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С.63. *Сербина К.Н.* Очерки по социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.-Л., 1951. С.143.; *Мерзон А.П., Тихонов Ю.А.* Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка. (XVII в.) М., 1960. С.54-410.; *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в....С. 125,126.

¹⁶ В 1694 г. помышленный человек М. Дмитриев купил в Иркутске 0,5 пудов уклада, в 1698 г. 19 января промышленник Т. Трубин продал «своего промысла» 20 пудов железа кричного, с которого внес в казну десятую пошлину – 2 пуда железа. (РГАДА. СП. Кн. 1228. ЛЛ.131,131об); 16 августа промышленный человек Н. Пахалов предъявил в таможене 15 пудов железа кричного «своего промыслу» (РГАДА.СП. Кн. 1258. Л.51об.)

¹⁷ ДАИ. Т.VII.№ 69.С.329.

¹⁸ *Курлаев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке....С.255, 256, 260.

¹⁹ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.36.

²⁰ РГАДА. СП. Стб. 833. ЛЛ.164,165.

²¹ Архив СПбИИ. Колл.18. Ед.хр. 17.Л.5.

²² РГАДА. СП. Кн. 941. Л.321.

²³ Там же. Кн. 782. Л.403.

²⁴ Там же. Кн. 941. Л.326.

²⁵ Там же. Кн. 1591. Л.129; Ф.1142. Ед.хр.100. Л.58.

²⁶ Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 106.ЛЛ.1-5.

²⁷ РГАДА. СП. Кн. 941. Л.339.

²⁸ Там же. Ф.1142. Ед.хр.61. ЛЛ.3-5.

²⁹ *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. ...С.123.

³⁰ Там же. С.128.

³¹ РГАДА. СП. Кн. 1328. ЛЛ.385-386.

³² РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.3. Л.162.

³³ Там же. СП. Стб. 1140. Л.80.

³⁴ *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. ...С.125.

³⁵ РГАДА. СП. Кн.1316. ЛЛ.202об-203.

³⁶ РГАДА. СП. Кн.1328. ЛЛ.247-250.

³⁷ *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. ...С.127.

³⁸ Црен-чан для варки соли. «Цыренное дело» - изготовление чанов.

³⁹ РГАДА. СП. Кн.1592. Л.136об.

⁴⁰ Там же. Л.8.

⁴¹ Там же. Кн. 811. ЛЛ.332-352.

⁴² Там же. Кн. 811. ЛЛ.336, 336об.

⁴³ Там же. Л.351об.

⁴⁴ Там же. Кн. 811. ЛЛ.340об, 351об.

⁴⁵ Там же. Кн. 1316. Л.562об.

⁴⁶ Там же. Кн. 1591. Л.221.

⁴⁷ Там же. Кн. 1222. ЛЛ.225об-227.

⁴⁸ Там же. Кн. 1260. Л.554об.

⁴⁹ Архив СПбИИ. Ф.168. Ед.хр. 106.

- ⁵⁰ РГАДА. СП. Кн. 1222. ЛЛ.225об-227; Архив СПбИИ. Ф.96. Ед.хр. 212. ЛЛ.29-32, 41-42.
- ⁵¹ РГАДА. СП. Кн. 1328. Л.683.
- ⁵² ДАИ. Т.IV.№.40. С.94.
- ⁵³ РГАДА СП. Кн. 941. ЛЛ.30,31.
- ⁵⁴ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири...С.181-182.
- ⁵⁵ Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров...С.80-83.
- ⁵⁶ Машанова Л.В. Русская хозяйственная колонизация Забайкалья...С.65.
- ⁵⁷ РГАДА. СП. Кн. 1221. ЛЛ.46, 81, 130, 204.
- ⁵⁸ Там же. Кн. 1272. ЛЛ.41-42.
- ⁵⁹ Там же. Кн. 1388. ЛЛ. 498, 499.
- ⁶⁰ Тарбаган – монгольский сурок. Длина тела – 60 см, хвост – 11 см. Обитает в Забайкалье и Монголии.
- ⁶¹ РГАДА. СП. Кн. 1474. ЛЛ.22об.-24об., 28, 36об.
- ⁶² Там же. Ф.1121. Ед.хр.49. ЛЛ.1-3; Ед.хр.4. ЛЛ. 425, 426.
- ⁶³ Там же. СП. Стб. 864. Л.37.
- ⁶⁴ Там же. Кн.583. ЛЛ.155, 160об.
- ⁶⁵ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке. // Исторические записки, 1940. №8. С.98-128.; Александров В.А. Русское население Сибири...С.217-241; Он же. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства (1641 г.) // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.; Он же. Роль русского купечества в организации промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. Т.71. 1962. С.158-195.; Павлов П.Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40-70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. Сибирь периода феодализма. Вып.2. Новосибирск., 1965. С.17-39.
- ⁶⁶ Александров В.А. Русское население Сибири...С.241.
- ⁶⁷ Машанова Л.В. Русская хозяйственная колонизация Забайкалья...С.66.
- ⁶⁸ Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири... Рук. дисс. канд. ист.наук. С.248.
- ⁶⁹ РГАДА. СП. Кн. 1474. ЛЛ.30об, 33об.
- ⁷⁰ Там же. Кн.1774. Л.28.
- ⁷¹ Там же. Кн.1507. Л.88.
- ⁷² Там же. Ф.1142. Ед.хр.101. Л.22.
- ⁷³ Там же. СП. Кн.941. Л.307.
- ⁷⁴ Там же. Кн.1063. ЛЛ.280, 285.
- ⁷⁵ Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города...С.80-90.; Она же. Служилые люди Восточной Сибири...Рук. дисс. канд. ист.наук. С.249.
- ⁷⁶ РГАДА. СП. Кн. 1063. ЛЛ. 280, 285; Кн.941. Л.307.
- ⁷⁷ Там же. Кн.1623. ЛЛ.24, 24об.
- ⁷⁸ Там же. Ф.1121. Ед.хр.8. Л.18.
- ⁷⁹ Там же. Ф.1121/2. Ед.хр.107. ЛЛ.49-51.
- ⁸⁰ Там же. СП. Кн.1546. ЛЛ.1-1об.
- ⁸¹ Там же.

- ⁸² Машанова Л.В. Хозяйственное освоение Забайкалья...С.99-104.; Она же. Русская хозяйственная колонизация Забайкалья...С.49-50.
- ⁸³ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.93. ЛЛ.4-7.
- ⁸⁴ Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII – начале XVIII в.// Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск. 1978. С.80
- ⁸⁵ Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири...С.304.
- ⁸⁶ Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири... Рук. дисс. канд. ист.наук. С.251-252.
- ⁸⁷ Косяк – очень крупный кусок мыла, который резался на более мелкие куски, удобные для их употребления.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.115. Л.7.
- ⁸⁹ Там же. ЛЛ.32-45, 82-83.; Кашик О.И. Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв.//Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.1961. С.189.
- ⁹⁰ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.115. ЛЛ.129-130, 187.
- ⁹¹ ДАИ. Т.Х. СПб,1867. №67. (V). С.238.; Васильев А.П. Забайкальские казаки...С.169; Бахрушин С.В. Казаки на Амуре.Л.,1925. С.79.
- ⁹² РГАДА. СП. Стб. 833. Л.160.
- ⁹³ Там же. Ф.1142. Ед.хр.41. Л.90.
- ⁹⁴ Там же. СП. Кн. 1260. Л.494об.
- ⁹⁵ Там же. Кн. 1316. Л.635.
- ⁹⁶ Там же. Кн. 1319. Л.41.
- ⁹⁷ Там же. Ф.1121. Ед.хр.82. Л.96; Ед.хр.116. ЛЛ.222-233.
- ⁹⁸ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. ...С.139.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.116. ЛЛ.228-233.
- ¹⁰⁰ Там же.Л.231.
- ¹⁰¹ Там же. Кн. 1260. ЛЛ.292об, 294об.
- ¹⁰² Там же. Кн. 1319. Л.41.
- ¹⁰³ Там же. Ф.1121. Ед.хр.116. ЛЛ.235, 239.
- ¹⁰⁴ Там же. СП. Кн. 1319. ЛЛ.34, 40.
- ¹⁰⁵ Там же. Кн. 1474. Л.131.
- ¹⁰⁶ Там же. Кн. 1319. ЛЛ.41,42.
- ¹⁰⁷ Там же. Кн. 1576. Л.30.
- ¹⁰⁸ Там же. Кн. 1319. Л.20.; Кн. 1474. Л.122; Там же. Ф.1142. Ед.хр.100. Л.52об.
- ¹⁰⁹ Там же. СП. Кн. 1319. ЛЛ.106, 110; Кн. 1474. ЛЛ. 128, 130, 132.
- ¹¹⁰ Там же. Кн. 1592. Л.136об.; Кн. 1596. Л.374об.
- ¹¹¹ Там же. Кн. 1631. Л.25.
- ¹¹² Там же. Кн. 1258. ЛЛ.371-411; Кн. 1319. ЛЛ.2-126; Кн. 1378. ЛЛ.116-159; Кн. 1474. ЛЛ.114-134; Кн. 1591. ЛЛ.117-130; Там же. Ф.1142. Ед.хр.100. ЛЛ.1-61об.
- ¹¹³ Там же. СП. Кн. 1258. ЛЛ.371-411; Кн. 1319. ЛЛ.2-126; Кн. 1378. ЛЛ.116-159; Кн. 1474. ЛЛ.114-134; Кн. 1591. ЛЛ.117-130; Там же. Ф.1142. Ед.хр.100. ЛЛ.1-61об.
- ¹¹⁴ РГАДА. СП. Кн. 1584. ЛЛ.15, 15об.
- ¹¹⁵ Там же. Кн. 1626. ЛЛ.31, 71, 72.
- ¹¹⁶ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.371-411; Кн. 1319. ЛЛ.2-126; Кн. 1378. ЛЛ.116-159; Кн. 1474. ЛЛ.114-134; Кн. 1591. ЛЛ.117-130; Там же. Ф.1142. Ед.хр.82. Л.97.
- ¹¹⁷ Там же. СП. Кн. 1378. Л.157.

-
- 118 Архив СПбИИ. Колл.115. Ед.хр. 665.Л.130об.
119 РГАДА. СП. Кн. 1021. Л.112; Кн. 1488. Л.99; Ф.1121. Ед.хр.82. Л.96.
120 Там же. Ф.1142. Ед.хр.100. Л.50об.
121 Там же. Л.51об.
122 Там же. Ф.1121. Ед.хр.82. ЛЛ.90-101.
123 Там же. СП. Кн. 1474. ЛЛ.114-134; Там же. Ф.1142. Ед.хр.100. Л.1-61об.
124 Там же. СП. Кн. 1623. ЛЛ.1-42.
125 Там же. Ф.1121. Ед.хр.92. Л.44.
126 Там же. СП. Стб. 1424. Л.181.
127 АИ. Т.V. №287.С.519-520; РГАДА. СП. Стб. 1424. Л.180.
128 Там же. СП. Кн. 1328. Л.197.
129 Там же. Ф.1121. Ед.хр.78. Л.33; Архив СПбИИ. Ф.115. Ед.хр. 665.ЛЛ.46, 53об.
130 РГАДА. СП. Кн. 941. ЛЛ.318, 320, 325; Кн. 1319. Л.112.; Кн. 1378. Л.118; Кн. 1474. ЛЛ.124,125об.
131 Там же. Кн. 1319. Л.112.
132 Там же. Кн. 1316. ЛЛ.329об-339.
133 Там же.
134 Там же. Кн. 1328. ЛЛ.194-197; Кн. 1372. Л.745.
135 Там же. Кн. 1401. Л.130; Кн. 1413. Л.48.
136 Там же. Кн. 1319. Л.112; Кн. 1474. Л.125об.
137 Там же. Кн. 1372. Л.745.
138 Там же. Кн. 1258. Л.374.
139 Там же. Кн. 1591. Л.121.
140 Там же. Ф.1142. Ед.хр.100. Л.55об.
141 Там же. СП. Кн. 1596. Л.363.
142 *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.40.
143 РГАДА. СП. Кн. 1444. Л.64; Кн. 1596. Л.55об.
144 Там же. Кн. 1592. Л.9.
145 Там же. Ф.1142. Ед.хр.38. Л.18.
146 Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр.39.
147 РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.19. Л.32.
148 Там же. СП. Стб. 1389. ЛЛ.833-836.
149 *Машианова Л.В.* Хозяйственное освоение Забайкалья...С.97.
150 *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. ...С.179.
151 *Александров В.А.* Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII веке...С.134-137.
152 Архив СПбИИ. Колл.115. Ед.хр. 665.Л.185об.
153 РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.343. Л.10.
154 Там же. СП. Стб. 654. ЛЛ.64, 65.
155 *Александров В.А.* Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII веке... С.131-150.
Он же. Русское население Сибири...С. 255-257.
156 РГАДА. СП. Кн. 1328. ЛЛ.353-358.
157 *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. ...С.178.
158 РГАДА. СП. Кн. 1328. Л.583.
159 Там же.Л.314.
160 Там же. Кн. 1401. Л.200.
161 Там же. Кн. 1596. ЛЛ.47об, 65, 69, 70, 72об, 74.
162 Там же. Кн. 1623. ЛЛ.3-7об.

- ¹⁶³ Там же. Л.10об.
- ¹⁶⁴ Там же. Кн. 1328. ЛЛ.132-133; Кн. 1574. Л.11; Кн. 1576. Л.59.; Кн. 1591. ЛЛ.190, 202; Там же. Ф.1142. Ед.хр.101. Л.503.
- ¹⁶⁵ РГАДА. СП. Кн. 1576. Л.32.
- ¹⁶⁶ Там же. Кн. 1591. Л.190.
- ¹⁶⁷ Там же. Кн. 1319. Л.126.
- ¹⁶⁸ Там же. ЛЛ. 6, 8, 21, 30.
- ¹⁶⁹ Там же. Кн. 1474. ЛЛ.130, 131об-133.
- ¹⁷⁰ Принадлежность мясников к посаду в иркутской «выписи» из таможенных книг не указана и установлена нами путем поименной сверки с именными списками посадских людей, зафиксированными в окладных книгах.
- ¹⁷¹ РГАДА. СП. Кн. 1222. ЛЛ.110-204.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ РГАДА. Ф.1121/2. Ед.хр.107. Л.17.
- ¹⁷⁴ Там же. СП. Кн. 811. ЛЛ.332-352; Кн. 1623. ЛЛ.1-42.
- ¹⁷⁵ Там же. Кн. 1474. ЛЛ. 37об, 39.
- ¹⁷⁶ Там же. Кн. 1591. Л.2, 14об.
- ¹⁷⁷ Там же. Кн. 1591. ЛЛ.1-49об; Там же. Ф.1142. Ед.хр.101. ЛЛ.1-145.
- ¹⁷⁸ Там же. СП. Кн. 1474. ЛЛ.37об, 38.
- ¹⁷⁹ Там же. Л.33.
- ¹⁸⁰ Там же. Кн. 1574. Л.12.
- ¹⁸¹ Там же. Кн. 1591. ЛЛ.10об, 11, 24об, 25.
- ¹⁸² Там же. ЛЛ. 17об, 18.
- ¹⁸³ Там же. Ф.1142. Ед.хр.101. Л.120об.
- ¹⁸⁴ Там же. СП. Кн. 1591. ЛЛ.1-49об; Там же. Ф.1142. Ед.хр.101. ЛЛ.1-145.
- ¹⁸⁵ Там же. СП. Кн. 1378. ЛЛ.116-159.
- ¹⁸⁶ Там же. Кн. 1474. ЛЛ.114-134.
- ¹⁸⁷ Там же. Кн. 1591. ЛЛ.117-130; Там же. Ф.1142. Ед.хр.100. ЛЛ.1-161об.
- ¹⁸⁸ Там же. СП. Кн. 1591. Л.167об.
- ¹⁸⁹ Там же. Кн. 1319. ЛЛ.21, 102, 103, 110.
- ¹⁹⁰ *Леонтьева Г.А.* Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города...С.84-85.; *Она же.* Служилые люди Восточной Сибири... Рук. дисс. канд. ист.наук. С.276-277.
- ¹⁹¹ РГАДА. СП. Кн. 1388. ЛЛ.58,59.; Там же. Ф.1121. Ед.хр.36. Л.8.; Ф.1142. Ед.хр.34. ЛЛ.78,79.
- ¹⁹² Там же. Ф.1121. Ед.хр.36. Л.8.
- ¹⁹³ РГАДА. Ф.199.(Портфели Миллера). Портфель 481. Ч. VII. Л.10об.
- ¹⁹⁴ *Александров В.А.* Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья...С.57.
- ¹⁹⁵ РГАДА. СП. Кн. 1474. ЛЛ.10об, 12, 15.
- ¹⁹⁶ История Сибири. Т.II...С.91.
- ¹⁹⁷ РГАДА. Ф.1142. Ед.хр.101. ЛЛ.309об-311об.
- ¹⁹⁸ *Машанова Л.В.* Русская хозяйственная колонизация Забайкалья...С.36, 37.
- ¹⁹⁹ РГАДА. СП. Кн. 941. ЛЛ.248, 249.
- ²⁰⁰ Там же. Кн. 1034. Л.79; Кн. 1260. Л.209об.; Кн. 1316. ЛЛ.33, 83; Кн. 1401. Л.201об.
- ²⁰¹ Там же. Ф.1142. Ед.хр.101. ЛЛ.119, 124; Кн. 1258. Л.17.

²⁰² Там же. СП. Кн. 1221. Л.115.

²⁰³ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.3, 7.

²⁰⁴ Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири... С.77.

²⁰⁵ Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в.// Исторические записки. №59., 1957. С.260.

²⁰⁶ Заозерская Е.И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в....С.70-84.

²⁰⁷ История Сибири. Т.II...С.88.

²⁰⁸ Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города...(историография) ...С.100-124.

Глава VI.

¹ Кашик О.И. Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв.//Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.1961. С.187-198.; Она же. Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII – начале XVIII вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 1952.; Александров В.А. Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в.// К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII – XVIII вв.). М., 1958. С.422-464; Он же. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.). // История СССР. 1968. №2. С.44-61. Он же. Россия на Дальневосточных рубежах...С.34-44; Леонтьева Г.А. Хозяйственные занятия служилых людей...С.180-184. Она же. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII – начале XVIII в.// Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск. 1978. С.76-94. Машанова Л.В. Русская хозяйственная колонизация Забайкалья в конце XVII – начале XVIII вв. СПб, 1999.

² Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в....С.353-357.; Он же. Русские на Енисее в XVII в. ...С.211-230.

³ Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в....С.339-340.Он же. Русские на Енисее в XVII в... С.213.

⁴ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.34. ЛЛ.75-77.

⁵ Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в... С.213.

⁶ Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири... С.128.

⁷ РГАДА. СП. Стб. 1245. ЛЛ.64, 64об., 193; Стб. 1358. ЛЛ.176-180; Там же. Ф.1121. Ед.хр.67. ЛЛ.92, 93; Ед.хр.71. ЛЛ.20-25; Ф.1142. Ед.хр.36. ЛЛ.74-77.

⁸ Там же. Ф.1142. Ед.хр.34. ЛЛ.75-77.

⁹ ПСЗ. Т.III. №1474. С.161.

¹⁰ РГАДА. СП. Кн. 1228. ЛЛ.95, 95об.

¹¹ Там же. Стб. 1358. Л.177.

¹² Там же. Стб. 1245. Л.64.

¹³ Там же. Кн. 1391. ЛЛ.25, 49, 50, 228.

¹⁴ ПСЗ. Т.IV. №1822. С.116.

¹⁵ Кашик О.И. Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв....С. 189.

¹⁶ Машанова Л.В. Русская хозяйственная колонизация Забайкалья. ...С.38.

¹⁷ РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.60. Л.42.

¹⁸ Там же. СП. Кн. 1258. Л.13.

¹⁹ Там же. Стб. 965. ЛЛ.84-89; Кн. 1328. Л.652.; Ф.1121. Ед.хр.70. ЛЛ.24, 25.; Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 16.; *Александров В.А.* Русское население Сибири...С.261.

²⁰ Данные о казенных закупках за указанные годы отразились в расходных книгах нерчинского кружечного двора, благодаря нехватке податного хлеба на местное винокурение и пивоварение. После 1714 г., который впервые закончился со значительным остатком казенного хлеба, закупки хлебных запасов у частных лиц в Нерчинске, видимо, прекратились. В таблице не учтены продавцы солода, зерна и муки по подрядам. РГАДА. СП. Кн. 1258. ЛЛ.371-411; Кн. 1319. ЛЛ.2-126; Кн. 1378. ЛЛ.116-159; Кн. 1591. ЛЛ.117-130.; *Леонтьева Г.А.* Хозяйственные занятия служилых людей Восточной Сибири...С.181.

²¹ Архив СПбИИ. Колл.18. Ед.хр. 32.

²² *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.332; История Сибири. Т.П....С.91; *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.152; РГАДА. Ф.1121. Ед.хр.117. ЛЛ.10-13.

²³ РГАДА. СП. Кн. 1221. ЛЛ.105-147об; Кн. 1222. ЛЛ.110-204; Кн. 1258. ЛЛ.1-136; Кн. 1391. ЛЛ.1-254об.

²⁴ Там же. Кн. 1221. Л.136.

²⁵ Там же. Кн. 1221. Л.137.

²⁶ Там же. Кн. 1228. ЛЛ.10об, 24, 24об; Кн. 1258. Л.17об.

²⁷ Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 22; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор...С.74.

²⁸ Путешествие через Сибирь... Николая Спафария...С.135.

²⁹ Архив СПбИИ. Колл.18. Ед.хр. 13.

³⁰ РГАДА. Ф.1121/1. Ед.хр.23. Л.74; Ед.хр.35. ЛЛ.59-61.

³¹ *Александров В.А.* Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья...С.61. *Он же.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.99.

³² РГАДА. СП. Стб. 913. Л.398.

³³ Архив СПбИИ. Колл.18. Ед.хр. 32.ЛЛ.1-2.

³⁴ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.98.

³⁵ РГАДА. СП. Кн. 1391. Л.27.

³⁶ Там же. Кн. 1378. ЛЛ.1-33об.

³⁷ Там же. Кн. 1391. Л.22об.

³⁸ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.1-136; Кн. 1221. ЛЛ.105-147об; Кн. 1391. ЛЛ.1-254об; Кн. 1474. ЛЛ.2-41об; Кн. 1591. ЛЛ.1-49об; Там же. Ф.1142. Ед.хр.101. ЛЛ.107-145; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири...Рук. дисс. канд. ист. наук. С.302.

³⁹ Доход иркутских рыбаков нами подсчитан по материалам таблицы из работы *Машиановой Л.В.* Русская хозяйственная колонизация Забайкалья. ...С.56.

⁴⁰ РГАДА. СП. Кн. 1221. Л.112.

⁴¹ Там же. Кн.583. ЛЛ.252-288; Кн.618. ЛЛ.312-359об.; Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 15.Л.1; *Александров В.А.* Освоение русским населением Забайкалья и Приамурья...С.58.

⁴² Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 133. ЛЛ.10-13.

- ⁴³ *Леонтьева Г.А.* Денежный бюджет Сибири и место в его составе поступлений от торговли в конце XVII – начале XVIII в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск. 1990. С.110-112.; ПСЗ. Т. III. №1602. С.406.
- ⁴⁴ *Машианова Л.В.* Русская хозяйственная колонизация Забайкалья. ... С.84, 85.
- ⁴⁵ *Кашик О.И.* Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв. ... С.197.
- ⁴⁶ *Бартенев Ю.* Герои Албазина и Даурской земли. // Русский Архив. М., 1889. Кн.2. С.318.
- ⁴⁷ *Огородников В.И.* Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927. С.63,64.; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор. ... С.112, 113.
- ⁴⁸ РГАДА. СП. Стб. 965. ЛЛ.342-344.
- ⁴⁹ Участники караванов 1675 и 1695 гг. не вошли в эту цифру.
- ⁵⁰ *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири. ... Рук. дисс. канд. ист. наук. С.306.; РГАДА. СП. Кн. 1063. ЛЛ.169об-262; Кн. 1258. ЛЛ.1-136, 191-267; Кн. 1391. ЛЛ.1-254об; Кн. 1355. ЛЛ.284-294; Кн. 1507. ЛЛ.1-100об; Архив СПбИИ. Ф.96. Ед.хр. 68.; Ед.хр.143. ЛЛ.18, 19; Ед.хр. 147. ЛЛ.1-17; Ед.хр.150.; Ед.хр.171. ЛЛ.1-6; Ед.хр.177. ЛЛ.2-36; Ед.хр.227.
- ⁵¹ *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири. ... Рук. дисс. канд. ист. наук. С.307.; РГАДА. СП. Кн. 1063. ЛЛ.169об-262; Кн. 1258. ЛЛ.136, 191-267, 285-300об; Стб.1355. Л.291; Кн. 1391. ЛЛ.1-254об; Кн. 1507. ЛЛ.1-100об; Архив СПбИИ. Ф.96. Ед.хр. 143.; Ед.хр.143. ЛЛ.18-19; Ед.хр. 147. ЛЛ.1-17; Ед.хр.150. Л.15; Ед.хр.171. ЛЛ.1-6; Ед.хр.177. ЛЛ.2-36
- ⁵² РГАДА. СП. Кн. 1258. ЛЛ.191-267; Кн. 1391. ЛЛ.1-254об; Кн. 1507. ЛЛ.1-100об.
- ⁵³ Там же. Кн.1258. ЛЛ.268-300об; Кн.1507. ЛЛ.101-120об.
- ⁵⁴ Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 143. ЛЛ.18-19; Ед.хр. 147. ЛЛ.1-17; Ед.хр.150. Л.15; Ед.хр.171. ЛЛ.1-6.
- ⁵⁵ РГАДА. СП. Кн. 1063. ЛЛ.169об-262.
- ⁵⁶ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.1-136.
- ⁵⁷ Там же. Кн. 1391. ЛЛ.1-254об.
- ⁵⁸ Там же. Кн. 1063. ЛЛ.169об-262 ; Кн. 1258. ЛЛ.1-136; Кн. 1391. ЛЛ.1-254об; Оценка стоимости товаров караванов И. Бейтона и Г. Бокова произведена нами. Не удалось оценить ряд товаров: кушаков шелковых, клетчатых, чашек деревянных, луков «стрельчатых», одеял атласных, олифы, гвоздики, корицы, бадьяна. Но, в связи с тем, что эти товары вывозились в незначительном количестве, отсутствие их учета существенно не влияет на приводимые суммы.
- ⁵⁹ *Александров В.А.* Русско-китайская торговля и нерчинский торг в XVII в. ... С.462.
- ⁶⁰ Лана – китайская денежная единица, в которой по московскому весу в XVII в. считалось 9 золотников. Золотник составляет около 4,26 гр. (Словарь современного русского литературного языка. Т.IV. М-Л., 1955. С.1314). Следовательно, в 9 золотниках или 1 лане было около 38, 34 гр. РГАДА. Ф.1142. Ед. хр. 98. ЛЛ.85-93.
- ⁶¹ Перечисляемые товары: китайка тюневая или тюмовая, даба – сорта хлопчатобумажной ткани; бахча – коробка чая. РГАДА. СП. Кн. 1391. ЛЛ.25об-26об.
- ⁶² Там же. Кн. 1258. Л.30.
- ⁶³ Там же. ЛЛ.222-223об, 265-265об.
- ⁶⁴ Там же. Кн. 1258. Л.12.; Кн. 1391. ЛЛ.232, 233, 236-236об.
- ⁶⁵ Кн. 1391. ЛЛ.231об-236об.

-
- ⁶⁶ Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 177. Л.33.
⁶⁷ РГАДА. Ф.1142. Ед. хр. 98. ЛЛ.88-89.
⁶⁸ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.120-122об. Суммы товаров подсчитаны нами.
⁶⁹ Там же. Кн. 1063. Л.188.
⁷⁰ Там же. Кн. 1063. Л.208.
⁷¹ Там же. Л.220.
⁷² Там же. Кн. 1258. ЛЛ.122об-123.
⁷³ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.222-223.
⁷⁴ Архив СПбИИ. Ф.96. Ед.хр. 177. ЛЛ.2-36.
⁷⁵ РГАДА. СП. Кн. 1391. ЛЛ.234, 234об.
⁷⁶ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.265, 265об.
⁷⁷ Архив СПбИИ. Ф.96. Ед.хр. 177. ЛЛ.2-36.; РГАДА. СП. Кн. 1391. ЛЛ.249об, 250об.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ РГАДА. СП. Кн. 1258. ЛЛ.73-74об. Оценка товаров, с которых десятая бралась «натурой», подсчитана нами.
⁸⁰ РГАДА. СП. Кн. 1507. ЛЛ.90-90об.
⁸¹ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.216.
⁸² РГАДА. СП. Кн. 1258. ЛЛ.121об-122. Подсчет оценки товаров произведен нами.
⁸³ РГАДА. СП. Кн. 1073. Л.31; Кн. 1063. Л.240.
⁸⁴ Там же. Кн. 1228. ЛЛ.64, 64об.
⁸⁵ Там же. Кн. 1063. Л.190.
⁸⁶ Там же. ЛЛ.207, 216.
⁸⁷ Там же. Л.244.
⁸⁸ Там же. Кн. 1391. ЛЛ.249об-250; Архив СПбИИ. Колл.96. Ед.хр. 177. ЛЛ.2, 6, 35.
⁸⁹ Там же. Кн. 1063. ЛЛ.192, 209, 210, 223, 224.
⁹⁰ Там же. Стб. 1140. Л.227.
⁹¹ Там же. Ф.1142. Ед. хр. 23. Л.113; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири...С.332.
⁹² РГАДА. СП. Кн. 1063. ЛЛ.210, 224; Кн. 1073. Л.13.
⁹³ Там же. Кн. 1228. Л.6об.
⁹⁴ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.265, 265об.; *Александров В.А.* Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в....С.462.
⁹⁵ Архив СПбИИ. Ф.96. Ед.хр. 237. ЛЛ.1-2.
⁹⁶ РГАДА. СП. Кн. 1258. ЛЛ.253-254об. К сожалению, в таможенной книге, в которой был зарегистрирован караван Бокова, ввиду ее плохой сохранности, информация о товарах, вывезенных Яном Истопниковым, отсутствует.
⁹⁷ РГАДА. СП. Кн. 1388. Л.159.
⁹⁸ Там же. ЛЛ.180-185, 218об-219.
⁹⁹ Там же. Л.160.
¹⁰⁰ Там же. ЛЛ.161, 162.
¹⁰¹ Там же. ЛЛ.156об-163.
¹⁰² Там же. Кн. 1063. ЛЛ.214-277.
¹⁰³ Там же. Кн. 1507. ЛЛ.101-120об.
¹⁰⁴ *Александров В.А.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.216.
¹⁰⁵ РГАДА. СП. Кн. 1378. Л.26об.
¹⁰⁶ Архив СПбИИ. Колл. 168. Ед.хр. 291. ЛЛ.1-2об.

- ¹⁰⁷ РГАДА. СП. Кн. 1323. ЛЛ.11-11об.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф.1142. Ед. хр. 101. ЛЛ.370-372.
- ¹⁰⁹ Там же. ЛЛ.107-145.
- ¹¹⁰ Там же. Кн. 1474. ЛЛ.2-41об; Кн. 1591. ЛЛ.1-49; Там же. Ф.1142. Ед. хр. 101. ЛЛ.107-145.
- ¹¹¹ Там же. СП. Кн.1591. ЛЛ.1-49об.
- ¹¹² Там же. Ф.1142. Ед. хр. 101. ЛЛ.107-145.
- ¹¹³ Там же. СП. Кн.1474. ЛЛ.2-41об; Кн. 1591. ЛЛ.1-49об; Там же. Ф.1142. Ед. хр. 101. ЛЛ.107-145.
- ¹¹⁴ Там же. СП. Кн.1221. ЛЛ.105-147об.
- ¹¹⁵ Там же. Кн. 1258. ЛЛ.1-136.
- ¹¹⁶ Там же. ЛЛ.25об, 26, 45об.
- ¹¹⁷ Там же. Л.10об.
- ¹¹⁸ Архив СПбИИ. Колл. 96. Ед.хр. 177. Л.36.
- ¹¹⁹ РГАДА. СП. Кн. 1507. ЛЛ.97, 98об, 100.
- ¹²⁰ Там же. Кн. 1591. ЛЛ.12, 12об.
- ¹²¹ Там же. Ф.1142. Ед. хр. 101. Л.27.
- ¹²² Там же. СП. Кн.1547. ЛЛ.1-16об.
- ¹²³ *Александров В.А.* Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в....С.463; *Он же.* Россия на Дальневосточных рубежах...С.238.
- ¹²⁴ РГАДА. СП. Кн. 1258. ЛЛ.27об-29.
- ¹²⁵ Там же. Кн. 1391. Л.25.
- ¹²⁶ Там же. Кн. 1063. Л.224; Кн. 1073. ЛЛ.13-13об.
- ¹²⁷ Архив СПбИИ. Колл. 96. Ед.хр. 237. ЛЛ.1-2.
- ¹²⁸ РГАДА. СП. Кн. 1063. Л.244; Кн. 1073. Л.15.
- ¹²⁹ Там же. Кн. 1073. ЛЛ.24, 31.
- ¹³⁰ Там же. Кн. 1228. ЛЛ.33, 64-64об., 98об, 115, 119, 119об.
- ¹³¹ Там же. Кн. 1073. ЛЛ.13-31.
- ¹³² Там же. Кн. 1228. ЛЛ.1-123.
- ¹³³ Там же. Кн. 1063. ЛЛ.214-262.
- ¹³⁴ Там же. Кн. 1221. ЛЛ.105-147об; Кн. 1222. ЛЛ.110-204; Кн. 1258. ЛЛ.1-136; Кн. 1391. ЛЛ.1-254об; Кн. 1546. ЛЛ.1-16об; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири...Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1972.....С.338
- ¹³⁵ РГАДА. СП. Кн. 1228. ЛЛ.1-123.
- ¹³⁶ Не учтен удинский «отпускной половины стрелец», который вез товары, принадлежавшие торговому человеку.
- ¹³⁷ РГАДА. СП. Кн. 1596. ЛЛ.27-27об.
- ¹³⁸ *Кафенгауз Б.Б.* География внутренней торговли и экономическая спецификация районов России в 20-х годах XVIII века//Вопросы географии. Историческая география СССР. М., 1950. С.192. *Он же.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен) М., 1958. С.198.
- ¹³⁹ Архив СПбИИ. Колл. 168. Ед.хр. 210. Л.1; Ед.хр. 294. ЛЛ.1,2об.
- ¹⁴⁰ *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в... С.199.
- ¹⁴¹ РГАДА. Ф.1142. Ед. хр. 101. ЛЛ.26об-27об.
- ¹⁴² Там же. СП. Кн.1328. ЛЛ.600-600об.
- ¹⁴³ РГАДА. Ф.1142. Ед. хр. 101. ЛЛ.24-25об.

¹⁴⁴ *Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае//Научные труды. Т.III. Ч.I. М., 1955. С.226-251.; *Александров В.А.* Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в....С.148-150.

¹⁴⁵ *Александров В.А.* Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в....С.440.

¹⁴⁶ *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. Глава X. Статья 266. С.155-156.

¹⁴⁷ РГАДА. СП. Кн. 1328. Л.311; Ф.1142. Ед. хр. 84. ЛЛ.1-13; Ед. хр. 93. ЛЛ.12,25-27.; Ед. хр. 98. ЛЛ.35-39, 74-82, 85-93, 102-106, 112, 153-158; Архив СПбИИ. Ф. 96. Ед.хр. 126. Л.25.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф.1142. Ед. хр. 98. ЛЛ.81, 85-93.

¹⁴⁹ Там же. Ед. хр. 84. ЛЛ.1-13.

¹⁵⁰ Там же. Ед. хр. 98. ЛЛ.102-106.

¹⁵¹ Там же. Ед. хр. 98. ЛЛ.74-76.

¹⁵² Там же. ЛЛ.35-39; Ед. хр. 93. Л.12; Там же. СП. Кн.1316. Л.754.

¹⁵³ Там же. Ф.1121. Ед. хр. 3. Л.184.

¹⁵⁴ Там же. СП. Кн.1388. ЛЛ.614, 615.

¹⁵⁵ Архив СПбИИ. Ф. 96. Ед.хр. 217. Л.2.

Итоги исследования

¹ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири... С.72-73; История казачества Азиатской России XVI— первая половина XIX века. Екатеринбург. Том первый. 1995. С.87.

² *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков. 1889. С. 249.; *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита. Т. 1 . (Приложение) С.26.

³ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири... С.138-141; *Он же.* К вопросу о социальной природе приборного войска // История СССР. 1990. №2. С. 54-55.

⁴ *Леонтьева Г.А.* Место поступления от торговли в бюджете Тобольского разряда в XVII в.// Торговля городов Сибири конца XVII – начала XX в. Сб. научных статей. Новосибирск, 1987. *Она же.* Ведомости и сметы как источник для характеристики бюджета Сибири и Сибирского приказа на рубеже XVII - XVIII вв. // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода, Омск, 1990. *Она же.* Денежный бюджет Сибири и место в его составе поступлений от торговли в конце XVII – начале XVIII вв. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990.

⁵ *Абрамов Н.А.* О сибирских дворянах и детях боярских. // Этнографический сборник. Вып. 5, 1862. *Головачев П.М.* Сибирь в Екатерининской комиссии. Эюд по истории Сибири XVIII в. М, 1889.

⁶ История казачества Азиатской России.... Том первый. С.88.

¹ Первые попытки внедрения в Сибирь полков «нового строя» - солдатских (пеших) и рейтарских (конных) относятся к 1660-м гг. Их разместили по деревням Тобольского, Тюменского, Тарского уездов. В 1667 г. вместо солдатских и рейтарских частей учредили «полки драгунского строя». В дальнейшем из-за отсутствия необходимых экономических условий, полк был расформирован. (История казачества Азиатской России. XVI – первая половина XIX вв. Том первый. Екатеринбург., 1995. С.63.; Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. Новосибирск. 2008).

² РГАДА. Ф 199. Портфели Г.Ф. Миллера. Ед. хр. 481, ч. II, ЛЛ. 64-67 об; ч. VII. ЛЛ. 8-8об, 10, 18об, 19, 67об; Ед.хр. 501, №1. ЛЛ. 40-41.

³ Самбуева Л.В. Эвенкское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 1999. С.15. Высотина Е.А. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Улан-Уде. 2007.

⁴ Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Новосибирск. 1989. С.9-10. *Он же*. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994. С 101.

⁵ Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Новосибирск. 1987. С.10-11.

⁶ Ивонин А.Р. Там же. С.10.; Зуев А.С. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.9-10.

⁷ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн.1. 1585-1742 гг. СПб, 1886. С.180-181, 273.

⁸ Недбай Ю.Г. Казачество Западной Сибири в первой четверти XVIII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII — XX вв. Екатеринбург, 1993.С.61.; *Он же*. Участие казаков Западной Сибири в формировании русской армии (первая четверть XVIII в.) // Казачество на государственной службе. Екатеринбург, 1993. С.25.

⁹ Недбай Ю.Г. Сибирское казачье войско 1725-1861 гг. Автореферат дисс. доктора ист. наук. Омск, 1999. С.35-36.; Зуев А.С. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.9-10.; Самбуева Л.В. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.10; Высотина Е.А. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.10.

¹⁰ Мальцев А.И. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX вв. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб, 2008. С.22.; История казачества Азиатской России. Том первый. С.91

¹¹ Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска 1725-1861 гг.. Кн. первая. Омск., 2001, С.75.

¹² Зуев А.С. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.11. Ивонин А.Р. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.10.

¹³ Зуев А.С. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.17.

¹⁴ Громыко М.М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма) М, 1973. С.359-362.

¹⁵ История казачества Азиатской России...Том первый. С. 73-75.; Недбай Ю.Г. Автореферат дисс. доктора ист. наук. С.46.; *Он же*. История Сибирского казачьего войска... Кн. первая. С.138-176; Кн. вторая. С. 253-272. и др.

¹⁶ Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска...Кн. первая. С.141.

¹⁷ Там же. С.141.

¹⁸ Полное собрание Российских законов -1. Т. 38.

¹⁹ *Ивонин А.Р.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.18.

²⁰ *Зуев А.С.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.13; *Он же.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск., 1994. С 100, 175.

²¹ *Ивонин А.Р.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.14; *Огурцов А.Ю.* Штатная реформа 1736-1737 гг. и служилые казаки Западной Сибири // Казаки Урала и Сибири в XVII – XX вв. Екатеринбург, 1993.

²² *Ивонин А.Р.* Там же. С.15; *Зуев А.С.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.14; *Он же.* Русское казачество Забайкалья... С. 102.

²³ *Леонтьева Г.А., Кобрин В.Б., Шорин П.А.* Вспомогательные исторические дисциплины. Учебник для вузов. Раздел «Метрология». М., 2000.

²⁴ *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья... С. 102-103.

²⁵ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. первая. С.181, 186;

²⁶ История казачества Азиатской России....Том первый. С. 116.;

²⁷ *Зуев А.С.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.14.; *Он же.* Русское казачество Забайкалья... С. 107, 108.

²⁸ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. первая. С.181, 186; *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья... С. 103.

²⁹ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. первая. С.190-191.

³⁰ В 1822 г. выплата «половинного провианта» детям городских казаков была отменена, но в 1837 г. – вновь восстановлена. (*Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья... С. 107, 108.).

³¹ История казачества Азиатской России... Том первый. С. 116-117.;

³² *Огурцов А.Ю.* Штатная реформа 1736-1737 гг.... С.77.

³³ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. первая. С.163-164.

³⁴ *Ивонин А.Р.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.10.

³⁵ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. первая. С.74-75.; По словам Г.Ф. Миллера, Якутский полк – часть регулярных войск, созданных в 30-х годах на территории Восточной Сибири «из тамошних дворян, из казаков и их детей» (РГАДА. Ф. 199. (Портфели Г.Ф. Миллера). Ед. хр. 501., № 1. ЛЛ.40-41.).

³⁶ История казачества Азиатской России во второй половине XIX — начале XX вв. Екатеринбург. Том второй. 1995. С. 17.

³⁷ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. вторая. С.275, 286-303.

³⁸ Уссурийское войско. История и современность. Владивосток. 1999. С.9-11.

³⁹ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. вторая. С.278.

⁴⁰ *Хороших П.* Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб, 1881, С.48.

⁴¹ История казачества Азиатской России.... Том второй. С. 16.

⁴² Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий (Нерчинск, Селенгинск, Якутск) М., 1886. С 41.; *Васильев А.П.* Забайкальские казаки... С.228.

⁴³ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. вторая. С.279-283.

⁴⁴ Там же. С 283, 286.

⁴⁵ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. первая. С.157.

⁴⁶ История казачества Азиатской России... Том второй. С. 101.

⁴⁷ История казачества Азиатской России... Том первый. С. 54,55.

⁴⁸ Там же. С 106.

⁴⁹ Зуев А.С. Эволюция чиновной иерархии у русских казаков Забайкалья (XVIII – первая половина XIX вв.) // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск. 1990. С. 52-53; Зуев А.С. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.10; История казачества Азиатской России... Том первый. С. 51-55.

⁵⁰ Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска... Кн. вторая. С.376.

⁵¹ Зуев А.С. Эволюция чиновной иерархии... С.52-53.

⁵² ПСЗ- I. Том 37, №29131.

⁵³ История казачества Азиатской России... Том первый. С. 54,55

⁵⁴ Недбай Ю.Г. Автореферат дисс. докт. ист. наук. С.41.

⁵⁵ История казачества Азиатской России... Том первый. С. 100.

⁵⁶ Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска... Кн. вторая. С.370, 371; История казачества Азиатской России... Том первый. С. 80,81.

⁵⁷ История казачества Азиатской России... Том первый. С. 80.

⁵⁸ Там же. С 81.

⁵⁹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С.54.

⁶⁰ Ивонин А.Р. Самоуправление казачьих городских команд Западной Сибири XVIII — первой четверти XIX вв.// Казаки Урала и Сибири в XVII — XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 88-95; Кодан С.В. Устав о сибирских городских казаках. 1822 // Казаки Урала и Сибири...С. 104; История казачества Азиатской России... Том первый. С. 105-106.

⁶¹ История казачества Азиатской России... Том первый. С. 183-184.

⁶² Там же. С. 184.

⁶³ Недбай Ю.Г. Автореферат дисс. докт. ист. наук. С.40.

⁶⁴ История казачества Азиатской России... Том первый. С. 52.

⁶⁵ Этот вариант не исключал точечного расположения земель, занимаемых казачьими станицами, например, в 1740-х гг. в Казахской степи или в 1760-1770-х гг. в ряде мест, отводимых в Восточной Сибири городovým, станичным, инородческим казакам (История казачества Азиатской России... Том первый. С. 56.).

⁶⁶ Там же. С. 190, 191.

⁶⁷ Там же. С. 192.

⁶⁸ Там же. С. 190.

⁶⁹ ПСЗ. Том 44, № 46996.

⁷⁰ История казачества Азиатской России... Том второй. С. 101.

⁷¹ Там же. С. 32.

⁷² Зуев А.С. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.15, 16.

⁷³ Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска... Кн. вторая. С.393; Ивонин А.Р. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.16; Зуев А.С. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.15; История казачества Азиатской России... Том первый. С. 173.

⁷⁴ Зуев А.С. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.16.

⁷⁵ Ивонин А.Р. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.17.

⁷⁶ История казачества Азиатской России... Том первый. С. 177.

⁷⁷ Столетие Военного министерства. 1802-1902. СПб, Т. II., С. 328; *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита. Т.1 (Приложение) С.26. История казачества Азиатской России.... Том первый. С.93.

⁷⁸ *Петров В.И.* Социально-экономическое положение сибирского казачества в XVIII — первой половине XIX в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1963.

⁷⁹ *Топчий А.Т.* Политические реформы и миграция казачьего населения // Казачество на государственной службе. Екатеринбург, 1993.

⁸⁰ *Ивонин А.Р.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. Новосибирск. 1987. С.14,18.

⁸¹ *Зуев А.С.* Автореферат дисс. канд. ист. наук. С.3, 11; *Он же.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994. С 176.

⁸² История казачества Азиатской России... Том первый. С. 93, 276; Том второй... С.5.

⁸³ *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска... Кн. вторая. С.378.

⁸⁴ *Недбай Ю.Г.* Автореферат дисс. докт. ист. наук. С.27; *Он же.* История Сибирского казачьего войска. Кн. вторая. С.379.

⁸⁵ *Он же.* Автореферат дисс. докт. ист. наук. С.42, 45, 48.

⁸⁶ *Он же.* История Сибирского казачьего войска... Кн. вторая. С.396.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава I. Формирование служилого населения Нерчинского и Иркутского уездов во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв.....	27
1. Формирование военно-служилого населения Нерчинского уезда до середины 80-х гг. XVII в.....	30
2. Формирование военно-служилого населения Иркутского уезда до середины 80-х гг. XVII в.....	42
3. Формирование служилого населения Нерчинского и Иркутского уездов во второй половине 80-х гг. XVII – первой четверти XVIII вв.....	47
Глава II. Чиновный состав, военная организация, вооружение. Обязанности служилых людей.....	59
Глава III. Государственное обеспечение служилых людей.....	81
1. Виды и оклады жалования.....	81
2. Денежное снабжение служилых людей Нерчинского и Иркутского уездов.....	86
3. Снабжение служилых людей Иркутского уезда хлебом.....	95
4. Снабжение хлебом служилых людей Нерчинского уезда.....	101
5. Выплата соляного жалования служилым людям Иркутского и Нерчинского уездов.....	110
Глава IV. Сельскохозяйственные занятия служилых людей.....	112
1. Правительственная политика в отношении наделения служилых людей землей.....	112
2. Переход иркутских и нерчинских служилых людей на службу с пашни и их роль в сельскохозяйственном освоении уездов.....	124
3. Земледельческое хозяйство служилых людей.....	134
4. Рабочая сила в хозяйстве служилых людей.....	145
Глава V. Занятия служилых людей ремеслами и промыслами.....	153
Глава VI. Участие служилых людей Нерчинского и Иркутского уездов во внутренней и внешней торговле.....	189
Итоги исследования	227
Post Scriptum. К постановке вопроса о влиянии служилых людей «старых служб» на судьбы казачества Сибири и его становление как сословия.....	238
Примечания.....	277
Приложение.....	320

Монография

Леонтьева Галина Александровна

**СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ**

XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

(по материалам Иркутского и Нерчинского уездов)

В оформлении обложки использован герб Сибири из сочинения «Большая государственная книга, или Корень российских государей» (сокращенно «Титулярник»), 1672 г.

Подписано в печать 14.03.2012 г.
Бумага офсетная. Формат 60х90/16.
Печ.л. 20,125.

Отпечатано в типографии МГУ
119991, ГСП-1, г. Москва,
Ленинские Горы, д.1, стр.15.
Заказ № 0071. Тираж 500 экз.